

МЕЧ ТЕНЕЙ

Карин Рита Гастрейх

Лесная ведьма Эолин возвращается домой после войны. Она начинает трудиться, чтобы восстановить женскую магию. Связанные любовью и мастерством, женщины маленького ковена Эолин идут по хрупкому пути к новой силе. Их гармония живет не долго.

Из-за гор Парамен жестокая империя выпускает демонов, древних существ с жадной магии. Когда демоны пробираются на родину Эолин, они нападают на ее ковен. Лишь несколько сестер по магии сбегают.

Они держатся за одну надежду: магический меч, Кел'Бару. Если Эолин сможет доставить оружие королю-магу, может, у них будет шанс против демонов. Но когда-то Эолин любила короля-мага, и путь в его двор опасен.

Эолин спешит спасти свой народ, отправляется в опасный путь по захваченной территории. Сможет ли она найти короля-мага и победить демонов в своем сердце?

Перевод: Kuromiya Ren

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кел'Бару

Акмаэль обнажил Кел'Бару, позволив длинному серебряному клинку отразить ярко-красное сияние восходящего солнца. Ветер наполнял скалы и расщелины темным шепотом тревожных снов. Далеко внизу река Тарба с ревом протекала через узкий каньон, вдоль которого был проложен перевал Эрунден, ухабистая дорога, опасно виляющая по крутым спускам, подходящая для мулов, но совершенно неудобная для его королевской процессии.

— Мой король, — сэр Дростан подошел и остановился на почтительном расстоянии. — Наши приготовления завершены. Мы отправляемся по вашему приказу.

Акмаэль кивнул. Несмотря на массивное телосложение, у Дростана уже был заметен возраст в морщинах вокруг глаз. Седина была в его рыжей бороде.

— Что ты знаешь об этом месте? — спросил Акмаэль. — Людях, которые его построили?

Они разбили лагерь среди фундамента старой крепости. Густые заросли ежевики задушили пересекающиеся каменные тропы. Единственная башня круто наклонялась к ущелью внизу, камень ее арочного дверного проема был ослаблен трещиной в сердце.

— Судя по мастерству, я бы сказал, что башня была построена первыми королями Вортингена, возможно, во время завоевания Моэна, — сказал Дростан. — Или даже раньше, в великих битвах с Народом Грома. Какова бы ни была ее история, она давно забыта.

Порывы ветра усилились, и Кел'Бару ответил необычным гулом, ярким тоном, наслоившимся на его типично скорбную интонацию.

Эолин, — бормотал он. — Эолин, Эолин, Эолин.

Дростан приподнял бровь.

— Кажется, меч знает свою судьбу.

Акмаэль нахмурился и покачал головой. В течение многих лет он безуспешно пытался разгадать песню Кел'Бару. Он никогда не сталкивался с таким оружием, с мечом, которого не мог понять.

— Даже маг не может заглянуть в будущее. Как тогда может оружие? Нет, я не верю, что Кел'Бару подозревает, куда мы направляемся. Он только повторяет имя Эолин, как и с того момента, как они были разлучены.

«Как эхо моего сердца».

— Мага Эолин не захочет этот меч, — тихо сказал Дростан.

— Это было оружие ее брата.

— Потому и не захочет.

— Это единственный меч, который когда-либо говорил с ней, — сказал Акмаэль. — Он принадлежит Эолин, хотя я давно пытался убедить его в обратном.

— Мага Эолин не заинтересована в орудиях смерти. Даже если бы была, это галийский меч, наполненный странным волшебством. Такому оружию нет места в наших традициях. Они непредсказуемы. Подозрительны. Если оставить его с магой, это может привести к неизвестным опасностям.

Акмаэль вложил оружие в ножны. Он долго обдумывал этот вопрос и не собирался переубеждать.

— Этот меч — ее наследство. Что с этим делать, будет ее решением.

Они спустились по склону к толпе леди в мантиях, рыцарей в доспехах и внимательных слуг. Знамена Вортингена развевались над головой, серебряные драконы танцевали на фоне пурпурной ночи. Среди них ждала королева Тэсара, бледная и стройная, как летняя лилия. Она приветствовала Акмаэля милостивой улыбкой и глубоким реверансом. Вместе они сели на лошадей и погнали процессию вперед, спускаясь с Хребта Фаэлона на высокие, продуваемые ветрами равнины Моэна.

Три дня они ехали по неровным ландшафтам. Деревни были просто скоплениями земляных домов, люди были скромны в одежде и внешности. Возделанные поля казались беспорядочно разбросанными по холмистой местности. Пшеница и чечевица росли среди разбросанных саженцев, словно в постоянной борьбе с постоянно наступающим лесом. Олени паслись среди овец. Свиньи и куры перебегали дорогу, крича и визжа. Собаки набрасывались на лошадей. Босоногие дети смотрели широко раскрытыми глазами на членов королевской семьи.

Тэсара сморщила нос.

— Это неухоженное место. Дикое и очень неприветливое.

Ее неудовольствие отвлекло Акмаэля от мыслей, которые снова обратились к Эолин.

— В этом есть определенная красота, — Акмаэль ответил скорее из вежливости, чем из реального желания вовлечь Тэсару в разговор. — Необузданный дух, напоминающий Восточный Селен.

— Все потрепанное, — ответила она. — И грязное.

Он посмотрел на свою юную королеву, ее маленький подбородок был высоко поднят, ее пшеничные волосы были убраны под тонкой вуалью и украшенной драгоценностями шапочкой.

Заметив его взгляд, Тэсара тонко улыбнулась Акмаэлю.

Он ничего не сказал и отвернулся.

Наконец, показался город Моэн, низко пригнувшийся над мрачными холмами. С крепостных валов зазвучали рога, и трубы Акмаэля ответили тем же.

У ворот собралась толпа, простолюдины свободно смешивались со знатью. Дети бросали полевые цветы. Крестьяне пели и водили хороводы. Прием был душевным, хотя и импровизированным. Когда Акмаэль и его свита приблизились к полуразрушенным башням, лорд Фелтон, дородный старик с седой бородой, отделился от толпы.

— Хвала богам! — закричал Фелтон, опираясь на прочную трость. — Наш король

прибыл! Да здравствует король! Да здравствует король Акмаэль!

Люди повторили призыв Фелтона, и Акмаэль спешил, чтобы поприветствовать их. Фелтон сердечно обнял короля, не в силах сдержать волнение. Прошли поколения с тех пор, как король Мойсехена посещал скромную провинцию Моэна.

Глава подозвал свою семью и представил их Акмаэлю одну за другой. По мере того как список родственников Фелтона удлинялся за счет племянниц, племянников и внуков, Акмаэль отвлекся на движение в толпе, похожее на полосу света, проскальзывающую сквозь полог леса.

Эолин.

Его сердце подпрыгнуло, когда она появилась в поле зрения.

Мага мало изменилась за те годы, что они не виделись. Темно-рыжие кудри ниспадали ей на плечи, освежая демонстрацию чувственности среди стольких головных уборов и вуалей. Ее бордовое платье подчеркивало изящный изгиб ее груди; пояс, расшитый изумрудными листьями, украшал ее талию. Она держала посох из полированного дуба и хрустала. Улыбка засияла в ее темных глазах, когда они встретились с его, открытое выражение радости и дружбы.

— Мой король, — королева Тэсара коснулась его локтя, ее голос слегка дрожал.

Акмаэль повернулся, словно очнувшись ото сна.

Несмотря на царственную осанку Тэсары, усталость от их путешествия отражалась в ее застывших плечах и осунувшемся лице. Она сделала знак своей фрейлине Соне, которая вынесла принцессу Элиасару. Королева взяла румяного младенца, и Акмаэль показал их лорду Фелтону и его семье.

Пока они шумели из-за красоты и здоровья Элиасары, Акмаэль еще раз украдкой взглянул на Эолин, но мага уже исчезла. К разочарованию Акмаэля, она не подошла к столу Фелтона на ужин. Он хотел спросить о ней, но решил, что лучше промолчать.

«Я ждал три долгих года, чтобы увидеть ее снова. Я могу подождать еще одну ночь».

* * *

— Они идут! — Гемена ворвалась в кухонную дверь с растрепанными пепельно-каштановыми волосами и возбужденными глазами.

Рената крепко схватила девушку за руку, на ее лице с крючковатым носом отразилась свирепая хмурость.

— Ребенок! Разве ты не можешь выглядеть прилично хотя бы один час в этот день?

Гемена поморщилась, когда Рената вытащила ее локоны из потрепанных косичек и начала расчесывать колтуны.

— Я видела их, — сказала девушка. — Двадцать пять всадников под королевским знаменем. Сэр Бортен заставил меня пересчитать их всех!

Деятельность вокруг очага прекратилась. Все с надеждой посмотрели на Эолин.

У маги перехватило дыхание. Подготовка к этому моменту была безжалостной, постоянный поток работы от рассвета до заката. Мышцы болели, мысли были напряжены. Тупая боль поселилась между ее бровями и внутри ее сердца.

«Если бы у меня было немного больше времени».

Она отбросила эту мысль и вытерла руки о фартук.

— Очень хорошо. На данный момент мы закончили.

Ученицы Эолин выскочили, хихикая и волнуясь. Мага Рената ушла за ними с резкими упреками и призывами к порядку. Адиана остановилась в дверях, наблюдая, как они уходят,

заплетая свои льняные волосы в свободный узел.

— Ты готова к этому? — артистка из Селкинсен устремила на Эолин свои ясные голубые глаза.

Эолин выдавила из себя улыбку, освежая лицо прохладной водой.

— Настолько, насколько я могу быть.

Они поспешили присоединиться к Ренате и девушкам у молодой ели в центре Экелара. Рядом собрались сэр Бортен и стража. Как только они закончили собираться, Король-Маг въехал в открытые ворота, королевская гвардия выстроилась вокруг него. Эолин узнала сэра Дростана, его осанка все еще была внушительна, несмотря на его возраст. Их сопровождал лорд Фелтон, пухлое лицо над густой седой бородой раскраснелось.

Эолин успокоила пульс и шагнула вперед. Она прокручивала в голове слова приветствия, надеясь, что требования протокола скроют суматоху, которую она чувствовала внутри.

Акмаэль спешился и направился к ней, резко остановившись на расстоянии вытянутой руки.

Слабая дрожь сотрясла сердце Эолин, словно кристалл за миг до того, как разбиться. Все, что она запланировала, прием, представление, официальные приветствия для всех его людей, ускользнуло от его темного взгляда.

Она смущенно отвела взгляд.

— Мой король.

Акмаэль ничего не ответил.

Он мало изменился за последние несколько лет. Аккуратно подстриженная бородка подчеркивала квадратный подбородок. Ветер развевал его черные волосы, вызывая образы Южного леса: песню реки, шепот деревьев, жар солнца, восходящего над хребтом Рыси. Его аромат камня и вневременной магии наполнил Эолин ностальгией, и на кратчайшее мгновение она увидела в нем мальчика, которого когда-то знала, того, кто играл у реки во времена, когда невинность и магия были единственным, что имело значение.

Каменное выражение лица Акмаэля смягчилось.

Эолин подняла руку, чтобы коснуться его щеки.

— Где королева? — Гемена втиснулась между ними, разрушив момент. Она сунула Акмаэлю в лицо букет полевых цветов. — Я должна была отдать это ей. Где она?

— Гемена, тише! — Эолин отдернула ребенка, расстроенная не столько дерзостью Гемены, сколько тем, что сама не заметила отсутствия Тэсары. — Нельзя так обращаться к королю.

— Но где она?

— Нашей королеве нездоровится, леди Гемена, — Акмаэль встал на колени, чтобы поговорить с девочкой. — Но ты можешь доверить мне подарок, который для нее приготовила.

Гемена оценила его настороженным взглядом, на ее лице появилось хмурое выражение.

— Я не леди.

— Гемена! — возмутилась Эолин, но Акмаэль улыбался. Редко можно было видеть его улыбающимся, по крайней мере, так было в прошлые времена.

— Тогда как мне тебя звать? — спросил Король-Маг. — Мага Гемена?

— Да, все верно! — выражение лица Гемены просветлело. — Но я не мага. Еще нет. Но я буду когда-нибудь. И гораздо лучше быть магой, чем дамой. Так говорит госпожа Адиана.

Она говорит, что маги великолепны, а дамы безкусны. Госпожа Адиана говорит, что когда-то Мага Эолин могла быть леди, но она отказалась, потому что знала лучше!

Ошеломленная непрошеным намеком на свое прошлое, Эолин посмотрела на Ренату, которая бросила яростный взгляд на Адиану, которая только закатила глаза и пожала плечами.

Акмаэль потерял свою улыбку.

Много лет назад, когда Эолин отказалась выйти за него замуж, ярость Акмаэля была невыносимой. Она надеялась, что к настоящему времени его гнев угас, решив, что это так, учитывая всю его поддержку ее шабаша. Но она не могла быть уверена, и это был не тот момент, когда она хотела узнать.

— У госпожи Адианы уникальный взгляд на прошлое, — сказал он. — Ну же, Мага Гемена. Расскажите нам, что вы приготовили для нашей королевы.

Это был ароматный букет, тщательно составленный для долгой жизни и плодородия. Девушка указала на каждую траву и объяснила ее свойства. Гвоздика, имбирь и летний чабер сделают ночи Тэсары страстными, ромашка и манжетка для сохранения красоты; можжевельник и розмарин, чтобы защитить детей. А в центре длинный стебель пурпурной каророзы, чтобы она могла скоро родить сына.

— Но теперь это не сработает, — проворчала Гемена, — потому что я должна была дать ей это, да еще и заклинаниям научить.

— Я прослежу, чтобы она получила подарок, — заверил ее Акмаэль, — и знала, как им пользоваться.

Король-Маг встал.

Эолин ответила на его выжидательную позу приглашением осмотреть территорию.

Рената и Адиана проводили девочек на кухню, а сэр Бортен сопровождал Эолин и короля.

Они шли через пышные сады и мимо скромных зданий. Эолин указала на библиотеку, гербарий, конюшни и помещение для стражи, построенное на противоположном конце Эжелара от того места, где спали женщины и девушки.

Подойдя к наполовину построенной стене, Акмаэль и Бортен завели продолжительный разговор о состоянии этого скромного укрепления. Стена была занозой в боку Эолин с того дня, как Акмаэль приказал ее построить. Действительно, она бесчисленное количество раз писала королю, убеждая его отказаться от своего приказа. Тем не менее, все ее возражения были проигнорированы, и теперь ее любимый ковен был заключен в камень.

«Дом маги должен быть открыт для ветра, иначе как она сможет почувствовать зов своих богов?»

Эолин подумала о том, чтобы еще раз привлечь Акмаэля к этому вопросу, попросить его лично. Но она хранила молчание, отступив на пару шагов, когда рыцарь и король погрузились в дискуссию, которую, как считали рыцари и короли, они должны были вести.

Невидимость успокаивала ее.

Она смотрела на холмы, искала утешения в высокой траве, отливавшей золотом и зеленью под ярким солнцем. На протяжении многих лет Эолин часто представляла Акмаэля, идущего с ней по этой местности. Не таким, каким он был сейчас, королем, привязанным к своей свите и своей короне, а таким, каким он мог бы быть, магом, свободным жить и практиковать магию, как ему заблагорассудится.

«Свободным любить меня».

Эолин прогнала эту мысль. Она увидела Гемену, выбежавшую из кухни, чтобы объявить, что их еда готова, и почувствовала благодарность за своевременное отвлечение.

Готовясь к визиту Короля-Мага, Эолин раздобыла оленину у охотников лорда Фелтона и заказала вино в Селкинсен. Несмотря на эту роскошь, мага почувствовала укол смущения, когда увидела разложенную еду. Это казалось жалким зрелищем по сравнению с роскошными пирами, которые она помнила из Королевского города. Если скудность еды и беспокоила Акмаэля, он не показывал этого, но ел от души и выражал признательность за мясо и вино, за овощи с огорода, приправленные травами из Южного леса, и за темный и ароматный хлеб Ренаты.

После еды ученицы Эолин встали перед королем, чтобы рассказать истории из истории Мойсехена, показать свое волшебство и ответить на его вопросы, касающиеся практики их ремесла. Это был лучший момент для Эолин. У нее были хорошо обученные и талантливые девочки, от Мариэль и Сирены в возрасте четырнадцати лет до Гемены, которой было всего девять лет.

К тому времени, как они закончили, солнце уже садилось на западе. Акмаэль встал и велел своим людям приготовить лошадей для возвращения в город. Затем он повернулся к Эолин и попросил поговорить наедине.

Адиана и девочки перестали убирать со столов и посмотрели на Эолин и короля. Чувство ожидания поселилось в комнате.

Эолин хотела отказаться, но какой у нее был выбор? Все, что меньше молчаливого согласия, будет считаться оскорблением.

Поэтому она кивнула и повела Акмаэля в свой кабинет.

Когда они вошли, Акмаэль остановился у книжных полок вдоль восточной стены. Он взял с места том и пролистал его страницы. Эолин направилась к другому концу комнаты, встала возле полированного дубового стола, который служил ей письменным столом.

— Они, должно быть, принадлежали твоей наставнице, Дуайен Гемене, — сказал Акмаэль, кивая на книги.

— Да, мой Король, — Эолин судорожно вдохнула и заставила руки оставаться неподвижными. — Она спасла их из библиотеки в Берлингене. Мне удалось привезти почти все ее книги из Южного леса.

Он поставил том на место.

— Коллекция не большая, но довольно ценная. Когда мы вернемся в Город, я пришлю дополнительные книги из королевской библиотеки в дополнение к этим работам.

— Благодарю вас, мой Король. Это очень щедро.

Акмаэль пожал плечами.

— У Экелара должна быть приличная библиотека.

Последовала тишина.

Эолин не знала, что сказать и куда смотреть. Было трудно оставаться с ним наедине вот так.

Раздражение промелькнуло на лице Акмаэля. Он подошел и встал перед ней.

— Хорошо выглядишь, Эолин, — сказал он.

Живот Эолин сдавило. Румянец выступил на ее щеках.

— Благодарю вас, мой Король. Я рада видеть, что вы и королева Тэсара в добром здравии. И ваша дочь, принцесса Элиасара... Вы точно счастливы с ними.

— Счастье — не прерогатива королей, — ответил он. — По крайней мере, так говорил

мой отец. Но да, Элиасара прекрасный и здоровый ребенок. Она будет доверена тебе, когда она подрастет.

Это заявление удивило Эолин.

— Мой Король?

— Я хочу, чтобы она научилась путям Эйтны и Карадока.

— Думаете...? — Эолин закусила губу. Никто не принимал учеников просто по воле родителей. Элиасаре придется доказать свои способности и характер. Даже если у нее были способности, решение взять ее было сложным. В Мойсехене все еще было много тех, кто не желал видеть, как Королевский Дом Вортинген владеет магией. — Королева ничего не знает о наших традициях, — сказала Эолин. — Она может не одобрить.

— Это не имеет значения. Моя воля состоит в том, чтобы Элиасара стала магой.

— Я понимаю, — Эолин нахмурилась. Как мнение Тэсары могло не иметь значения при принятии решений относительно их дочери?

В дверь постучали, зазвучал приглушенный баритон сэра Дростана. Акмаэль пригласил рыцаря войти.

Дростан пересек комнату и положил на стол длинный сверток, завернутый в хорошо промасленную кожу. Он сделал паузу и кашлянул, переводя взгляд с Эолин на Акмаэля, словно собираясь что-то сказать. Затем он просто поклонился и ушел.

Акмаэль снял кожаную обложку, обнажив меч. Рукоять была из слоновой кости, лезвие сияло серебристо-белым. У Эолин пересохло в горле, когда она узнала его.

— Кел'Бару, — выдохнула она. — Меч моего брата. Где вы его нашли?

— Он у меня со времен битвы при Эрундене.

— Все это время вы хранили его?

— Я надеялся назвать его своим. Это прекрасное оружие, а ты не любишь орудия войны. Но галийские волшебники наделили этот меч собственной волей. За последние три года он ничего не сделал, кроме как оплакивал тебя.

Эолин, — пела меч в тихом гуле металлов. — *Эолин, Эолин, Эолин.*

— Я хочу, чтобы ты научилась им пользоваться, — сказал Акмаэль.

Эолин решительно покачала головой.

— Нет.

— Я не буду с тобой об этом спорить.

— Прекрати! Перестань, Акмаэль. Почему ты это делаешь? — прошло мгновение, прежде чем Эолин осознала свой проступок. Она сдержала гнев и опустила взгляд. — Простите меня, мой король. Я не собиралась...

— Не извиняйся. Мне приятно слышать, как ты произносишь мое имя. Я бы хотел, чтобы ты говорила это чаще.

Эолин удалось улыбнуться, игнорируя намек, который она уловила за его словами.

— Я не хотела оскорбить, ставя под сомнение дар моего короля, но вы знаете мои чувства по этому поводу. Нам не нужны ни рыцари, ни стены, ни мечи. Это Экелар, а не военный аванпост.

— Это хрупкое сообщество магов, возвращающих семена великой силы. Вы не должны оставаться незащищенными.

— Мы пробовали это, давным-давно. Вы же знаете, у меня нет дара к оружию.

— Ты уже не та напуганная девушка, которой была тогда. У тебя есть сила, баланс и скорость. И у тебя есть меч, который тебя любит. Бортен может научить тебя, как им

пользоваться.

— Я видела, как дерутся мужчины. Я не надеялась...

— А нужно научиться! — Акмаэль ударил кулаком по столу и сердито указал на стражей снаружи. — Один из этих мужчин — тренированных с детства — один из них может убить тебя в мгновение ока. Но с этим мечом им может потребоваться не один миг, а два или три, а то и пятнадцать. И этого может быть достаточно, чтобы кто-то пришел на помощь.

— Я не без защиты. Я могу призывать почти все виды пламени, известные нашему народу. Я даже наложила проклятие Ахмад-Купт, хотя надеюсь, что больше никогда его не применю.

— Магии не всегда достаточно.

— Достаточно для меня.

— Проклятье, Эолин, не отказывай мне в этом!

Эолин в испуге отступила на шаг.

Король нахмурился и отвел взгляд. Он судорожно вдохнул и смягчил тон.

— Эолин, пожалуйста. Много лет назад ты решила, что так будет лучше. Ты здесь, со своей магией и своим Экеларом, а я остался один править своим королевством. Я уважал этот выбор, каким бы трудным он ни был для меня. Я возвращаюсь сюда сегодня не как король, а как друг, которым ты просила меня быть. И, может, если мне повезет, как мужчина, чью любовь ты еще помнишь. Если я не могу присутствовать в твоей жизни, если ты не позволишь мне любить тебя и защищать тебя лично, то прими хотя бы защиту этого меча. Меч твоего брата. Он принадлежит тебе.

Эолин почувствовала болезненный сдвиг в душе, лавина упущенных возможностей, обнажающая суровый ландшафт забытой надежды.

— Прости, Акмаэль, — сказала она, — но я не могу владеть этим мечом.

— Ради богов, почему нет?

— Потому что это оружие предало моего брата.

Вот. Она сказала это. Память об Эрундене объединилась вокруг них, пробивая стены ее сердца. Крики и разорванные тела. Выжженный воздух и окровавленная земля. Пустота Подземного мира засасывала их в забвение.

«Мы никогда не говорили об этом. Мы должны поговорить об этом сейчас».

— В то утро, когда мы выехали навстречу вашей армии, — сказала она, — проклятие Ахмад-мелана было обращено на моего брата.

— Это была работа Церемонда, — ответ Акмаэля был решительным, оборонительным. — Волшебник действовал без моего ведома и разрешения.

— Я знаю. Я полагаю, что всегда знала об этом, хотя мне отрадно слышать, что вы это говорите. В своем безумии мой брат пытался убить меня. Я сняла проклятие, но Кел'Бару не понял, что произошло. Галийский меч обиделся на Эрнана и больше не хотел его защищать. Я знала это, Акмаэль, и все же я...

Она запнулась. Прошло так много времени, но все, что она сделала и не сделала, по-прежнему тяготило ее душу, как камень.

— Я пыталась предупредить Эрнана, но он не слушал, и тогда я... я просто отпустила его. Я позволила моему брату выступить против тебя с этим оружием, зная, что оно его подведет. Иногда мне кажется, что я хотела...

Комната дрогнула. Чего она хотела? Чтобы Акмаэль жил? Чтобы Эрнан умер? И если

желание ее сердца вызвало гибель ее брата, разве это не подходящая судьба: остаться без того и другого в последующей жизни? Эрнан был украден смертью, Акмаэль — короной.

Эолин отвела взгляд, смаргивая слезы.

— Я должна была остановить его. Я должна была остановить всех, но я этого не сделала. Так их кровь слилась с полями Эрундена и с тех пор пачкает мои руки.

Акмаэль изучал ее, выражение его лица было мрачным и задумчивым. После продолжительного молчания он сказал:

— Все это время я думал, что ты винишь меня.

Эолин закрыла лицо. Твердый ком застрял у нее в горле.

— Да, Акмаэль. Я винула тебя больше, чем кого-либо. Я никогда не переставала злиться на тебя. На себя. На этих глупых воинов, которые не могли видеть сквозь собственную жажду крови...

«Чтобы найти другой путь».

Всхлип сорвался с ее губ. Эолин отошла, но Акмаэль протянул руку и обнял ее. В этот момент она осознала, что его отсутствие преследовало ее все эти годы, глубокая и постоянная боль, которую нельзя было вылечить, можно было только игнорировать.

— Ты не должна винить себя за то, что случилось, — сказал он, прижавшись губами к ее лбу. — Эрнан выбрал свою судьбу. Возможно, ты помнишь, что я предложил твоему брату перемирие, которое ты посоветовала ему принять. Он и тогда тебя не послушал. Это стоило ему жизни и жизней его людей. Не твое пренебрежение, не гнев Кел'Бару.

Слова Акмаэля принесли глубокое и необходимое утешение, но Эолин отошла, опасаясь слишком долго задерживаться в его объятиях.

Она вытерла слезы со щек и успокоила дыхание.

— Вы можете считать меня слабой от такой вспышки. Это просто мимолетная меланхолия, уверяю вас. Это были дни большого волнения. Боюсь, я стала жертвой многих воспоминаний.

Акмаэль коснулся подбородка Эолин и перевел ее взгляд на свои глаза.

— Надеюсь, приятных, не только тяжелых, — сказал он.

Слова вызвали новые слезы, но Эолин с теплой улыбкой заставила их сдержаться.

— Да, мой Король. Было много приятных воспоминаний.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Смерть Сан'иломана

Ришона села и прикрыла глаза от вечерних ламп. Тени преследовали ее после прерывистого сна, беспокойных снов Эрундена. Она видела своего брата Тамира, сожженного огнем, наблюдала, как оборотни роятся над опустошенным ландшафтом. Она слышала мучительный крик старого волшебника, пожираемого монстрами, огромными зверями с длинными светящимися конечностями и обсидиановыми когтями. Они прорыли туннель из-под земли, разрывали металл, кольчугу и плоть, прислушиваясь к каждой команде Ришоны, пока...

Она резко вдохнула и поднялась на ноги, пытаясь стереть это видение из своего сознания.

«Это ложный ропот, — уверяла она себя. — Не более чем мечты беспокойного сердца».

Тонкие шторы колыхались под теплым ветром, отделяя роскошные покои Ришоны от широкого балкона, с которого открывался вид на город внизу. Округлые крыши и высокие шпили покрывали сухие равнины, словно коралловое ложе, обнаженное отступающим

морем. Это был Эк-Налам, дом детства Ришоны и жемчужина Империи Сырнте. Масляные лампы стояли вдоль крыш, переулков и порогов, мерцающее бдение, в котором отражались звезды наверху, народное почтение последним дням Джотури-Нура, Сан'иломана из Сырнте.

— Моя леди, — Мерина появилась у входа в комнату. Золотисто-каштановые волосы служанки были аккуратно заплетены в косу, ниспадающую на бронзовые плечи. Она опустила глаза и скрестила руки. — Генерал Мехнес и его брат Паолус-Нур просят вас о встрече.

— Конечно, — сказала Ришона. — Проведи их внутрь.

Мерина отступила босиком.

Ришона заметила, что ее ладони были влажными. Она вымыла руки и освежила лицо водой из чаши. Как только она закончила вытирать кожу ароматным полотенцем, Мехнес и Паолус-Нур прошли к ней.

Сыновья Джотури-Нура от его второй жены, принцы Сырнте, были похожими. На смуглых лицах блестели серо-голубые глаза. Мехнес, более крепкий из них двоих, завоевал половину империи для Джотури-Нура на поле боя. Мастерство Паолуса заключалось в более тонких, но не менее жестоких политических играх и интригах.

Ришона поклонилась, встречая их.

— Лорды и дяди.

Паолус-Нур взял ее руки в свои.

— Тамара-Ришона, дочь моего отца и невестка моих братьев, это я пришел поклониться тебе.

Ришона подавила желание напрячься. В этот день каждый из сыновей Джотури-Нура обращался к ней по имени ее покойной матери. Каждый раз, когда ее называли Тамарой, ей это нравилось все меньше.

«Они заявляют о своей любви, хотя и радуются перспективе моей смерти».

— Это вы почтили меня своим присутствием, — сказала она.

Мехнес шагнул вперед, когда его брат отошел в сторону.

— Ты обрела красоту своей матери, — сказал Мехнес, поднося пальцы Ришоны к своим губам. — Тамара, принцесса Сырнте, дочь моей матери. Цветок и гордость нашего рода. Ты не подведешь ее завтра. Уверен, она встретит тебя в загробной жизни с гордостью и радостью.

«Он говорит это, чтобы умиловить шпионов Абартамора или насмехаться надо мной?»

Ришона почтительно опустила глаза.

— Для всех моих гостей в этот день есть вино и еда, — ее голос сорвался. Она ненавидела себя за это. Быстро вдохнув, она вскинула подбородок и встретилась взглядом с Мехнесом. — Пожалуйста, останься и вспомни вместе со мной жизнь, которой мы наслаждались как семья.

Братья переглянулись.

— Ты очень щедра, сестра-племянница, — сказал Паолус-Нур, — но я почтительно отказываюсь. Скоро начнется мое бдение с Джотури-Нуром. Я не стану разочаровывать своего отца.

— Я останусь, — сказал Мехнес. — Я провел время с Сан'иломаном и был бы очень рад провести последний вечер в компании моей племянницы.

Паолус ушел, и Мехнес приказал слугам уйти.

Как только они остались одни, Мехнес встал перед Ришоной, расставив ноги и положив руки на широкий пояс, на его лице читалось веселье, смешанное с оттенком презрения. Несмотря на преклонный возраст, Мехнес все еще был в расцвете сил, его красивое лицо не омрачали многочисленные шрамы. Ришона вспомнила, как он возвышался над ней в юности. Она уже не была такой маленькой, но его присутствие по-прежнему производило такое же внушительное впечатление.

Он подошел ближе и потрогал прядь ее волос.

— Ты готова к этому, племянница?

От него пахло кровью и пеплом. Жар в его глазах был очевиден. Ришона задавалась вопросом, осмелится ли он потребовать от нее этой ночи, когда плотские удовольствия были строго запрещены среди членов королевской семьи.

— Да, — сказала она. — Готова.

* * *

На следующее утро Мерина разбудила Ришону задолго до того, как солнце пролило свои золотые лучи на белый город. Охранники сопроводили принцессу Сырнте к фонтанам в восточном дворе. Там ее искупали в воде с ароматом лилий. Они натерли ее мышцы розовым маслом, ее кожа стала эластичной, гладкой. Затем они одели ее в простое платье из угольно-черного шелка и обули ее в рубиновые туфли. Яркие драгоценности вплели в ее волосы, сверкающая вуаль ниспадала на ее лицо и плечи.

«Как будто меня к свадьбе готовят», — не без горечи подумала она.

Ришона отказалась от еды и вина, которые ей предлагали. Пост ожидался и почитался перед жертвоприношением. Даже если бы это было не так, она не рисковала бы быть накачанной наркотиками или отравленной. Она предпочла встретить смерть в своем уме.

На закате двор Эк'Налама собрался в просторных покоях Сан'иломан. Занавеси из темного шелка свисали с мраморных колонн, а воздух пропитался тяжелым запахом ладана. Придворные, советники и дворяне из дальних провинций заняли свои места. Несколько человек вели тихую беседу.

Последними прибыли оставшиеся в живых сыновья Джотури-Нура, всего десять человек. Абартамор, старший из принцев, шел впереди них. Дородный мужчина с тяжелыми веками и подбородком, обвисшим вокруг полных губ, многие презирали его за лень и обжорство. За ним попарно вошли остальные братья и сестры. Принц Мехнес сопровождал Ришону, как он сделал бы это для своей сестры Тамары, если бы она дожила до этого дня.

На широкой кровати лежал Джотури-Нур, Сан'иломан из Сырнте. Худощавый старик с кожей цвета глины и серыми глазами, он лежал на объемных подушках, выкрашенных в насыщенные оттенки бордового и золотого. Его первая жена, Менара, сидела справа от него. Высокая и статная, она держала руки сложенными на коленях. Драгоценная вуаль покрывала ее тонкие белые волосы. Рядом с Менарой сидели Вторая и Третья жены, Ландра и Беулла. Рядом с Беуллой стояла на коленях девушка Наптари, чьи плечи дрожали под бледно-голубой вуалью. Двенадцатилетняя девственница была избрана присоединиться к Сан'иломан в этот день, чтобы Джотури-Нур мог насладиться ею в потустороннем мире.

Верховный жрец, человек в белом, с бритой головой и выступающими бровями, прошептал Джотури-Нуру на ухо. Джотури-Нур кивнул и поднял руку собранию. Все движения и ропот прекратились. Писарь, сидевший рядом, склонился над книгой и обмакнул перо в чернила.

— Я, Джотури-Нур, Сан'иломан из Сырнте, сын Махтарона-Феха и отец семнадцати

детей королевской крови, настоящим объявляя конец моего правления в этот последний день восьмидесятого года моей жизни, — голос старика разнесся по всему залу. — Я служил своему народу с пылом и преданностью. Я отдаю свой дух богам, которые приготовили для меня место в чертоге моих отцов.

Рыдание вырвалось из горла девственницы Наптари, но никто не обратил на нее внимания.

Джотури посмотрел на каждого из своих сыновей, от старшего до младшего, пока его взгляд не остановился на внучке Ришоне.

— Тамара, дочь моя, — сказал он. — Иди ко мне.

Желудок Ришоны сжался.

До этого момента она цеплялась за слабую и несбыточную надежду, что Джотури-Нур не сможет ее призвать. Старший сын, Абартамор, был человеком пустых амбиций, губительных для такой империи. Если бы Джотури-Нур назвал его вместо, Абартамор умер бы, потому что он не мог защитить свое право против кого-либо из своих братьев, и, несомненно, Мехнес или Паолус-Нур выступили бы вперед, чтобы...

Мехнес кашлянул.

Ришона взглянула на дядю, заметив в его глазах безжалостный приказ.

«Даже бесполезный сын стоит больше, чем дочь».

Она шагнула вперед, чтобы встать на колени рядом с дедушкой.

Сан'иломан взял ее за руку.

— Тамара, моя любимая. Ты была рождена в благородной крови и наделена добрым сердцем. В детстве ты была отрадой моего двора, его самой драгоценной жемчужиной. Я плакал в тот день, когда ты ушла от нас, чтобы последовать за своим чужеземным принцем в далекую страну, но я отпустил тебя и дал тебе щедрые подарки в надежде, что ты обретешь счастье. На долгом пути в Мойсехен убийцы обесчестили нашу семью и убили тебя, разрушив сладкую мечту твоей короткой жизни. Когда тебя принесли мне...

Голос Джотури-Нура дрогнул. Слезы застилали ему глаза.

— Когда мне принесли твое тело, любимая Тамара, я сам тебя обмыл. Я подготовил тебя к встрече с нашими богами, потому что никто другой не был достоин прикоснуться к тебе. Я долго молился, чтобы ты вернулась ко мне в час моей смерти и преклонила колени рядом со мной в лице дочери, как ты делаешь сейчас. Спасибо за радость, которую ты мне подарила, за твой бескорыстный и любящий дух и за то, что сопровождаешь меня в этот последний день моей жизни.

Джотури потянулся за ятаганом, который лежал рядом с ним. Он вытащил его из инкрустированных драгоценными камнями ножен и высоко поднял, чтобы все видели. Затем он опустил его перед Ришоной.

— Возьми мой клинок, Тамара, — старик положил ее руку на рукоять своего меча. — Управляй моим народом вместо меня.

Пот стекал по спине Ришоны. Она не видела позади себя Абартамора, но представляла, как его пухлое лицо дергается от триумфа. Ему, как старшему, теперь выпало оспаривать ее притязания, а какой борьбы он мог ожидать от женщины? Какая принцесса прольет кровь своего брата?

— Со мной твой народ в безопасности, отец, — сказала Ришона. — Они ни в чем не будут нуждаться, пока я жива.

Джотури-Нур удовлетворенно вдохнул и откинулся на подушки. Он кивнул жрецу,

который выступил вперед с чашей смерти. Сан'иломан сделал глубокий глоток и закрыл глаза, сделав долгий выдох, как будто все бремена жизни наконец-то пропали.

Затем чашу передали Менаре, которая подняла ее к умирающему мужу.

— Я была и всегда буду вашим самым верным слугой.

Менара выпила, и ее подвели к мужу, она легла и переплела свои пальцы с его. За ней последовали бабушка Ришоны, Ландра, и третья жена, Беулла. Женщины легли рядом, обняв друг друга за талию, пока нежный яд действовал.

Только юная Наптари сопротивлялась, с испуганным воплем отталкивая чашу и проливая эбонитовую жидкость на мраморный пол.

Стражи осторожно поймали ее, потому что последняя девственница Сан'иломана должна добраться до запредельного мира невредимой. Жрец достал из рукава пузырек и разбил его о ее губы. Тут же крики Наптари умолкли. Ее глаза закатились, и она обмякла. Они положили ее к ногам Джотури-Нура, свернув ее калачиком, как отдыхающего ребенка.

Несмотря на все это, Ришона оставалась рядом с дедом. Когда дыхание Джотури-Нура замедлилось, она сжала пальцами украшенную драгоценными камнями рукоять его широкого меча. Она поправила равновесие и наклонила лезвие, пытаясь увидеть огромную фигуру Абартамора за своей спиной.

Когда, наконец, Джотури-Нур замер, жрец кивнул принцам. Позади Ришоны раздались тяжелые шаги Абартамора, он медленно вытащил меч из ножен.

— Я, старший сын Джотури-Нура, оспариваю твои претензии, Тамара, — сказал он. — Повернись ко мне лицом, чтобы я мог отправить тебя за моим отцом в загробную жизнь.

Ришона развернулась, обхватив руками рукоять ятагана, и глубоко вонзила его в выступающий живот Абартамора. Принц вскрикнул, когда металл разорвал плоть. Кровь брызнула на мерцающее платье Ришоны. Абартамор выронил оружие и отшатнулся, широко распахнув глаза, губы возмущенно дрожали.

— Что ты наделала? — пробормотал он. — Моя племянница? Девушка? Это невозможно... не разрешено...

Он тяжело сел на пол и ошеломленно уставился на внутренности, вываливающиеся из его живота.

Ришона шагнула вперед и вонзила ятаган в его толстую шею. Несколькими яростными ударами она отрубила Абартамору голову. Сорвав вуаль, она направила меч на его братьев и спросила:

— Кто еще бросит мне вызов?

Несколько мгновений не было слышно ни звука, кроме бульканья крови Арбартамора, собирающейся вокруг атласных туфель Ришоны.

Паолус-Нур обнажил оружие, но Мехнес остановил его руку.

— Подожди, брат.

Паолус-Нур с удивлением уставился на Мехнеса, который не сводил пронизательного взгляда с их племянницы.

Ришона поставила свою жизнь на этот момент. Если она ложно доверилась Мехнесу, теперь она заплатит за это. Убить такого слюнвявого дурака, как Абартамор, было легко. Мехнес, с другой стороны, мог прикончить ее за считанные секунды.

— Это не беспрецедентный случай, — сказал генерал Сырнте.

Вздохи пронеслись по двору.

— Но мы не примем правление этой женщины! — Паолус возражал. — То, что она

сделала, оскорбляет нас и традиции наших отцов.

Другие сыновья Джотури-Нура переминались, перебирая рукояти своих мечей. Они обменялись испуганными взглядами, но ничего не сказали.

— Мелани-Наоми защитила свое право около пятисот лет назад, — возразил Мехнес. — А до нее была Шанури-Пах, во Время Огня. Абартамор хорошо знал нашу племянницу. С его стороны было глупо не предвидеть, что она будет защищать свои претензии.

Он повернулся ко двору и широко раскинул руки.

— Наш отец назвал своего наследника, и одного из наших братьев принесли в жертву. Право защищено. Я кладу свой меч перед Тамарой-Ришоной, Сан'иломан из Сырнте. Да хранят ее боги мудрой и свирепой.

Затем принц Мехнес, самый страшный и ненавистный полководец, которого когда-либо знал Сырнте, преклонил колени в почтении перед своей племянницей Ришоной.

Братья подавили смятение и один за другим последовали примеру. К изумлению Ришоны, весь двор встал на колени.

Триумф вспыхнул в ее сердце. Она подняла свой окровавленный меч и воскликнула:

— Я Тамара, также называемая Ришоной, наследница Джотури-Нура и принцесса дома Ландра. Я скрепила свои права кровью моего брата Абартамора. С этого дня вы должны знать, чтить и повиноваться мне как Сан'иломан из Сырнте.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Последствия

Эолин рано ушла отдыхать, оставив Адиану и Ренату смеяться с чашками, празднуя успех визита короля. Ночной воздух был прохладным, трава под босыми ногами успокаивала, была влажной. Страж поприветствовал ее, когда она шла в свою комнату. Она осведомилась о сэре Бортене, но рыцарь уже искал уединения и отдыха.

В течение нескольких недель Бортен подстрекал строителей от рассвета до заката, доводя стену до полуготового состояния, готовясь к прибытию короля. Непрекращающийся грохот камней и инструментов вызывал у Эолин постоянную головную боль, делая тишину этой ночи особенно приятной.

«Было бы неплохо провести несколько дней в тишине и покое».

Она остановилась перед комнатами своих учениц, прислушиваясь к тихому храпу Мариэль, пению сверчков и случайному шороху полевой мыши. Никаких других звуков до нее не донеслось, даже хихиканье Катарины и Таши. Девочки давно предались сну.

Эолин ожидала, что тоже быстро заснет, но она долго лежала без сна в постели, устроившись между чистыми льняными простынями и рассеянно водя пальцами по мягкому шерстяному одеялу.

Гроза, нараставшая на восточном склоне Южного Леса, разносила низкий грохот по холмам. Но здесь была ясная ночь, освещенная убывающей луной. Из сада доносился аромат шалфея, мяты и розмарина.

Эолин вздохнула, измученная, но полностью проснувшаяся. Она сменила позу, но сон продолжал ускользать от нее.

Несмотря ни на что, визит прошел хорошо. Она была благодарна за это. Акмаэль — король — выглядел довольным, когда осматривал территорию и разговаривал с ее ученицами. Воспоминание о ее вспышке все еще смущало ее, она плакала перед ним, как ребенок. Однако он был добр, и теперь ее стыд казался небольшой ценой за ощущение его рук вокруг нее, за теплоту его объятий.

Если бы только он не уехал после этого.

Если бы этот день никогда не заканчивался.

Откинув одеяло, Эолин встала и подошла к Кел'Бару, прислоненному к каменной стене рядом с ее кроватью. Оружие обладало способностью собирать в себя свет, даже когда оно было в ножнах, и оно светилось, как луна, спрятавшаяся за полупрозрачными облаками. Клинок издавал довольный гул, словно посреди какого-то приятного сна.

Эолин села на прохладный пол перед ним и притянула колени к груди, задаваясь вопросом, сможет ли она когда-нибудь приобрести навыки обращения с таким оружием. Она вспомнила кое-что из того, чему Акмаэль научил ее много лет назад, например, как держать рукоять. И было восемь углов, если она правильно помнила, под которыми можно было провести лезвием. Всякий раз, когда она замахивалась, ей приходилось думать о том, какая сторона осталась открытой, но у нее не было времени думать. Не в реальном бою.

Эолин разочарованно надула щеки и уперлась подбородком в скрещенные руки.

«Проклятье».

Почему Акмаэль настаивал на этой глупости? Он знал ее отвращение к оружию.

Но как могла она отказаться от его воли после всего, что он сделал для нее, после всего, что было прощено.

— Ты меня тоже прощаешь, Эрнан? — она заговорила вслух, будто у Кел'Бару мог быть ответ.

Ее брат уже должен был знать о ее любви к Королю-Магу. Душа все воспринимала через призму Загробной жизни. Эрнан увидит, что она обманывала его с самого начала, что она скрывала тайны своего детства и лгала о стремлениях своего сердца.

Но, наверняка, он также поймет, что лишил ее возможности довериться ему. Все, что раскрыло бы ее связь с Королем-Магом, и все окружающие ее неопределенности, осудили бы ее в глазах Эрнана.

Чем больше она думала о словах Акмаэля, тем больше понимала, что он сказал правду. Эрнан любил ее, ценил и защищал, но ни разу не выслушал и не попытался понять.

Почему ее инстинкт так мало значил для него?

Возможно, он считал ее слишком наивной и неопытной, что было правдой, но это не означало, что она всегда ошибалась. Его кампания могла бы закончиться по-другому, если бы он прислушался к ее совету. Он может быть сейчас жив, а она была бы в другом месте.

Но тогда Акмаэль погиб бы, потому что Эрнан был полон решимости убить Короля-Мага, и ничто не остановило бы его руку, если бы Боги дали ему такую возможность.

Слезы горели в глазах Эолин. Опять. Она стиснула зубы и вытерла их, злясь на неспособность оставить позади эту душевную боль. Один день в присутствии Акмаэля, и все ее барьеры были безнадежно разрушены, ее сердце было открыто для него, чтобы он мог взять или уйти, если захочет.

Заметил ли он, что ее чувства не изменились? Она молилась, чтобы он этого не сделал. Она хотела, чтобы Король-Маг ушел, вернулся в Город, не оглядываясь ни на нее, ни на ее Экелар. Она хотела остаться наедине со своей магией, чтобы исцелиться и снова попытаться забыть.

Шорох крыльев на подоконнике прервал мысли Эолин. Она подняла глаза и увидела сову, гордый силуэт которой озарял лунный свет.

Эолин удивленно вскочила на ноги, остро ощущая его пронизывающий взгляд, хотя и не могла разглядеть в темноте его круглых глаз. Ветерок трепал его перья. Его аура была до

невозможности знакомой: интенсивные оттенки золотого, бордового и лесного зеленого, пронизанные прожилками глубокого индиго.

Она задержала дыхание и выдохнула шепотом:

— Акмаэль?

Больше, чем вопрос, это была надежда, страх, призыв.

По совету пробежало мерцание, за которым последовала вспышка белого света. Внезапно Акмаэль оказался рядом с ней, тепло его руки на ее горле, сила его пальцев, переплетающихся с ее волосами, требование его губ на ее, теплых и полных страсти. Магия Южного Леса ворвалась в окно влажным порывом, кружась вокруг них, умоляя Эолин вспомнить, кто она такая и что когда-то значила для него.

Акмаэль целовал Эолин, пока у нее не перехватило дыхание. Затем он сделал паузу и прижал ее к себе, их лбы соприкоснулись, ее пальцы провели по знакомой выпуклости его скулы, линии челюсти, изгибу полных губ.

Все, что она могла слышать, это его желание в ритме его сердца. Она не осмеливалась говорить, потому что иначе могла бы наткнуться на слова предостережения, благоразумия или здравого смысла, а всему этому здесь не место. Не тогда, когда он был так близко, ближе, чем он был за такое мучительно долгое время, ближе, чем когда-либо снова мог быть.

«Это дар богов, — сказал однажды Акмаэль. — Отрицание этого оскорбит их».

— Эолин, я...

Она заткнула его поцелуем.

Когда он ответил, ее сердце наполнилось восторгом. Ее ночная рубашка соскользнула от его прикосновения, его туника исчезла по ее настоянию, подушки кровати прогнулись под их тяжестью. Ее руки исследовали знакомые очертания его торса, твердого, как живой ствол большого дерева. Его поцелуи лились на нее, как вода, вырвавшаяся из плотины, оставляя горящие реки на ее дрожащей коже.

— Акмаэль, — пробормотала она. — Моя любовь, пожалуйста.

Он переплел свои пальцы с ее, и она притянула его к себе, наслаждаясь бременем его веса. Затем он нашел ее и вошел в нее, и все, что когда-либо шло не так между ними, было исправлено. Эолин глубоко и непреклонно понимала, что нет большей правды, чем этот момент. Ни время, ни конфликт никогда не сотрут магию, сковывавшую их души.

Они занимались любовью до поздней ночи, время от времени останавливаясь, чтобы отдохнуть в объятиях друг друга, разговаривая на безмолвном языке нежных ласк и мягких поцелуев, пока Дух Леса снова не поманил их к экстазу.

Когда первые лучи рассвета пробились в окно, Акмаэль улетел в облике Великой Совы. Наполненная сладкой болью их желаний, Эолин пододвинула подушку поближе, вдохнула его аромат земли и соли и позволила своему сытому телу погрузиться в мирный сон.

* * *

Адиана проснулась поздно, с затекшими конечностями и тошнотой в желудке, радуясь, что эта история с Королем-Магом закончилась еще на год или два, а если повезет, то и больше. По ее мнению, было слишком много суеты для мужчины на лошади.

За несколько недель до визита короля Эолин заставляла их вычищать каждое здание от пола до потолка, вытирать пыль с мебели, стирать постельное белье, пропалывать сады, десятки раз подметать конюшни, пока даже милая и трудолюбивая Таша не стала жаловаться.

Конечно, Адиана скрывала гримасы и старалась, потому что знала, что визит Короля-

Мага значил для ее хорошей подруги Эолин. По крайней мере, этот случай вдохновил магу на покупку приличного вина, чем Адиана не наслаждалась с тех пор, как переехала в эту заброшенную провинцию. Когда, наконец, король ушел, оставалось еще полбочки, поэтому они с Ренатой прикончили все, что могли, чтобы отпраздновать успех и особенно конец визита короля.

Теперь у Адианы была королевская головная боль.

Она прикрывала глаза от утреннего солнца, когда шла через сады к гербарии. Внутри было прохладно, с хорошо подметенным земляным полом. Ароматные пучки растений свисали с потолка и стояли на простых деревянных полках, а также много всего из леса и сада: орехи, грибы, паутина и сухофрукты.

Эолин стояла за маленьким столиком со ступкой и пестиком в руке, на ее лице странно смешались сильное счастье и легкая озабоченность.

Адиана узнала травы на столе, закрыла за собой дверь и скрестила руки на груди.

— Держу пари, тебе есть что рассказать.

Эолин оторвалась от дела. Румянец выступил на ее щеках.

— Это не то, чем кажется.

— Нет? — Адиана подошла к столу и взяла каждое растение по очереди. — Дягиль, мать-и-мачеха, болиголов и кровяной зверобой. Я хорошо знаю этот рецепт, Эолин. Это первое, чему ты меня научила. Что ты сделала, взяла Бортена в любовники?

— Не будь грубой, Адиана.

— Почему? Это то, в чем я лучше всех.

Эолин выбрала короткий стебель болиголова и одним уверенным движением пальцев сорвала все листья, позволив им упасть в ступку. Горький запах ударил в нос Адианы, заставив ее чихнуть. Она выхватила ступку из рук Эолин, понюхала и снова чихнула.

— Боги! — воскликнула Адиана. — Сколько кровяного зверобоя ты положила туда? Ты будешь страдать месяц, если выпьешь его. Или хуже.

Мага моргнула и посмотрела на Адиану так, словно увидела ее впервые.

— Это именно то, чему меня научила Дуайен Гемена. Равные части дягиля, мать-и-мачехи и болиголова со щепоткой кровяного зверобоя заварить к полудню и выпить до восхода следующей луны.

Голос Эолин дрогнул. Она отошла и села на табурет, потирая лоб, словно пытаюсь собраться с мыслями.

Адиана хмуро смотрела на подругу. Не в характере Эолин было отвлекаться.

— Я позабочусь об этом, — Адиана выбросила смесь в камин и промыла ступку и пестик.

Несколько минут прошло в тишине, пока она работала, отмеряя количество каждого растения и измельчая их вместе в тонкую массу. Она наполнила небольшую кастрюлю горячей водой, высыпала в нее ингредиенты и дала смеси настояться. Как только напиток был готов, она процедила его в чашку и подала Эолин. Затем она пододвинула табуретку и села рядом с подругой.

— Значит, это был король? — сказала Адиана.

Эолин кивнула, крутя чашку.

— Ну, продолжай. Расскажи мне об этом.

Мага нетерпеливо вздохнула.

— Адиана, пожалуйста. Я не вынесу, если ты отнесешься к этому как к очередной

сплетне.

— Ты знаешь, что я храню секреты, если нужно. Тебе нужно с кем-то поговорить, и сегодня утром Боги привели меня сюда с раскалывающейся головной болью и тошнотой в желудке, которые таинственным образом исчезли. Я бы сказала, что это знак, что тебе следует поговорить со мной.

— На самом деле, особо нечего рассказывать. Это не передать словами. Это было...

— Божественно?

— Да. А теперь все кончено. Опять, — Эолин встала и поставила чашку на стол, не выпив ни капли.

— Он может вернуться, ты же знаешь. Я слышала, они пробудут в Моэне неделю или больше.

— Возможно, — Эолин прошлась по комнате, теребя драгоценность на шее, тонко сплетенную серебряную сетку, инкрустированную хрусталем и висевшую на длинной цепочке. Это был подарок, подаренный ей давным-давно Королём-Магом. — Но потом он вернется в Город со своей королевой, а я останусь здесь со своим ковеном и этой жизнью, которую полюбила. Пройдет год, два или больше, прежде чем мы снова встретимся, а потом, если вообще что-нибудь случится, это будет всего лишь еще один миг, одну ночь...

Она остановилась и посмотрела на подругу темными глазами, полными сожаления.

— Что я сделала, Адиана? Я отвергла любимого мужчину, и для чего? Я продолжаю говорить себе, что было так много причин. Все они тогда казались такими важными, но сейчас я не могу вспомнить ни одной из них. Ни одной.

— Ты отказала ему, потому что ты одна из немногих женщин в королевстве, обладающих мудростью и мужеством, чтобы сказать «нет» королю. Ты мага, Эолин. Тебе не суждено ходить в тени любого мужчины. Разве ты не видела Королеву, когда они прибыли в Моэн? Она достаточно хорошенькая, но скованная, с напряженными плечами, остроконечным лицом и замкнутыми глазами. Нет и двадцати, а она уже стареет. Это жизнь, которую ты хотела для себя? Следовать за ним, как хорошо одетая мышь, ценность которой измеряется сыновьями, которых ты родила?

— Акмаэль никогда бы...

— Неважно, что бы он сделал. Это природа знати. Даже он не может этого изменить, — Адиана кивнула на чай. — Тебе лучше выпить это, пока оно не остыло. Я не хочу тратить остаток утра, смешивая зелья.

Эолин посмотрела на чашку и покачала головой.

Предчувствие закралось в сердце Адианы.

— О, нет. Нет, нет, нет! Не смей даже думать об этом.

— Я не могу это пить, Адиана. Мысль об отказе от его семени вызывает у меня отвращение.

Адиана всплеснула руками.

— Почему? Ты использовала это зелье сто раз, когда был с королем после поражения твоего брата, а до этого со своим любовником Тамиром...

— Это не имеет значения. Это было правильно тогда. Сейчас это кажется неправильным, — Эолин покровительственно положила руку на живот, будто дитя Короля-Мага уже укоренилось там.

С громким стоном Адиана подтянула подругу к табурету и села перед ней.

— Эолин, позволь мне рассказать кое-что о знати, как дорогая подруга, которая

наблюдала за этими змеями с тех пор, как она была очень молода. Они такие же, как купцы, только хуже. Убеждены, что боги дали им право делать все, что им захочется, с кем угодно. Если дитя короля вырастет в твоей утробе, все дворяне королевства обратят взоры на Моэн, чтобы посмотреть, что они могут взять из этой ситуации, какую выгоду они смогут высосать из его костей.

— Никто не должен знать, кто отец.

— Как они не узнают? Сам король потребует этого ребенка. Ты же не деревенская девка, которой он мимолетно приглянулся. Ты — Высшая мага, единственная оставшаяся в королевстве. Ты — его первая любовь, и все это знают, хотя никто об этом не говорит.

Эолин прикусила губу и отвела взгляд, сжимая пальцами серебряный кулон.

— У меня должна быть какая-то часть его, Адиана, что-то, что может остаться со мной, кто-то, кого я смогу любить и защищать. Я бы не стала ничего требовать от него. Ничего. Ты знаешь это.

Адиана высвободила пальцы Эолин из драгоценного камня и взяла руки маги в свои, нежно, но решительно.

— Но король потребует от тебя многого. Он может позволить дочери остаться здесь, расти среди нас и изучать обычаи маги, как любой другой ученице. Но если у тебя будет сын, Король-Маг потребует его, потому что этот ребенок родился из чрева маги, и это единственное, что не может ему дать его безвкусная принцесса Рёнфина. Твоему сыну не будет и пяти лет, его отведут в Город, где научат гнусным обычаям принцев и королей. И Королева, и все ее отпрыски, и все те, кто им верен, возненавидят твоего сына и пожелают ему смерти до того, как он станет достаточно взрослым, чтобы понять свою власть. Это то, о чем ты просишь, Эолин, когда отказываешься от этой чашки. Люби Короля-Мага, если хочешь, будь его магой и его любовницей, но не рожай ему детей, ибо это только погубит тебя горем.

Эолин отошла от Адианы и прижала ладонь ко лбу. Кудри ниспадали на ее лицо огненным облаком. Ее плечи вздымались под грузом невысказанных мыслей.

После долгих размышлений она выпрямилась. Ее глаза были влажными, губы были сжаты в твердую линию. Она встала и взяла чашку со стола, затем подняла и стала разглядывать ее глубину.

— Оставь меня, Адиана, — сказала она. — Я должна сделать это одна.

Адиана колебалась, но решила больше не форсировать этот вопрос. Она обняла подругу и ушла, тихо закрыв за собой дверь.

Снаружи солнце разливалось розовым светом по по-летнему зеленым холмам. Но тень скрывала горизонт, а ветер нес навязчивый холод. Адиана вдохнула свежий воздух, но внезапно почувствовала резкий неприятный запах крови и пепла.

Она вздрогнула и плотнее закуталась в шаль.

«Рената сейчас будет на кухне».

Мысль о подруге, занятой приготовлением завтрака, улучшила Адиане настроение.

«Я помогу ей. Возможно, нам стоит выпить немного вина за завтраком».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Завоевание

Мехнес презирал церемонии. На протяжении всей своей жизни он изобретал всевозможные стратегии, чтобы избежать этого, за исключением короткого периода, когда он достиг совершеннолетия, и некоторые обряды удовольствия привлекли его внимание.

Даже это становилось утомительным, бодрящий запах крови, благовоний и секса оказался недостаточной компенсацией за утомительные часы, проведенные в молитвах и песнях.

Какой смысл воспевать и приносить жертвы богам, когда Мехнес мог приказать заколоть ягненка и наслаждаться мясом на своем столе? И к чему вся эта суета вокруг взятия женщины, если Мехнес одним словом мог получить слугу или рабыню — и нескольких, когда ему захочется, — в его покоях?

Нет, принцу Сырнте не нужны были церемонии. Не тогда, когда нужно было сражаться и завоевывать города. Не тогда, когда так много желаний требовали удовлетворения, а ему была дарована лишь одна короткая жизнь, чтобы потворствовать им.

Поэтому, когда Джотури-Нур отдал свое изможденное тело миру мертвых, Мехнес думал просто сжечь старика за городскими воротами вместе с его безмозглым сыном Абартамором. Тем не менее, принц Сырнте хорошо знал свою семью и понимал, что он уникален своей нетерпимостью к церемониальным излишествам. Поэтому он прикусил язык и стиснул зубы, скрывая нетерпение за маской уважения.

Похоронная процессия длилась два бесконечных дня на выжженной солнцем дороге в Урк'Намахан, безмолвный город королевских мавзолеев на юго-восточном склоне Параменских гор. Во главе возвышался саркофаг отца Мехнеса, Джотури-Нура, инкрустированный драгоценными камнями, на плечах дюжины рабов, чьи мускулистые торсы блестели в сияющем зное. Другие несли трех мертвых жен Джотури, первую в саркофаге, инкрустированном золотом, вторую в серебре, третью в бронзе.

Мехнес мог собрать тысячу всадников в доспехах и выплатить им годовое жалованье, используя драгоценные камни и металлы, которые они собирались отправить в сырую дыру в земле.

Что касается девственницы Наптари, то она была величайшей трагедией из всех в ее ларце из черепахового дерева и лазурита. Привлекательная девушка с подающей надежды фигурой, убитая прежде, чем она смогла обнаружить силу своей привлекательности. Если бы последняя девственница Джотури-Нура не находилась под такой усиленной охраной, а последствия нарушения запрета не были бы столь ужасны, Мехнес взял бы на себя смелость раскрыть ее женственность перед ее безвременной смертью. Красивую женщину не следовало тратить на червей.

Мехнес взглянул на свою племянницу Ришону, которая сидела в сверкающей хауда на спине бронированного слона. Он и его братья сопровождали Сан'иломан верхом. Их семьи и домочадцы тянулись длинной извивающейся колонной к Эк'Наламу.

Новая королева была одета в пышные одежды красного и золотого цветов. Маска скрывала ее прекрасное лицо. На ее коленях лежал меч ее деда в украшенных ножнах. Мехнес чувствовал поток вновь обретенной силы Ришоны, словно река расплавленной породы, стекающая со спины слона, неукротимая и всепоглощающая. Он задавался вопросом, восприняли ли это его братья, возбудило ли это их так же, как и его.

Когда Мехнес впервые увидел Ришону, она была визжащим младенцем, спасенным из смертоносных диких земель Мойсехена. Сироты его убитой сестры Тамары, она и ее брат Тамир были переданы Джотури-Нуром гораздо более молодому Мехнесу, чтобы их воспитала новая жена принца, Саломея.

Через год после усыновления утроба Саломеи принесла свои плоды. Она сразу же бросила своих подопечных, дав Ришоне и Тамиру немного больше, чем еда, кров и время от времени рассеянное внимание.

Ришона стала непослушным ребенком, свободно бегала по дому Мехнеса и появлялась в местах, куда обычно не допускали девочек. Принц Сырнте не интересовался ситуацией. Задача Саломеи состояла в том, чтобы приручить девушку, а если она потерпит неудачу, то будущему мужу Ришоны придется дисциплинировать ее.

На шестом году Ришона стала появляться в восточном атриуме, где мужчины собирались, чтобы попрактиковаться с оружием. Она смотрела на них, не отрываясь. Ее волосы черными локонами падали на округлые щеки; ее нижняя губа выпятилась, пока она сосредоточенно хмурилась. После того, как они заканчивали, она следовала за Мехнесом к ваннам, бежала, чтобы не отставать от его длинных шагов. Она дергала его за плащ и умоляла научить ее пользоваться мечом.

Каждое утро он смеялся и отсылал ее.

На следующий день она возвращалась со своим прошением.

Эта игра продолжалась около месяца, Ришона умоляла, а Мехнес отказывался, пока однажды его веселье не вызвало у нее слезы. Без предупреждения Ришона прислонилась к бледной каменной стене, плача так, словно миру вот-вот придет конец.

Тронутый горем своей племянницы, Мехнес опустился рядом с ней на колени и доходчиво объяснил, почему ей не нужно оружие. В конце концов, она была девушкой и к тому же принцессой, и поэтому ей суждено было иметь в своем распоряжении много вооруженных мужчин, и не последним из которых будет ее муж. Они будут сражаться и умирать за нее.

Рыдания Ришоны только усилились.

— Но ты должен научить меня! — настаивала она. — Так мне сказали Говорящие! Это должен быть ты, иначе я никогда...

Она остановилась, широко раскрыв глаза, и зажала рот руками.

Холод поселился в сердце Мехнеса. Это была ересь, худшее из возможных преступлений, когда ребенок утверждал, что может слышать Говорящих. Сырнте не получали дара видения до тринадцати лет, когда избранные очищались от всех теней горячим дыханием Сефиры. Детей, которые лгали о таких вещах, удаляли из этой жизни и приносили в жертву голодной богине Микате, чтобы она могла научить их послушанию в потустороннем мире.

Ришона знала это и с ужасом смотрела на дядю.

— Я не это имела в виду, — прошептала она. — Это были вовсе не они.

Мехнес сжал маленькие ладошки племянницы, отметив, что они ледяные.

— Расскажи мне, что они сказали, Ришона. Я обещаю, что никому не раскрою твою тайну.

Она сглотнула, глядя настороженно, но нуждаясь в его соучастии и защите. Это был первый раз, вспомнил он теперь, когда нежный изгиб ее лица тронул его сердце.

— Они сказали, что я отомщу за мать и отца и стану королевой двух королевств. Но ничего из этого не произойдет, если ты не обучишь меня.

Ришона была непослушным ребенком, но она не была склонна ко лжи. Мехнес услышал убеждение в ее голосе и понял, что она говорит правду. В тот же день он отвел ее в атриум и вложил ей в руку деревянный меч.

Семь лет он учил ее, до утра ее тринадцатого года, после возвращения Мехнеса из похода на восток. Он заметил цветение фигуры Ришоны, пьянящий запах ее пота, то, как она краснела во время уроков, когда он стоял рядом.

Сделав паузу в их игре на мечях, Мехнес послал Ришону со своими служанками, чтобы они омылись и надушились. После этого они доставили ее в его покои, где он научил ее отношениям мужчины с женщиной.

Похоронная процессия Джотури-Нура остановилась, прервав некоторые из наиболее приятных воспоминаний Мехнеса, к его большому раздражению.

Священник и его помощники ждали в развевающихся белых одеждах на ступенях новой гробницы. По обеим сторонам входа с больших медных пластин, установленных на каменных пьедесталах, поднимался дым травы мара'луни.

Пробормотав длинное заклинание, лысеющий жрец призвал Джотури-Нура к месту его последнего упокоения. Саркофаг старика понесли вверх по крутым ступеням, за ним последовали его верные жены и несчастная девственница Наптари. Затем слуги, выбранные для их сопровождения, были приведены вперед. Все члены вечного дома Джотури-Нура исчезли в темной дыре склепа.

Время тянулось. Безжалостное солнце плыло над головой. Пот стекал по спине Мехнеса и увлажнял его шелковую одежду. Его мысли снова блуждали, на этот раз к Мойсехену.

Он представил себе карту королевства: Пустоши Фэрнворта на северо-западе, цитадель Королевского города, богатая провинция Селкинсен с недавно приобретенным портом Линфельн на юге. На восточной границе находились Селен и Моэн, а также горы и леса, которые придавали текстуру их ландшафту. На этом изображении чернилами на пергаменте были наслоены бесчисленные мельчайшие детали, которыми поделилась с ним Ришона, расположение небольших оврагов и второстепенных перевалов, мест, где открытые равнины были усеяны тихими лесами, деревушками и небольшими городками, которые писари не удосужились нарисовать.

Три года тому назад Мехнес взглянул на эту богатую землю из-за широких просторов реки Фурмы, прибыв на западную границу Мойсехена, чтобы доставить выкуп за Ришону. Его караван обогнул Параменские горы и пересек Антарию. Они наняли корабли, чтобы переправиться через Рабельнское море и проникнуть в первобытное царство Рёнфин. Даже сейчас вкус территории Короля-Мага задержался на языке Мехнеса: плодородные поля и густые леса, железные холмы и драгоценные камни, постоянные реки связанной с землей магии.

«Королевство, которое жаждет завоеваний».

Наконец, жрец вышел из гробницы и приказал запечатать дверь. Он издал долгий воющий крик, воздев обе руки к Ришоне. Рядом со слоном были расположены ступеньки, и племянница Мехнеса спустилась со своего насеста. Элегантными шагами она подошла к могиле деда, расправив плечи и высоко подняв голову.

Священник принял Ришону, снял с нее маску и представил ее народу. Когда она обеими руками подняла ятаган Сан'иломан, все собравшиеся подняли громкий рев, вызвав у Мехнеса улыбку удовлетворения. Джотури-Нур был мертв, но Сан'иломан жила среди них. Женщина. Принцесса-воин, созданная им самим.

Они остались на ночь в Урк-Намахане. Лагеря разных домов раскинулись мерцающим ковром огня за стенами мертвого города. В храме был устроен пир, на котором присутствовали сыновья Джотури-Нура и их ближайшие родственники. Ришона сидела на троне из слоновой кости во главе зала, с прямой спиной и царственным выражением лица, ее стол был накрыт лепешками, мясом с приправами и свежими фруктами. Еда и вино текли в изобилии. Музыканты, подобранные Мехнесом, наполнили зал песнями и мелодиями.

Люди ели и пили, вели веселую беседу.

Когда прибыли танцовщицы, гибкие девушки, закутанные в полупрозрачные вуали, Мехнес взял в руку чашу и беспокойно зашагал по залу, зорким и трезвым взглядом наблюдая за пьяным разгулом.

Выжившие отпрыски Менары, всего трое, сидели ближе всего к Сан'иломан. Прожорливые мужчины, теперь они были толстыми и бесполезными с возрастом. Будучи старшими сыновьями Джотури-Нура, они все же могли вызвать волнения по поводу обстоятельств наследства Ришоны. Мехнес дал им месяц, прежде чем яд его племянницы проникнет в их дома.

Другие братья будут менее склонны противостоять ей, по крайней мере, на данный момент. Двое сыновей третьей жены Джотури не имели большого политического веса среди Сырнте. Родившиеся от Второй жены Ландры, в том числе Мехнес и Паолус-Нур, уважали Ришону, увидев ее страсть к оружию в те годы, когда она тренировалась с Мехнесом. Она заслужила их восхищение так, как не смогла бы ни одна другая женщина. Хотя Мехнес знал, что простого восхищения недостаточно, чтобы удержать ее на троне.

— Родной брат, — рядом с Мехнесом появился Паолус-Нур и положил руку ему на плечо. — Почему у тебя такое хмурое выражение лица?

Мехнес хмыкнул и кивнул в сторону светловолосого мужчины, игравшего на цимбалах.

— Этот новый музыкант небрежен. Его инструмент плохо настроен, и он отклоняется от ритма.

Паолус-Нур пожал плечами.

— Никто не заметит с вином, которое мы выпили.

— Я заметил.

— Тогда увольь его.

— И уволю. Самым бесцеремонным образом.

Паолус-Нур рассмеялся.

— Ты никогда не колеблешься, избавляясь от того, что считаешь бесполезным. Мне интересно, какое колдовство помешало тебе забрать голову нашей племянницы?

Мехнес не ответил на вопросительный взгляд Паолуса, но внимательно посмотрел на музыкантов.

— Кто спрашивает?

— Все твои братья.

— И ты?

— И я.

— Никакого колдовства. Джотури-Нур назвал ее, и она защитила свое требование. Обычай требует крови только одного родича, и не без оснований. Если бы ты зарезал ее, другой мог бы бросить тебе вызов, а затем другой бросил бы вызов ему. К концу все сыновья Джотури-Нура утонули бы в собственной крови, кроме меня, конечно.

Он бросил взгляд на брата, оценивая позу Паолуса-Нура, его сжатые челюсти, положение его руки на рукоятке ножа.

— В самом деле, теперь, когда я размышляю об этом, может, мне было бы лучше избавиться от всего выводка сразу.

Паолус запрокинул голову в смехе. Он был на три года старше Мехнеса, но выглядел моложе, если сравнивать его худощавую фигуру с коренастым телосложением и измученным в боях лицом Мехнеса.

— Ты не ответил на мой вопрос, брат. Ты мог бы сам бросить ей вызов, и никто бы не выступил против тебя. Почему ты не пролил ее кровь?

Мехнес кивнул Ришоне, переведя взгляд брата на новую Сан'иломан. Она сбросила траурные одежды и теперь носила провокационное платье из золота, алого, лазурного и цвета слоновой кости. Шелковистые складки цеплялись за ее бедра и намекали на длину ее ног. Браслеты украшали обнаженные руки и стройные лодыжки. Ее черные волосы пышными волнами ниспадали на талию. Простая диадема сидела на ее лбу, подчеркивая магнетическое притяжение подведенных краской глаз.

— Мне приятно видеть ее живой, — сказал он. — Как это должно нравиться всем нам. Кроме того, она не правит нами. Ришона может нести меч Сан'иломан, но я всегда буду владеть его силой.

— Значит, ты, а не она, желаешь, чтобы мы вторглись в Мойсехен?

— Это мое и ее желание. Мойсехен — достойное завоевание, и это царство Ришоны по праву рождения. Кроме того, здоровая кампания пойдет ей на пользу на заре правления.

— Жители Мойсехена ничего не знают о Ришоне и ее наследии.

Мехнес пожал плечами.

— Даже если бы они знали, Король-Маг не отошел бы просто так и не вручил бы ей корону.

— Это опасное предприятие, Мехнес. Доступ не так прост, и у них новый союз с Рёнфином.

— Рёнфин — отсталое королевство. Несущественное во всех делах, политических или военных.

— Даже если это так, Король-Маг не падет так просто.

— Он молод и неопытен в войне.

— Восстание, которое поддерживала Ришона, было подавлено его неопытной рукой.

— Оборванная банда наемников, — раздраженный Мехнес прищурился. — К чему такие сомнения, Паолус? Я никогда не видел, чтобы ты так не хотел вести войну.

— Меня никогда не просили вести ее через три королевства и бурное море.

— Ты останешься в Эк'Наламе. Мне нужен здесь кто-то, кому я могу доверять.

— Я не настаиваю на этом вопросе из-за беспокойства за себя. Одно только путешествие разорвало бы армию в клочья. Как ты собираешься обеспечить безопасный проход через Антарию, Галию и Рёнфин?

— Мы откроем проход Ферен-вей и нападём на Мойсехен с востока.

Паолус-Нур тихо присвистнул.

— Фехрен-вей. Этот древний путь? Но он непроходимый.

— Работы по восстановлению дороги начались несколько недель назад.

Старший принц покачал головой, ошеломленная улыбка тронула его губы.

— Опять твоя схема пускает корни, прежде чем кто-либо успеет возразить. А если ты откроешь этот перевал и войдешь в нагорья Моэна, что тогда, брат? Как ты будешь завоевывать земли за его пределами? Как ты победишь магию их народа?

Мехнес обдумывал его слова, неуверенный в том, благоразумно ли было делиться с Паолусом-Нуром в полной мере их планами, темными силами, которые Ришона обещала в обмен на свою жизнь.

Он поймал взгляд племянницы сквозь бешеный вихрь танцовщиц в чадрах. Она встретила его пристальный взгляд, чуть приподняв подбородок с тонкой улыбкой на полных

губах. Ее темные глаза сверкнули триумфом.

«Боги, она прекрасна. Сегодня она созреет для удовольствия».

Принц Сырнте поднял чашу в ее сторону и выпил.

— У нас есть союзники среди врагов Мойсехена, — сказал он. — Союзники, которыми может командовать только сырнтская ведьма.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прощание

Акмаэль в негодовании опустил кубок. Это был третий раз с момента их прибытия, когда Тэсара отвергла гостеприимство лорда Фелтона за завтраком.

— Что с ней? — спросил он, хотя вполне мог угадать ответ: отсутствие комфорта, теснота и обычная еда. Глава Моэна предоставил им лучшее из всего, что у него было, но щедрость Фелтона была ничтожно мала по сравнению с роскошью, к которой привыкла Тэсара.

— Не знаю, мой Король, — фрейлина Тэсары, Соня, стояла в узком дверном проеме, скрестив руки и расправив плечи. Ее неприветливые губы были сжаты в тонкую линию, а в карих глазах читалась горечь. — Моя Королева слабеет с каждым днем. Она бледна, устает и не может удержать в себе еду и питье.

Осознание ударило Акмаэля, как холодная вода в лицо. Его раздражение сменилось странной смесью удивления, надежды и тревоги.

— Возможно, нам следует послать за Магой Эолин, — предложил лорд Фелтон.

— Ведьма Моэна? — смех Сони был надменный. — Сомневаюсь, что наша Королева примет ее.

— Она не ведьма, — сказал сэр Дростан. — Леди Эолин — высшая мага, воспитанная в благородных традициях Эйтны и Карадока.

— Она — девка, балующаяся зельями и ядами.

— Достаточно! — сказал Акмаэль. — Возможно, вы не понимаете наших традиций, леди Соня, но теперь вы — подданная Мойсехена и будете их уважать. Лорд Фелтон, это достойное предложение. Пусть один из моих посыльных приведет магу Эолин.

Фелтон кивнул своему управляющему, который поспешил проследить за исполнением воли короля.

Леди Соня поджала губы и коротко поклонилась.

— Простите меня, мой король. У меня не было намерения оскорбить.

— В будущем следите за своим языком, — Акмаэль отпустил ее взмахом руки. — И не пугайте нашу королеву своими глупыми разговорами о снадобьях и ядах.

Дростан хмыкнул, когда она ушла.

— Мы должны отправить леди Соню в Рёнфин. Она погрязла в предрассудках своего народа и имеет слишком большое влияние на королеву.

— Тэсара имеет право назначать своих слуг, — ответил Акмаэль. — Леди Соня была ее постоянной спутницей. Она единственная женщина Рёнфина, которая осталась рядом с ней. Я не отниму этого. К тому же это только разговоры, и притом женские разговоры.

— Серебряное лезвие женской лжи режет глубже любого ножа, — сказал старый рыцарь.

Лорд Фелтон от души рассмеялся и хлопнул сэра Дростана по плечу.

— О, хорошо сказано, дорогой рыцарь. Серебряный клинок режет глубже женской лжи, да? Нет. Как ты сказал?

Дростан нахмурился, покачал головой и молча вернулся к еде.

— Ты прав, конечно, — Фелтон наклонился ближе и захохотал. — Лучше мне не вспоминать, иначе я повторю вашу шутку в присутствии доброй леди Гвен. Держу пари, у нее было бы несколько отборных слов в ответ.

Их обмен мнениями вызвал у Акмаэля улыбку, но эта легкость была недолгой. Принижение Соней Эолин подстрекало его, и его реакция была импульсивной, возможно, опрометчивой. Как он мог просить свою любовницу сопровождать его королеву?

«Моя любовница».

Слова оставили горький привкус во рту. Это была не та судьба, которую он хотел для Эолин. И все же именно такой он сделал ее в последние ночи жгучей нужды. В каждом поцелуе, которым они делились, был вкус судьбы; каждая ласка казалась выражением абсолютной истины. Эолин — а не Тэсара — должна была стать его королевой, ее магии должны были завидовать все жители Мойсехена, уважать ее, а она пряталась в этой отдаленной провинции, где ее не понимали и высмеивали женщины его двора.

Еда потеряла свой вкус, а вино — терпкость.

Отодвинув еду, Акмаэль объявил, что хочет осмотреть городскую стену. Лорд Фелтон и сэр Дростан сразу же встали, оставив еду, чтобы сопровождать его.

День был пасмурный и сырой. С крепостных валов Акмаэль мог видеть узкие улочки маленького городка. Фермеры торговали овощами, зерном, скотом и шерстью. Босоногие дети бегали по переулкам, беззаботные и озорные, время от времени воровали яблоко или булочку, а затем убегали под крики и упреки возмущенных продавцов.

Стражей, патрулировавших стену, было мало, и они проводили больше времени, наблюдая за несущественными драмами на улицах внизу, чем осматривая местность вокруг их дома. Дростан ничего не сказал о том, что они отвлеклись, но Акмаэль уловил смятение рыцаря из-за отсутствия порядка и дисциплины.

Как сэр Бортен стал таким грозным солдатом среди этих бездельников, было для них обоим загадкой.

— Я думал, вы немедленно приступите к ремонту стены, лорд Фелтон, — Акмаэль не стал скрывать своего раздражения. Многие участки были слабыми или разрушались. Целые участки нужно было снести и восстановить, если город надеялся иметь эффективную оборону. Акмаэль неоднократно возвращался к этой теме с момента своего прибытия более недели назад, и продолжающееся промедление Фелтона было неприемлемым.

— Мои извинения, мой Король, но у нас в Моэне ограниченное количество каменщиков, и, похоже, сэр Бортен нанял их всех, чтобы закончить стену нового Эжелара.

Теперь возникла прекрасная дилемма: какую стену закончить первой. По правде говоря, Акмаэль предпочел бы бросить все стены Моэна и вернуть Эолин в Город, где он мог бы выделить свою крепость и армию для ее безопасности.

— Понятно, — сказал он. — Я поговорю об этом с сэром Бортеном и пришлю дополнительных каменщиков из Селкинсен или Мойсехена, чтобы помочь в обоих местах.

— Это очень великодушно с вашей стороны, мой Король, хотя... — слова Фелтона повисли в неловкой тишине. Он окинул стену быстрым нервным взглядом и потер ладони мясистых рук. Каменщики из Селкинсен...

Акмаэль мысленно вздохнул от разочарования.

«Конечно».

Мастера Селкинсен брали в три раза больше, чем их коллеги из Моэна. У Фелтона и его

семьи не было бы ресурсов, чтобы покрыть такие расходы.

— Корона оплатит дополнительные расходы, лорд Фелтон. Эта стена в приоритете. Она должна быть завершена со всей поспешностью.

— Как пожелаете, мой Король, — Фелтон дружелюбно кивнул. — Хотя, по правде говоря, это слишком великодушно с твоей стороны. Моэн веками избегал войн. Все наши дворянские дома живут в мире. Ремонт этой стены непомерен и не нужен. Я должен еще раз посоветовать вам передумать. Наверняка у королевства есть более насущные нужды.

Ничто не было более неотложным, чем защита Эолин.

— Я ценю вашу откровенность, лорд Фелтон, но я обязан определить приоритеты Мойсехена. На Моэн долгое время не обращали внимания, но ваш народ кормит королевство, и теперь вы дали новый дом магам. У вас скромная, но благородная провинция. Я больше не позволю этому пренебрегать.

Фелтон, похоже, был доволен этими словами. Он сделал вдох, словно собираясь что-то сказать, но мальчик, несущийся к ним вдоль крепостной стены, отвлек его. Ребенок остановился в нескольких шагах от него, широко раскрыв глаза и неуверенно глядя на короля. Акмаэль узнал в нем члена семьи Фелтона, возможно, внука или племянника, хотя он выглядел как уличный бродяга в своей простой одежде, с грязными щеками и взлохмаченной копной каштановых волос.

— Ну, ну, Маркл. Не стесняйся, — Фелтон поманил мальчика. Маркл подошел и встал рядом с главой, который твердо положил руку ему на плечо. — Какие новости ты принес?

— Леди Гвен велела передать вам, что прибыла Мага Эолин, — сказал Маркл.

— А, тогда, — Фелтон взъерошил волосы Маркла, так что они встали дыбом, — мы должны идти со всей поспешностью, чтобы убедиться, что наша королева выздоровела. Почему бы тебе не остаться на стене, Маркл, и не сопровождать сэра Дростана? У тебя острый глаз и хорошая память. Ты сможешь составить мне список того, что нужно отремонтировать.

Маркл окинул взглядом укрепления и пожал плечами.

— Все нуждается в ремонте. Я могу перелезть через стену в дюжине мест и пройти сквозь нее еще в полдюжине.

Дростан кашлянул. Акмаэль уловил искру веселья в глазах старого рыцаря.

— Похоже, вы нашли достойного помощника, сэр Дростан, — сказал он.

— Похоже на то, мой Король. Очень хорошо, Маркл. Почему бы нам не начать с самого легкого подъема?

— Если вам угодно, сэр Дростан, — ответил мальчик, — думаю, будет лучше начать с самой большой дыры.

Акмаэль и Фелтон вернулись в дом лорда, усадьбу, построенную наполовину из дерева, беспорядочно возвышавшуюся над центральной площадью Моэна тремя этажами. Самое большое здание в городе, да и во всей губернии, окна его были украшены расписными ставнями. Пышные цветы росли в ящиках, подвешенных под подоконниками. На тяжелых дубовых дверях были вырезаны изображения пшеницы, ячменя, фруктов и крупного рогатого скота. Акмаэль часто думал, что все сооружение сгорит через час, если кто-нибудь взберется на обшарпанную городскую стену и бросит горящие факелы в окна.

Когда они подошли к парадным дверям, Акмаэль перевел дыхание, чтобы успокоить пульс. Смятение охватило его сердце. Его желание увидеть Эолин сдерживалось боязнью просить ее подтвердить то, что он больше всего хотел услышать, и с чем меньше всего хотел

боротья: что Тэсара беременна, что его королева, возможно, наконец, родит сына, который когда-нибудь наденет Корону Вортингена.

В маленьком приемном зале Эолин тихо беседовала с Магой Ренатой и леди Гвен. На ней были бордовые одежды Высшей Магии, а ее помощница Рената была одета в сапфирово-синие цвета Среднего Мага.

При появлении короля все трое подняли взгляды. Мага Рената и леди Гвен сразу поклонились, но Эолин шагнула вперед, радость и желание вспыхнули в ее ауре. Затем она резко остановилась, ее счастливое выражение сменилось легкой хмуростью. Словно опомнившись, она опустила взгляд и сделала глубокий реверанс.

— Леди Гвен, Мага Эолин, — Акмаэль поманил их подняться, возмущенный требуемыми от него формальностями. — Мага Рената.

— Мой король, — ответили они в унисон.

Эолин продолжила:

— Мы пришли так быстро, как только могли. Ваш посланник сказал, что королева заболела.

— Она не вставала к завтраку в последние дни, — он запнулся, не желая продолжать. — Если бы ты проверила ее, Мага Эолин, я был бы очень признателен.

— Конечно, мой Король, — теперь она внимательно его разглядывала, на ее лице было озадаченное выражение. — Мы здесь, к вашим услугам.

Они поднялись по двум крутым и узким лестницам в маленькие покои, которые стали покоем королевы. Полированный дубовый пол местами стал кривым и скрипел под ногами. Дверь в комнату Тэсары скрипела на петлях, требующих масла.

Королева лежала в постели, ее льняные волосы были расчесаны и заплетены в косы, ее цвет лица был таким же белым, как льняные простыни. Темные круги осели под усталыми голубыми глазами. Увидев Акмаэля, она улыбнулась и попросила леди Соню помочь ей с подушками, чтобы она могла сесть, чтобы принять его.

— Мой Король, — обратилась она к Акмаэлю. — Хорошо, что вы пришли.

Акмаэль подошел и взял нежную руку Тэсары в свою. Ее прикосновения всегда были хрупкими, а сегодня ее пальцы были холодными. Тень вины тяжело легла на его плечи. В течение недели, прошедшей после их прибытия, он посвятил все мысли Эолин, в то время как королева Мойсехена томилась в этом жалком состоянии, забытая и брошенная.

— Мы привели к тебе целителей, Тэсара, — сказал он. — Высшая Мага Эолин и Мага Рената.

Тэсара бросила нервный взгляд на обеих.

— Вы привели этих ведьм в мои покои?

— Моя Королева, — щеки Фелтона покраснели. — Простите мою смелость за столь прямолинейные высказывания, но Мага Эолин — лучшая целительница в нашей провинции, а Мага Рената уступает в мастерстве только ей.

Тэсара возмущенно вздернула подбородок.

— Тогда неудивительно, что Моэн остается провинцией, наполненной болезнями.

— Тэсара, — тон Акмаэля был резким.

Королева ответила выражением, которое он возненавидел, с выражением ребенка, не понимающего, что она сделала не так. Через мгновение она опустила взгляд и потянулась к леди Соне, крепко сжала ее руку.

— Как пожелаете, мой Король.

Акмаэль и Фелтон оставили женщин с их заданием и ждали возле комнаты королевы. Пока Фелтон ходил по вестибюлю, король встал у узкого окна и невидящим взглядом уставился на двор внизу.

Он обдумывал возможные варианты будущего, которые могут развернуться в зависимости от того, какая правда откроется в следующие несколько мгновений. Если Тэсара была беременна, это будет славная и ужасная новость, узы долга, которые обеспечили бы будущее его королевства, но положили бы конец его пребыванию в Моэне и разлучили бы его с Эолин раз и навсегда.

Но если Тэсара не была беременна...

Эта мысль вызвала резкий вдох.

Если она не была беременна, все еще могла быть возможность исправить то, что он допустил: расторгнуть контракт с Рёнфином, привести Эолин в Город и исполнить судьбу, предусмотренную его отцом.

«Убеди магу родить тебе сыновей, — призывал Кедехен на последнем издыхании. — Только тогда твоя власть будет полной».

Акмаэль с сомнением покачал головой.

«Эолин никогда не переубедить».

Раз за разом она отвергала его. Сначала из страха и гнева, потом из собственного чувства долга. За все годы, что они знали друг друга, как часто она действительно принадлежала ему? Был один короткий поцелуй в Южном лесу; еще один несколько лет спустя, в лесах Восточной Селен. После поражения ее брата Эрнана Боги даровали им несколько коротких месяцев близости, утешая Акмаэля верой в то, что Эолин останется на его стороне. И все же она снова бросила его, чтобы основать новый шабаш в Моэне.

«Дракон призвал меня к другой судьбе, — настаивала она. — Женщина не может быть одновременно Королевой и Высшей Магой».

Итак, Акмаэль отпустил Эолин и согласился на политический брак с Тэсарой из Рёнфина. Принцесса была достаточно красива, и Мойсехен приобрел ценные территории благодаря новому союзу. Но Тэсара была скучна и деликатна, лишена страсти и боялась магии. При всей своей грации и красоте, эта дочь Рёнфина не могла внушить желание, зажженное одним взглядом его возлюбленной Эолин.

Скрип ржавых петель прервал мысли Акмаэля.

Появились Эолин и Рената, закрыли дверь в комнату Королевы. Доверив свой посох Ренате, Эолин подошла к Акмаэлю.

— Я дала нашей Королеве настой ромашки и мяты, чтобы успокоить ее желудок и восстановить аппетит, — Эолин судорожно вдохнула, но не сводила с него своих темных глаз. — Похоже, сырой климат ей не подходит, и она... Мой король, похоже, королева...

Эолин прикусила губу и отвернулась.

— Королева беременна, — резкий тон Ренаты прекрасно подходил к ее воинственному лицу. — Уже около двух месяцев, мой Король. Это основная причина ее недомогания.

— Слава богам! — Фелтон радостно захлопал в ладоши.

Акмаэль наблюдал за Эолин. Она не ответила на его взгляд, а вместо этого изучала свои руки, которыми беспокойно теребила ткань. Память о недавних ночах шевелилась внутри, как ветер в высоких ветвях древней ели, красивая и пронзительная. Эфемерная во времени, прочная в воображении.

— Мы бы посоветовали Королеве вернуться в Королевский город как можно скорее, —

продолжила Рената, напрягая плечи и выпрямляя спину, как стрела. — Желательно на носилках. Она не должна снова садиться на лошадь, пока ребенок не родится. Верно, Мага Эолин?

Эолин моргнула при звуке своего имени и кивнула.

— Конечно. Наша Королева нуждается в более теплом климате и домашнем комфорте.

Акмаэль повернулся к Фелтону.

— Приготовьте к утру носилки и немедленно отправьте гонца в Город, чтобы сообщить королевскому лекарю, верховному магу Резлину. Он должен встретить нас в Римсавене. Оттуда мы отправим ее на королевской барже в Мойсехен.

— Как пожелаете, мой Король.

— Леди Гвен должна помочь леди Соне подготовить королеву и ее слуг, — продолжил Акмаэль. — Посоветуйте сэру Дростану сообщить остальным. Мы отправимся на рассвете.

Фелтон поклонился и пошел по коридору, бормоча список задач и загибая пухлые пальцы.

— И лорд Фелтон, — позвал его Акмаэль.

Фелтон посмотрел на короля так, словно его застали врасплох среди важной мысли.

— Надеюсь, вы понимаете, что мое решение прервать визит не является отражением гостеприимства, проявленного вами и леди Гвен, — сказал Акмаэль, — которое было великодушным и высоко ценимым с нашего первого дня здесь. Мы снова посетим Моэн, как только позволят обстоятельства.

— Да, мой Король, — Фелтон усмехнулся и низко поклонился. — Для нас было величайшей честью принять вас и первыми услышать эту славную новость. Дай Бог вам сына, прекрасного и здорового мальчика!

Акмаэль снова повернулся к Эолин и Ренате. Верховная Мага отступила к своим мыслям, в то время как пожилая женщина наблюдала за ним, приподняв брови и невозмутимо глядя на него.

— Кажется, королева избавилась от трав, которые мы присылали на днях, — сказала Рената. — Неудачное решение, так как сейчас они могли бы ей очень помочь.

— Мы соберем дополнительные лекарства днем, а к вечеру пришлем свежую связку, — Эолин говорила, словно пытаясь смягчить обвинительный тон Ренаты. — Королева должна ими воспользоваться, иначе путь отсюда до Римсавена будет трудным.

— Я прослежу, чтобы это было сделано, — ответил Акмаэль.

Эолин кивнула. Ее рука скользнула к горлу и нашла у основания серебряную паутину, магическое украшение, которое он дал ей давным-давно.

— Тогда, полагаю, мы закончили здесь. Если вам угодно, мой король, мы с Ренатой прощаемся.

— Мага Рената может идти, — ответил Акмаэль, — но я хотел бы поговорить с тобой наедине, Мага Эолин, прежде чем ты уйдешь.

Рената сжала губы в твердую линию и вопросительно посмотрела на свою спутницу.

Плечи Эолин опустились, но она положила руку на ладонь старой маги и сказала:

— Найди сэра Бортена, пусть он приготовит лошадей, ладно, Рената? Ты можешь подождать меня во дворе. Я быстро.

Рената напряженно поклонилась и удалилась.

Акмаэль приблизился к Эолин. Она не отступила и не пошевелилась, чтобы прикоснуться к нему. В своих пальцах она баюкала драгоценность, сотканную его матерью,

серебряную паутину, которая свела их вместе, когда они были детьми в Южном лесу. Казалось, что это было жизнь назад, тот мир был навсегда потерян.

Тихий стон сорвался с ее губ.

— Я была такой дурой.

— Это я перешел границы. Прости меня, Эолин. Я не собирался...

— Я говорю не об этих недавних ночах, — ее рука нашла его, их пальцы переплелись. — Я ушла от тебя, любовь моя. Я отвернулась от этого дара, данного нам богами, потому что я была напугана — очень напугана — и чего я боялась? Тебя? Все, что ты когда-либо делал, это любил меня.

— Я не был так совершенен в своих чувствах.

— Ты был моим единственным Карадоком. Я вижу это сейчас, и уже слишком поздно.

Всего несколько лет назад ее слова наполнили бы его радостью. Теперь они только питали растущую пустоту его души. Он коснулся ее щеки и заключил ее в свои объятия, вдыхая медово-древесный аромат ее волос.

Вспомнился стих из его детства, одна из песен его матери. Он продекламировал слова сейчас, прижимая к себе Эолин:

— Карадок ждал свою единственную настоящую любовь, выдерживая приливы бури и солнца. Карадок бросил вызов жестоким угрозам времени и получил свою Эйтну, когда ее путешествие завершилось.

Эолин рассмеялась ему в грудь, и этот яркий звук вызвал образы залитого солнцем леса. Она отстранилась и посмотрела на него с озорной ухмылкой.

— У этого мага не было короны на его светлой голове. Королю нужен наследник, прежде чем он умрет.

Ее ответ позабавил Акмаэля, но даже когда он позволил себе улыбнуться, веселье исчезло с лица Эолин.

Ее взгляд скользнул в сторону комнаты Тэсары, и она пробормотала:

— Я бы родила твоих детей с любовью. Так же, как она сделает, я могла бы сделать. Это и многое другое.

Акмаэль почувствовал, как внутри что-то разрывается, старая рана, которая никогда не заживет.

— Я должна уйти, — сказала она, но вместо этого ее губы встретились с его губами.

Их поцелуй был страстным, но коротким. Внезапно Эолин отпрянула, сделав шаг вне его досягаемости. Она перевела дыхание и расправила плечи.

— Да даруют вам боги сына, мой король, — ее тон был формальным, но Акмаэль уловил скрытый подтекст глубоких и сложных эмоций. — Пусть они благополучно вернут вас в Город и подарят вам, Королеве, и всем вашим детям долгую и счастливую жизнь.

Он шагнул к ней.

— Эолин, пожалуйста...

— Не надо, — она подняла руку, чтобы остановить его. Затем, шурша бордовыми юбками, она исчезла, и легкие шаги эхом звучали по лестнице, обшитой дубовыми панелями. Только ее сущность осталась позади, обвивая туманными щупальцами воспоминания, которые нельзя было забыть, и мечты, которым никогда не суждено было сбыться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Призывы

Ствол поддался с громким треском. Мужчины закричали и вылезли из-под гигантской ели с топорами в руках. Дерево сдвинулось и зависло под углом, бирюзовые ветви качались на фоне серого неба, словно застигнутые врасплох. Через миг его равновесие было потеряно. Ветер зашипел в хвое, тихий порыв слился в громоподобный рев, пока ель не упала на землю с оглушительным грохотом, взметнув брызги грязи и ароматное облако мокрых иголок. Ветви взлетели, а затем осели, как последний выдох какого-то большого зверя.

Наступила тишина, ее нарушили торжествующими криками, когда люди бросились на свою добычу и начали расчленять ее, часть за другой.

Мехнес одобрительно кивнул и повернулся к Ришоне, которая сидела рядом с ним на своей черной лошади. Сан'иломан закрыла глаза, словно в молитве. Угольные ресницы лежали на бледных щеках. Ее голову покрывал богато вышитый темно-синий плащ. Она резко вдохнула и открыла глаза.

— Это должно быть последнее. Больше быть не может.

— Конечно, Сан'иломан, — сказал Мехнес. — Ваши указания были очень четкими. С этой поляны больше не будут убирать деревья.

— Нет. Я имею в виду, что это должно быть последнее дерево, упавшее во всем лесу вдоль этой дороги, — Ришона украсила это заявление широким взмахом руки.

Мехнес надул щеки на медленном выдохе, глядя на восток и запад вдоль извилистой тропы. Местами заброшенный маршрут все еще оставался нетронутым, и они часами спокойно ехали по плоским камням, уложенным рабами какой-то давно забытой цивилизации. Но по большей части древний перевал превратился в грязную траншею, заросшую деревьями и ежевикой. Пока они продвигались вперед, он оставлял бригады на маршруте, чтобы они закончили открывать черный ход в Мойсехен.

— У нас есть пять тысяч человек, чтобы подняться по этой дороге, — сказал он. — Мы не можем вести их гуськом по колено в грязи.

— Нам не нужно пять тысяч, чтобы взять Моэна, — возразила Ришона. — Нам не нужны даже пятисот.

— Нам понадобится пять тысяч или больше, чтобы защитить Моэн и завершить наше завоевание, если этот Король-Маг таков, как вы говорите.

Гнев вспыхнул на щеках Ришоны.

— Мы закончили здесь, — сказала она надсмотрщику, высокому мужчине жилистого телосложения. — Приготовь все, как я и просила, к закату.

— Как пожелаете, Сан'иломан, — он низко поклонился.

Ришона повернула свою лошадь к лагерю.

Мехнес ехал рядом с ней. Их личная охрана следовала за ними. Он ощущал соленый жар ярости Ришоны, ее шипучий аромат — приятная перемена в мягком климате этого горного перевала.

Размокшая земля всасывала копыта лошадей. Мехнес выругался, когда его животное споткнулось. Эта местность напомнила ему душные джунгли Джироко, где он потерял много людей в трудной, но победоносной кампании. По крайней мере, эти леса не были изведены такой же удушающей жарой. Не ожидал он и от незадачливых крестьян Моэна ничего сравнимого с ожесточенным сопротивлением вурдуренов.

Они подошли к лагерю неподалеку. Ришона спешила среди красно-золотых шатров. Ее поведение было авторитетным, а улыбка приятной, когда она велела Мехнесу следовать за ней, а остальным оставаться снаружи.

Павильон Сан'иломан, возвышавшийся на деревянной платформе, был большим и богато обставленным. В его центре стоял длинный стол, накрытый картами. В задней части палатки стояла ее кровать, скрытая дымчатой шелковой занавеской и украшенная разноцветными подушками. Голубое пламя мерцало на больших медных пластинах, обеспечивая столь необходимое тепло.

Слуги Ришоны ждали с едой, питьем и сухой одеждой, но по ее приказу разбежались. Как только они остались одни, Ришона повернулась к дяде.

— Вы не должны подвергать сомнению мою мудрость или мою волю публично, — сказала она. — Ни за что.

Мехнес не мог не улыбнуться, увидев, как его племянница делала вид, что отдавала ему приказы.

— При всем уважении, Сан'иломан, я ваш военный советник. Мой долг высказать свое мнение, когда вес моего опыта противоречит вашим наивным инстинктам.

Она хотела ударить его, но он схватил ее за руку и с силой сжал, пока она не охнула.

— Еще рано начинать эти игры, моя королева, — сказал Мехнес. — Но если вы хотите, чтобы искра конфликта скрасила это утомительное утро, я более чем готов угодить вам.

Глаза Ришоны стали твердыми как камень.

— Все, о чем я прошу, это немного осторожности. Я не позволю, чтобы наши разногласия были услышаны теми, кто распространяет против меня злонамеренные слухи. И я не допущу, чтобы наши люди, которые долго и упорно боролись на этом жалком перевале, пали жертвой любого подозрения, что наше единство цели пошатнулось.

Он прижал ее тело к себе, позволив своему дыханию коснуться ее шелковистой кожи.

— Моя цель не изменилась.

По ее плечам прошла дрожь. Ришона выгнулась и подставила к нему лицо, приглашая Мехнеса насладиться сладким вкусом ее губ.

— Мы больше не можем валить деревья, — пробормотала она, когда он закончил.

Мехнес отпустил ее.

— Мы должны открыть эту дорогу, если мы надеемся провести по ней настоящую армию.

— Мы рискуем подорвать силу этого леса. Нам нужна его магия для всего, что грядет.

— Это очень большой лес, — Мехнес вытащил одну из карт и провел рукой по покрытому мхом зеленому полумесяцу, который тянулся на север, к Восточной Селен, и на юг, вдоль предгорий Параменских гор. — И очень маленький проход.

Ришона глядела на карту, ее губы выпятились в очаровательной хмурой гримасе. Она потерла руки, чтобы отогнать влажный холод. Заметив ее дискомфорт, Мехнес достал сухой плащ и накинул ей на плечи.

— Надеюсь, ты прав, — сказала Ришона. — Каждый раз, когда мы валим дерево, я чувствую силу, вырывающуюся из земли. Будто рушится барьер. Боюсь, мы зашли слишком далеко, очистив долину, где погибли мои родители.

— Ты — принцесса Сырнте, Ришона. Твоя магия исходит из воздуха.

— Да, но существа, которых мы надеемся призвать, не были изгнаны магией Сырнте. Они были заключены в тюрьму магами Мойсехена и должны быть призваны теми же силами. Мне понадобится воздух, чтобы закрепить мой дух, но без земли я не могу их контролировать.

Мехнес сузил глаза.

— Если у тебя есть сомнения относительно вашей способности управлять этими зверями, нужно было упомянуть их раньше.

— У меня нет сомнений, — ее ответ был резким и быстрым. — Я знаю, как удовлетворить Демонов Наэтер и привлечь их к нам на службу. Но здесь задействовано много элементов, и их следует тщательно включить. Никто не пытался сделать это раньше, Мехнес. А если и пробовали, то с треском провалились, и мы ничего не знаем об их судьбе.

— Я вложил огромные ресурсы в это завоевание, — прорычал Мехнес. — Я не буду удовлетворен, если ты меня подведешь.

Ришона встретила его взгляд.

— Я не подведу. К сегодняшнему вечеру я полностью готова. А к тому, что грядет, у меня есть время подготовиться.

* * *

На закате Ришона вышла из своего шатра, одетая в мантию цвета слоновой кости, подбитую горностаем. Несмотря на тяжелый плащ, по ее венам пробежал вечерний холодок. Она надеялась, что Мехнес не заметил дрожи в ее пальцах, когда помогал ей сесть на лошадь.

Их сопровождала Донатгя, жрица Микаты, привезенная из Эк'налама. Золотые обручи украшали белые волосы старухи и морщинистое горло. Рубины свисали с ее вялых мочек ушей. Жрица поклонилась Ришоне и указала на небольшой паланкин.

— Все готово, — сказала она. — Как вы и приказали.

Ришона кивнула, но не позволила взгляду задержаться на полупрозрачных занавесках, закрывавших паланкин. Она знала, что лежало внутри: обсидиановый нож, завернутый в шелк, белая сова в маленькой деревянной клетке, фляги с вином фахин и арменским маслом, шкатулки с мара'луни, зимним шалфеем, белым альбанеттом и пасленовыми грибами.

Все это было вместе с любимой служанкой Мериной в наркотическом ступоре.

Когда они выехали из лагеря, Мехнес выставил по дороге охрану с приказом никого не пропускать. К тому времени, когда небольшая процессия прибыла в скромную долину, теперь очищенную от деревьев, их сопровождали только самые доверенные люди Мехнеса.

Ришона спешила и вдохнула лесной воздух. Именно здесь, на этом пустынном горном перевале, поколение назад в засаде погибли ее мать Тамара и принц Фероден из Мойсехена. Если бы не их смерть, Ришона теперь была бы принцессой Мойсехена, ее отец распорядился его плодородными землями. Но отец Ришоны умер, и трон занял принц-маг Кедехен. Мойсехен погрузился в гражданскую войну, и после тех трагических лет маг почти истребили.

«Сколько крови должно быть пролито, чтобы исправить эти ошибки?».

Ришона сняла туфли и подошла к месту, где умерла ее мать, где Ришона впервые почувствовала запах сырой и неумолимой земли. Она заставила себя выбраться из умирающей утробы Тамары, отказавшись следовать за матерью в загробную жизнь. Она вспомнила тот день, крики и ярость, звук рвущего плоть металла. Пустота потерь, в которую была втянута ее жизнь.

Над ними возвышались деревья, их огромные тени двигались в сгущающихся сумерках. Ветер шептал сквозь густые ветви. Прошлое окутало чувства Ришоны.

Она слышала плач матери, чувствовала ужас и агонию Тамары. За шумом мужчин, сражавшихся в битве, Ришона услышала отчаянный рев новорожденного ребенка. Соленый привкус свежей крови и горького последа коснулся ее языка. Она опустилась на колени,

собрала в руках землю и прижала мягкий суглинок к лицу. Потом она долго и горько оплакивала предательство и убийство своих родителей.

Когда, наконец, ее рыдания стихли, Ришона вернула залитую слезами землю на место. Она встала и приказала жрице Донатье принести орудия жертвоприношения.

Используя традиционные травы Мойсехена, они отметили четыре стороны света в двенадцати шагах от того места, где погибла Тамара и родилась Ришона. К ним были добавлены ветки сушеных мара'луни, в результате чего получился восьмиконечный круг. Пока Ришона и Донатьа разливали по краю вино и масло, Мехнес расставил свою стражу по периметру.

«Много толку от них будет, если это не пройдет хорошо».

Ришона закрыла глаза, чувствуя, как бьется ее сердце в тишине ночи. Она уже однажды звала этих тварей, но никогда так. Не на поверхность. Хватит ли у нее сил сдержать их? Действительно ли она понимала, что они собирались развязать? Это не было важно. Теперь пути назад не было.

Она заняла место в центре круга и начала петь, призывая всех богов Сырнте, древних и молодых, забытых и известных. Протянув свои руки к земле, она позволила нитям своего духа достичь пустоты внизу. В то же время она подняла лицо к небесам, чтобы привлечь огромные силы ночного неба.

«Сделайте меня единым целым с богинями древности. Отдайте их силу мне».

На краю круга Донатьа отдернула полог паланкина и помогла Мерине выбраться. Служанка баюкала у себя на груди белую сову. Ее глаза были расфокусированы, и она напевала рассеянную мелодию. Она шла нетвердыми ногами, ее поддерживала за локоть нежно Донатьа, и служанка опустилась на колени перед Ришоной.

Донатьа советовала не накачивать Мерину наркотиками, утверждая, что ужас был величайшим источником жертвенной магии. Но Мерина долго и верно служила Ришоне, и Сан'иломан не могла отказать ей в этой единственной милости.

Ришона взяла сову у Мерины. Она успокоила ее трепещущие крылья, погладила мягкие перышки и поцеловала миниатюрную головку. Прижав ее дрожащее тело к сердцу, Ришона приняла обсидиановый клинок от Донатьи.

Сан'иломан закрыла глаза. Земля под ее босыми ногами дрожала. Мучительный вой коснулся ее души, отчаянный голод тварей, осужденных навеки.

— Тогда идите, — прошептала она. — Вернитесь к свету.

Одним движением Ришона выпустила сову и взмахнула ножом. Мерина подняла глаза, когда птица улетела. Сначала она не заметила раны, оставленной лезвием ее госпожи. Затем с ее губ сорвался хриплый вздох. Руки Мерины метнулись к горлу и наткнулись на пульсирующую реку крови.

Сердце Ришоны сжалось, но только на мгновение. Она схватила служанку и прижала ее к себе.

— Милая Мерина, — пробормотала она. — Это нужно было сделать. Сегодня боги впишут твое имя в книги бессмертных, ибо ты принесла великую жертву во славу Сырнте и народа Мойсехена.

Кровь Мерины залила темным цветом платье Ришоны цвета слоновой кости. Она беспомощно боролась с твердой хваткой Сан'иломан, извиваясь, как кролик, пойманный в капкан, отчаянно и быстро водя рукой по горлу, пока ее колени скользили по влажной земле.

Донатьа отошла на край круга, раскинула руки к небу и запела свою песню.

Ахме талам ню. Бехнем ахрат неме. Салам машина ду.

Обод загорелся высоким голубым пламенем. Из-под горы раздался приглушенный крик.

По земле снова пробежала дрожь.

Пульс Ришоны ускорился.

Мехнес отдал резкий приказ стражникам, которые приготовили оружие.

Механе

Механе ахнам

Талам ну ахрам

Мерина сжала платье цвета слоновой кости своей госпожи в беззвучной, отчаянной мольбе о пощаде.

Ришона взглянула на обезумевшую служанку. Между ними упала темная пелена. Печаль и жалость растаяли под напором чего-то более глубокого и насыщенного, вкуса крови на ее языке, волны силы в ее животе.

Она низко наклонилась, погладила волосы Мерины и зашептала ей на ухо. Борьба служанки уменьшилась, затем прекратилась. Ришона вытерла окровавленные щеки Мерины подолом юбки. Ее губы встретились с губами служанки в нежном поцелуе. Затем она положила Мерину на мокрую землю, где женщина дергалась в последних конвульсиях смерти.

Талам ну ахрам

Мерина

Чернильная тень расцвела под ними. Деревья вздрогнули. Земля стонала. Ришона отступила через край круга, стена пламени не оставила на ней следов. Она повернулась, чтобы посмотреть на умирающую служанку.

Тело Мерины содрогнулось. Ее дикие глаза закрылись, а конечности обмякли.

Мехнес двинулся к Ришоне с обнаженным мечом. Его взгляд метался между его людьми, которые наблюдали за кругом с поднятыми щитами и напряженными телами.

Ришона чувствовала их беспокойство, но не разделяла его. В ее дух вошло глубокое спокойствие, ощущение связи с небесами наверху и всей тьмой внизу. Душа Мерины начала просачиваться из ее тела, направляясь в Подземный мир, образуя хрупкий мост между землей живых и мертвых.

«Сейчас. Это должно быть сейчас».

Глухой крик разорвал тишину.

Внутри круга земля извивалась и превращалась в вихрь из почвы и камней. Обмякшее тело Мерины потянуло к сердцу горы. Она исчезла среди неземных завываний и звуков рвущейся плоти.

Затем земля взорвалась вверх, омывая Мехнеса и его людей дождем из грязи и гравия. Внутри огненного кольца появилось существо, раскачивающееся на длинных светящихся конечностях. Его хищные глаза терялись в зияющих впадинах; его рот был открытой ямой, из которой капала почерневшая слюна. Одна конечность с черными когтями схватила труп Мерины за лодыжку, он был как ребенок, волочащий куклу. Грудная клетка рабыни была разорвана, а сердце вырвано.

— *Меролим*, — пробормотала Ришона. — *Матуэ*.

Она подняла ладони в умоляющем жесте, плавно произнося материнскую любовь и утешение.

Хем алоуим натуэ

Существо взревело и бросилось на нее, с мучительным воплем врезалось в стену огня. Мехнес бросился к Ришоне, но остановился, когда она предостерегающе подняла руку.

Демон Наэтер отпрянул и раскачивался на огромных конечностях. Мрачные ямы его глаз неотрывно смотрели на Сан'иломан. Он заключил труп Мерины в сияющие объятия. Его голова дернулась, казалось, сосредоточившись на каждом из людей Мехнеса, прежде чем повернуться к небу, лесу и земле у его ног.

«Ты начинаешь понимать».

Демон Наэтер провел длинными когтями по перевернутой земле, собрал глину и раскрошил гниющие листья своей пульсирующей хваткой.

«Милое создание тьмы».

Он вернул свой пустой взгляд на Ришону.

Она вошла в кольцо огня.

Меролим, Матуэ. Хем алоуим натуэ

Труп Мерины выскользнул из рук демона Наэтер. Шаркая, зверь подошел и прижался плоской мордой к ладони Ришоны. Его прикосновение было холодным, как лед.

Грудь Ришоны поднялась от внезапного вдоха.

Натуэ, — пробормотала она. — *Алуим натуэ*.

Демон Наэтер уткнулся носом в те места, где кровь Мерины пропитала платье Ришоны из слоновой кости. Его пронзила глубокая дрожь, переходящая в постоянное эхо мурлыканья. Он опустил на длинные конечности и опустил вес своего тела на землю.

С сердцем, наполненным удивлением, Ришона погладила светящуюся кожу демона. С ее губ сорвалось тихое мычание, колыбельная. Существо закрыло глаза и прислонилось головой к ее испачканной юбке. Оно зевнуло и замерло.

Ришона торжественно посмотрела на дядю.

— Он наш, — сказала она.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ночь

Грохот вырвал Эолин из сна. Дверь распахнулась, и Гемена ворвалась в комнату, бросилась на мага и крепко обняла Эолин за шею.

— Не уходи! — воскликнула она.

— Гемена, что на тебя нашло?

— Тебе нельзя в Южный лес! — Гемена едва могла говорить между сдавленными всхлипами. — Нельзя!

В дверь постучали, и появился один из стражей, черный силуэт на фоне звездной ночи.

— Мага Эолин, мы слышали шум.

— Это просто Гемена, — Эолин на короткое время зажгла прикроватную свечу, осветив комнату слабым светом. — Ей приснился кошмар. Можешь идти. Я позову, если ты мне понадобишься.

Мужчина кивнул и исчез, закрыв за собой дверь.

— Ну же, Гемена, — Эолин вырвалась из объятий девочки. — Мы уже говорили об этом. Это будет короткая поездка, возможно, четверть месяца. Две недели, не больше. Я вернусь раньше, чем ты заметишь, что меня нет.

— Тебе нельзя идти! — взывала Гемена.

— Тихо, — Эолин вытерла слезы со щек девочки. — Сделай глубокий вдох и скажи мне, в чем дело.

— У меня было предчувствие, — Гемена всхлипывала.

— Предчувствие?

— Не чувство. Я что-то видела. Тени и пламя.

— Тебе приснился сон?

— Не сон! Там было, как это произошло.

— Мага не может видеть будущее, Гемена. Сны — просто сны, а гадание...

— Это безрассудная форма магии, я знаю! Но я кое-что увидела. Что-то плохое.

Эолин пригладила волосы девочки.

— Ничего не произойдет, пока Мариэль, Сирена и я будем в отъезде. Ты живешь в самой мирной провинции королевства, и тебя защищают одни из лучших рыцарей королевской гвардии.

Гемена нахмурилась. Через мгновение она неуверенно сказала:

— Сэр Бортен очень храбр.

— Да.

— Всего несколько дней назад он вел бой с чужаками с севера.

— Да, — Эолин улыбнулась. — Я слышала об этом.

Группа мальчишек из Моэна, без сомнения, из банды Маркла, была поймана на шпионаже за Экеларом.

— Сэр Бортен бросился на них на своем коне и взмахнул мечом вот так и вот так, — руки Гемены вырезали в воздухе четкие дуги. Ее голос наполнился энтузиазмом. — Они в ужасе убежали и больше никогда не вернутся.

— Вот видишь? С таким рыцарем, как он, на твоей защите, нам не нужно беспокоиться о наших врагах.

— Но я только что видела не деревенских мальчишек, — Гемена закусил губу, сосредоточенно хмурясь. — Это было что-то хуже, что-то ужасное.

Эолин заключила девушку в успокаивающие объятия. Отец Гемены был жестоким человеком, а ее братья были склонны издеваться над младшей сестрой и запирали ее в подвале. Ей стали сниться кошмары с тех пор, как она прибыла на Экелар, хотя с момента последнего прошло несколько месяцев.

— Пожалуйста, не уходи, — захныкала она.

Эолин порылась в вырезе своего платья и вытащила серебряную паутину из тайника.

— У меня есть идея. Ты можешь сохранить очень важный секрет?

Мгновенно глаза Гемены загорелись от любопытства. Она решительно кивнула.

Эолин осторожно положила серебряную паутину на ладонь Гемены. Подвеска, маленькая, но изысканная, была сделана из крошечных кристаллов кварца, вплетенных в серебряные нити.

— Это очень старая магия, женская магия, — сказала Эолин. — Способы плетения были утеряны для нас, поэтому ты должна хорошо о нем заботиться. Если неправильно воспользуешься этим, повредишь или потеряешь его, у нас больше никогда не будет другого.

— Что оно делает?

— Позволяет тебе найти друга. Оно может привести туда, где я нахожусь, в мгновение ока.

Гемена присвистнула сквозь зубы.

— В Южный Лес?

— Через все королевство, если понадобится. Все, что тебе нужно сделать, это

раскрутить ее и произнести заклинание, которому я тебя научу, и сфокусировать свое сердце и весь свой дух на мне.

— Я могу прийти к тебе в любое время?

— Нет. Не в любое время. Ты можешь использовать эту магию только в том случае, если тебе или одной из твоих сестер грозит серьезная опасность. Ты должна пообещать мне, что не будешь использовать его в другом случае. Понимаешь?

Гемена кивнула, обхватив пальцами кулон и прижав его к сердцу.

— Где ты его нашла?

— Король Акмаэль дал мне его давным-давно.

— Король-Маг? — Гемена нахмурилась. — Но ты сказала, что это женская магия.

— Ее соткала его мать, Бриана из Восточной Селен. Она подарила его, когда он был ребенком. Затем, в один прекрасный день, он обнаружил, как его использовать. Серебряная паутина привела его в Южный лес, где мы и встретились. Много лет спустя, после восстания моего брата, когда король простил меня и позволил вернуться в Моэн, он отдал мне серебряную паутину.

— Зачем?

— Украшение несет в себе сущность нас обоих. Пока оно у меня, я могу найти Короля-Мага так же, как ты сможешь найти меня.

— Да, но зачем тебе его искать?

Эолин колебалась.

— Это трудно объяснить, Гемена. Просто король и я...

Комок застрял в горле Эолин. Она привлекла Гемену к себе, прижавшись губами к шелковистым волосам девочки, вдыхая ее чудесный аромат меда и теплого хлеба.

— Король Акмаэль дал это мне, потому что он не хотел, чтобы я боялась, точно так же, как я не хочу, чтобы ты боялась снова.

— Ты когда-нибудь использовала его, чтобы пойти к нему?

— Нет. Никогда.

«Должна ли я?»

— Я рада, — Гемена крепче сжала талию Эолин. — Я рада, что ты не пошла к нему. Бьюсь об заклад, если бы ты это сделала, он бы никогда не позволил тебе вернуться.

Той ночью Гемена спала с Эолин. Когда мага проснулась на следующее утро, ее подопечная уже встала. Эолин нашла ее на кухне с Катариной и Ташей. Все три девочки сидели на высоких табуретах, болтая ногами, разрывая черный хлеб и глотая сытный чай Ренаты. Они дразнили и тыкали друг друга, пока старая мага увещевала их замолчать.

Девочки постарше, Мариэль и Сирена, сидели немного в стороне, склонив головы в тихой беседе, с сумками наготове у ног.

Адиана нависала над ними, освежая запасы хлеба, фруктов и сыра. Она подняла глаза, когда Эолин поставила свою сумку, подмигнула и сказала:

— Ну, разве ты не похожа сегодня утром на магу-воительницу с мечом на бедре и посохом в руке!

Девушки ахнули и захихикали от восторга, но Гемена разочарованно застонала.

— Ты берешь Кел'Бару?

— Конечно, дитя, — отрезала Рената. — Это ее оружие, не так ли? Она может взять меч, куда ей заблагорассудится.

Гемена нахмурилась и выпятила нижнюю губу.

— Тебе стоит купить себе кольчугу, — сказала Адиана. — И красивый блестящий шлем. И пару причудливых рукавиц, подобных тем, что сэр Бортен доставил из Мойсехена.

— Я бы потеряла себя под таким количеством металла, — Эолин заняла место за столом и приняла от Ренаты чашку чая. — Я ничего не услышу, ни деревьев, ни животных. Ни растения, шепчущиеся на ветру, ни землю, пульсирующую под ними.

— Не имеет значения, — Адиана взяла щедрую порцию сыра и угостила Эолин. — Тебе не нужно ничего слышать, если у тебя на груди металлическая пластина и меч в руке. Вот почему мужчины не утруждают себя слушанием. Зачем им это, если они могут решить свои разногласия несколькими хорошими ударами?

— Если ты берешь Кел'Бару, ты должна взять всех нас! — заявила Гемена. — Катарина и Таша тоже хотят пойти.

Трое младших прыгнули на Эолин с широко раскрытыми, страдающими глазами.

— Она права, Мага Эолин. Пожалуйста, возьми нас с собой!

— Когда тебя не будет, здесь делать будет нечего.

— Что значит, делать будет нечего? — Эолин всплеснула руками в притворном раздражении. — Всем вам нужно освоить заклинания, прежде чем я вернусь. А если этого недостаточно, у Маги Ренаты и госпожи Адианы есть много уроков и занятий для вас. Ваши дни будут очень насыщенными. Кроме того, маге никогда не бывает скучно, потому что ее радость...

— ...происходит от бесконечного обновления самой земли, — продекламировали они в унисон, прежде чем разразиться преувеличенными стонами.

Адиана обвила руками плечи девочек и с озорной ухмылкой заговорила им в ухо:

— Мы будем делать пироги, хлеб и желе. Мы съедим столько сладостей, сколько захотим, пока Мага Эолин не будет.

— Это не правда, — Гемена возмущенно пожала плечами. — Ты говорила это в прошлый раз, когда она уезжала, и тогда это тоже было неправдой.

— Ну, ты поймала меня на месте преступления, не так ли? Умная девочка! — Адиана схватила Гемену и безжалостно защекотала ее. — Теперь ты знаешь, что не следует слушать мои обещания. И это хороший урок: никогда не верь обещанию.

С визгом девочка вырвалась из хватки Адианы и оббежала стол, укрылась рядом с Эолин. Ее маленькое тело сотрясало от бездыханного смеха, когда мага притянула ее к себе.

— Я хочу пойти с тобой в Южный лес, — сказала Гемена, обнимая Эолин за талию.

Сердце Эолин дрогнуло, охваченное внезапной ностальгией, сильной радостью общения, смешанной с навязчивым чувством, что все, что она больше всего любила в жизни, постоянно ускользало.

— Ты побываешь там, — она смотрела на всех, пока говорила. — Когда Мариэль, Сирена и я вернемся, мы организуем еще одну поездку для всех. Мы вместе отправимся в Южный лес и будем танцевать среди деревьев под светом следующей полной луны.

Они завопили, захлопали в ладоши и принялись убирать со стола.

Эолин ожидала, что для них приготовят трех лошадей, но, к ее большому огорчению, сэр Бортен и Делрик ждали с пятью лошадьми.

Делрик был новым членом гвардии, остался с несколькими другими после визита короля. Невысокий и коренастый, со смуглым лицом и неопрятным видом, он коротко кивнул Эолин, прежде чем заняться лошадьми.

Мага обратилась к сэру Бортену резким и окончательным тоном:

— Я же сказала, что нам не нужен эскорт.

Бортен закончил поправлять подпругу, сжал челюсти и сфокусировал взгляд внутрь себя. Это был высокий, хорошо сложенный мужчина с прекрасными светлыми волосами и ясными голубыми глазами.

— Это мне решать, Мага Эолин.

— Мы едем в Южный лес. В этом королевстве нет места, которое я знаю лучше, нет места более безопасного для меня и моих учениц, — Южный Лес был ее последним убежищем от воинов, подобных этим двоим, и Эолин хотела, чтобы так оно и оставалось. — Мне нужно, чтобы вы остались здесь с Ренатой, Адианой и детьми. Вы поклялись защищать Экелар, сэра Бортен.

— Мои люди поклялись защищать Экелар, — он повернулся к ней с решительным выражением лица. — Я поклялся защищать вас.

Вызов в его тоне заставил Эолин задуматься.

Сэр Бортен посвятил три года своей жизни этому одинокому аванпосту на краю королевства. В это время Эолин работала с ним, спорила с ним, но так и не узнала его по-настоящему.

У него была семья где-то в Моэне, родня на севере, если она правильно помнила. Много лет назад он убил отца Акмаэля на рыцарском турнире, ошибка, которая должна была стоить ему жизни, но последним приказом старого короля было помилование молодого рыцаря. Акмаэль удовлетворил это желание и вернул Бортену рыцарское звание первым актом милосердия за время своего правления.

Говорили, что Бортен доблестно сражался в битве при Эрундене и спас жизнь Акмаэлю. Но Эолин мало что знала о нем. Для нее он был просто нежелательным бременем, навязанным ей королем. Его бдительность была постоянной занозой в ее боку, и она никогда не позволяла ему забыть об этом.

«Возможно, на этот раз я могу позволить ему спокойно исполнить свой долг».

— Хорошо, — решила она. — Вы можете сопровождать нас, сэра Бортен. Полагаю, вы с Делриком взяли дополнительные припасы? Мариэль, Сирена и я упаковали еду только на троих. Мы не можем допустить, чтобы наши защитники голодали.

Плечи Бортена расслабились, и он удовлетворенно кивнул.

— У нас есть то, что нам нужно, Мага Эолин. Спасибо.

Они двинулись на юго-восток вдоль реки Тарба, перешли вброд ее притоки и разбивали лагерь на ночь на берегах. Река была высокой и мутной от недавних дождей, а по утрам сырая земля источала густую дымку, окрашивавшую пейзаж в приглушенные оттенки розового и золотого.

Камыши качались в переменчивых течениях, а серебристо-голубые цапли наблюдали за происходящим из полузакрытых мест вдоль берега реки, их шеи были длинными и изящными, а походка была медленной и величественной.

На второй день путешествия Эолин воспользовалась присутствием цапель, изменив облик Мариэль и Сирены, чтобы они могли кое-что узнать о магии водоплавающих птиц. Она шла босиком по травянистым берегам, тихо, чтобы не тревожить животных, но не слишком далеко от преображенных девушек.

Веселое журчание реки вернуло боль в ее сердце. Это напомнило ей о том дне, когда они с Акмаэлем впервые играли детьми в верховьях Тарбы, глубоко в Южном лесу. Они

исследовали ее кристаллические глубины в поисках радужной улитки и вместо этого столкнулись с другими чудесами. Ее смех звучал громко и свободно, его поведение было серьезным и внимательным. Было странно, как те дни могли уйти навсегда и все же быть такими настоящими.

Эолин обхватила себя руками и подняла лицо к ветру, вдыхая свежий аромат ила и осоки. На невысоком холме рядом ждали мужчины с лошадьми, Делрик осматривал местность, взгляд Бортена был устремлен на Эолин и ее учениц, безмолвных часовых под полуденным солнцем.

Ближе к вечеру третьего дня в поле зрения показался Южный лес, темное пятно высоких дубов и гигантских сосен, возвышавшихся над заброшенными полями. Мариэль захлопала в ладоши и вызвала Эолин и Сирену на гонку.

Мага рассмеялась и прищорила коня. Наклонившись, она соединила свой дух с животным, синхронизировав копыта с пульсом своего сердца.

Через мгновение она оставила девочек позади. Ветер срывал ленты с ее волос, запах коня и летнего пота пропитывал ее чувства. Высокие ветки тянулись к ней, и она закрыла глаза, открыв их как раз вовремя, чтобы увидеть, как лес тянется в темных объятиях.

Эолин остановила коня, дыхание было прерывистым, щеки покраснелись, а волосы закрутились в дикие кудри.

Густая листва и тяжелые стволы закрывали солнце, стирая все следы оставленного мира. Мага спешила и вдохнула насыщенный аромат сосны, суглинка и летних трав. Она встала на колени, чтобы погладить листья и стебли молодых кустов.

Шепот могучего черного дуба поднял ее на ноги. Подойдя к древнему дереву, Эолин положила ладони на его грубую кору и прижалась телом к твердой опоре его ствола. Направляя свои чувства к реке жизни внутри, она сплела щупальца своего духа вокруг ее постоянного течения, черпаемого из глубин земли и доставляемого невидимыми облаками к небу, тянущего ствол и ветви между двумя мирами.

— Это я, дорогой друг, — пробормотала она, довольная тихим объятием. — Наконец-то я пришла домой.

Бортен и Делрик разбили лагерь на небольшой поляне, а Эолин отправилась исследовать местность с Сиреной и Мариэль.

Среди учениц Эолин Сирена была самой одаренной, когда дело доходило до языка растений. В Экеларе она часами сидела в гербарии, слушая хрупкий шепот коллекции, удаляя образцы, чья магия угасла, и заменяя их свежими травами. В лесу Сирена улавливала настолько тихие голоса, что даже Эолин не могла их услышать. Она находила спрятанные грибы и крошечные растения, всегда возвращаясь из леса с новыми лекарствами в руках.

Мариэль же легко разговаривала с животными и обладала сверхъестественным даром говорить на языке камней. Стражи Бортена иногда шутили, что зайцы охотно попадались в силки Мариэль, настолько они были очарованы ее голосом. Эолин чувствовала движение лесных существ, когда Мариэль двигалась среди деревьев, словно пробуждение на рассвете. Волки будут привлечены к Мариэль в сумерках. Возможно, Рысь тоже появится до утра.

Вечером, прежде чем сумерки покинули небо, Эолин предоставила своих учениц самим себе и попрактиковалась в фехтовании с сэром Бортемом. Она чувствовала себя безнадежно неловко с Кел'Бару, но Бортен оказался терпеливым учителем, и Эолин решила научиться всему, чему сможет, из уважения к желанию Акмаэля. Рыцарь заставлял Эолин выполнять упражнения, требуя, чтобы она повторяла одну и ту же последовательность шагов снова и

снова.

— Вы должны освоить эти упражнения, чтобы каждое движение плавно перетекало в следующее, — сказал он. — Каждая стойка, которую вы изучаете, должна стать для вас такой же инстинктивной, как изменение облика.

Эолин опустила меч и вытерла пот со лба.

— Мне потребовалось семь лет, чтобы научиться менять облик. Больше, чтобы изменение облика стало инстинктом.

— Именно так, — Бортен кивнул и велел Эолин начать снова.

Наступила ночь, окутавшая Южный лес тенями и ставшая долгожданным завершением их урока.

Сэр Бортен всегда строго разделял свою охрану и женщин из шабаша Эолин. В результате в тот вечер он и Делрик сидели у собственного костра, в нескольких шагах от костра, который делили Эолин, Мариэль и Сирена.

Пламя кашляло, потрескивало и посылало в небо град искр. Мариэль и Сирена сидели близко друг к другу, обмениваясь мелодией шепота и хихиканья о каком-то юноше, которого они видели во время своего последнего визита в Моэн.

Глядя на них, Эолин задавалась вопросом, испытывала ли ее наставница, Дуайен Гемена, те же эмоции, когда ее подопечная приближалась к женственности: эту смесь сладкой радости и глубокой ностальгии, которая растворялась в печали, если она позволяла чувству задерживаться надолго.

Тихо Эолин встала и отошла от костра, предпочтя еще немного побродить среди деревьев.

Не было тьмы более успокаивающей, чем ночь в Южном лесу, и не было темнее тени. Эолин завернулась в мягкий изношенный плащ, довольствуясь звуками леса. Небо было ясным, и она с нетерпением ждала спокойного сна под звездным небом.

Следующей весной Сирена и Мариэль станут волшебницами именно в этом месте. Как и Эолин, они будут поститься в Южном лесу и просить о посохе. Дракон явится им в образе духа животного, предсказывая трудности и благословения, с которыми столкнутся девушки.

Согласно традициям Старых Порядков, Мариэль и Сирена также должны были быть готовы к Высокой Церемонии Бел-Этне, освящению эн-ласати, пробуждению страсти и желания. Это поставило перед Эолин дилемму, которую она еще не решила. Старые порядки исчезли, а вместе с ними и числа, которые давали анонимность женщинам, проходящим инициацию. Маски были бы бессмысленны всего с двумя девушками, да и в любом случае, какому магу она могла доверить такое священное мероприятие?

На ум пришел Кори из Восточной Селен: его пронизательные серебристо-зеленые глаза и запах его магии, острый, как зимний снег.

Эолин подавила смех. Несомненно, маг Кори взялся бы за проект с большим энтузиазмом, но, хоть Эолин знала его, она ему не доверяла.

Мага остановилась на краю другого круга света и поняла, что добралась до огня Бортена и Делрика.

Рыцарь сразу встал. Его взгляд метнулся мимо плеча Эолин во мрак леса.

— Мага Эолин, — сказал он. — Что-то не так?

— Нет, — она перевела взгляд с Бортена на Делрика, застигнутого в тот момент, когда он отрывал кусок вяленого мяса. — Всё в порядке, сэр Бортен. Просто... Девушки заняты своими разговорами, и я подумала, что могла бы посидеть у вашего с Делриком огня, если

вы меня пригласите.

Делрик пожал плечами и продолжил жевать свою еду.

Сэр Бортен озадаченно посмотрел на Эолин.

Неловкое молчание не давало ей покоя. Она отошла.

— Простите, сэр Бортен. Я не хотела тревожить ваш вечер. Если вы меня извините...

— Нет, — он подпрыгнул, будто вышел из транса. — Пожалуйста, Мага Эолин, присоединяйтесь к нам. Простите мою грубость. Я просто не ожидал...

Его слова растворились в тишине.

Улыбка поднялась из глубины духа Эолин и теплом скользнула по ее губам.

— Вы не ожидали, что я появлюсь, если не было проблем.

Бортен издал низкий смешок. Он указал на полено у костра и сел рядом с ней. Эолин не могла не заметить его тяжелый после долгого дня запах, пропитанный следами суглинка и свежемельченых листьев.

«Он пахнет лесами Моэна».

Бортен подобрал ветку и пошевелил ею костер.

— Девочки довольны своим днем в лесу?

— О, да! Как иначе? Это место — рай для всех нас.

Делрик хмыкнул и сделал глоток вина. Он вытер рукавом мокрую бороду и протянул флягу Эолин. Она приняла с благодарностью.

Бортен кашлянул и сказал:

— Если позволите, Мага Эолин. То, что вы здесь делаете, очень важно.

Неловкое заявление смутило ее.

— Вы про пробу вина с вами и Делриком? Я была бы счастлива чаще сидеть у вашего огня, просто я всегда думала...

— Нет, — он нахмурился и покачал головой. — То есть, да. Вам всегда рады у нашего костра, Мага Эолин, но я не об этом. Это важно, дом, который вы дали этим девочкам. Жизнь, которой вы их учите.

Эолин моргнула, ошеломленная. Она взглянула на другой костер, где хихиканье Мариэль и Сирены освещало ночь.

В Экеларе Таша, Катарина и Гемена уже должны были лечь спать. Рената и Адiana, без сомнения, допивали последний глоток вина из бочки.

Каждая из их красивых и одаренных учениц вышла из бедности, насилия и пренебрежения. Их семьи видели в Экеларе не место рождения новой эры магии, а способ избавиться от нежелательных дочерей. Даже Рената и Адiana, взрослые женщины с необычайными талантами, присоединились к шабашу Эолин, потому что им больше некуда было идти.

Эолин мутило, потребность поделиться с Бортенем этой мечтой затаилась глубоко в ее сердце. Мечта, которая стоила ей мужчины, которого она любила.

— Ни одной из моих учениц нет места в этом мире, какой он есть. Я верю, что боги собрали нас вместе, Ренату, Адриану и всех девочек, чтобы мы могли построить новый собственный мир, — она снова посмотрела на Бортена, опасаясь того, что могла найти, и с облегчением обнаружила понимание и уважение.

Делрик расхохотался и резко встал. Он вытянул руки, ища тени прищуренными глазами.

— Тогда, пожалуй, я пойду в дозор первым.

Мужчина сплюнул, прежде чем уйти в кусты, где он выругался на какой-то заблудший

корень, о который споткнулся по пути.

— Я его чем-то обидела? — спросила Эолин, глядя, как он уходит.

— Нет, ни в коей мере, Мага Эолин.

— Он не сказал мне ни слова с тех пор, как мы покинули школу.

— Делрик предпочитает слушать, а не говорить. Ни у кого из моих людей нет более острого слуха. Вот почему я попросил его сопровождать нас.

— Ясно, — она опустила флягу Делрика и сложила руки на коленях. — Я думала, сэр Бортен. Раз вы учитесь обращаться с мечом, возможно, я смогу отблагодарить вас и научить немного магии.

Губы Бортена тронула улыбка.

— Я благодарен за ваше щедрое предложение, Мага Эолин. Но я думаю, что я слишком стар, чтобы стать магом.

— Когда-то я и не думала, что буду изучать магию. И Кедехен был похож на принца. Боги сами решают, кто увлекается тем или иным делом и получит их дары. Я, например, верю, что Дракон хочет, чтобы вы научились магии. Иначе с чего бы боги заставили короля назначить вас в мой Экеларом здесь, в Моэне?

Выражение лица Бортена стало полным сомнений.

— Боги хотят, чтобы люди вернули свои долги.

— Долги? Какие долги?

Бортен не ответил, но направил свой взгляд на мерцающее пламя.

— Ваш долг перед королем? За случай в Эостаре, в котором погиб его отец?

Бортен по-прежнему молчал, и Эолин почувствовала, что она шагнула на запретную территорию.

— Ну, неважно, — весело сказала она. — Тогда просто скажем, что изучение магии будет частью погашения ваших долгов. У вас есть чашка, сэр Бортен? Подойдет любой небольшой сосуд с небольшим количеством воды.

Он достал из рюкзака деревянную кружку. Эолин вытащила из-за пояса немного свежей мяты, бросила в воду и вернула ему чашку.

— Я покажу вам первый трюк, которому меня научила Дуайен Гемена. Мы сделаем чашку чая.

В ее голосе был дух, которого она давно не чувствовала, будто она снова была молодой и беззаботной под золотисто-зеленым пологом этого великого леса.

— Вы должны держать чашку обеими руками и стоять, плотно прижимая ноги к земле, будто... — Эолин искала метафору, которую он мог бы понять. — Будто вы собираетесь идти в бой, все ваши чувства открыты для окружающего пространства, и весь ваш дух сосредоточен на поставленной задаче.

Бортен встал. Впервые Эолин заметила, насколько широки его плечи. Она подошла к нему сзади и положила руки ему на спину, растопырив пальцы на его льняной тунике.

Мускулы Бортена напряглись.

— Закройте глаза, — сказала она, — и дышите.

Она почувствовала расширение его легких под своими ладонями.

— Что вы чувствуете у своих ног, сэр Бортен?

— Землю.

— Да, землю. А внутри земли? Что вы там чувствуете?

— Основу моей силы.

Не то, что могла бы сказать одна из ее девочек, но слова звучали правдоподобно.

— А теперь сделайте еще вдох и скажите, — продолжала Эолин, — что вы чувствуете в воздухе?

Снова чудесное расширение под сильными мышцами спины. На мгновение Эолин вспомнила Акмаэля.

— Воздух — это якорь жизни, этого мира и людей, которых я... людей, которых люблю.

Эолин закрыла глаза, тронутая тем, как хорошо он понял упражнение, с какой готовностью добавил магию в свой дух.

— А теперь вода в вашей чашке, сэр Бортен. Расскажите мне об этом.

— Спокойствие. Небольшой резервуар великой силы.

Руки Эолин переместились к его плечам. Она прижалась ухом к его спине и прислушалась к глубокому, ровному ритму его ядра.

— А ваше сердце, сэр Бортен? Что вы чувствуете в своем сердце?

— Пламя, — его голос был подавлен. Вместе с ним исчезли все звуки ночи. — Нескончаемый огонь.

Магия леса пульсировала у их ног, готовая откликнуться на его приказ.

— Вот ваша сила, сэр Бортен. Теперь вот что вы должны сделать. Соедините вместе все элементы, о которых вы мне только что рассказали: землю под собой, воздух в легких, воду в чашке и огонь в сердце. Представьте, что все это сливается в единую сияющую точку света, и когда вы увидите этот свет, повторите эти слова: *Эхекату нэом цефур. Эхуки.*

Ночь сгустилась от его усилий. Магия начала подниматься от земли через ноги Бортена, наполняя его торс и окутывая его дух. Сила вихря вытащила второй поток из Эолин, и ее магия покалывала, перейдя из ее рук в его спину.

Бортен сделал ровный вдох и выдохнул слова.

Эолин убрала руки.

Рыцарь повернулся к ней лицом. От воды в его чашке поднимался пар. Выражение его лица было недоверчивым, ликующим.

Эолин радостно захлопала в ладоши.

— Видите, сэр Бортен? Это не так уж трудно после...

По лесу пронеслись отчаянные крики. С испуганным криком Эолин бросилась к девочкам. Она ворвалась на соседнюю поляну и резко остановилась при виде зверя, раскачивающегося на длинных светящихся конечностях. Множество зияющих ямок занимало место, где должны были быть его глаза и рот. В одной руке с черными когтями он держал Сирену. Грудь девушки была разорвана от горла до грудины. Изодранный лиф был черным от крови.

Зрение Эолин затуманилось. Ее сердце взорвалось. Она схватилась за ребра, дыхание превратилось в прерывистые вздохи. Ее колени подогнулись. Бортен схватил ее за руку и поднял Эолин на ноги. Их взгляды встретились.

«Все ваши чувства открыты».

Рыцарь отпустил ее и подошел к монстру с мечом в руке.

«Весь ваш дух сосредоточился на поставленной задаче».

Эолин подавила горе, рассеявшее ее мысли.

Мариэль сжималась в тени, держала посох Эолин. Слезы текли по лицу девушки. Ее плечи тряслись, как листья на ветру.

— Мариэль, — голос Эолин был спокоен. — Опусть мой посох и взберись на бук

позади тебя, так быстро и высоко, как только сможешь.

— Но Мага Эолин...

— Делай, как я говорю. Если дела пойдут плохо, ты не должна спускаться до рассвета.

Всклипнув, юная мага взбежала по дереву. Эолин подозвала к себе посох. Водяной кристалл вспыхнул, отбрасывая свет цвета слоновой кости на угасающий огонь, полностью освещая существо.

Монстр застонал, жадный вой родился из ненасытного голода.

Эолин шагнула вперед, обойдя Бортена слева.

— Оставайтесь позади меня, — приказал он.

— Вашего меча может быть недостаточно, — ответила она.

Делрик вылетел из леса с воинственным кличем. Бортен прыгнул вперед, и они атаковали как один, сверкая клинками в серебристом свете.

Существо встало на задние лапы и схватило Делрика когтистыми руками, разорвав горло коренастого человека и отбросив его труп в сторону.

Бортен отшатнулся, на его лице отразились страх и замешательство.

— Мечи, — выдохнул он. — Мечи ничего не делают.

С ужасом Эолин поняла правду его слов. Их мечи не оставили следов, хотя они много раз порезали его плоть.

Монстр поднял сплюснутую морду к небу, издав глухой крик. Он атаковал Бортена, который отползал, уклоняясь от удара за ударом.

Эхекат, фэом думэ!

Оглушительный рев вырвался из посоха Эолин. Существо, спотыкаясь, отшатнулось от рыцаря, мотая лысой головой и нанося удары в пустоту.

Нэом энре!

Огонь вырвался из ладони Эолин и поглотил монстра красным пламенем. Он упал на колени, издав пронзительный крик. Давление на уши Эолин стало невыносимым. У нее перехватило дыхание. Магия вышла из-под ее контроля. Пламя угасло, и существо, невредимое, с трудом поднялось на ноги, его нефритовая кожа сияла.

Его черная пасть работала медленно и ритмично. Угольные глаза закрылись и снова открылись. Внимание существа было обращено на Эолин, и его глубокий, навязчивый стон заставил ее содрогнуться.

Опустившись на четвереньки, к ней шел демон Наэтер.

— Нет! — Бортен вскочил на него с бесполезным мечом в руке. Существо оттолкнуло его. Бортен с громким треском ударился о ствол соседнего дерева. Его тело безвольно упало на землю.

Эолин парализовало от ужаса. Она не могла двигаться, она не могла думать, пока демон Наэтер приближался. Посох выскользнул из ее пальцев. Кристаллический свет погас. Тьма окутала лес. Ужасное урчание существа гудело в ее ушах.

Эолин.

Это был голос ее отца, подумала она, или голос ее брата, зовущий через пустоши мертвых, предвкушающий ее возвращение в их объятия.

Эолин!

Она моргнула, узнала голос и поняла.

В мгновение ока Кел'Бару освободился из ножен. Металл зазвенел, когда Эолин замахнулась. Кел'Бару врезался в туловище существа. Вязкая плоть разошлась и отпрыгнула от

оружия.

Закончи это.

Голос Кел'Бару был как голос Акмаэля, мальчика, который пытался научить ее сражаться и убивать.

Сжав обеими руками рукоять, Эолин провела галийским мечом по животу существа, выпустив грязную реку чернильной крови.

Монстр вскрикнул и упал, схватившись за рану.

Никогда не оставляй противника полумертвым.

Она устремилась к демону и наносила удары снова и снова, вонзила клинок в его грудь, рассекла плечо, отрубила ему голову, конечности, разрубая зверя на столько частей, сколько могла, пока Бортен не появился рядом с ней, зовя ее по имени и вырывая из бойни.

Переполненная потерей и яростью, Эолин била кулаками в грудь Бортена, пока он крепко обнимал ее.

Рыцарь убеждал Эолин замолчать, целуя ее волосы между словами утешения и мужественно ожидая, пока ярость Эолин не уступит безутешным рыданиям.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Фэрнворн

Маг Кори осмотрел раскисшую вересковую пустошь, обширную равнину, простиравшуюся на север и запад к неизведанным землям. В лужах воды отражалось тусклое небо. Кустарники и травы росли пестрыми зарослями шалфея и красновато-коричневого цвета. Одинокий визг коршуна поднялся над трясинной, а затем погрузился в запустение. Рядом паслись овцы в тишине, которую время от времени нарушал глухой звон колокольчиков.

— Будь оно проклято, — пробормотал Кори и тяжело зашагал по короткому склону.

Беспокойный гул заполнил посох мага, а его малахитовый кристалл зажужжал, как пчелиный улей. На краю этих пустошей можно было ожидать случайных вспышек магии, но Кори не мог отделаться от ощущения, что что-то очень важное ускользало от него.

В течение многих дней он бродил по этой местности, словно сумасшедший отшельник, преследуемый неуловимыми мечтами и бессмысленными видениями в этом заброшенном уголке королевства. Путь его пролегал вдоль северных окраин Мойсехена, от лесов Селен к руинам Берлингена, затем через предгорья Восточного Сурмаэга к Тору Биндеру, где его встретили прохладно скучающие и равнодушные стражи — он планировал рассказать об этом сэру Дростану во время следующего визита в Город.

— Мальчик! — позвал он.

Пастух вскочил и закрутился, словно не ожидал увидеть еще одну человеческую душу, хотя они прибыли сюда вместе не более часа назад.

— Покажи мне, о чем ты говорил мне сегодня утром.

Парень кивнул и свистнул своей собаке. Дворняжка шла за ними по пятам, пока маг и юноша шагали к следующему подъему. Оттуда они могли видеть длинную линию гранитных монолитов. Это был Ахмад-фухран, многовековой магический барьер, окаймлявший пустоши, перекрывающий пропасть между Восточным и Западным Сурмаэг, отделяющий мир живых от царства мертвых.

Посох Кори затрещал. Голос его снов вернулся непрошенным, внезапным шипением на ветру. Маг закрыл глаза и призвал древний оберег. Хватка призрака отступила, как ледяной туман.

— Тот и тот, — грубый акцент мальчика вернул Кори обратно в мир бодрствования. — На прошлой неделе они не были такими. Они были прямыми, как стрела. Глядели на небеса, как говорит мой папа.

Кори нахмурился, глядя на покосившиеся колонны. Было разумно, что земля сдвинулась. Земля под болотом была предательской, способной проглотить эти монолиты целиком, позволив им колебаться и наклоняться.

— Это правда, что говорит мой папа? — грязные пальцы мальчишки скользнули по его кривому посоху. — Па говорит, что в пустошах обитают демоны, и единственное, что их там удерживает, — это камни. Если камни начнут шевелиться, значит, надо бежать к Рёнфину или Галии, может, даже к Параменским горам, потому что они выследят нас и убьют точно так же, как волки убивают зайцев. Вот что он говорит. Но он всего лишь пастух, понимаете? Как я. Что мы знаем о демонах?

Глаза Кори следовали за линией гранита, пока она не исчезла вдаль.

— В этих пустошах нет демонов и никогда не было. Существа, о которых говорит твой отец, были из плоти и крови, как и мы. Хищники самого злобного вида. Тут они покинули наш мир, давным-давно.

— Куда они пошли?

— Они были изгнаны в царство мертвых магами Древнего мира. Когда они погрузились в недра земли, они увлекли за собой горы, разделив Сурмаэг на Восток и Запад, оставив после себя пустоши.

— Они могут вернуться?

— Нет, — Кори ответил без колебаний, хотя в его животе завязался ком неуверенности. — Проклятие, наложенное на них, было необратимым.

— Тогда кто положил туда камни? Для чего они?

— Мои предшественники оставили их. На память, наверное.

«Или это была предосторожность».

Обещание убежища, рассчитанное на тысячу лет.

Маг Кори не стал задерживаться в пустошах. На следующее утро он оставил пастуха и его семью с подарками в виде еды и благословений. Он повернулся к Королевскому городу, выдержал много дней пыльного пути, прежде чем достиг западных ворот, утомленный и благодарный за конец путешествия.

Стражники сразу узнали его, разрешили пройти через большую каменную арку. Кори нашел их радушный прием странно разочаровывающим. Бесчисленное количество раз он сталкивался со смертью в этом городе. Он звал домом самые высокие башни замка и самые глубокие подземелья. Теперь, даже когда он наслаждался более яркими улицами и более прекрасными временами, маг скучал по предвкушению остроумных игр против Церемонда, по напряжению неопределенного будущего, по свободе своего Круга.

Где теперь его прекрасные танцовщицы, его темпераментные музыканты, его случайные любовницы? Оборванная команда счастливых повстанцев, составлявшая Круг Кори, была рассеяна и потеряна, как листья на осеннем ветру.

А самый ценный член спрятался, как соня в зимнее время.

Копыта его лошади цокали по булыжникам, пока Кори ехал по извилистым улочкам. Хорошо запомнившиеся запахи города атаковали его чувства: пот и моча, свежее мясо и гниющие овощи, мокрая шерсть и несвежий навоз, надушенные шляхи и горький эль. Дети бегали рядом с ним, звали его по имени и выпрашивали сладости, которые он дарил тем, кто

мог разгадать его загадки или сочинить ему стишок.

Во времена правления отца Акмаэля Королевский город был мрачным местом нервных перешептываний и сдерживаемых страстей. Но теперь Боги вдохнули жизнь в этот город. Каждый проход был переполнен купцами и ремесленниками, художниками и музыкантами, соотечественниками и иностранцами, участвовавшими в бурном обмене словами и товарами.

Наконец, переулки расширились и превратились в улицы, указывая на то, что он прибыл в Квартал Магов, район широких променадов, украшенных изящными саженцами и ароматными травами. Каменные дома имели высокие окна. Внушительные арки охранялись стражами в чопорных позах. Неприятные запахи нижних помещений по большей части исчезли, и беготня уличных мальчишек сменилась неторопливой походкой магов в длинных мантиях, занятых размышлениями или тихими беседами. Некоторые поднимали головы, когда Кори проезжал мимо, узнавали его и кивали в знак приветствия.

Кори остановился у портала резиденции Верховного Мага Телина, который, как и подобает давнему члену Королевского Совета, занимал одно из самых впечатляющих зданий Квартала. Две каменные статуи отмечали вход во внешний двор, одна изображала мага, а другая, заказанная вскоре после снятия запрета, магу. Телин был первым, кто приветствовал возвращение женской магии в Мойсехен. С тех пор статуи Эйтны появились по всему Городу, часто со свежими лилиями и мерцающими свечами у их ног.

— Толку для нас нет, — пробормотал Кори, проходя между изображениями, — иметь только маг, отлитых в камне.

Телин приветствовал его сердечным объятием, держа в руке книгу в кожаном переплете. Высокий и худощавый, маг видел мало солнца с момента их последней встречи. Его темная борода очерчивала тонкую линию вдоль угловатой челюсти, а пронизательные черные глаза искрились любопытством.

— Как приятно тебя видеть, — сказал Телин. — Мы начали задаваться вопросом, что заставило вас так долго оставаться в Восточной Селен.

Он провел Кори в просторную приемную с видом на городскую площадь. Гобелены и картины покрывали стены. Столы и полки были заполнены всевозможными артефактами, что свидетельствовало об увлечении Телина разнообразными магическими искусствами. Кори провел рукой по каменной фигуре древнего бога, а затем осмотрел необработанный кристалл аметиста.

Много лет назад он присутствовал здесь на мероприятии с Эолин, за несколько дней до великого праздника Бел-Этне, когда она была простой танцовщицей с неуловимым прошлым. Он представил ее всем как свою супругу и втайне желал этого. Но сначала ее отвлек брат Ришоны, Тамир, а затем Король-Маг забрал ее навсегда — такой поворот событий Кори не расстроил бы так сильно, если бы Эолин хотя бы воспользовалась возможностью.

Телин наложил звуковой оберег и подал немного вина.

— Какие новости о маге? — спросил Кори.

— Говорят, две ее девушки следующей весной подадут прошение о посохах, и еще три за ними.

— А визит короля?

— По всем параметрам все прошло хорошо. Они провели в Моэне почти две недели, прежде чем были вынуждены вернуться из-за беременности королевы.

— Тэсара беременна?

— Разве ты не слышал? — Телин удивленно посмотрел на него. — Посланники короля должны были добраться до тебя по дороге в Селен.

— Я пришел не напрямую из Селен. Я совершил паломничество в Пустоши Фэрнворна путешествуя из Берлингена через железный хребет в Тор Биндер.

— Тор Биндер? — маг приподнял бровь. — Что, во имя богов, привело тебя туда?

— Прихоть. Но я рад, что пошел. Мне нужно многое сообщить. Этот аванпост в плачевном состоянии. Биндер не предназначен для простых солдат. Для него требуются маги высочайшего уровня, люди, способные распознать малейшую брешь между миром живых и миром мертвых.

— Мы должны довести это до сведения короля.

— Да. Итак, королева беременна. Полагаю, я должен сказать, пусть боги даруют ей сына.

— Да сделают так боги.

— А что ее фрейлина, милая и грациозная Соня? — спросил Кори.

— Мало что можно рассказать. Она оскорбила Магу Эолин в присутствии короля. Кроме того, она была необычайно тихой, не желая вызывать каких-либо дальнейших волнений своими словами.

— Это так? — Кори не любил фрейлину не столько из-за ее открытого презрения к магии, сколько из-за тугой нити ярости, которую он чувствовал в ее душе. — Больше ничего не нашли?

— Я поручил нашим лучшим магам изучить ее ауру, но она чиста, как только что выпавший снег. Если она использует оберег, то он лучший из когда-либо созданных. Ни единого шва.

— Тогда, возможно, мы ошиблись насчет нее.

— Возможно, — согласился Телин. — Какой бы ни была правда, она презирает нас и имеет слишком большое влияние на королеву. Мы должны продолжать относиться к ней с осторожностью.

Вино было сладким на языке Кори, хотя и кисловатым в желудке.

— То небольшое могущество Восточной Селен, которое было сохранено благодаря жертве моей кузины Брианы, будет потеряно из-за этой королевы, — сказал он. — Люди Тэсары отвергают магию, и в ее крови нет ничего от Духа Леса.

— Есть те, кто говорит, что это хорошо, — ответила Телин, — что магии нет места в королевском роду, и что король сделал мудрый выбор для будущего нашего народа.

— Возможно, это хорошо для Мойсехена. Не для Восточной Селен.

— Восточный Селен — не забота короля. Знаешь, ты всегда можешь родить собственного наследника.

В смешке Кори была горькая нотка.

— Я мог бы уже это сделать, если бы женщина, которую я выбрал, приняла меня. Дело в том, что она заняла свое сердце менее достойными мужчинами.

— Ах. А эта женщина...?

— Не твоя забота, мой друг. Вернемся к теме Маги Эолин. Есть признаки того, что она выбралась из ямы, которую вырыла для себя в этой жалкой провинции?

— Нет.

— Она растрчивает свои таланты в Моэне. Мы должны вернуть ее в Город.

— Так ты говорил много раз. Ходят слухи, что король согласился и попросил ее вернуться.

— Попросил или потребовал?

Телин поднял руки в жесте умиротворения.

— Он слишком небрежен с ней, — сказал Кори. — Ее пощадили после восстания ее брата, чтобы ее магия служила этому королевству. Она принадлежит Городу, чтобы память о Старом Порядке могла поддерживаться не только бесполезными каменными статуями.

— По всем сообщениям, она добилась успеха, заслужив уважение в Моэне и набрав отличных учеников.

— У нее всего пять девочек. У нее было бы двадцать здесь, и все они были бы под нашим бдительным оком.

Веселье отразилось на лице Телина.

— Старый Церемонд в последнее время посещает твои сны? Полагаю, я слышу, его мысли в твоих словах.

— Даже его подход был бы более пронизательным, чем это полное отсутствие надзора. Король не понимает ценности магии, не говоря уже о том, как использовать ее силу. Если мы не обеспечим место Эолин среди нас, как неотъемлемой части этого Порядка, решение позволить женской магии вернуться в Мойсехен закончится катастрофой.

— Это ты выступал — насколько я помню, страстно — за отмену запрета после поражения Эрнана.

— Намерение состояло в том, чтобы культивировать пламя женской магии, не дать ему угаснуть в пренебрежении или выйти из-под контроля. Однако я смотрю на эту ситуацию, и она не сулит ничего хорошего. Эолин и ее мизерный набор учениц либо закончат медленной смертью маг на высоких равнинах Моэна, либо наберутся сил в среде беспрецедентной свободы. И мы все знаем, что произошло в последний раз, когда маги обладали такой силой.

Телин освежил их вино, темные глаза сузились в сомнении.

— Как Пустоши Фэрнворна вызвали эту новую заботу о наблюдении за магами?

Это был дар Телина, одновременно незаменимый и тревожный: заглянуть за любые дебаты в суть проблем Кори. Это была цена дружбы, которая длилась слишком много лет.

Кори отставил свою чашку и отошел на несколько шагов, сцепив руки за спиной. Его внимание привлек старый гобелен, переплетенные нити изображали женщину, привязанную к голому дереву, с пепельным лицом, искаженным грустью, в тонкой белой сорочке, разорванной на бедре. У ее ног лежал единорог, разрезанный от горла до живота, внутренности плавали в реке крови, которая со временем стала бледно-оранжевой.

— Камни Фэрнворна двигаются, — сказал Кори.

Он ощутил напряжение, охватившее его товарища.

— Невозможно, — ответил Телин, но его тон был настороженным. — Этот барьер был создан на тысячу лет.

— Некоторые из них склоняются на север, вглубь пустошей.

— Неважно. У этих существ нет возможности вернуться.

— Мы не можем быть в этом уверены.

— Прошли столетия с тех пор, как демоны Наэтер были изгнаны. Даже если они упорствуют в Подземном мире, их привязанные к земле тела были забраны дикими землями, разорваны воронами и разбросаны волками. Привязи разорваны, их дух угас. У них не было бы сил вернуться.

— Были бы, если бы кто-то помог им.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Телин снова заговорил:

— Кто бы сделал такое?

— Мага, возможно. Женщина, наверняка. Кто-то с огромной силой, жаждущий мести или завоевания. Не спрашивай меня, откуда я знаю, потому что я не могу сказать.

— Ты говоришь о Маге Эолин?

— Эолин, безусловно, способна. Она отправилась в Подземный мир и принесла с собой его магию. Я сомневаюсь, что она обратит свои дарования на такие цели, хотя кто-то из близких ей мог бы это сделать. Кто-то вдохновленный ее достижениями.

Телин медленно вдохнул.

— И ты веришь, что, приведя сюда Магу Эолин, мы сможем расшифровать эту угрозу. Даже избежать этого?

— По крайней мере, мы могли бы прийти к пониманию реальной опасности, — Кори вернулся к своему вину. — В любом случае, это лишь одна из многих причин привести ее в Город.

— Тебе предстоит трудный спор, друг мой. Я склонен доверять твоему чутью, но короля и его Совет, возможно, не так-то просто переубедить.

— Значение Фэрнворна может быть для них упущено, но Совет прежде преклонялся перед влиянием Церемонда, и многие до сих пор одобряют его наследие благоразумия. Они поймут необходимость бдительности и будут очень рады настаивать на ней.

— Их настойчивость не принесет пользы, если Король не увидит необходимости обуздать ее. Он давно благоволил маге способами, противоречащими здравому смыслу.

— Его привязанность к ней иногда затмевает его разум, — признал Кори, — но это же желание можно обратить в нашу пользу. Совет будет руководствоваться заботой о стабильности, но другие соображения побудят Короля действовать так же верно, как волк защищает свою пару.

— Тогда мы представим наше дело перед Советом и доведем мнение Совета до короля. Если все так, как ты говоришь, мы сможем доставить Магу Эолин и ее шабаш в Город в кратчайшие сроки, возможно, даже к летнему солнцестоянию.

Кори улыбнулся, таким и был его план.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сестры по магии

— Я говорю серьезно, Рената, — слова Адияны были невнятными из-за выпивки. — Бортен был бы отличным женихом для Эолин. Он хороший человек, внимательный любовник...

Вино слетело с губ Ренаты с хриплым смехом.

— Откуда ты знаешь, что Бортен — внимательный любовник?

Адияна пожалала плечами.

— Я вижу это по его лицу.

Рената пронзительно захихикала и покачала головой.

— Видишь это по его лицу? Готова поспорить, ты видела больше, чем его лицо. Ты была беспокойной, как рысь в течке, после Эостара.

Адияна издала притворный возглас протеста и игриво ударила Ренату по плечу.

— Как ты смеешь! Не нужно быть магой, чтобы заглянуть в сердца людей. Знаешь, я кое-чему научилась, работая в тавернах Селкинсен. Я умею читать мужчин так же уверенно,

как Эолин читает свои книги.

— Точно так же, как Эолин читает книги в *постели*, — резко ответила Рената.

Адиана откинулась на одеяло, возмущенно хмыкнув. Они устроились во дворе, чтобы провести вечер за вином и общением, предварительно уложив девочек спать. Прошли дни с тех пор, как Эолин уехала в Южный Лес, и неделя, скорее всего, закончится, прежде чем она вернется.

— А ты обвиняешь меня в том, что я выдумываю небылицы и сплетни! — пожаловалась Адиана. — Даже если я «читала Бортена в постели», какое это имело бы значение? У маг всегда были неукротимые учения в отношении подобных вещей. Разве эн-ласати не источник величайшей женской магии? Клянусь богами, Рената, иногда ты кажешься слишком ханжой, чтобы быть магом.

Ханжа. Рената вертела это слово на языке, помешивая вино. Да, она была такой. Зажатая внутри, сухая, как осенняя листва под ногами. Навсегда связанная неудачами и разочарованиями прошлого.

— Маги Старых Порядков были дисциплинированными женщинами, а не блудницами на летнем празднике. Заявление об их понимании эн-ласати при игнорировании всех остальных их учений оказывает им медвежью услугу. Именно такой миф и привел нас к погребальным кострам.

— О, Рената, — Адиана застонала и потянулась к фляге с вином. — Почему ты так серьезно ко всему относишься? Это закончилось, помнишь? Война, чистки, бунт, запрет. Теперь мы свободны. Маги были возвращены на свое законное место в Мойсехене. У нас есть настоящий Экелар, начинающие молодые маги, защита Короля-Мага и миленький полк красивой стражи. Знаешь, даже ты могла бы немного повеселиться.

Мысль о том, что ее усталое старое тело обвивается вокруг одного из людей короля, заставила Ренату хихикать, пока не затряслись ребра, а звук не сорвался с губ.

— Это дух! — сказала Адиана. — Вот, выпей еще вина. И скажи, кто из стражи тебе нравится больше всего?

— О, ради богов, Адиана! — Рената безудержно смеялась, по ее щекам текли слезы. — Я старая женщина.

— Возраст не имеет значения для настоящей маги. Так говорит Эолин, — Адиана положила голову на плечо Ренате.

Пожилая женщина ответила ей теплыми объятиями, вдыхая сладкие запахи ночи, смешанные с ярким ароматом Адианы, запахами примулы и летних ветров, прибрежного города, который когда-то был ее домом. В тот момент она завидовала не столько ее молодости и красоте, сколько ее неизменной вере в возможность того, что все может быть доведено до конца.

«Когда-нибудь время и опыт сломят эту веру».

Желание и утрата, ужас и смерть, предательство — все это оставалось с человеком до конца дней, оживляя ночные тени, вторгаясь в сны, крадя покой в одинокие предрассветные часы.

Адиана вздохнула и подняла чашку к небу.

— Я люблю этот момент, когда от вина звезды сияют ярче, чем когда-либо. Да благословят боги виноградники Селкинсен! Посмотри на ель, Рената. Видишь, как она танцует в свете факела?

«Танцует молодое деревце, — подумала Рената, — или дрожит от предчувствия

предстоящих трудностей?»

— Это всего лишь временное перемирие с богами, — пробормотала мага. — Три года они оставили нас в покое; это не может продолжаться намного дольше.

— Ха! Ну, вот опять, — Адиана взяла Ренату за руку. — Что случилось, Рената? Тебе снятся плохие сны?

Рената прикусила губу и, отвернувшись, сделала еще глоток из чашки.

— Прошлой ночью я была в пустошах мертвецов. Маги пришли за мной с когтистыми руками и криками, полными ненависти.

— Боги, это ужасно! — Адиана высвободилась из объятий и стала разглядывать Ренату в темноте. — Ты слишком обременяешь себя, подруга. Не твоя вина, что это случилось.

— Это была моя вина, Адиана, — в голосе Ренаты не было печали, только холодное признание правды. — Я могла бы винить свою молодость или свой страх и невинность. Я могла бы сказать, что обстоятельства вышли из-под моего контроля, но я бы только пряталась внутри собственного мифа. Я сделала свой выбор. Я понимала последствия, и многие из моих сестер сторели из-за этого.

Адиана медленно присвистнула сквозь зубы.

— Ты никогда раньше так не говорила.

Рената пожала плечами и отвернулась.

— Эолин знает, что ты чувствуешь?

— Она думает, что у богов есть другой способ судить о наших проступках, что они интерпретируют наши действия через более широкий промежуток времени и последствия, — Рената вздрогнула при воспоминании о словах Эолин. — Она считает, что я выжила тогда, чтобы сейчас служить более высокой цели.

— Ну, она права, не так ли? В конце концов, ты здесь, помогаешь восстановить наследие маг. Бьюсь об заклад, все твои мертвые сестры рады этому.

Рената нахмурилась. Как объяснить Адиане, что этого недостаточно? Дракон ждал большей платы, более суровой жертвы. Старая мага бросила все и последовала за Эолин в Моэн, ожидая этого.

— Знаешь, о чем я мечтаю, Рената? — голос Адианы снова стал ярким, смывая тени обречённости, таким был ее дар. — Круг. Теперь это хорошие мечты: петь с Ришоной, сочинять музыку с Натаном и Калилом после выступления. Я скучаю по тем временам, по всем нашим друзьям из далеких королевств, которые путешествовали из одного конца Мойсехена в другой.

Рената издала короткий насмешливый смешок.

— Кори поставил нас на грань ножа своим шоу. Не проходило и дня, чтобы я не думала, что следующий магистрат бросит нас всех на костер.

— Но мы смеялись над этим, да? И мы творили как счастливые дураки. Сколько неповиновения в нашем искусстве! Столько красоты. Как думаешь, Кори когда-нибудь снова организует что-то подобное?

— Не знаю, — Рената переживала за Кори. Она могла бы полюбить его когда-то, если бы не была старой каргой, а он — молодым дураком. — Он может. Но я не думаю, что это было бы то же самое, если бы он это сделал.

— Точно. Раньше я думала, что Кори будет идеальной парой для Эолин.

— Кори и Эолин? — Рената изогнула бровь. — Адиана, у тебя много даров, но сватовство не входит в их число.

— Что в этом такого неправильного? Он маг, а она мага.

— Кори — это виноградная лоза, растущая в темноте. Эолин — это цветок, открытый солнцу.

— Так он и оказался вероломным ублюдком, — Адiana пожала плечами. — Никто из нас не ожидал, что это произойдет тогда.

— Я думала, ты можешь читать мужчин, как книгу.

— Я могу сказать, является ли мужчина внимательным любовником. Гораздо труднее выявить коварных ублюдков.

— Кори был не так уж плох, — сказала Рената. — Он делал только то, что считал нужным.

— Что ж, она больше никогда ему не поверит, не после того, как он предал ее брата.

Звук тяжелых шагов отвлек их от разговора. Один из мужчин подошел с факелом в руке.

— Мага Рената, — сказал он, — госпожа Адiana. Сэр Малрек просит вас немедленно встретиться с ним у северной стены.

Что-то в тоне мужчины погасило жар вина. Кости Ренаты закрипели, когда она поднялась на ноги и схватила Адiana за руку для помощи. Они застегнули плащи и последовали за солдатом между каменными домами, через сады. Сверчки и лягушки наполняли тишину настойчивой песней. Нервное ржание лошадей доносилось из конюшни.

Когда они подошли к наполовину построенной стене, их сопровождающий опустил факел. Малрек поприветствовал их приглушенным тоном и поманил их к себе.

— Там, на севере, — он кивнул.

Рената выглянула из-за недостроенной стены. Вдалеке она заметила светящийся туман, который колебался, исчезал, а затем снова вспыхивал. Внутри нее зашевелилось воспоминание, смутное, будто она жила этим моментом раньше, хотя не могла точно уловить, когда.

— Что это такое? — спросила она, не уверенная, что хочет услышать ответ.

— Огонь, — ответил он. — Поля вокруг Моэна горят. Или, что еще хуже, сам город.

— Мы должны пойти к ним, — Рената схватила Адiana за руку. — Нам понадобятся календула, желтый кароворт и этногонь, а также другие травы и мази. Пойдем со мной в гербарий, Адiana. Малрек, проследи, чтобы лошади были готовы немедленно.

— Нет, — окончательность его ответа застала Ренату врасплох.

— Нет? — ответила она. — Что значит, нет?

— Я приготовил лошадей, но не для того, чтобы отвезти вас в Моэн. По крайней мере, до тех пор, пока у нас не появится какое-то представление о том, что там происходит.

— С ума сошел? Мы можем видеть, что происходит. Эти люди страдают! Как мага, я поклялась им помочь.

— Как рыцарь Вортингена, я поклялся защищать вас. Вы и госпожа Адiana не должны уходить, пока я не разрешу вам сделать это. Я послал разведчика, чтобы оценить ситуацию. Мы должны получить от него известие в течение часа.

— Я не буду сидеть в заключении в собственном доме, пока жизни людей угрожает опасность.

— Город мог подвергнуться нападению.

— Моэн в осаде? — Рената в недоумении всплеснула руками. — О, ради бога. Кто нападет на Моэн? Какой-нибудь пьяный дурак опрокинул фонарь, или факел выпал из ржавой петли.

— Мы не можем быть в этом уверены.

Крик одного из мужчин, сидевших на стене, заставил их замолчать. Все взгляды снова обратились на север. Ночь замерла. Сверчки перестали петь. Рената вглядывалась в темноту. Она могла слышать дыхание Малрека, тихое и ровное. Воздух наполнился зарядом, словно молния готова была разорвать звездное небо.

— Что это такое? — прошептала она. — Что они увидели?

Малрек заставил ее замолчать, подняв руку, осматривая неясную местность.

Когда-то, жизнь назад, Рената была Высшей Магой, и она могла превращаться в сову и ясно видеть ночной мир. Но она давно отказалась от этих сил, и теперь холмы, столь знакомые при дневном свете, были аморфны, а расстояния невозможно было оценить.

Она уловила движение вдоль ближайшего хребта? Возможно, рысь, пользуясь безлунной ночью, бегала по открытым полям. Но затем за существом вспыхнуло пламя, за которым последовала прерывистая дуга света, которая точка за точкой распространилась по невысокому холму, как линия маленьких факелов. Внезапно струя пламени поднялась высоко в воздух, замедлилась на фоне черного небосвода, а затем обрушилась на школу шипящим огненным дождем.

Малрек схватил Ренату и прижал ее к стене, выбив из нее дух, когда стрелы полетели позади них. Некоторые вонзились в землю, другие — в близлежащие крыши, и она мгновенно загорелась.

— Дети! — закричала Адиана. Она оторвалась от прикрывавшего ее солдата и исчезла в мерцающих тенях.

Рената двинулась за ней, но Малрек схватил ее за руку и потянул назад.

— Лошади готовы, — сказал он. Она никогда не видела его лица так близко, так живо. Круглые щеки, грубые кудри бороды, брызги слюны, летящие от быстрых слов. — Возьмите их и спешите на юг. Не оглядывайтесь, не останавливайтесь, пока не доберетесь до леса. Вас будут сопровождать трое мужчин. Скорее!

Он оттолкнул ее. Ноги Ренаты двигались сами, неся ее к комнате девочек, даже когда с небес обрушился второй залп пламени.

Позади нее бушевали крики отчаявшихся мужчин, за которыми последовал звон металла о металл и внезапные крики боли. Нападавшие уже взобрались на недостроенную стену.

Ее перемирие с богами закончилось внезапно и без предупреждения, как им и было угодно.

Адиана выводила девочек из их комнаты, сонных и растерянных, в летних плащах, накинутых поверх ночных рубашек. Солдаты встретили их с пятью конями. Один из мужчин взял Катарину, чтобы она поехала с ним, Адиана ехала с Ташей, а Гемену отдали Ренате. Когда они направили лошадей к южным воротам, Рената увидела кабинет Эолин. Крыша пылала золотым пламенем, ярким, как солнце, спустившееся на землю.

— Анналы! — воскликнула она и направила лошадь к огню.

Животное заржало и отпрянуло, прежде чем они достигли здания. Оставив поводья Гемене, Рената спрыгнула на землю. Не обращая внимания на шок от боли в ногах, она бросилась в кабинет и распахнула дверь. Дым застрял у нее в горле и обжег глаза. Сама комната еще не горела, но ревела крыша, и горящий пепел трепетал в воздухе, как черный снег.

Рената сморгнула слезы. Было ли это то, что увидели ее сестры, когда вокруг них вспыхнуло пламя? Мир, пылающий обжигающим зноем, холодное царство мертвых — их

единственная надежда на спасение.

Страхнув с себя этот образ, она заметила книги на угловых полках. Она бросила перед ними свой плащ и сложила в кучу все тома, которые смогла, прежде чем завязать углы в импровизированный мешок и потащить его к входу. К тому времени, когда она вышла из кабинета, каждый мускул в ее теле болел.

— Ради богов, старуха! — выругался один из мужчин. — Ты заставила нас ждать ради этого?

— Лошади никогда не побегут с таким грузом на спине, — возразил другой.

— Мы не можем оставить это позади! Это все, что осталось от нашего наследия, — Рената переводила взгляд с одного мужчины на другого и, не найдя в их лицах никакого сочувствия, повернулась к подруге. — Адиана, пожалуйста! Помогите мне.

После секундного колебания молодая женщина спешила и сняла плащ. Они разделили тома между собой. Рената переложила свою ношу на руки Гемене и велела ребенку крепко держать сверток. Затем она запрыгнула сзади девушки и пустила лошадь галопом.

Через несколько мгновений они миновали южный вход и помчались по открытым полям, стуча копытами по земле. Лошади фыркали и тяжело дышали, напрягаясь под своей ношей. Рената наклонилась, прижавшись телом к спине Гемены, не сводя глаз с черных холмов впереди.

— Помогите мне, Гемена. Поговори с лошадьёю, — настаивала она, тонкие волосы девочки хлестали ее по лицу. — Скажи ей бежать быстрее!

— Я пытаюсь! — голос ребенка был отчаянным, паническим.

Лошадь справа от них заржала и встала на дыбы. Металл столкнулся с металлом. Насмешки воинов в бою затмили их бегство. Атакующие сомкнулись с обеих сторон, обнажив мечи, на концах которых загорелось голубое пламя. Один из нападавших встретил стража впереди них, его клинок очертил светящуюся дугу. Животное закричало, и страж сорвался с лошади.

В панике Рената остановила своего скакуна, чтобы не ввязаться в бой. Слева от нее Адиана и Таша скользнули к теням на полном скаку.

Упираясь пятками в бока своего скакуна, Рената свернула в противоположном направлении, уходя от схватки. Только когда крики и ржание стали стихать, Рената с ужасом осознала, что Катарина осталась позади. Девушка ехала с одним из стражей, а все мужчины были заняты своими преследователями.

Рената остановила их лошадь и оглянулась, не зная, рискнуть ли вернуться.

Из тени появился всадник, несущий зловещую мелодию копыт и кольчуги. Его удар был тупым и жестоким, сорвал Ренату с коня.

Боль пронзила ее ребра и плечи, когда Рената упала на землю. Она вскочила на ноги, голова закружилась. Гемена тоже упала с резким криком, книги вывалились из ее объятий и рассыпались по земле.

— Подойди, дитя! — Рената потянулась к девочке, но между ними встала лошадь, высокая и тяжелая, беспокойно топающая по земле. Лицо всадника было скрыто ночью, его меч превратился в столб кобальтового пламени. Прежде чем Рената успела подумать о том, чтобы бежать, позади нее появился еще один мужчина, прижался грудью к ее спине, нож оказался у ее горла. — Отпусти ребенка, — сказала она. — Умоляю.

Если они и слышали, то не подали виду. Ренату толкнули в ту сторону, откуда они пришли, а Гемену, кричащую и брыкающуюся, потащили за ней.

Их отвели к кругу, освещенному факелами. Там стояла Адияна с пепельным лицом, а Катарина и Таша цеплялись за ее юбки. Рыцарей короля нигде не было видно. Горло Ренаты освободилось от укуса клинка захватчика. Она расправила плечи и с нарочитым спокойствием подошла к Адияне. Гемену швырнули к их ногам с такой силой, что яростные крики девочки замолкли. Рената помогла Гемене подняться, вытерла слезы гнева с ее щек и крепко взяла ее за руку.

Их окружили воины — казалось, слишком много для набега на школу и захвата горстки женщин и детей. Цвета, которые они носили, были неразличимы в темноте. Мечи были направлены на них, арбалеты наведены с близкого расстояния. Острый запах серы висел в воздухе в сочетании с запахом сладких специй, которые будили память Ренаты.

Один из мужчин шагнул вперед. Его длинный нос, прямой лоб и точеные черты лица напомнили Ренате о Тамире, принце Сырнте, участвовавшем в восстании Эрнана.

— Кто из вас Мага Эолин?

Рената поджала губы. Катарина и Таша захныкали, крепче обняв Адияну за талию.

— Кто из них мага? Говори сейчас, или все умрут.

В животе Ренаты поселилась холодная тишина, глубокое осознание того, что ее судьба пришла. Она посмотрела на свои руки и заметила, как они постарели, бумажная кожа, натянутая на хрупкие кости и темные вены.

Гемена вырвалась из ее хватки и прыгнула вперед.

— Ее здесь нет, дурак! Если бы была, вы все уже превратились бы в жаб.

— Придержи язык, дитя! — выругалась Рената. — Или эти люди вполне могут его вырезать.

Гемена вдохнула, чтобы ответить, но, увидев суровое выражение лица Ренаты, прикусила губу и опустила подбородок.

Рената расправила юбку и глубоко вдохнула. Она поймала взгляд Адияны, заметив ужас и неуверенность в глазах молодой женщины, и ободряюще улыбнулась ей. Затем она подняла подбородок и объявила:

— Я Мага Эолин.

Адияна ахнула.

— Что ты делаешь?

Рената шагнула вперед и быстро заговорила:

— Я та, кого вы ищете. Эта женщина — моя посудомойка, девочки — ее помощницы. Отпустите их. Они для вас ничего не стоят.

Она была всего в паре шагов от солдата и могла видеть резкие черты его лица, жесткую напряженность его глаз. Удовлетворенная улыбка коснулась его полных губ. Он кивнул с уважением.

— Мага Эолин. Сан'иломан будет довольна.

С этими словами он вонзил свой меч ей в живот. Твердый металл пронзил мягкую плоть и внутренности Ренаты обжигающим поцелуем смерти. Металлический наконечник появился из ее спины, выпустив горячую реку крови. Рената согнулась пополам. Она услышала крики девочек вдалеке. Красный туман завис перед ее глазами, и она изо всех сил пыталась сосредоточиться.

Мужчина вынул оружие.

Рената выпрямилась и с яростной решимостью повернулась к нему лицом, прижав пальцы к животу, липкому от крови. Ее торс превратился в массу пульсирующей боли, но

она поняла значение этого момента и отказалась сжиматься перед своим убийцей.

Он снова пронзил ее.

— Стойте! — Адияна плакала. — О, ради богов, пожалуйста, остановитесь!

Рената отшатнулась, чернильные пятна растеклись по ее корсажу, меч снова покинул ее. Она схватилась руками за живот, но теперь кровь лилась потоками. Отягощенная невыносимой тяжестью, она опустилась на землю на одно колено, потом на другое.

Ночь колебалась вокруг нее.

Гемена стояла рядом, сжав кулаки по бокам, немигающими глазами наблюдая за Ренатой.

— Дитя, — пробормотала Рената. — Вспомни, чему я тебя учила.

Меч вонзился Ренате в грудную клетку, сломав кости и хрящи и разорвав сердце. Рената соскользнула с лезвия и рухнула на землю.

Тени опустились на мир живых, согревая и успокаивая своими объятиями.

«Наконец, боги потребовали плату».

Ее преступления были оплачены, ее бремя сняли. Рената спокойно сдалась бездне, надеясь, что мертвые маги вскоре позовут ее домой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кровь и пепел

Ноздри Адияны раздувались от запаха обугленного дерева, перемежающегося с вонью горелой плоти. Из укромных мест доносились звуки плача, испуганные стоны и мучительные рыдания, заставившие ее вздрогнуть и отвернуться.

Моэн всегда был ветхим городком, но теперь он представлял собой груды камней и щебня. На краю развалин слышались крики и движение, трепет накрахмаленного холста и ритмичный удар молотков по колям. Солдаты, заявившие о своих правах, теперь обустроивались. Все они были сырнте, но Адияна не могла понять их присутствия в этой окруженной горами провинции.

Ее похитители остановились и начали спешиваться. Некоторые мужчины забросили детей себе на плечи, понесли их прочь, как мешки с зерном. Крики Таши и Катарины были приглушены, их маленькие ножки болтались в бесполезных пинках.

Гемена, что примечательно, не сопротивлялась, а подняла лицо и пристально посмотрела на Адияну, сдвинув брови. Ее нижняя губа выпятилась в том упрямом хмуром взгляде, который так полюбила Адияна. Когда тени угрожали скрыть отступающие фигуры девушек, Адияна вскрикнула и рванулась за ними.

Мужчины остановили ее, их стальная хватка пронзила ее плечо и ребра новой болью.

— Куда вы их ведете? — спросила она, борясь, пока ей связывали руки.

Они ничего не сказали, но толкнули ее в противоположном направлении.

Адияну привели в широкий павильон, окруженный стражами. Внутри палатка была наполнена движением и разговорами. Слуги разносили еду, разливали вино, несли тазы с водой и даже собирали мебель. В центре стоял длинный стол, покрытый картами, которые внимательно изучали люди в доспехах. Когда Адияна вошла, один из них пристально посмотрел на нее. Его голубые глаза были на смуглом лице, красивом, хотя и покрытом шрамами и морщинами возраста. Адияна поежилась от его оценки, почувствовав себя олененком среди волков.

— Принц Мехнес, — ее похититель отсалютовал голубоглазому мужчине. — Крепость маги разрушена. Я привел вам двух женщин, — он поднял окровавленный сверток с головой

Ренаты. — Эта утверждала, что она Мага Эолин, а ее спутница — посудомойка. С ними находились трое детей, которые сейчас под охраной. Все остальные мертвы, как вы и приказали.

— Это все, что вы нашли?

— Да, мой лорд-принц. Уверяю вас, никто не мог убежать. Мы окружили это место задолго до нападения. Они были застигнуты врасплох.

Глаза Мехнеса метнулись от свертка к Адиане.

— Оставь это здесь и женщину. Я пошлю за тобой в ближайшее время.

Солдат удалился с коротким поклоном.

Принц Мехнес повернулся к своим людям. Было что-то очень знакомое в его позе, в повороте плеч, в темной энергии его присутствия. У Адианы перехватило дыхание, когда она поняла, что это было. Мехнес напомнил ей Кедехена. Она несколько раз видела старого Короля, отца Акмаэля, во времена Круга Кори, когда их приглашали выступить в Городе. Внешность Кедехена была совсем другой: у него были каштановые волосы, черные как ночь глаза и более угловатые черты лица, но легкость, с которой он пользовался своим авторитетом, и намек на безжалостность, который витал вокруг него, были идентичными.

— У вас есть приказы, — сказал принц Мехнес. — Идите сейчас же. Вы заслужили отдых. Найдите выпивку и несколько женщин. Мы продолжим этот разговор на рассвете.

Их отбытие наполнило Адиану нервирующим чувством невидимости. Ни один из них не взглянул в ее сторону, когда они выходили из палатки. Остались четверо стражей, их взгляды были прикованы к какой-то точке в пустоте перед ними. Слуги продолжали расчищать, убирать, собирать и уносить. Принц Мехнес задержался у стола со своими картами, неторопливо отхлебнул из чашки и вытер бороду рукавом.

Пот струился по спине Адианы, хотя холодок пронзил ее кости. Ее руки болели из-за того, что были связаны. Верёвки врезались в её запястья, и пальцы затекли.

Не глядя на нее, командир сырнте подошел к столу, где солдат оставил голову Ренаты. Поведение его было спокойным, задумчивым. Он не торопился разворачивать сверток, обнажая спутанные волосы Ренаты, рваный край разрубленной плоти, лицо — о, лицо Ренаты! Жесткое, серое и безжизненное. Никогда больше она не будет смеяться, пить вино, колдовать или лечить подруг.

Желудок Адианы сжался, и она боролась с приступом желчи в горле.

«Спокойно, — сказала она себе. — Я должна сохранять спокойствие».

Так же, как Рената, как и Эолин, даже не меняя ритма своего дыхания.

— Кто эта женщина? — голос Мехнеса поразил ее, как копьё.

— Это... — горло Адианы сжалось. Каждый вдох пронзал ее ребра острыми иглами. — Была Мага Эолин.

Мехнес хмыкнул, изучил жуткий сверток и устремил суровый взгляд на Адиану.

— И кто ты?

— Меня зовут Адиана.

— Ты — посудомойка этой женщины?

Адиана сглотнула. Она научилась лгать в юности в Селкинсене, после того как ее родители были убиты, и она сбежала к пирсам.

«Ложь должна лежать на ложе правды, иначе она потеряет свою соблазнительную силу».

— Нет, я не слуга. Я музыкант из Селкинсен. Мага Эолин привела меня в Моэн, чтобы

преподавала музыку ее ученицам.

— Музыка? — веселье отразилось на лице командира. Он казался искренне удивленным. — Какая польза магам от музыки?

— Музыка — это тоже волшебство, согласно традициям Мойсехена. Эолин говорит... раньше говорила, что это форма Примитивной Магии, самая древняя и самая священная из всех.

— Так ты мага?

— Нет, — в голову пришла мысль, страшная и непрошенная, что теперь она уже никогда такой не будет. — Я играю только музыку.

— Значит, Мага Эолин пыталась защитить тебя, говоря, что ты посудомойка? Как любопытно, — он накрыл одним концом окровавленной ткани изуродованное лицо Ренаты. — Уверяю тебя, музыкант найдет среди сырнте гораздо лучшее место, чем посудомойка.

— Я не собираюсь искать место среди сырнте, — у Адияны перехватило дыхание под его взглядом. — Я имею в виду, что мой дом здесь, в Мойсехене, а не в Сырнте.

— Теперь это все одно королевство. Или, лучше сказать, скоро будет, — он кивнул охранникам. — Развяжите эту женщину.

В одно мгновение веревки, стягивающие ее запястья, были сняты. Адияна подняла руки, растирая места, где кожаные шнурки передавили кожу.

— Тебе придется найти место среди нас, госпожа Адияна, или ты погибнешь. Это путь завоевания, — Мехнес сократил расстояние между ними и взял ее руки в свои. — Что ты играешь?

Кожа Адияны покрылась мурашками от его прикосновения. Его аромат был резким, как угли в очаге, с примесью запаха крови. Ей отчаянно хотелось посмотреть куда-нибудь еще, но массивное тело Мехнеса заполнило поле зрения. Его присутствие, одновременно зловещее и магнетическое, требовало всего ее внимания.

— Корнамус, — ее голос понизился до нервного шепота. — Цимбалы и лютня, но и другие.

Он сжал ее руки. Адияну посетил внезапный образ того, как он ломал ее пальцы один за другим, как если бы они были сухими ветками.

— Я вижу, ты говоришь правду, по крайней мере, в этом, — сказал он. — У тебя красивые руки, Адияна. Мы должны быть благодарны за то, что они не пострадали во время нападения на Экелар Маги Эолин. И мы также должны надеяться, что здесь, под моей опекой, они не пострадают.

Последовало тяжелое молчание.

Адияна понимала невысказанную угрозу, висящую между ними. Кого еще он спросит? Детей, выживших после осады, домочадцев лорда Фелтона, если кто-то из них еще жив. В Моэне было неисчислимое количество людей, которые узнали бы лицо Ренаты. Что, в конце концов, даст Эолин обман Адияны? Пятнадцать минут? Полчаса? Это не было важно. Каждое мгновение могло означать разницу между побегом Эолин и ее смертью. Сегодня вечером Адияна уже потеряла одну подругу. Она не предаст другую.

Она опустила глаза и прикусила язык.

Мехнес задержался рядом, казалось, на целую вечность.

— Верните Фелтона, — сказал он, и двое стражей ушли.

Командир Сырнте отпустил Адияну и отошел на несколько шагов. Он молча изучал ее,

словно оценивая товары уличного торговца.

Вскоре вернулись стражи, таща за собой лорда Фелтона. Адиана подавила рыдание при появлении старого главы, который относился к Эолин, Адиане и всем их спутникам только с добротой и великодушием. Его лицо было в синяках и опухло, а борода была в крови. Весь смех исчез с его когда-то веселого лица. Он опустил глаза, его плечи поникли в поражении. Адиана даже не была уверена, видел ли он ее.

— Лорд Фелтон, — сказал Мехнес, — я рад, что вы смогли присоединиться к нам. Мне нужна ваша помощь с новым заключенным, которого доставили в мой лагерь.

Фелтон поднял взгляд. Мехнес кивнул в сторону Адианы, и старый глава повернул к ней голову. Его взгляд казался рассеянным, его дух был опустошен тяжестью невыносимой утраты.

«Где его жена, — подумала она. — Его дети и внуки?»

— Пожалуйста, Фелтон, скажите мне, кто эта женщина.

Фелтон моргнул, кашлянул и снова уставился в пол.

— Это госпожа Адиана, принц Мехнес. Она преподает музыку.

Мехнес кивнул, удовлетворенная улыбка тронула его губы.

— Не могу передать вам, как мне приятно это слышать, лорд Фелтон. Теперь еще один вопрос, и вы можете идти, — он снял ткань, снова обнажив ужасную голову Ренаты. — Кто это?

Фелтон охнул и пошатнулся. Он бы упал на пол, если бы стражи не поймали его и не подняли.

— Я жду, лорд Фелтон, — сказал Мехнес.

Бедняга дрожал. Он переводил взгляд с отрубленной головы на Адиану и обратно, глядя широко распахнутыми от ужаса и неуверенности глазами. Прошло несколько мгновений, а он не говорил.

Мехнес подошел к нему, его тон был тихим и напряженным:

— Лорд Фелтон?

— М-мой принц, — он посмотрел мимо Мехнеса на голову Ренаты и снова перевел взгляд в пол. — Это та, кого вы ищете. Это Мага Эолин.

Адиана опустила лицо, надеясь, что облегчение, переполнявшее ее сердце, не отразилось в ее глазах. Слава богам за то, что они наделили Фелтона таким тонким чутьем! Ей хотелось танцевать, смеяться и обнимать старика, но она стояла неподвижно, как мышь под глазами кошки.

— Может ли быть так, что скромные граждане Моэна приобрели способность сырнте общаться посредством мысли? — Мехнес вернулся к голове Ренаты и поднял ее за волосы. — Мне сказали, что у Маги Эолин волосы цвета огня. Что она молода и красива. Достаточно красива, чтобы соблазнить короля.

— Маги могут менять цвет своих волос в зависимости от времени года, — возразила Адиана, воодушевленная небольшим успехом. — И никто не прекрасен, когда он мертв.

Мехнес откинул голову назад, громко и хрипло рассмеявшись.

— Хорошо сказано, госпожа Адиана, — он отпустил голову Ренаты. Она с грохотом упала на стол. — Надеюсь, твоя музыка так же остра, как и твой ум. Уведите Фелтона. Я закончил с ним, на данный момент.

Старого главу уволокли, и Адиана снова оказалась наедине с принцем Мехнесом. Активность в его палатке значительно утихла. Остались только двое стражей, и все слуги

исчезли, кроме одного, который раскладывал одеяла и подушки на кровати.

— Моя спальня довольно удобна, — сказал Мехнес, — и всегда открыта для таких красивых женщин, как ты.

Она отвела взгляд, чувствуя отвращение к тому факту, что он заметил направление ее взгляда.

— Можно я сейчас пойду к детям? — спросила она.

— Они больше не твоя забота.

— Они всегда вызывают у меня беспокойство. Они для меня как родные дочери. То, что ваши люди сделали с их наставницей — как они зарезали ее у них на глазах — они никогда не оправятся от этого. Они невинны, несчастны и напуганы, страдают не по своей вине. Они требуют моего утешения и моей поддержки. Мне должно быть позволено увидеть их. Сейчас.

— Ты в прекрасном положении, чтобы предъявлять требования, — сказал он с хитрой улыбкой. — Тебе не о чем беспокоиться, госпожа Адиана. Я доверил твоих драгоценных девочек умелой заботе моих людей.

— Доверили их вашим...? — Адиана потеряла голос, настолько ужасна была мысль, навеянная его словами. — Но они всего лишь дети!

— Сколько им лет?

— Одиннадцать, двенадцать. Гемене всего девять лет.

— Достаточно взрослые для наших нужд. Не слишком старые, к счастью. Видишь ли, госпожа Адиана, у наших союзников есть особые... аппетиты, которые ученицы Маги Эолин вполне удовлетворят.

Адиана бросилась на Мехнеса, намереваясь выцарапать ему глаза. Она не почувствовала его удара, пока не упала на землю. Ее ладони защищало от удара о выметанную грязь. Ее щека распухла от боли. Она выплюнула кровь и сдержала жгучие слезы.

«Я не позволю ему увидеть, как я плачу. Этого я делать не буду».

Когда ее зрение прояснилось, его ноги в ботинках были в нескольких дюймах от ее лица.

— Они всего лишь дети, — сказала она. — Ради богов, отпустите их.

Он наклонился рядом с ней, провел пальцами по ее волосам.

— Что бы ты дала мне, госпожа Адиана, в обмен на их свободу? Возможно, укрытие Маги Эолин?

— Я... — Адиана запнулась. Она оставила эту жизнь позади, да? Много лет назад, когда управляющий ее отца спас ее из таверны. Она все это оставила, забыла и после долгого пути обрела свою свободу, свой покой. Здесь, с Эолин в высокогорьях Моэна.

«Рената была права. Это было всего лишь временное перемирие».

— Принц Мехнес, — тихо сказала она. — Я... я знаю кое-что. Я работала на пирсе Селкинсена девушкой, когда у меня не было другого выбора. Я могу доставить вам удовольствие, если вы этого хотите. Вам и всем вашим людям. Это то, что я могу предложить. Собственно, это все, что у меня есть. Освободите девочек. Возьми меня вместо них.

Мехнес долго молчал. Когда она, наконец, набралась смелости поднять лицо, выражение его лица застало ее врасплох; оно было задумчивым, почти сострадательным.

Принц Мехнес перевел дыхание и встал.

— Я вижу, что то, что ты предлагаешь, будет означать для тебя великую жертву,

госпожа Адияна. Меня вдохновляет видеть такую щедрость.

Надежда вспыхнула слабым пламенем в ее сердце.

— Но я не веду переговоров с заключенными.

Охранники схватили Адияну за руки и рывком подняли ее на ноги, посылая очередную волну боли в ребра.

— Очисти ее, — сказал принц Мехнес. — Я увижу эту снова, возможно, до того, как закончится ночь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Выбор Гемены

Гемена проснулась, дрожа, прижавшись к Таше и Катарине. Снаружи она слышала крики мужчин, прерываемые случайным смехом, тяжелые шаги и ржание лошадей. Ее язык был словно покрыт песком, а руки онемели из-за того, что были связаны. Она попыталась пошевелить ладонями, но обнаружила болезненное ощущение пустоты там, где должны были быть ее пальцы.

Сев, Гемена оглядела голую палатку, освещенную тонким лучом света, пробившимся сквозь дыру в брезенте.

Катарина и Таша спали, свернувшись калачиком на твердом грязном полу, их лица опухли от пролитых слез. С замиранием сердца Гемена поняла, что госпожи Адияны с ними нет.

«Ее тоже убили?».

Таша всхлипнула и пошевелилась. Она подняла голову, спутанные темные локоны свисали на ее круглое лицо, она уставилась затуманенными глазами на их мрачное окружение.

— Где госпожа Адияна? — спросила она.

Болезненный ком застрял в горле Гемены. Она прикусила губу, терла ладони и запястья друг о друга, пытаясь заставить кровь вернуться к пальцам.

Таша застонала и спрятала лицо в плече Катарины.

— Это должно было быть сном. Я собиралась проснуться и узнать, что это было плохим сном.

— У нас нет времени плакать, — резко сказала Гемена. — Мы должны выбраться отсюда как можно быстрее.

Таша отстранилась от Катарины и села. Она указала на ее связанные руки кивком.

— Как мы должны сбежать, связанные вот так? И куда бы мы пошли, если бы мы это сделали? Ты видела город прошлой ночью. От него ничего не осталось, и эти ужасные люди повсюду.

— У меня есть способ найти Магу Эолин, но сначала мне нужно освободить руки, — по ее ладоням пробежало жжение, а пальцы колола тысяча булавок. Гемена знала, что это был хороший знак.

— Какой способ? — спросила Таша.

— Волшебный способ. Она показала мне его перед отъездом. Я найду ее и расскажу ей, что случилось, и тогда она придет, чтобы спасти вас.

— Ты хочешь сказать, что мы не можем пойти с тобой? — Таша нервно взглянула на Катарину. — Не оставляй нас здесь одних. Пожалуйста.

— Я не думаю, что это сработает с кем-то еще.

— Почему нет?

— Мага Эолин ничего не говорила о том, чтобы можно было взять больше одного.

— Это не значит, что это невозможно.

— Да, — с сомнением признала Гемена. — Думаю, мы можем попробовать.

— Обещай мне, что постарайся, Гемена, — глаза Таши расширились от страха. —

Обещай мне, что не уйдешь без нас.

Гемена посмотрела на подругу. Таша всегда была тихой, счастливой в компании своих друзей, вечно пытавшейся помирить Гемену и Катарину.

— Мы сестры, — сказала Гемена. — Мы должны быть верны друг другу, верно?

Таша кивнула.

— Вот видишь, я не оставлю вас одних. Я не могу.

Нерешительная улыбка озарила лицо Таши.

— Как работает заклинание?

— Ну, во-первых, мне нужно освободить руки, — Гемена повернулась, чтобы показать Таше свою спину. — Ты видишь узлы? Может, ты сможешь их разжевать.

Таша сморщила веснушчатый нос.

— Разжевать их? Что это за идея?

— Ну, у меня нет ножа. А у тебя?

— Потребуется дни, чтобы разжевывать эти веревки, и у меня не осталось бы зубов в конце.

— Таша, просто сделай это. Пожалуйста.

Таша нахмурилась, но скользнула к Гемене, а затем тяжело упала на бок за спиной девочки.

— Ай! — Гемена вздрогнула. — Ты должна кусать веревки, а не мои запястья!

— Ну, в темноте все выглядит одинаково. Постой еще, ладно? Ты только усложняешь задачу.

Внезапный поток света прервал их усилия. Таша ахнула, и Гемена, прищурившись, посмотрела вверх на три силуэта, вырисовывавшиеся у входа в палатку.

— Милость Микаты, что это? — голос был мелодичным и женственным. Когда глаза Гемены привыкли, она увидела худощавую фигуру женщины ненамного старше Мариэль, одетую в простое розовое платье. У нее была прекрасная смуглая кожа и волосы цвета пшеницы, аккуратно заплетенные и завитые. Выражение ее лица было добрым, с понимающей улыбкой и большими глазами на овальном лице. — Наши маленькие мышки пытаются сбежать!

Мужчины позади нее шагнули вперед, низко наклонились и разорвали путы девушек. Гемена потирала запястья, пока они будили Катарину. Сонная девушка захныкала, беспокойно нахмурилась и заплакала.

— О, иди сюда, милая, — женщина подошла к Катарине, встала на колени и взяла девочку на руки. — Я знаю, что это была трудная ночь для всех вас, но теперь она закончилась. С этого дня у вас будет новая жизнь, и очень красивая, — она взяла Катарину за подбородок и вытерла слезы с ее щек. — Меня зовут Пашнари, и у меня особый приказ от принца Мехнеса. Вас нужно привести в порядок, дать еду и новую одежду. Сан'иломан скоро прибедет, и она сделает вас своими.

— Что такое Сан'иломан? — Катарина всхлипнула и вытерла нос изодранным плащом.

— Она королева всего Сырнте, а вскоре и всего Мойсехена. А ты, — Пашнари кончиком пальца коснулась носа Катарины, — будешь ее фрейлиной.

— Я? Фрейлина? — глаза Катаринины были широко раскрыты и полны надежды. Гемена никогда не считала ее более глупой, чем в тот момент.

— Где госпожа Адиана? — спросила Гемена.

Глаза Пашнари устремились на нее, словно ястребиные, и милая улыбка застыла на ее лице.

— Госпожа Адиана? Кто это?

— Она — наша учительница музыки, — сказала Таша. — Она пошла с нами прошлой ночью, но солдаты увели ее куда-то еще.

— Ясно, — на лице Пашнари мелькнула неуверенность. Она пожала плечами и слегка покачала головой. — Я спрошу о ней, но ты должна понять, что я здесь всего лишь слуга. Я не всегда осведомлена о судьбе пленников принца Мехнеса.

— Врешь! — Гемена прыгнула на Пашнари со сжатыми кулаками, собираясь избить это красивое лицо до крови, но один из стражей поймал девочку и крепко держал. Вместо этого она попыталась пнуть его по голени. — Ты знаешь, где она! Ты просто не говоришь нам.

Пашнари отошла от Катаринины и подошла к Гемене. Она провела пальцами по растрепанным волосам девочки, затем сжала их и дернула, заставив Гемену вскрикнуть.

— Я не лгу, малышка. Ты поймешь, что Сырнте не терпят непослушных детей. Замолчи, или я свяжу тебя и брошу в огонь Микаты, независимо от того, одобрит это Сан'иломан или нет.

Гемена прекратила биться, ее ярость была подавлена не тоном Пашнари, а мыслью о том, что ей снова свяжут руки.

— Так-то лучше, — Пашнари выпустила волосы Гемены и повернулась к Таше и Катарине. Она широко развела руки в приветственном жесте. — Тогда идемте, все вы. У нас впереди великий день.

Катарина приняла руку Пашнари и прижалась к ней, пока они шли. Гемена и Таша следовали на шаг позади, ведомые стражами, сплетя пальцы и широко раскрыв глаза, осматривая лагерь.

Гемена никогда не видела столько мужчин в одном месте. В ушах звенело от ударов молотков, лязга дерева, камня и металла. В воздухе пахло потом и лошадьми, горелым деревом и дымом.

— Почему вы здесь? — спросила Гемена.

Пашнари оглянулась.

— Чтобы принести мир в Мойсехен.

— Мы были в мире, пока вы не пришли. Почему вы, на самом деле, здесь?

Служанка ответила смехом, чистым и пронзительным.

— Потому что Сан'иломан — ваша законная королева.

— Это неправда, — сказала Гемена. — Тэсара — наша законная королева.

Таша ткнула ее локтем в ребра.

— Не зли ее снова, — прошептала она. — Есть что-то подлое в этой женщине. Думаю, ей нравится причинять боль.

Пашнари остановилась и обернулась.

Гемена и Таша замерли под ее пронзительным взглядом.

— В моем присутствии нельзя шептаться, — сказала Пашнари.

Таша тяжело сглотнула. Когда она заговорила, показалось, что она проталкивала свой голос через очень маленькое отверстие:

— Простите, госпожа Пашнари. Я не буду делать так снова.

Пашнари отвела их к палатке, выкрашенной в песочные и бордовые полосы. Внутри было уютно, и девочки сели за стол, накрытый фруктами, хлебом, колбасой и сыром. Пашнари велела им есть все, что они хотят.

Таша нервно грызла кусок хлеба, а Катарина сидела, выпрямив спину, и послушно жевала фрукты. Гемена сжала руки по бокам, борясь с желанием коснуться серебряной паутины, спрятанной под ее ночной рубашкой.

Она перевела взгляд с девочек на Пашнари, потом украдкой взглянула на сопровождавших их стражников. Гемене нужно было оказаться в одиночестве, спрятавшись ото всех, чтобы покрутить драгоценный камень и спеть заклинание, которому ее научила Мага Эолин.

Попытка взять с собой Катарину и Ташу усложнила бы дело, поскольку она не знала, выдержит ли медальон более одного человека, и если заклинание не сработает с первой попытки, другой возможности может и не представиться. Но попытаться она должна, ибо она обещала Таше, что сделает это, и, по правде говоря, ей не хотелось оставлять своих подруг наедине с этой неприятной женщиной и этими жестокими мужчинами.

Они ели недолго, слуги принесли большой неглубокий таз, который наполнили водой и усыпали цветами лилии и примулы. Пашнари велела Катарине встать из-за стола и сбросить грязную ночную рубашку, что она и сделала без возражений.

Девушка, опустив глаза, вошла в тазик, где Пашнари мягкой губкой обтерла ее бледную кожу, вымыла руки, ноги, спину и живот, а затем вылила ароматную воду чистыми струями на ее белокурые локоны.

Только когда один из слуг обернул полотенцем дрожащее тело Катарины, а Пашнари позвала Ташу к тазу, Гемена поняла, что ее план побега вот-вот рухнет. Если она разденется, они обнаружат драгоценность и заберут ее. Возможно, они даже узнают о ее использовании, найдут Магу Эолин и убьют ее так же, как убили Ренату.

В панике Гемена отодвинула стул и встала, прижав руку к груди, где она чувствовала тонкие серебряные нити медальона под тонкими складками льняного платья.

— Дитя, ты будешь сидеть, пока я тебя не позову, — отрезала Пашнари.

Гемена взглянула на женщину, затем на стражей по обе стороны от входа в палатку.

— Таша... — начала она, но вид ее подруги, стоящей в луже лилий, обнаженной и уязвимой, украл ее слова.

Гемена моргнула от жжения в глазах. Черная тень обвилась вокруг ее сердца, угрожая перекрыть ей дыхание.

«Сейчас я должна уйти».

Это был лучший способ. Единственный способ. В противном случае никто из них никогда не будет спасен.

— Прости, Таша.

С этими словами Гемена прыгнула между стражами и выскочила на свет дня. Стуча ногами по грязи, она уклонялась от повозок и перепрыгивала через костры, обходила стреноженных лошадей и ускользала от хватки кричащих солдат.

Ее случайный путь привел ее к городской стене, где она побежала вдоль края, пока не заметила обрушившуюся часть, по которой она взбиралась бесчисленное количество раз с Марклом. Грубые камни царапали ее руки и колени, пока она карабкалась вверх. Наконец, она добралась до вершины, прыгнула и, запыхавшись, приземлилась на другой стороне.

Гемена знала каждое укрытие в городе Моэн, но этот пейзаж из почерневших деревянных скелетов был неузнаваем. Куда ей идти? Как ей убежать достаточно далеко, чтобы призвать магию серебряной паутины?

Позади она услышала хриплые крики мужчин и звук камней, падающих под тяжелыми ногами.

Охваченная страхом, Гемена бросилась по остаткам переулка, спотыкаясь о разбросанные камни и щебень. Наконец, она обнаружила, что стена все еще стояла. Она проскользнула за нее, укрываясь под куском лестницы, и вытащила серебряную паутину из тайника.

Солнечный свет попал в кристаллы, заставляя их танцевать внутри паутины. Инструмент загудел от волшебства. Сосредоточив все свои мысли на Маге Эолин, Гемена повернула украшение вокруг своей оси.

Эхекат, — пробормотала она. — *Элэом энем*.

Крик мужчины поблизости вывел ее из заклинания. Гемена услышала шаги по другую сторону стены и прикусила губу, не зная, бежать или начать заклинание заново.

Она глубоко вдохнула и закрыла глаза.

Элэом энем, элэом энем

— Теперь ты у меня, маленькая девчонка.

Глаза Гемены распахнулись. Над ней возвышался мужчина с довольной улыбкой на покрытом шрамами лице и кривым ножом в руке. Между ними закружилась паутина, тонкий серебряный шар, который собрал весь свет, все формы, все ощущения в единый крошечный вихрь.

Ренонэм мэй, — умоляла Гемена богов, когда страж потянулся к ней. — *Эхуки*.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Гонец

В середине утра с западной стены зазвучали трубы. Акмаэль оторвал взгляд от стола, за которым он был поглощен дискуссией с лордами Херенсеном и Лангергансом, а также с представителями торговых гильдий Селкинсена. Когда трубы протрубили во второй раз, король встал. Все присутствующие мужчины последовали его примеру.

— Кажется, прибыл наш новый посол из Рёнфина, — объявил Акмаэль. — Давайте прервем это собрание.

Херенсен, высокий мужчина с угловатыми чертами лица, позволил себе показать свое разочарование. Дебаты о портовых тарифах в Нью-Линфельне уже затянулись на несколько часов, и ясного решения не было видно.

— Мы продолжим эту аудиенцию завтра, — заверил Акмаэль Херенсена и его спутников.

Они удалились с почтительными поклонами и тихим бормотанием.

Акмаэль подошел к южным окнам, а один из слуг принес его плащ. Был погожий летний день, с ярким солнцем на безоблачном небе. Высоко над шиферными крышами города, почти на уровне глаз с балконом, парил Каменный Ястреб, большой хищник с пестрыми серыми крыльями, черными лапами и черным кончиком клюва. Его крик был низким воем, более зловещим, чем пронзительный крик его меньших братьев.

— Странно, — пробормотал Акмаэль, когда слуга накинул плащ ему на плечи и застегнул. Каменные Ястребы обитали в Восточном Сурмаэге. Было необычно, хотя и не совсем неслыханно, видеть их так далеко на юге.

Слуга отошел, почтительно опустив глаза.

Акмаэль вышел из приемной и зашагал по длинным залам крепости в сопровождении стражи. Они спустились по спиральным ступеням, которые привели во внешний двор, где ждали лошади в сопровождении конюхов.

Над собравшимися развевались серебряные и пурпурные цвета Дома Вортинген. Те, кто был назначен в королевскую процессию, были заняты оживленной болтовней, которая стихла при появлении короля. Все повернулись, чтобы выразить уважение.

Тэсара прибыла вскоре после короля, появившись из одной из противоположных башен с шестью своими дамами в сопровождении мага Кори из Восточной Селен. На ней было элегантное летнее платье бледно-зеленого цвета с объемными складками, скрывающими скромный живот. Ее золотые волосы были переплетены в украшенную драгоценностями сетку, которая сверкала под лучами утреннего солнца, а ее смех звенел, как песня дрозда. Она подошла к Акмаэлю, положив ладонь на плечо Кори. Оба низко поклонились ему.

— Мой Король, — сказала она. — Боги радуют меня вашим присутствием.

— Моя королева, — ответил Акмаэль. Затем он повернулся к своему двоюродному брату. — Верховный маг Кори.

Кори выпрямился и встретился взглядом с Акмаэлем, выражение его лица было предсказуемо неразборчивым.

— Мой Король. Для меня было большой честью провести эти дни при дворе и еще раз служить вам лично.

— Меня всегда успокаивает, когда ты рядом, — ответил Акмаэль.

Веселье вспыхнуло в серебристо-зеленых глазах Кори, а затем исчезло под покровом нейтралитета. Он снова поклонился.

— Мне стыдно слышать, что вы так говорите. Если вы извините меня, мой король, я поговорю с верховным магом Цетобаром, прежде чем мы тронемся в путь.

Акмаэль кивнул в знак согласия. Как только Кори ушел, он повернулся к Тэсаре.

— Вы выглядите так же прекрасно, как и этот прекрасный день, моя добрая королева.

Она покраснела и опустила глаза.

— Вы слишком добры, мой Король.

— С какой целью маг Кори искал у вас аудиенции сегодня утром?

Она коротко рассмеялась и пожала плечами.

— Уверяю вас, мой король, я не знаю. Прошло пол утра, и ни одной просьбы или жалобы с его стороны.

— О чем же он говорил?

Она понизила голос до изумленного шепота:

— У вашего кузена смелые рассказы, мой король, о днях, предшествовавших вашей коронации, когда он путешествовал по королевству с группой трубадуров, пьяных музыкантов и распутных танцовщиц, которые вызывали всевозможные скандалы от одной деревни к другой.

Акмаэль нахмурился. Кори, без сомнения, говорил о Круге, но зачем ему рассказывать такие истории Королеве?

Нерешительность омрачила улыбку Тэсары.

— Что-то не так, мой Король?

Акмаэль покачал головой.

— Даже не знаю.

— Возможно, с моей стороны было неразумно позволять ему продолжать в том же духе, — признала она. — Но, право, мои дамы еще не развлекались так хорошо с тех пор, как мы вернулись из Моэна. Соня так хохотала, что я боялась, что ее лиф треснет по швам.

Образ той недружелюбной женщины, поддавшейся приступу смеха, позабавил Акмаэля, и он позволил улыбке тронуть свои губы.

Плечи Тэсары расслабились. Она указала на собирающуюся процессию.

— Идемте, мой Король? Я не хочу заставлять дядю ждать.

— Твоей кареты здесь нет, — Акмаэль осмотрел двор, не увидев никаких следов транспорта королевы. — Она должна быть готова к этому моменту.

— Я приказала конюхам подготовить мою кобылу, Кэву, чтобы я могла ехать с вами к пристани.

— Невозможно. Я этого не допущу.

— Но мой Король...

— Ты беременна, принц Вортингена доверен твоему чреву. И тебе было плохо.

— Это короткая поездка по мощным улицам, а Кэва послушная кобыла. Я уже посоветовалась с Верховным магом Резлином, и он сказал, что я достаточно здорова, чтобы ездить верхом.

— Резлин! — призыв Акмаэля прогремел по двору, заглушив все разговоры. Старый врач бросился к нему.

— Мой Король?

— Почему ты советуешь моей королеве ездить верхом?

Маг нахмурился, переводя взгляд с Акмаэля на Тэсару и обратно. Его длинная темная борода с рыжими и серебряными прожилками дрожала, пока он ее гладил.

— Простите, мой Король, моя Королева, но я не помню...

— Тэсара, ты пытаешься меня обмануть?

— Я не лгу, мой Король. Резлин заверил меня, что я полностью оправилась от болезни.

— Это не то же самое, что быть готовой к езде верхом.

Король и королева посмотрели друг на друга, затем на врача.

Верховный маг Резлин сделал шаг назад.

— Мой король, моя королева, это правда, что королева Тэсара выздоровела от недуга, поразившего ее в Моэне, но она беременна, и я бы не советовал...

— Я не буду это слышать! — лицо Тэсары вспыхнуло от гнева. — Моя мать ездила из Меролина в Реонан и в Фальворт с момента зачатия до дня рождения. Я, мой брат и сестры, все мы ездили на лошадях до того, как родились. Я дочь Рёнфина, и я не приму своих сородичей, лежа на боку, как беспомощная старуха. Я достаточно натерпелась подобного унижения в Моэне.

Ее голубые глаза вспыхнули вызовом, ее челюсть была стиснута.

В этот момент она напомнила Акмаэлю Эолин. Сходство их гнева смягчило его сердце. Он коснулся щеки Тэсары, непреднамеренный и редкий жест с его стороны.

Ее глаза расширились в ответ, и она опустила взгляд.

— Пожалуйста, мой Король, — сказала она, — я не хотела проявить неуважение. Если вы не позволите мне ехать верхом, я скорее подожду, чтобы встретить здесь лорда Пенамора, чем меня повезут к реке.

Акмаэль положил пальцы под подбородок Тэсары и снова перевел ее взгляд на него. Воистину, у нее было красивое лицо, и за все годы, что они знали друг друга, она никогда не

переставала быть послушной.

«Возможно, я был неправ, закрыв свое сердце от нее».

— Очень хорошо, моя Королева. Ты поедешь сегодня, чтобы поприветствовать своего дядю.

Облегчение и благодарность осветили ее лицо.

— Благодарю вас, мой Король. Вы очень щедры.

Трубы звучали, когда они проходили через ворота замка. Процессия спускалась по единственной длинной дороге, которая вилась от крепости Вортинген к городской площади. Оттуда они направились на юг по широкой набережной к берегу реки Фурмы.

Весть о проходе короля проносилась перед ними, сопровождаемая криками возбужденных взрослых и бегающих детей. Люди стекались, чтобы увидеть их продвижение, заполняя улицы и свисая с окон, желая королю долгой жизни и бросая цветы на пути коня Тэсары.

— Сын! — кричали они. — Боги, даруйте нашей прекрасной королеве сына.

Тэсара вспыхнула от их внимания и касалась рук простолюдинов. За несколько коротких лет она завоевала любовь этого города своей красотой, милым нравом и нежным вниманием к делу бедных и больных.

Лошади брели по булыжникам, как и подобало, медленно неся их по улице, которая спускалась и поворачивала вправо. За поворотом Акмаэль увидел блеск Фурмы, ее мутные нефритовые воды, широко растянувшиеся к противоположному берегу.

Носовая часть баржи «Пенамор» едва виднелась за последним из каменных зданий, над деревянной палубой развевались флаги Рёнфина цвета шалфея. Хотя посол уже пришвартовался, протокол обязывал его дожидаться прибытия короля и его свиты, прежде чем высадиться.

— Моя Леди, — Акмаэль повернулся к своей Королеве, заинтересовавшись дядей, которого она, казалось, так любила, — расскажи мне еще раз, как...

Испуганный крик прервал его вопрос, за ним последовали вопли и звон мечей, вытащенных из ножен.

По толпе пронеслось оханье. Люди разбежались, прижимая несчастных зевак к стенам и загоня уличных мальчишек на стены зданий.

Лошадь Тэсары встала на дыбы, широко распахнув глаза и раздув ноздри. Опустившись на все четыре копыта, она попятилась, и Акмаэль схватил уздечку и заставил животное замереть. Королева, задыхаясь, вцепилась в седло, лицо ее было бледным и осунувшимся.

— Ударилась? — спросил Акмаэль.

Она покачала головой, хотя глаза ее были широко раскрыты, и она дрожала, как мышь зимой.

— Уверена? — настаивал он.

— Да, мой Король, я просто... Кэва никогда не видела... и мне показалось, что я видела... — ее слова перешли в испуганный крик, взгляд был устремлен на дорогу прямо перед ними.

Акмаэль обернулся и увидел, что несколько его стражей спешили. Их мечи были направлены вокруг босой девочки. Ее щеки и песочно-каштановые волосы были испачканы сажей. Под красновато-коричневым плащом она носила грязную ночную рубашку. Ее нижняя губа дрожала, слезы навернулись на глаза. Она издала долгий ужасный вой.

— Это не так должно работать! — воскликнула она, лихорадочно оглядываясь

вокруг. — Где она? Где Мага Эолин?

К своему шоку, Акмаэль узнал ребенка. Он спешил и направился к ней.

— Осторожно, мой король, — сказал один из стражников.

— Она ребенок, Галисон.

— Не ребенок. Какой-то демон, наверное. Разве вы не видели? Она появилась из воздуха.

Тишина опустилась на толпу. Охранники смотрели на Гемену с опаской, словно она была мертвецом, пришедшим прогуляться среди них.

— Я знаю эту девочку, — сказал Акмаэль. — Она — ученица Маги Эолин. Опустите мечи.

— Но мой Король...

— Делайте, как я говорю.

В тот момент, когда они убрали оружие в ножны, Гемена побежала прочь.

Один из стражей предугадал ее порыв и поймал ее. Она брыкалась, била кулаками и кричала, даже когда он поставил ее перед королем.

— Гемена, — сказал Акмаэль, но она была слишком занята битвой со своим похитителем, чтобы обращать на него внимание. — Мага Гемена!

Тут она замолчала, огляделась, а затем посмотрела на него с озадаченным выражением лица.

— Кто ты?

Позади него раздался тихий смех. Акмаэль оглянулся и увидел мага Кори, который спешил и протиснулся вперед колонны.

— О, теперь я вспомнила, — сказала Гемена. — Ты король. Но я не должна была прийти к вам. Где Мага Эолин?

Акмаэль опустился на колени.

— Гемена, как ты сюда попал?

После секундного колебания она подняла серебряную паутину, созданную матерью Акмаэля.

— С этим.

Сердце Акмаэля похолодело.

— Откуда у тебя это? Ты украл его?

— Я мага, а не вор!

— Откуда у тебя это украшение, Гемена?

На ее лице отразилось мучительное выражение. Она отшатнулась и рухнула на землю, прижимая колени к груди.

— Она сказала, что я могу использовать его, чтобы найти ее, если случится что-то плохое. Она сказала...

Ее маленькие плечи затряслись.

Акмаэль резко вздохнул и спросил с напускным спокойствием:

— Гемена, что случилось?

— Они сожгли все! Они напали на Экелар, убили Магу Ренату и забрали госпожу Адриану. Я хотела найти Магу Эолин, чтобы она могла всех спасти, но сеть не сработала! Она обещала, что сработает! Обещала! Я сделала что-то неправильно? Она тоже умерла?

Ребенок заплакал.

Акмаэль резко встал. Его мускулы были напряжены, живот сжался в глубокой и

примитивной ярости.

— Кто напал на Эжелар, Гемена?

— Я не знаю! — она вскочила на ноги, сморщенное и багровое лицо, дикие и злые глаза. — Но я оставила Ташу и Катарину одних. Я должна вернуться. Я должна вернуться сейчас же!

Она подняла украшение и повернула его, но Акмаэль выхватил его у нее из рук. С гневным криком Гемена прыгнула на него, цепляясь за серебряную паутину, шипя, кусаясь и плюясь, как бешеная россомаха.

Один из стражников оттащил ее от короля, но когда мужчина поднял руку, чтобы ударить ее, Акмаэль остановил его.

— Она не будет подвергаться жестокому обращению!

— Мой король, — Кори шагнул вперед, не сводя глаз с девочки, его тон был сдержанным, но напористым. — Если позволите, я знаю заклинание, которое может ее успокоить.

Акмаэль кивнул в знак согласия. Кори подошел к девочке, положил ладонь ей на лоб и пробормотал тихое заклинание. Гемена перестала биться и закрыла глаза, подогнув ноги. Кори поймал ребенка, снял с нее плащ и обернул вокруг ее хрупкой фигуры.

— Она переутомлена, — сказал он, — травмирована тем, что случилось, и отчаянно пытается найти магу. Я предлагаю не задавать ей больше вопросов, пока она не отдохнет и не поест нормально.

«Как долго это будет?»

Акмаэль изучал украшение своей матери, лежавшее на его ладони. Он мог быть с Эолин в одно мгновение, на одном дыхании.

— Мой Король, если позволите, — тихо сказал Кори. — Что это за устройство?

— Это было создано королевой Брианой. Оно может привести меня к Эолин.

— Так же, как оно забрало ребенка?

— Возможно, она неправильно применила заклинание.

— Если Мага Эолин доверила ей эту магию, она была уверена, что ребенок воспользуется ею по назначению. Есть причина, по которой она привела ее к нам, хотя я не решаюсь предположить, что это может быть за причина.

Голос Кори на мгновение прервался, странный контраст с его в остальном невозмутимым поведением. Акмаэль заметил напряжение в глазах мага и понял, что он тоже опасался худшего.

— Пока мы не поймем, что случилось в Моэне, — сказал Кори, — слишком велик риск, мой Король, чтобы вы пытались найти ее в одиночку.

Мудрые слова, но неприемлемые. Акмаэль сжал в кулаке семейную реликвию своей матери.

Один выдох. Короткое заклинание.

Кори подошел ближе.

— Мой Король, если мы хотим помочь Маге Эолин, мы должны сначала понять, с чем она столкнулась. Я отведу девочку в замок, присмотрю за ней и допрошу, когда она проснется. К тому времени, когда вы вернетесь с посланцем Рёнфина, у нас будут ответы, необходимые для того, чтобы действовать.

Акмаэль изучал лицо своего кузена. Хотя они были связаны кровью Восточной Селен, Кори не был тем, кого Акмаэль назвал бы заслуживающим доверия человеком. Маг был

верен только своим интересам, порой столь же трудным для расшифровки, как сердце мага.

Тем не менее, помощь Кори оказалась неоценимой в подавлении восстания Эрнана, и, по правде говоря, маг отдал свои знания на службу королю. Самое главное, он был единственным человеком среди подданных Акмаэля, который превыше всего ценил жизнь Эолин. Если у девочки была какая-нибудь информация, имеющая отношение к местонахождению Эолин, Кори ее найдет.

— Очень хорошо, — решил Акмаэль. — Девочка на твоём попечении. Сообщи мне, как только мы прибудем в замок.

Кори кивнул.

Акмаэль вернулся к своему коню только для того, чтобы обнаружить, что его королева согнулась пополам на коричневой кобыле, прерывисто дыша. Он бросился к Тэсаре и взял ее за руку. Ее тонкие пальцы впились в его перчатки, как когти ястреба.

— О, мой любимый король, — она смотрела в его глаза, слезы текли по бледным щекам. — Мой владыка... прости меня.

Закатив глаза, Тэсара соскользнула с седла и упала ему в руки.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Допрос

Мехнес не мог сдержать ярости из-за побега ребенка. Он немедленно послал сообщение Сан'иломан, находившейся примерно в дне пути от Моэна вместе с остальной их армией.

Прибытие Ришоны не могло произойти достаточно скоро. Мехнес жаждал их диких ночей, ее страсти, пьянящего аромата ее раскрасневшейся и влажной от напряжения кожи.

Видение обнаженной и голодной Ришоны довело принца Сырнте до такой степени, что он израсходовал свою потребность на слугу Пашнари, даже когда наказал женщину за то, что она позволила ребенку бежать на свободу. Это было удовлетворительное освобождение, достигнутое с помощью жестоких ударов и жестоких толчков, вызывающих вопли раскаяния и мольбы о пощаде.

Когда он закончил с Пашнари, Мехнес вызвал стражников и потребовал, чтобы они привели госпожу Адиану.

Немного подумав, он добавил:

— Приведите еще одну из тех беспризорников, которых поймали в школе. У кого самое милое лицо. Закрепите ее обычным способом. Я хочу, чтобы она скрылась из виду, но была готова появиться по моему сигналу.

Мехнес ходил по павильону беспокойно и нетерпеливо. Временами даже лучшие из его людей казались медлительными в выполнении своей задачи. Когда он понял, что Пашнари не сдвинулась с того места, где он оставил ее, скорчившуюся и дрожащую на полу, он пнул ее ногой под ребра.

— Вставай, — прорычал он. — Веди себя презентабельно. Ты еще можешь мне понадобиться.

Пашнари с трудом поднялась на ноги, согнув плечи и опустив глаза. Она изо всех сил старалась пригладить свою разорванную одежду и растрепанные волосы.

— Туда, — Мехнес кивнул в ближайший угол. — Подожди, пока я тебя позову.

Уязвленная и раскаявшаяся, Пашнари молча повиновалась.

Его охрана все не возвращалась.

Мехнес забарабанил пальцами по полированному деревянному столу и открыл один из нескольких томов, принесенных его людьми из Экелара мага. Это был увесистый том,

прекрасный шрифтом и иллюстрациями, написанный на незнакомом ему языке. Он потянулся к другому, потом к другому и обнаружил, что все они содержат одну и ту же таинственную каллиграфию.

— Будь проклято все это, — пробормотал он. — Какая польза от них, если мы не можем их прочитать?

Наконец, появились охранники с женщиной, Адианой. Мехнес не признал ее прибытие, предпочитая вместо этого делать вид, что изучает книги с праздным терпением, оценивая ее краем глаза.

Она была хорошенькой, эта Адиана, хотя ее красивое лицо было опухшим и бледным после предостережения, которое он сделал ей прошлой ночью. Ее тело было стройным, волосы — тонкими, как корни шелковистой орхидеи, и их оттенок был почти таким же бледным и сияющим.

На его глазах она приняла своеобразную позу, слегка расставив ноги, опустив голову и закрыв глаза. Она напомнила ему девственных жриц Эйрайны, пытавшихся тщетно вступить в общение с богами как раз перед тем, как его люди забирали их всех.

Воспоминание вызвало улыбку на его губах.

Мехнес подошел к пленнице, стараясь не шевелиться, чтобы не нарушить ее транс. Он остановился в паре шагов. Ровный ритм неглубокого дыхания Адианы зажег в нем что-то неожиданное, чувство спокойствия.

Его пульс замедлился, взгляд задержался на темных ресницах, лежащих на бледных щеках. Без предупреждения она открыла глаза, голубые, как Рабельнское море, и спокойные, как его самые тихие берега. Затем женщина сосредоточилась на нем, и страх лишил ее самообладания.

Этот момент принес Мехнесу знакомый прилив удовлетворения.

— Ты плохо спала прошлой ночью, госпожа Адиана?

Женщина отвела взгляд. Он заметил дрожь в ее руках и представил, как она дрожит под его весом.

— А, может, мое общество уже наскучило тебе? Не каждый день у меня пленник засыпает на ногах.

— Я достаточно хорошо выспалась, принц Мехнес, — пробормотала она. — Могу я теперь увидеть детей?

— Нет, не можешь. Хотя это прекрасное совпадение, что ты упомянула их. Я привел тебя сюда, чтобы сообщить, что они вполне здоровы.

— Вполне? — Адиана посмотрела на него. Сомнение затуманило эти поразительные глаза. — Как они могут быть здоровы, когда вы оставили их...

— Я не трогал твоих драгоценных беспризорников прошлой ночью, госпожа Адиана. Это ты предположила. Хотя, признаюсь, мне нравилось играть с твоей самонадеянностью.

— А теперь вы со мной не играете? Откуда мне знать, когда вы говорите правду, а когда нет?

— Ты не можешь знать, — он вернулся к столу и провел пальцами по кожаным переплетам томов, наслаждаясь запахом волнения Адианы. — И все же у тебя есть выбор. Если я лгу, девочкам ты уже не поможешь. Ничто из того, что ты делаешь или говоришь, не изменит этого. Если я говорю правду, то их благополучие в твоих руках. В твоих изысканных руках, госпожа Адиана. И это то, что тебе следует иметь в виду.

Женщина нахмурилась.

— Идем, — он поманил ее. — Нам есть о чем поговорить.

Она оглядела павильон, сначала его стражей, потом Пашнари. Когда, наконец, она приблизилась, то робкими шагами. Он привлек ее к себе, положив руку ей на поясницу, и открыл перед ней книгу.

— Какой это язык? — спросил он.

— Это священная письменность Старых Орден.

От нее исходил освежающий аромат, запах примулы и летнего ветра.

— Можешь прочитать это?

— Нет, я не могу.

— Почему же тогда ты это ценишь?

— Я... я не понимаю, принц Мехнес.

— Ты решила спасти эти книги от огня и, возможно, из-за этого не смогла сбежать сама. Почему?

— Я знаю, что они значат... что они значат для Эолин.

Мягкие, как тончайший шелк, волосы. Как перышко под его руками.

— Что они для нее значат? — спросил он.

Она стиснула зубы и изобразила восхитительный вызывающий вид.

— Почему вы хотите знать?

— Не ты задаешь вопросы. Ответь мне, госпожа Адиана, и скажи мне правду, потому что я знаю много способов заставить тебя страдать, если ты этого не сделаешь.

Адиана прикусила губу. Образ проскользнул из ее сознания в его сознание: три испуганные и одинокие девочки.

Мехнес перевел дух и подошел ближе, стремясь укрепить связь.

— Она ценила их, потому что это все, что у нее осталось, — сказала Адиана. — Большая часть анналов маг была сожжена во время чисток Кедехена. Остались только три небольшие коллекции: одна в королевской библиотеке, другая в Восточной Селен, а эта принадлежала Эолин.

— Я понимаю. Ее ученицы умеют это читать?

Адиана покачала головой.

— Катарина и Таша присоединились к нам прошлой осенью. Гемена с нами дольше, но она еще очень юна. Они все только учились читать, когда ваши люди покончили со всем. Возможно, они смогут что-то перевести, но было бы рискованно заставлять их пытаться.

— Почему?

— Если заклинания произносятся неправильно или вызываются без должного внимания, может случиться что угодно.

Теперь Мехнес стоял позади нее, достаточно близко, чтобы чувствовать жар, исходящий от ее спины. Он коснулся ее запястья, наслаждаясь ее учащенным пульсом, и позволил своему дыханию коснуться ее уха.

— Где прячется мага?

— Она не прячется, — спокойствие в голосе Адианы было неожиданным. Слабая связь, которую он только что установил с ее разумом, оборвалась. — Она мертва. Ваши люди позаботились об этом прошлой ночью.

Мехнес отошел, посмеиваясь, чтобы скрыть свое разочарование.

— Ты — плохая лгунья, госпожа Адиана.

Он обошел вокруг стола, встал лицом к ней и указал на ближайший стул.

— Ты знаешь этот инструмент?

Адиана нахмурилась, когда ее взгляд остановился на лютне.

— Да.

— Сыграй для меня.

Она моргнула и сделала шаг назад.

— Я хотел бы услышать твою музыку, прежде чем мы продолжим наш разговор.

— Почему?

Он терпеливо вдохнул.

— Играй для меня. Я больше не буду просить.

Она подошла к креслу, взяла лютню и провела руками по ее изогнутой спинке и полированному грифу.

В ее движениях была грация, заметил Мехнес. Чувство уверенности в себе, которое отличало ее от простолюдинок, но не носило надменный оттенок, столь часто встречающийся у женщин из знати.

Дочь купца, заключил он. Или что-то в этом роде.

Он задавался вопросом, как женщина ее положения могла поддаться судьбе, в которой она призналась прошлой ночью. Трудно было представить госпожу Адиану шлюхой на причалах Селкинсена, хотя мысль эта не была неприятной.

Адиана устроилась в кресле, поморщившись из-за плеча, когда нашла положение, чтобы поддерживать лютню. Она потянулась к колкам, но струны были идеально настроены. Мехнес позаботился об этом. Действительно, он выбрал для нее совершенный инструмент. Дека была из бледной ели, отполированной до золотого блеска, с причудливо вырезанной розой в центре. Спинка была изготовлена из темного вишневого дерева, а гриф был покрыт шпоном черного дерева.

Закрыв глаза, Адиана сделала долгий неглубокий вдох, пока не прося мелодию от лютни, а играя по одной ноте за раз, чтобы ощущался резонанс каждой.

— Прекрасный инструмент, — пробормотала она. — Где вы его нашли?

Ему было приятно это слышать.

— Сырнте очень любят музыку. Я путешествую с музыкантами, куда бы я ни пошел.

Адиана кивнула, и перед его мысленным взором проскользнуло другое изображение: скромная комната, заполненная инструментами, собранными из многих стран. Ее место радости и близости, полностью сожженное пламенем.

Видение застало его врасплох. Она бросила свои сокровища, пытаясь спасти книги маги. Уже второй раз за встречи самоотверженность этой женщины заставила его задуматься.

— Я работала с музыкантами из Сырнте, — сказала она. — Они были прекрасными артистами, безупречными в своей технике. Среди лучших, с кем я когда-либо играла.

— Может быть, ты еще сыграешь с ними.

Она издала резкий смешок.

— Вы достаточно наигрались со мной, принц Мехнес. Не мучайте меня этим, — она подняла голову и встретилась с ним взглядом, в котором смешались мужество и покорность. — Что я сыграю для вас?

Мехнес сел перед ней и дал сигнал стражникам встать по обе стороны от Адианы.

— Все, что душе угодно.

Женщина сосредоточила свое внимание на лютне. Музыка пронизывала ее тело,

выливалась на ее пальцы и наполняла комнату едва уловимым протестом.

Мехнес закрыл глаза, позволяя мелодии нести его на призрачных волнах. Она выбросила его на берег ее обиженного сердца, где она билась о стены невидимой тюрьмы, ограничения своего пола, оков своей уязвимости.

Ноты расходились, затем снова сплетались, сжимая свои объятия, но стремясь снова разойтись, выходя на резкое крещендо, танец войны на струнах, ритм на деке, как далекий барабан, раскат грома от еще не полностью проявившейся бури.

Трижды она поднимала мелодию на вершину, трижды спускалась с этой вершины, а на третий раз позволила музыке стихнуть, пальцы дрожали, пока мелодия покидала ее, лицо было искажено страданием, глаза увлажнились от страха и надвигающейся утраты.

Она запнулась на нестройной ноте и совсем остановилась.

Адиана обхватила инструмент руками и крепко прижала к груди, будто ей вернули потерянного ребенка. Слезы потекли по ее щекам.

Разочарование пронзило чувство удовлетворения Мехнеса. Теперь он понял, что не было необходимости калечить этих детей, которых Ришона так страстно хотела целыми. Покалечить руки этой женщины было бы более чем достаточно для его нужд.

— Ты и поешь, Адиана?

Она вытерла слезы. Ее дыхание сбивалось короткими неглубокими вдохами. Ее щека была плотно прижата к темной шее лютни.

— Я не могу набрать достаточно воздуха. Я упала прошлой ночью, и мои ребра сильно ушиблены.

— Я понимаю. Но ты поешь?

— Да, — прошептала она. — Я слышала, что я хорошо пою.

— Как жаль, — он говорил искренне. — Мне бы хотелось услышать, как ты поешь во время игры.

По сигналу Мехнеса один из стражников вырвал у нее из рук лютню.

— Нет! — закричала она и бросилась за ним, но другой охранник поймал женщину и обездвижил ее, когда Мехнес приблизился.

Командир Сырнте взял Адиану за руку и повернул ее ладонь вверх. Он провел по каждому пальцу, любясь их длиной и элегантностью.

— Где Мага Эолин?

— Она мертва.

— Лжешь, госпожа Адиана, — Мехнес согнула один из ее пальцев назад, чуть не дойдя до точки слома.

Ее крик был громким, удовлетворительным в своем отчаянии.

— Где она?

— Я не знаю.

Мехнес ударил ее по лицу. Всхлип сорвался с окровавленных губ Адианы. Он сунул руку ей под подбородок, сжимая ее горло, пока не почувствовал стакато ее перепуганного пульса.

— Ты понимаешь, что я намерен отнять у тебя, госпожа Адиана?

— Я говорю вам правду, принц Мехнес, — выдохнула она. — Я не знаю.

— Пашнари, — сказал он, не повышая голоса.

Через мгновение служанка оказалась рядом с ним, склонив голову и раскаиваясь.

Мехнес схватил женщину за запястье, выставил ее руку перед Адианой и быстро

хрустнул тремя пальцами. Внезапные крики Пашнари были заглушены еще одним ударом, от которого она упала на пол.

Ужас исказил лицо Адианы. Она боролась с крепкой хваткой охранника.

Мехнес снова взял ее руку в свою.

— Какой палец ты меньше всего ценишь, госпожа Адиана? Может, стоит начать с самого маленького?

— Не делайте этого! — умоляла она. — Пожалуйста, это все, что у меня есть! Музыка...

— Я не хочу причинить тебе боль, тем более покончить с твоим необыкновенным талантом. Но у тебя есть информация, которая мне нужна. Мне нужно сейчас это услышать.

— Я не знаю, где она!

Мехнес взял ее ладонь и обхватил кулаком ее палец.

Тело Адианы тряслось, и ее глаза умоляли его остановиться. В этот момент Мехнеса посетило неожиданное и отвратительное осознание.

«Я не могу уничтожить это».

Одной короткой мелодией ее музыка пленила его. Теперь он не хотел жертвовать этим.

Разъяренный Мехнес снова ударил ее.

Он прошел перед Адианой, затем кивнул одному из охранников.

— Приведи ребенка.

Ришоне не понравится, если ее игрушка будет повреждена, но это было неважно. Он разберется с этим, когда придет время.

Девочку доставили связанной по рукам и ногам, с темными волосами и веснушками на маленьком носике.

— Таша! — Адиана застонала. Ребенок ответил приглушенным всхлипом, так как его люди засунули ей в рот тряпку.

Мехнес приказал срезать веревки на ногах девочки. Взяв девочку за волосы, он потащил ее к столу и бросил на него лицом, разорвав юбку, обнажив ее бледные бедра и хрупкие ягодицы.

— Остановитесь! — закричала Адиана. — О, ради богов, остановитесь! Я говорю правду, принц Мехнес. Я не знаю, где Эолин. Умоляю вас, не мучайте ребенка. Спросите что-нибудь еще, что угодно. Я отвечу на все, что смогу.

Ребенок был неподвижен под хваткой Мехнеса, глаза были открыты и насторожены, как у зайца в лапах волка. Мехнес не сводил глаз с девочки. Желание сломать что-нибудь горело с силой в его чреслах, а эта малышка так легко разбилась бы.

— Где была мага, когда мы напали на Экелар? — спросил он.

— В Южном лесу.

— Одна?

— Нет.

— Сколько с ней было?

Адиана колебалась. Мехнес схватил девочку за волосы и ударил ее головой о стол, вызвав крик ужаса у Адианы.

— Сколько? — повторил он.

— Два стража и две ученицы.

Значит, этих молодых маг было больше. Это было полезно знать.

— Что она будет делать, когда вернется? — спросил он.

— Делать?

— Она попытается спасти тебя? Девочек?

Адиана нахмурилась.

— Ответь мне.

— Я... я не знаю. Думаю, она бы сначала попыталась...

— Предупредить короля?

Адиана отвела взгляд. Мехнес бросил ребенка, вернулся к Адiane и схватил ее за горло.

— Как?

— Я не знаю, — слезы наполнили ее глаза. — Она может летать.

Он уловил образ взволнованной маги, пальцы которой задержались на украшении на шее, серебряной паутине с мелкими кристаллами, висящей на простой цепочке.

— Вот, — Мехнес усилил хватку. — Этот предмет. Что это?

— Предмет? — Адиана растерянно посмотрела на него.

— Украшение, которую она носит.

— Как вы...?

— Говори!

— Это был подарок, — Адиана выдавливала каждое слово сквозь отчаянные вдохи. — Подарок от короля.

— Какая у него сила?

— Это... как-то связывает их. Я не знаю. Она никогда не говорила мне.

Мехнес отпустил ее. Адиана поникла, кашляя и хрипя.

Он узнал это украшение. Оно идеально соответствовало описанию устройства, которое использовала девочка для побега тем же утром.

«Это связывает их. Ребенка и магу, магу и короля».

— Королю-Магу сообщили, — заключил он. — Или, по крайней мере, мы должны предположить, что это так.

Это была разочаровывающая новость. Мехнес планировал двинуть свою армию далеко на север, к Римсавену, до того, как весть об их вторжении достигнет Королевского города. Возможно, сейчас это было невозможно, и Мехнес не хотел увязнуть в конфликте из-за перевала Эрунден.

Тем не менее, преимущество оставалось за Сырнте, и у них еще было время обеспечить проход, если они будут действовать быстро. Он кивнул своим людям.

— Уведите девочку, а женщину оставьте со мной. Пошлите за моими офицерами и приведите ко мне одного из посланников королевы.

Стражи толкнули Адiane на стул и ушли.

Пашнари осталась лежать на земле, баюкая изуродованную руку. Мехнес снова пнул ее.

— Убирайся, — сказал он.

Она убежала, как крыса.

Принц Сырнте обратил внимание на Адiane, которая сжалась и сотрясалась от жалких рыданий.

Мехнес подошел ближе, убрал руки Адiane с ее лица и вытер ее слезы. Теперь его ярость улетучилась. Действительно, он был очень доволен тем, как все обернулось. У него была необходимая информация, игрушки Ришоны еще можно было доставить целыми, а он мог наслаждаться исключительной музыкой Адiane.

Он поднес к ее губам чашу с вином. Она приняла его отчаянными глотками. Ее тонкие золотистые волосы клочьями падали на разбитые щеки. Дрожь на ее окровавленных губах

была очень соблазнительной. В этот момент Мехнес подумывал о том, чтобы взять ее силой, как ему часто нравилось, но ему пришло в голову, что, может, будет интереснее предаться игре соблазнения с этой артисткой, дочерью купца и шлюхой из Селкинсена.

Адиана подавилась посреди глотка и оттолкнула чашку. Дрожь пробежала по ее плечам, и она снова заплакала.

— Не переживай так сильно, госпожа Адиана, — сказал Мехнес, убирая прядь волос с ее лица и взяв ее за подбородок. — Это редкий дар — музыка, которая живет в твоей душе. Я очень рад, что ты не сочла нужным отказаться от него.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Потеря

Из покоев Королевы донесся вопль, горькая мелодия потери и смерти, которая нарастала, а затем стихала, оставляя Акмаэля и других, несших бдение снаружи, обремененными тяжелой тишиной.

Дверь в комнату Тэсары открылась, и появился Верховный Маг Резлин. Внешний вид врача был потрепан. Руки он вымыл, но рукава его были запачканы кровью, а старческие глаза затуманились мрачным настроением. Он сделал паузу и оглядел комнату, словно оценивая присутствующих, среди них были дамы Тэсары и новый посол Рёнфина.

Подойдя к Акмаэлю, Резлин поклонился и произнес приглушенным тоном:

— Я считаю, что худшее уже позади, мой Король. Королева поправится, хотя ей требуется много отдыха. Однако мне очень жаль сообщать вам, что для ребенка уже слишком поздно.

— Слишком поздно? — слова казались как-то неуместными. Неправильными.

— У нее было сильное кровотечение, мой Король, и никакое известное мне средство не могло остановить кровотечение. Принца не удалось спасти.

Акмаэль стиснул зубы, направляя волну горя и гнева глубоко в себя.

«Ярость не следует направлять на богов, ее следует сдерживать внутри и использовать для большей цели, — сказал ему однажды Церемонд. — Боги берут от нас, чтобы разжечь наш гнев. Они провоцируют наш гнев, чтобы раскрыть наш потенциал».

— Королева слаба, — продолжал Резлин, — и страдает от угрызений совести. В ближайшие дни она должна быть прикована к постели, пока не остановится кровотечение.

— А ее матка?

— Цела, слава богам. Она снова будет рожать детей.

— Я хотел бы увидеть ее немедленно.

— Как пожелаете, мой Король, — Резлин отошел в сторону.

— Король Акмаэль, если угодно, я хочу увидеть свою племянницу, — лорд Пенамор, новый посол из Рёнфина, выступил вперед. Худощавый мужчина с вытянутым лицом и острыми глазами, в конце концов, был сопровожден от причала Верховным магом Цетобаром.

Акмаэль кивнул.

— Я сообщу королеве, что вы здесь.

— Я предпочел бы сопровождать вас сейчас.

Акмаэль напрягся. Это была дерзкая просьба от только прибывшего гостя его двора.

— Вы увидите королеву по ее просьбе, лорд Пенамор.

Губы посла дернулись, но он выразил свое согласие почтительным поклоном.

В покоях королевы леди Соня ухаживала за Тэсарой, освежая ее бледное лицо влажной

тканью. Заметив появление короля, Соня накинула на колени королевы свежее покрывало, чтобы скрыть сырые и грязные простыни.

У изножья кровати был накрыт небольшой столик с темно-синими свечами и горящим шалфеем. Зрелище вызвало новый прилив горя. Акмаэль остановился над свечами и спел тихие песни перехода, посылая в Подземный мир все, что мог, чтобы хрупкая душа его сына могла войти в чертоги его предков.

Раскаяние Тэсары повисло над комнатой горьким туманом, неся с собой неприятный запах крови и соли. Она спрятала лицо за дрожащими руками и отказалась показывать лицо, даже когда Акмаэль занял место рядом с ней. Несколько мгновений между ними не было слов, тишину комнаты нарушали только сдавленные рыдания королевы.

— Оставьте нас, — сказал Акмаэль леди Соне. Женщина бросила нервный взгляд на королеву, затем сделала реверанс и ушла, забрав с собой слуг и других дам.

Акмаэль убрал руки Тэсары с ее лица. Ладони были липкими, ее хватка — вялой, ее щеки были в пятнах, словно в лихорадке. Она направила взгляд на какое-то пустое место перед собой.

— Я очень опечален этой новостью, — сказал он.

— Простите меня, мой король, — ее голос был на удивление ровным, учитывая дрожь в плечах.

— Нечего прощать. Это я разрешил тебе прокатиться. Ты не должна нести это бремя, и мы не будем больше говорить об этом.

Она моргнула и кивнула, но не встречалась с ним взглядом.

— Верховный маг Резлин заверил меня, что ты не пострадала и скоро сможешь родить еще детей.

— Если угодно, мой король, — она прикусила губу, подавив всхлип. — Тогда так и будет.

— Это бы меня порадовало, — Акмаэль поднес ее вялые пальцы к своим губам. По правде говоря, он сомневался в своих словах. Кровать Тэсары была местом строгого долга и небольшого удовольствия. — Я не могу задерживаться, моя королева. Моэн может быть в осаде, и я должен поговорить с магом Кори, чтобы узнать, что еще он узнал от девочки.

Тэсара убрала руку и посмотрела на него с грустным и неуверенным выражением лица.

— Побудьте со мной еще немного.

— Верховный маг Резлин проследит, чтобы о тебе хорошо позаботились.

Она сглотнула, судорожно вдохнула и снова взяла его за руку.

— Мой Король, вам не кажется любопытным, как девочка оказалась именно в этот момент и именно в этом месте?

Акмаэль счел это замечание озадачивающим.

— Мы не знаем, как это произошло. Устройство должно было привести ее к Маге Эолин.

— Однако она появилась передо мной и заставила мою лошадь, существо, которое всегда было нежным по своей природе, впасть в панику.

Акмаэль отстранился от прикосновения Тэсары.

— Говори прямо, Тэсара. Что тебя беспокоит?

Она поджала губы и на мгновение замолчала.

— Простите меня, мой Король, за то, что я собираюсь сказать. Я — женщина благоразумная, но не без ушей. До меня дошли слухи о вашей юности, о том, что когда-то вы

что-то значили для этой женщины, ведьмы из Моэна.

— Тэсара, не тебе...

— Я знаю, мой Король. Я никогда не подвергала сомнению события прошлого и никогда не сомневалась в вашей верности мне, моему дому и моему народу. Но эта ведьма опасна. Я не могу не подозревать, что моя болезнь в Моэне была ее рук делом, как и потеря этого ребенка.

— Невозможно, — гнев отразился в тоне Акмаэля.

— Сегодня сработало колдовство. Я в этом уверена.

— Мага Мойсехена не стала бы использовать свои силы в таких грязных целях.

— Я выросла, слушая рассказы о ваших магах. Они объявили войну вашему отцу и почти довели это королевство до гибели. Для них было бы мелочью убить принца.

Акмаэль в ярости поднялся.

— Хватит этих обвинений.

— Мой Король, я только хочу...

— Ты ничего не хочешь, кроме как отрицать собственную неудачу, Тэсара. Я намеревался избавить тебя от бремени этой вины, так как думал, что боль от нашей утраты была достаточным наказанием. Но моя милость была принята плохо.

— Пожалуйста, мой Король! — всхлип прервал ее слова. — Не говорите таких жестокостей. Помните, что я родила нашего первого ребенка без труда. Я не слабая и не неопытная наездница. Вы должны хотя бы подумать...

— Я не буду рассматривать ни одну из этих глупостей.

— Я говорю только из заботы о нашем будущем, о будущем наших сыновей, о вашем королевстве!

Он схватил ее за руку, его хватка была такой жесткой, что она вскрикнула.

— Вы обвиняете невинную женщину и ребенка в государственной измене. Мага Эолин и ее ученицы — верные слуги Короны. Если вы еще когда-нибудь произнесете такую ложь, вы будете страдать гораздо хуже, чем от моего гнева.

Он отпустил ее так же внезапно, как схватил.

Тэсара заплакала, но ее горе только усилило его отвращение. Без дальнейших слов он оставил ее.

В вестибюле ждал стюард с сообщением от мага Кори, который просил немедленной аудиенции. Акмаэль распорядился, чтобы маг ждал его в зале Совета вместе с сэром Дростаном.

Лорд Пенамор выступил вперед с еще одним прошением о встрече с Королевой, но Акмаэль отклонил его просьбу и сообщил Верховному Магу Резлину, что Тэсара не должна принимать посетителей, кроме как с его разрешения.

Когда Акмаэль прибыл в зал Совета, Кори и Дростан стояли за длинным дубовым столом, разложив перед собой карты восточных территорий. Ясное и свежее утро сменилось удушающей послеполуденной жарой. Хотя южные окна были распахнуты настежь, у всех на лбу выступил пот, а слабый запах пота был безмолвным предвестником грядущих сражений.

— Мой Король, — Кори приветствовал Акмаэля уважительным поклоном, выражение его лица выражало явное беспокойство, а тон был почтительным. — Какие новости о вашем сыне?

— Принц потерян, — Акмаэль был краток, его сердце уже ожесточилось.

Кори некоторое время изучал его, нахмурив брови.

— Я очень опечален слышать это. А королева?

— Она скоро поправится.

— Да сделают так боги, — тихо сказал сэр Дростан.

Король ответил на их соболезнования кратким кивком.

— Что ты узнал от девочки, маг Кори?

— Если я правильно интерпретирую ее показания, то, похоже, Моэн был захвачен бандой налетчиков Сырнте. Они разрушили школу, сожгли город и разбили лагерь за пределами остатков стен.

«Бесполезные стены Моэна», — с горечью подумал Акмаэль.

— Должно быть, они пришли с востока, — Акмаэль вытащил одну из карт. — Здесь, на склоне Параменских гор. Возможно, древний торговый путь. Или путь, известный только лесникам.

— Им не потребовалось бы много людей, чтобы взять Моэна, — сказал Дростан, — но они могут быть готовы открыть путь на настоящую дорогу.

— Маг Кори, а что насчет Маги Эолин? — спросил Акмаэль. — Девочка знает что-нибудь о ее местонахождении?

— Эолин отправилась в Южный лес за несколько дней до нападения в сопровождении сэра Бортена, Делрика и двух ее учениц. В ту ночь, когда Экелар был захвачен, она еще не вернулась.

Акмаэль выразил облегчение медленным выдохом. Тогда была надежда. Никто не знал Южный Лес лучше и не мог найти более безопасного убежища в его глубинах, чем Эолин.

— Сколько мужчин среди сырнте?

— Невозможно сказать, — сказал Кори. — Если бы я поверил ребенку, я бы сказал, что тысячи. Но она никогда не видела армии и, думаю, не очень хорошо видела эту. То, что казалось ей бесконечной ордой, может быть несколькими сотнями человек.

— Было бы неразумно предполагать, что она преувеличивает, — сказал Дростан. — Мятажник Эрнан собрал грозную армию в лесах Восточной Селен, человек за человеком и оружие за оружием в течение многих месяцев. Мы всегда думали, что его последователи небольшими группами проходили незамеченными через западные территории, но у них могли быть и другие пути проникновения, о которых мы не были проинформированы.

Акмаэль бросил язвительный взгляд на мага Кори.

— Что скажешь, слишком хорошо зная это неудавшееся движение?

Кори стиснул зубы под вызовом короля, его серебристо-зеленые глаза были спокойны, как у змеи под летним солнцем.

— Пути их входа были именно такими, как я сообщил вам, мой Король. Люди Эрнана пришли из Галии через Рабельнское море, а воины Хелии спустились с Параменских гор в Селкинсен. Они путешествовали по северным холмам хребта Тэшель, чтобы встретиться с Эрнаном в Восточной Селен. Дополнительные повстанцы были собраны из крестьян Мойсехена, и когда Эрнан заключил союз с Селен, он призвал рекрутов этих вероломных лордов.

— А Сырнте? — подсказал Дростан.

Маг нетерпеливо вдохнул.

— Сырнте всегда были загадочными участниками движения Эрнана. Ришона и Тамир, по большей части, действовали сами по себе, намереваясь отомстить Церемонду, имея в своем распоряжении лишь горстку стражи. Но Эрнану обещали сотню или около того

кавалеристов-сырнте, которые, когда я уходил, еще не появились в его отряде. Король хорошо знает, что эти всадники не появились во время битвы при Эрундене. Мне так и не открылось, каким образом люди Ришоны и Тамира должны были проникнуть в королевство незамеченными, и до сегодняшнего дня я предполагал, что они этого не делали.

Акмаэль с презрением разглядывал своего кузена, снова разочарованный капризом богов, которые сочли нужным убрать такого прекрасного и прямолинейного советника, как Церемонд, и оставить этого человека, который ни разу не солгал, но оказался мастером обмана... как самый высокопоставленный маг королевства.

— Маг Кори, — сказал Акмаэль, — когда мы закончим здесь, ты будешь сопровождать сэра Дростана, чтобы поговорить с нашими воинами-магами. Ты расскажешь им все, что знаешь о Сырнте и магии, которой они владеют. Если я обнаружу, что ты утаил важную информацию, я велю тебя четвертовать, а твои останки бросить волкам.

Маг поклонился, явно не испугавшись угрозы.

— Как пожелаете, мой Король.

— Дростан, как только ты получишь то, что тебе нужно от Кори, ты должен немедленно отправиться в Римсавен с сотней человек, среди которых двадцать воинов-магов. Путешествуйте налегке и быстро. Перевал Эрунден должен быть закреплен как можно скорее.

— Я прослежу, чтобы это было сделано, мой Король.

— Я соберу остальную армию и уйду через три дня. По милости богов, у вас будут силы, прежде чем вы встретите Сырнте в бою.

— Да, мой Король.

— Это все.

Дростан поклонился, прощаясь.

— Если позволите, мой Король, — сказал Кори, заставив Дростана остановиться. — Устройство, которое привело сюда ребенка. Оно все еще у вас?

— Да.

— Я бы посоветовал вам не использовать его.

Акмаэль разглядывал мага, вспоминая их встречу накануне восстания Эрнана, когда Кори был связан и избит глубоко в подземельях Вортингена. Даже тогда его опухшее и обесцвеченное лицо не уменьшило той невозмутимой властности, с которой он всегда говорил.

— Дростан, ты можешь подождать в вестибюле, пока я закончу с магом Кори.

Рыцарь ушел.

Когда за ним закрылись тяжелые дубовые двери, Акмаэль повернулся к своему кузену.

— Говори прямо. Сегодня у меня нет терпения на твои загадки.

— Все просто, мой Король. Мы не знаем судьбы мага и поэтому не можем предвидеть, куда вас приведет устройство. Если украшение попадет в середину лагеря Сырнте, мы потеряем Мойсехен одним ударом.

— Я рассматривал эту возможность и подожду, пока наши разведчики оценят ситуацию в Моэне, прежде чем предпринимать какие-либо действия по ее возвращению.

— Пока мы ждем, она может оказаться во власти захватчиков-сырнте. Простите мою самонадеянность, мой Король, но у меня не хватит духу бросить Эолин на такую судьбу, как и у вас, — Кори устремил свой серебристо-зеленый взгляд на Акмаэля. — Пошли меня найти ее.

— Я должен доверить тебе такую задачу?

— Ты уже однажды доверил ее мне, и я тебя не подвел.

— Ты доставил Эолин мятежникам.

— Я поместил ее в самое безопасное место, какое только можно вообразить, под опеку ее брата. Никто больше уделял бы судьбе Эолин более высокий приоритет, чем я. Ты знаешь это, — Кори подошел ближе. — Эолин — ключ к нашему будущему. Ее магия так же важна для этого королевства, как и родословная Вортингена. Ты видел ее в Моэне. Она все еще носит змею на руке?

Кори упомянул о браслете из серебра с выгравированным изображением Дракона, фамильной реликвии клана Восточной Селен.

— Да, — сказал Акмаэль.

— Тогда она одна из нас, одна из моих, и я поклялся защищать ее. Отправь меня в Моэн вместо тебя. Я найду Эолин и доставлю ее в целости и сохранности.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Последствия

— Что это было за существо? — голос Бортена вывел Эолин из задумчивости.

Рыцарь ждал два дня, прежде чем задать этот вопрос. И все же Эолин не чувствовала себя готовой к ответу.

Она отвела взгляд от Мариэль, которая стояла с задранными юбками, крепко обняв руками стройное тело. Тихие воды Тарбы плескались у щиколоток Мариэль. Летнее небо светилось глубоким сапфировым оттенком, который при любых других обстоятельствах вселил бы радость в девичье сердце. И все же Мариэль не улыбнулась и не шевельнулась, за исключением легкого покачивания тела в такт качающимся камышам.

— Я беспокоюсь о ней, — сказала Эолин. — Она не сказала ни слова с тех пор, как мы развеяли их прах.

Они сожгли тела Сирены и Делрика в соответствии со старыми обрядами: на костре из бука, чтобы сохранить старое, из ольхи, чтобы защитить новое, и из ясеня, чтобы обрести мудрость во времена утраты. Когда Эолин возвысила голос, чтобы оплакать их кончину, дым черными клубами закружился к небу и угольной дымкой поплыл над краем Южного Леса.

Я пою об уходе этой ведьмы, этого воина.

Мудрые и красивые друзья

Принесли радость в наши дни и смех в наши ночи...

— Эолин, — Бортен положил руку ей на плечо. — Ответь на мой вопрос.

Она разглядывала его лицо, силу в ясных голубых глазах. Его прикосновение разожгло внутри тупую боль, страстное желание оказаться в его объятиях и никогда больше не выходить наружу.

Тем не менее, каждый раз, когда она смотрела на Бортена, ей казалось, что она ищет кого-то другого.

— Я не уверена, — сказала она. — Если бы я знала, я бы уже поговорила с тобой об этом, — ее горло сжалось. Она кашлянула и позвала ученицу. — Мариэль, подойди! Мы и так задержались.

Какое-то мгновение девушка не подавала признаков того, что услышала. Затем она вышла из воды, взяла сапоги и подошла к крутому берегу, чтобы присоединиться к ним. Ее походка была тяжелой, а взгляд пустым.

Эолин обвила рукой талию Мариэль и нежно обняла ее.

— У нас осталось всего полдня пути, — сказала она с тихим ободрением. — Тогда мы снова будем дома, будем есть суп Ренаты и хлеб Адияны, играть в игры с девочками, спать в своих кроватях.

Эолин коснулась подбородка своей ученицы. Мариэль ответила неуверенной улыбкой, хотя ее глаза по-прежнему были затуманены печалью.

— Мне нужно, чтобы ты была сильной ради молодых, Мариэль, — продолжила Эолин. — Это будут трудные новости для всех.

Девушка кивнула, но ее плечи поникли.

Обеспокоенная, Эолин прикусила губу и отвернулась.

— Возможно, мы могли бы немного пройтись, дать лошадям отдохнуть и насладиться этим прекрасным днем. Что скажете, сэр Бортен?

Его хмурый вид делал любой ответ ненужным. Бортен хотел, чтобы они как можно скорее вернулись в школу. Хотя Эолин разделяла его чувство безотлагательности, она также видела, что Мариэль нельзя торопить. Девочке нужно было время, свежий воздух, теплые дни и тихие ночи.

Больше всего ей нужны были тихие ночи.

— Есть вещи, которые мы с вами должны обсудить, сэр Бортен, — настаивала Эолин. — Будет легче, если мы пойдем пешком.

Это, казалось, успокоило рыцаря, хотя его кивок был сдержанным.

Ведя лошадей за поводья, они снова двинулись вниз по реке. Эолин шла рядом с сэром Бортеном, а Мариэль отставала.

— Это чудовище в Южном лесу... — сердце Эолин сжалось, и голос подвел ее. Она жаждала поделиться своими страхами и сомнениями, но каждый раз, когда она делала вдох, чтобы рассказать о нападении, какая-то необъяснимая сила заставляла ее замолчать. Она сделала паузу, соединила свой дух с землей и попробовала снова. — Я видела это раньше или что-то очень похожее, когда Церемонд изгнал мой дух в Подземный мир. Я считаю, что это был демон Наэтер.

Долгое время Бортен не отвечал. Их шаги стучали по траве в сопровождении ритмичного топота лошадей. Свежий ветер дул по холмистой местности, заглушая песни певчих птиц и дроздов.

— Я кое-что знаю об этих легендах, — сказал Бортен. — Это имело бы смысл. Монстр забрал у Сирены ее сердце.

— Но это не имеет смысла, сэр Бортен! Демоны Наэтер были заперты в Преисподней изгнаны на все времена. Как он мог сбежать, и почему он был в Южном лесу? Насколько мне известно, проклятие Ахмад-дура было снято только один раз, когда оно было наложено на меня. Акмаэль... То есть Король смог вернуть меня, потому что прошло очень мало времени, а мое тело все еще было неповрежденным. У моего духа был дом, куда он мог вернуться. У Наэтерских Демонов не осталось земных тел. Даже если бы они это сделали эти сосуды были бы на другом конце королевства, в Пустошах Фэрнворна. Не здесь, в Моэне.

— Этот зверь не был сделан из плоти и крови. Ты видела, как наши мечи прошли сквозь него. Только оружие галийских колдунов смогло разрезать его, — он кивнул в сторону Кел'Бару, теперь висевшего на его поясе.

Эолин потеряла лоб, беспокоясь о том, что у нее были все части, необходимые для решения этой головоломки, если только она сможет расставить их в правильном порядке. Остановившись, она закрыла глаза и сосредоточилась на темноте внутри.

— Кори, — звук его имени на ее губах удивил ее. — Кори может знать.

— Маг Восточной Селен? Почему?

Действительно, почему? Эолин ускорила шаг, словно каждый шаг мог приблизить ее к ответу.

— Что-то, что он сказал однажды. Если бы я только мог вспомнить...

Бортен остановился как вкопанный, устремив взгляд на горизонт. Он помрачнел.

— Что такое? — спросила она, следя за направлением его взгляда.

Две темные линии извивались на фоне неба, одна на западе, а другая дальше на севере, словно чья-то огромная рука провела водянистыми чернилами линию от земли к небу.

— Моэн, — пробормотал Бортен, — и Экелар.

Во вспышке ужаса Эолин бросила поводья и побежала, тяжело стуча ногами по земле, пока не достигла вершины следующего холма, где она встала, затаив дыхание, одной рукой прикрывая глаза от яркого солнца, пытаясь увидеть то, что скрывало расстояние.

Бортен подошел к ней.

— Горят? — недоверчиво сказала она. — Оба из них? Как это может быть? Боги... дети!

Магия прошла через Эолин, когда она призвала облик Ястреба.

— Что ты делаешь? — спросил Бортен, но она уже покинула его, взмыв высоко к небесам. — Эолин, остановись!

Она завопила, поймав восходящий поток, оставила его фигуру позади. Ландшафт превратился в широкую холмистую равнину золотисто-зеленого цвета, темные участки леса спрятались в неглубоких оврагах, а Тарба серебристой лентой вилась между невысокими холмами.

С пульсацией ветра под крыльями Эолин повернула на запад, в сторону школы. Наконец, она появилась в поле зрения, и ее худшие опасения сбылись.

Эолин приземлилась на западной стене, удерживая облик Ястреба, слишком ошеломленная, чтобы думать не о сгоревших корпусах внизу. Она взъерошила перья, взмахнула крыльями и снова села, беспокойная и неуверенная, взгляд метался между почерневшими каменными руинами, которые когда-то были кухней, гербарием, кабинетом, ее покоями. Из нее вырвался пронзительный крик, повторяющийся отрывистыми нотами, пока мучительное горе безжалостно билось в ее груди.

Неужели это все, что осталось после многих лет труда и жизни надежд? Было ли это наградой богов за многочисленные жертвы ее сердца?

Взмахом своих могучих крыльев Эолин взмыла вверх и обогнула комплекс, ища какие-нибудь признаки Адианы, Ренаты или девочек, но место было безлюдным. Сады, лекарства, книги — все ее величайшие сокровища превратились в пепел.

Взмах черных крыльев привлек ее взгляд к югу, предупредив ее о стае воронов за ближайшим хребтом. Эолин полетела к ним. В их центре она увидела покинутый труп, отблеск ткани, окрашенной в темно-синий цвет, цвет Средней Маги.

Она с криком бросилась на воронов, расправив крылья и выпустив когти, впивалась в их черные глаза и щелкала на их острые клювы. Через несколько мгновений меньшие птицы разлетелись, шипя от ярости, но уважая ее господство. Когда они отступили, она приняла человеческий облик и, дрожа, опустилась на колени рядом с тем, что осталось от Ренаты.

Голова маги исчезла. Ее кишечник был разорван, опустошен за ночь падальщиками. Остальные ее разорванные останки растерзали вороны.

— О, моя дорогая, милая сестра, — Эолин закрыла лицо и заплакала.

Солнце продолжало медленно двигаться по дуге к западному небу. Вороны нетерпеливо каркали в нескольких шагах от нее. Эолин подняла лицо к ветру, судорожно вдохнула и вытерла слезы со щек, хотя они еще не переставали течь.

Трава шептала: *Тебе нельзя оставаться.*

Бортена сойдет с ума от беспокойства и ярости. Даже сейчас он мог мчаться к школе, а Мариэль тащилась за ним. Она должна была остановить их, пока они не подошли слишком близко, потому что тот, кто это сделал, мог все еще бродить по холмам.

— Эй, ты!

Эолин подпрыгнула и вскочила на ноги. Приближались трое солдат, один пеший с натянутым луком, остальные — верхом сзади. Они были слишком далеко, чтобы можно было разглядеть их лица, но Эолин могла видеть их цвета. Это были не королевские солдаты.

— Какое у тебя здесь дело? — крикнул один из них.

Эолин сделала несколько шагов назад.

— Ответь мне!

Она повернулась и побежала.

Мимо нее просвистела стрела, и она прыгнула вперед, приняв форму Волка, и перепрыгнула через холм так быстро, как только могли ее четыре лапы. Ее преследовали крики, сопровождаемые ржанием и гарцеванием лошадей. Паника сковывала ее. Она не смела оглянуться.

Уже утомленная горем и бегством, Эолин не знала, как долго она сможет удерживать облик Волка. Еще одна стрела пролетела мимо, задев ее спину жаром. Она взвизгнула и пустилась в отчаянный бег, уклоняясь от стрел, следуя по ущельям, надеясь, что холмы скроют путь ее отступления, низко опустив голову и хвост, пока ее преследователи рассыпались веером позади нее. Дыхание было прерывистым, язык свисал с подбородка. Мышцы болели при каждом движении.

Внезапно ее нос уловил перечно-зеленый запах леса. Подняв голову, Эолин заметила небольшой участок леса между двумя холмами. Она рванулась к укрытию и врезалась в кусты, колючие ветки царапали ее бока, когда она искала убежища в зыбких тенях кустов.

Оказавшись внутри, она низко пригнулась и замерла, вглядываясь сквозь густые ветви, напрягая каждый мускул. Она услышала грохот лошадей, прежде чем увидела, как они проносятся мимо разноцветным пятном. Листья шуршали за ними. Когда стук копыт стих, Эолин поползла дальше в лес, ползла по земле, пока колючие кусты не уступили место открытому подлеску.

Она встала и отряхнула мех.

Каждый вдох обжигал легкие, боль пронзала переднюю лапу. Прихрамывая, она прошла к широкому стволу старого бука, в изнеможении села у его основания.

Кровь бурлила в ее венах. Ее животу было жарко на прохладной грязи. Она оперлась мордой на лапы, с открытыми глазами и настороженными ушами, всем сердцем опасаясь, что солдаты вернуться раньше, чем она сможет восстановить свои силы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Великая цель

Эолин нашла Бортена и Мариэль там, где она их оставила, на берегу Тарбы. Мариэль сидела с мрачным лицом и молчала. Бортен беспокойно ходил взад-вперед, держа руку на рукояти меча, осматривая западный горизонт.

Она спикировала, как Ястреб, ее полет больше походил на падение, чем на правильное

приземление. Мышцы ее груди и спины горели от усталости. Ее ноги не выдержали ее веса, а пернатый живот с глухим стуком ударился о землю, вызвав крик из ее горла.

Используя оставшиеся силы, она вернула себе человеческий облик и, тяжело дыша, лежала на траве, волосы были распущены и падали на плечи рваными локонами, а запястье пульсировало от травмы, которую она получила, будучи Волком.

Выругавшись, Бортен подошел, схватил ее за руку и поставил на ноги. Эолин вскрикнула от боли, ее тело сопротивлялось внезапному движению, но рыцарь не обратил на это внимания. Он оттащил ее от Мариэль, его широкий шаг был безразличен к неловкому спотыканию Эолин, когда она изо всех сил пыталась не отставать.

Наконец Бортен отпустил Эолин резким толчком, от которого она упала к его ногам.

— Если ты когда-нибудь снова так сбежишь, клянусь богами, я сам тебя убью!

Эолин подняла руку, чтобы отразить его гнев.

— Простите, сэр Бортен. Я не подумала.

— Не подумала, — его лицо было красным от ярости, вены вздулись на шее. — Тебе лучше научиться думать, Мага Эолин, или твой дурацкий порыв станет смертью для всех нас.

Она кивнула, не в силах найти в себе силы для новых слов. Земля качалась под ней, как разъяренная река. Ее плечи поникли, желудок сильно сжался, и она изрыгнула желчь на траву. Задышавшись, она отползла от лужи рвоты, села без сил на пятки и закрыла лицо руками.

— Все пропало, — простонала она. — Все. Кухня, спальня, конюшня, гербарий, мой кабинет. Все сгорело дотла. Рената мертва. Адiana и девочки исчезли.

Бортен шагал перед ней, тяжело ступая ногами по траве. Через мгновение он остановился и сделал долгий выдох. Встав на колени рядом с ней, он предложил фляжку с водой, которую она использовала, чтобы выполоскать желчь изо рта.

— А Моэн? — спросил он, его голос стал мягче.

— Я не ходила в Моэн, — она выдавила слабую улыбку. — Я глупа, но не настолько.

Выражение лица Бортена смягчилось. Он потянулся вперед, убрал несколько непослушных прядей с ее лица и смахнул слезу с ее щеки.

— Есть какие-нибудь указания на то, кто это сделал?

Эолин кивнула, ее сердце погрузилось в уныние.

— Я видела их цвета, бордовое пламя на фоне песочного цвета поля. Они — воины из Сырнте.

— Сырнте? — Бортен нахмурился. — Как? Им нужно было пройти через Антарию и Рёнфин, прежде чем пересечь Селкинсен, где они встретились бы с Королём-Магом. Мы должны были, по крайней мере, услышать об этом вторжении задолго до их прибытия.

Эолин покачала головой.

— Есть еще один способ. Старый маршрут, пролегающий вдоль северо-западного склона Параменских гор.

— Я никогда не слышал о такой дороге, — с сомнением сказал Бортен. — Откуда ты о ней знаешь?

— Эрнан хотел, чтобы я бежала так вместе с его союзниками-сырнте на случай, если его восстание провалится.

Бортен изучал ее, любопытство мерцало в его глазах.

— Восстание твоего брата провалилось. Почему же ты не бежала с его союзниками?

Кровь снова прилила к ее щекам, и полуденное солнце согрело ее кожу.

— Потому что, как вы хорошо знаете, сэра Бортен, я редко склонна слушать солдат.

Он закатил глаза и отвел взгляд. Ухмылка расплылась на его лице. Бортен встал и протянул руку, чтобы помочь Эолин встать.

Она встала на ноги и стряхнула землю с юбки. Все еще испытывая головокружение и тошноту, Эолин схватила Бортена за руку, и они направились обратно к Мариэль.

— Я проигнорировала желание моего брата, потому что мое место здесь, среди наших людей, — сказала она. — Когда я получила посох Высшей Маги, я пообещала Дракону, что восстановлю традицию маг в Мойсехене. Я не смогла бы справиться с этой задачей, если бы жила по другую сторону гор Парамен. Я бы никогда не сбежала из этого королевства, даже если бы это означало смерть на костре, — она остановилась и поднесла пальцы к губам. — Бортен, мы должны выяснить, что случилось с Адианой и девочками.

Он покачал головой.

— Слишком поздно для тех, кто остался в Экеларе. Даже если Адиану и девочек забрали живыми, они, скорее всего, уже мертвы. В лучшем случае их пытали, но мы уже не сможем им помочь.

— Вы предлагаете нам оставить их судьбу на усмотрение этих мародеров?

Бортен повернулся к ней лицом и положил руки ей на плечи.

— Их судьбы уже решены. Нас всего двое, ты и я, а нашей подопечной является молодая и растерянная девушка. Нам нужно думать о собственном выживании. Мы ничем не можем помочь госпоже Адиане или твоим ученицам.

Она недоверчиво уставилась на него.

— Как вы можете ожидать, что я...?

— Наша задача теперь более велика. Эолин, если ты послушаешь меня только раз в жизни, то пусть это будет именно в этот момент. Ты должна сбежать из Моэна и сообщить об этом королю.

— Что ж, я могу немедленно сообщить королю. Все, что мне нужно сделать, это... — ее рука инстинктивно потянулась к груди, где она так долго носила дар Акмаэля близко к сердцу. — Гемена, — прошептала она. Вся надежда, оставшаяся для ее учениц, рассыпалась в прах.

— Что Гемена? — спросил Бортен.

— Я дала ей устройство, прежде чем мы ушли, амулет, созданный королевой Брианой, который позволил бы ей прийти к нам в любой момент. Ничто не удержало бы ее от его использования. Ничего, кроме самой смерти.

Последовавшая тишина была долгой и мрачной. Ветер сильно дул по холмистой равнине, трепал складки юбки Эолин, трепал ее распущенные волосы. Высоко над головой белые облака гнались друг за другом на восток.

— Скажи мне, что я ошибаюсь, — Эолин вглядывалась в лицо Бортена, ее сердце готово было разбиться под тяжестью ее горя. — Скажи мне, что Гемена, по крайней мере, может быть еще жива.

— Те люди, которые захватили Моэн, устремятся к перевалу Эрунден, — сказал Бортен. — Они возьмут контроль над перевалом и убьют или прогонят любого простолюдина на пути. Могут пройти дни, прежде чем торговцы Римсавена поймут, что повозки с волами больше не прибывают из Моэна. Даже если они немедленно пошлют сообщение королю, пройдет еще как минимум два дня, прежде чем их скорейший посланник достигнет Города. К тому времени Сырнте вполне может собрать армию в долине под

перевалом.

Эолин осознала весь ужас их положения.

— Ты думаешь, они хотят захватить все королевство.

— Они взломали этот древний проход не для того, чтобы совершить набег на горстку крестьян и вернуться домой. Моэн — всего лишь ступенька к драгоценным рудникам Селкинсен, железным холмам Мойсехена, колодцам магии, берущим начало в Восточной Селен.

— Значит, мы снова на войне, — сказала она, едва веря своим словам.

— Ты должна улететь, Эолин.

— Улететь?

— Как ты сделала сейчас. Как ястреб или орел. Отправляйся в Королевский город и предупреди короля.

— Это не так просто. Изменение формы требует большого количества магии. Я не могу поддерживать иллюзию так долго.

— А твой посох? Ты можешь летать на нем, как это делают Высшие Маги?

— Да, — она ответила задумчивым кивком. — Но мне придется лететь ночью, и даже тогда это может быть опасно. Сырнте может обнаружить мою ауру в темноте.

— Сколько времени нам понадобится, чтобы добраться до перевала, если мы полетим?

— Около дня. Скорее ночь. Два, самое большее. Но, Бортен, я не могу взять с собой ни тебя, ни Мариэль, — слова казались заусенцами на ее языке. — Мой посох понесет только меня.

Его лицо помрачнело. Он отошел от нее на несколько шагов и остановился, положив руку на рукоять меча, не сводя глаз с клубящихся облаков.

Через мгновение Эолин подошла и нерешительно положила руку ему на плечо.

— Я не хочу оставлять ни одного из вас здесь, — сказала она, — не с этой армией и этими существами, скрывающимися вокруг. Мариэль — единственная ученица, которая у меня осталась. Ее жизнь принадлежит мне. А ты... — комок подступил к горлу. Она моргнула и отвела взгляд. — Я не улечу, пока ты не скажешь мне, что нет лучшего пути.

Бортен глубоко вздохнул и искоса взглянул на нее.

— Вряд ли ты можешь превратить нас обоих в сов, чтобы мы могли лететь рядом?

Она покачала головой.

— Или в мышей и взять нас с собой в кармане? — на его губах играла слабая улыбка.

— Нет, сэр Бортен. Мариэль не в состоянии менять форму, а ты слишком мало знаешь язык растений и животных. Если я превращу любого из вас в другое существо, я потеряю вас в их мире.

— Ясно, — он разглядывал ее мгновение. — Я не могу позволить тебе пересечь провинцию в одиночку и без защиты.

— Пройдет всего одна ночь, может, две, прежде чем я доберусь до границы.

— Это не имеет значения. Я не потерплю никакой неопределенности относительно того, сбежала ли ты живой. Мы вместе отправимся к западному рукаву гор Тэшель и найдем место к югу от перевала, откуда ты сможешь безопасно добраться до Селкинсен.

Она кивнула, разрываясь между безотлагательностью, сковывавшей ее дух, и облегчением от того, что она может рассчитывать на Бортена еще несколько драгоценных дней.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Дочь купца

Когда Мехнес сел за ужин со своими офицерами, он послал за Адианой, чтобы она могла сыграть с музыкантами, которых он привел из Эк'Налама.

Один из них, по имени Калил, темнокожий молодой человек, родом из южных пределов империи Сырнте, поднялся на ноги, когда Адиана вошла в сопровождении стражников. Сила его изумления поразила Мехнеса, как грубый ветер бури в пустыне.

Умея скрывать свои мысли от магии Сырнте, музыкант подавил впечатление от появления Адианы глубоко в своем духе, прежде чем лорд Сырнте смог уловить его с ясностью. Однако воспоминания Адианы о Калиле высыпались, как драгоценности из кошелька торговца. Мехнес собирал их по одному и с большим любопытством осматривал каждого.

Так он узнал, что Адиана познакомилась с Калилом несколько лет назад, когда музыкант из Сырнте последовал за Ришоной и Тамиром в самое сердце Мойсехена. Ее воспоминания о нем были тревожными своей яркостью, полными смеха и песен. Эти двое создали прочную связь взаимного восхищения, хотя, к счастью, не было никаких признаков романтики.

Тем не менее, сжатые губы Калила и решительные усилия, которые он приложил, чтобы не задерживать взгляд на синяках Адианы, были достаточными, чтобы вызвать беспокойство у Мехнеса. Годы, проведенные в компании музыкантов, научили его тому, как работало их сердце — иррационально в побуждениях, непредсказуемо в поступках. Через несколько мгновений нити возможного будущего Калила соединились в сознании Мехнеса, заставив его нахмуриться. Ему не нравилась мысль приговорить своего лучшего композитора к жалкой смерти из-за какого-то глупого подвига.

Мехнес решил поговорить с Калилом об Адиане, прежде чем разрешить им снова встретиться.

Музыка не разочаровала, живо сопровождая шутки его офицеров. Ближе к концу последнего блюда скорбные звуки флейты вызвали мелодию «*Ихм махлид*», классическую балладу о любви и утрате сырнте. Голос Калила стал звучным и печальным; аккомпанемент Адианы на гусях был страстным, безупречным.

Она понимала эту песню, осознал Мехнес, и играла ее раньше.

Ему стало интересно, каким еще балладам Сырнте научил ее Калил.

Под чарами представления его люди замолчали. Руки лежали у чашек. Взгляды устремились к личным мыслям, пока только звук сладкого томления не наполнил палатку. Через мгновение после того, как были сыграны последние аккорды, офицеры разразились бурными аплодисментами.

Разговор закончился, и час стал поздним, Мехнес отослал их всех прочь.

Всех, кроме Адианы.

Она отложила гусли и осталась сидеть на стуле, выпрямив спину и сложив руки на коленях, отказываясь встречаться с его взглядом.

Это небольшое неповиновение позабавило Мехнеса. Он налил себе вина и пододвинул стул, чтобы сесть перед ней.

— Ты хорошо сыграла со своим старым другом Калилом.

Она посмотрела на него, пораженная.

— Он рассказал вам о Круге?

— Он мне ничего не сказал. Он не знал, что ты в моих руках, до сегодняшнего вечера.

Но у меня есть способы узнать, Адиана. Дар Сафиры был дан мне, когда я был мальчиком. Это позволяет мне видеть мысли, желания, воспоминания и будущее тех, с кем я установил тесную связь.

— Вы заглянули в его мысли?

— Я заглянул в твои.

«Какая красивая бледность на ее коже, когда страх захлестнул ее грудь».

— Между нами нет никакой связи, — сказала она.

— В этом ты ошибаешься. Я сломал твой дух и сделал его своим.

— Я не сломлена.

— Ты не готова принять свою новую жизнь; это другое дело. Но теперь я могу заглянуть в твое сердце. Я знаю, что ты хочешь сделать и что ты, вероятно, сделаешь, пытаешься избежать неизбежного. Теперь твое место со мной, Адиана. Тебе лучше с нетерпением ждать своего будущего и забыть о прошлом. В конце концов, есть участи и похуже, чем быть любимым музыкантом принца Сырнте.

Он встал и подошел к ней, провел пальцами по ее мягким, как перышко, волосам. Достав ткань из темного шелка, он завязал ей глаза и закрепил ткань узлом.

— Играй для меня.

Она взяла лютню, которую он дал ей, и сыграла простую мелодию, но умело.

Мехнес был этому рад. Ему нужен был способ покалечить ее — предотвратить любую попытку побега — без ущерба для ее красоты, грации или таланта. Слепление могло быть простым решением. Несколько капель яда полуночной наджи, и ее мир погрузится во тьму. Хотя это могло испортить ошеломляющий цвет ее глаз, такой жертвы Мехнес предпочел бы избежать. Утром он посоветуется со своим врачом Хореми по этому поводу.

Адиана закончила песню, отложила инструмент и попыталась снять повязку с глаз.

Мехнес остановил ее руку.

— Нет.

Она напряглась, когда он сжал ее нежные пальцы. Ее неподвижность напомнила ему раков-отшельников на берегах Антарии, прячущихся от солнца в своих разноцветных панцирях. Сын рыбака показал ему, как выманить их, дуя, пока их колючие передние лапы и выпуклые глаза не раскрывались, как хитиновые цветы.

Интересно, расцвела бы Адиана так же от одного теплого вдоха?

Он прижал ее пальцы к своим губам, разглядывая движение ее груди. Ее дыхание участилось, когда он поцеловал ее ладонь, и замерло, когда он попробовал атласно-гладкую кожу ее запястья.

Со сдавленным всхлипом она отстранилась, спотыкаясь, нащупывая повязку на глазах. Она успела сорвать ее, не дойдя до стола, где осела с пепельным лицом, схватившись рукой за живот.

— Пожалуйста, — выдохнула она, — отпустите меня к детям.

Он подошел с примирительным тоном, раскинув руки в жесте умиротворения.

— Я думал, мы договорились, Адиана. Ты должна понравиться мне и всем моим людям, чтобы я освободил твоих девочек.

Она отдышалась и расправила плечи, встретив его взгляд ясными голубыми глазами.

— Тогда позволь мне увидеть их освобожденными.

— Увидишь, — сказал он, заметив, как она тайком потянулась за ножом. — Завтра, когда придет Сан'иломан, они будут переданы ей.

— От одного тюремщика к другому? Это не свобода.

— Что может быть большей свободой для ребенка, чем быть подопечным королевы?

— Они не подопечные, они должны были стать магами. Свободные женщины, ни с кем не связанные, живущие в традициях Эйтны и Карадока.

Мехнес усмехнулся. Неудивительно, что Кедехен покончил с женщинами-магами и всеми их союзниками. Ни один король в здравом уме не потерпит такой чепухи.

— Кто сказал, что они не будут учиться магии у Сан'иломан? Эти девочки просто меняют одного учителя на другого и поднимают свое положение. Мало того, что их новая хозяйка более богатая, у нее гораздо больше шансов выжить в этой войне.

Адиана бросилась на него, лезвие сверкнуло в свете факела.

Мехнес с легкостью поймал ее, вырвав нож из ее руки и резко развернув ее к столу. Тарелки и чашки зазвенели, когда она с резким криком ударилась о поверхность. Остановив ее одной рукой, он отвлекся на неспешное исследование изгиба ее спины и ягодиц.

Запах ее страха добавлял к аромату летних ветров и диких роз провокационную пикантность. Мехнес крепко прижался к ней, чтобы она почувствовала угрозу его мужественности сквозь неэффективный щит своих красновато-коричневых юбок.

— Я не хочу больше насилия между нами, — тихо сказал он. — Ты понимаешь?

Она ответила угрюмым молчанием, которое он решил принять за согласие.

— Встань, — он освободил ее.

Адиана отползла от стола. Кусочки еды прилипли к ее льняным волосам, а вино испачкало платье. В ее глазах тлела ненависть, но Мехнеса это не тревожило. Он увидел искру ее желания, когда ласкал ее пальцы своими губами, прежде чем она убежала от этого момента истины и похоронила его под чувством послушного отвращения. Он намеревался взять эту искру и раздуть ее до ненасытного пламени.

— Завтра тебя вымоют и переоденут в чистое, — сказал он. — Ты должна встретиться с Сан'иломан. Ты узнала Калила, узнаешь и свою новую королеву. Ты знала ее когда-то, как артистку по имени Ришона.

— Ришона? — Адиана нахмурилась. — Сестра Тамира, Ришона? Она королева Сырнте?

— И Мойсехена.

— И она все это позволяет? — Адиана раскрыла ладонь и низко взмахнула рукой. В ее тоне было такое искреннее замешательство, что Мехнес не мог не улыбнуться.

— Разрешает и приказывает.

— Если она намерена закончить то, что начал Эрнан, в этом нет необходимости. Мы живем в мире с Королем-Магом; маги возвращаются в Мойсехен.

— Сан'иломан — дочь Фериэна, третьего сына Уриэля. Она королева Мойсехена по праву рождения и пришла за своей короной.

Мехнес дал Адiane несколько мгновений, чтобы переварить его слова.

— Я должна поговорить с ней, — пробормотала она.

— Если попытаешься, это будет твоей смертью. Ее стражи быстры и безжалостны. Любое действие в ее присутствии, нарушающее протокол, будет встречено их клинками. Предупреждаю тебя, Адиана: не обращай к ней напрямую. Если она заговорит с тобой, ты можешь ответить, но не встречайся с ней взглядом. И, боги, которым ты поклоняешься, никогда не пытайся прикоснуться к ней.

— Она меня узнает, — голос Адiane был решительным, ее взгляд твердым, как озеро в безветренный день. — Она вспомнит нашу дружбу.

— Да, вспомнит, — Мехнес подал сигнал своим стражам, чтобы они вернули его пленницу в холодное одиночество ее камеры. — Но ты — дура, если веришь, что это окажет какое-то влияние на твою судьбу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Сомнительные союзники

— Что со мной будет?

Эолин вздрогнула от звука голоса Мариэль, настолько она привыкла к своему молчанию.

Мариэль лежала на своем плаще, пустые глаза смотрели в пространство перед ней, словно созерцая огонь. Над ними темные облака скрывали растущую луну.

— Когда ты покинешь нас, чтобы найти короля, — сказала девушка, — что со мной будет?

Эолин, не в силах заснуть, сидела, прислонившись спиной к одинокому дереву. Теперь она легла рядом со своей ученицей, обняв Мариэль за талию.

— Ты холодная, — сказала она. Это беспокоило ее, так как ночь была очень теплой. — Тебе следует есть больше, Мариэль. Ты должна сохранить свою силу.

— Почему ты не отвечаешь на мой вопрос?

Эолин вздохнула. Ее тело болело после долгого дневного путешествия по заброшенным пастбищам и остаткам леса. Ее руки и плечи одеревенели после того, как в сумерках она практиковалась в игре на мече с Бортенем.

С наступлением темноты рыцарь занял позицию в нескольких шагах, чтобы быть в дозоре первым, Кел'Бару был рядом с ним. Острый слух Эолин уловил перемену в его позе, будто он повернулся, чтобы уделить больше внимания их словам.

— Потому что я тоже не уверена в будущем, — призналась она.

— Разорвет ли меня на части одна из тех тварей, которые убили Сирену? Так я и умру?

— Нет, Мариэль. Это никогда не произойдет. Нет, если мы можем повлиять.

— Ты не сможешь помочь, если пойдешь к королю. Ты будешь слишком далеко.

Сердце Эолин сжалось от этой истины.

— И ты берешь с собой меч, — продолжала Мариэль с волнением в своих словах. — Этот меч — единственное, что их убивает.

— Мы не видели ни одного Наэтерского Демона с тех пор, как покинули Южный Лес, — сказала Эолин. — Возможно, это был единственный, сбежавший из Преисподней.

— Есть еще. Я в этом уверена. Такое зло не может ходить по этому миру в одиночку.

Эолин замолчала, услышав комментарий Мариэль, отрезвленная мыслью о том, что зло может искать себе компанию.

— Дуайен Гемена часто говорила мне, что в этом мире нет зла, кроме того, которое мы создаем по собственному выбору.

— Тогда тот, кто создал этого монстра, был очень злым, и он мог создать не одного.

Эолин прижалась ближе к Мариэль. Ночь действительно стала холоднее.

— Давай представим, что ты права, Мариэль, и что в мире живых вырвались на свободу другие демоны Наэтер. Тогда мы должны предположить, что чары, которые я накладываю каждый вечер, отпугивают их. Так что, если ты выучишь эти чары и воспользуешься ими после того, как я полечу на север, ты будешь в безопасности.

Мариэль вздрогнула и подавила всхлип.

— Как долго мы с сэром Бортенем должны продолжать так? Брести по пустоши?

— Еще несколько дней. Он намеревается увести тебя на север, на земли своего отца, где спрячет тебя среди слуг своего дома. Там ты будешь в безопасности, пока король не придет на помощь Моэну или пока я не вернусь. А пока ты всегда должна делать то, что говорит сэра Бортен. Обещай мне это.

— Ты не делаешь так, как он говорит.

— Нет, — Эолин позволила нотку веселья в своем тоне. — Но я счастливая дура, потому что Боги сохранили меня в безопасности, несмотря на это. У них может не хватить терпения по отношению к тебе.

Что-то среднее между рыданием и смехом вырвалось из горла Мариэль. Ее плечи тряслись, и она судорожно вдохнула.

— Они все мертвы, да? Все наши сестры.

— Сэр Бортен настаивает, что они мертвы для нас, и в этом он прав, Мариэль. Мы не можем больше думать о них. Нашей первой заботой является благо королевства и будущее нашей магии. Тем не менее, в глубине души я верю, что Боги еще не призвали их домой. Я надеюсь, что однажды мы воссоединимся.

— Я скучаю по ним. Я хочу их вернуть, — слезы потекли по щекам Мариэль, и девушка заплакала. Вспышка принесла Эолин некоторое облегчение. Наконец стена молчания ее ученицы рухнула. Девушке от этого будет лучше, она сможет позаботиться о себе в обществе Бортена после ухода Эолин.

Она долго держала Мариэль в руках, шепча слова утешения, пока скорбь не сменилась усталостью, а затем и сном. Поцеловав девушку в лоб, Эолин плотно накрыла плащом плечи Мариэль. Затем она встала и стала искать компании сэра Бортена.

— Тебе тоже пора спать, — сказал он, когда она подошла, хотя предостережение было наполнено нежной заботой.

Ее глаза уже давно привыкли к прерывистому лунному свету, и она могла видеть его профиль, он осматривал сумрачный пейзаж. Он не дал себе взглянуть на нее, когда она села рядом с ним.

— Я не могу спать. Каждый раз, когда я закрываю глаза, меня посещают ужасные видения Адианы. Девочек. Людей, которые разрушили школу.

— Ты должна думать о будущем и верить в пришествие королевского правосудия.

Эолин постигла справедливость короля, когда она была девочкой. Гнев Кедехена ничего не оставил после себя, сравнив с землей ее деревню, убив невинных, уничтожив все, что она знала и любила. В те времена она ненавидела королевское правосудие и мечтала о мире, где такая жестокость перестанет существовать. Теперь она жаждала, чтобы от ее имени был совершен тот же ужас, чтобы все те, кто причинил эти страдания, пострадали от самого жестокого возмездия Акмаэля.

— Боже, помоги мне, — сказала она. — Боюсь, я учусь ненавидеть.

Эолин услышала, как Бортен изменил позу, и почувствовала твердую тяжесть его ладони на своем плече. Какой необыкновенный дар Боги дали людям, что они могли передавать такую силу одним прикосновением.

— Ненависть, но умеренная, может быть мощным оружием, — сказал он.

Она кивнула, затем резко выдохнула.

— Дуайен Гемена могла бы кое-что сказать по этому поводу, будь она все еще здесь.

— Борьба, с которой ты сталкиваешься, принадлежит тебе, а не ей.

Эолин не знала, было ли дело в его словах или интонации его голоса, но призрак ее

наставницы растворился в тенях.

Бортен вернулся к своему наблюдению за полями, а Эолин осталась рядом с ним в дружеском молчании. Влажный ветер шуршал листьями и травой; довольные песни сверчков и лягушек наполняли воздух ритмичным пульсом.

— Они ожидают дождя, — сказала она.

— Дождя? — в голосе Бортена отчетливо прозвучало недоумение. — Кто ждет дождя?

— Лягушки. Они ожидают дождя и очень ему рады. Это хорошая ночь, чтобы... — она сделала паузу, едва не сказав, что хочет найти себе пару, и вместо этого закончила. — Петь.

Бортен издал смешок, низкий звук, который она часто слышала в последние дни, несмотря на множество испытаний, которые они пережили.

— Твой разговор иногда бывает странным, Мага Эолин. Ты всегда уделяешь так много внимания маленьким созданиям полей?

— Конечно. Иногда мы находим величайшую мудрость в самом маленьком существе, сэр Бортен.

— Значит, ты склонна слушать лягушек, но не склонна слушать солдат?

Вопрос был задан с юмором, и Эолин улыбнулась.

— Да, пожалуй.

— А что еще говорят тебе лягушки, Мага Эолин?

Он взял ее за подбородок рукой, хотя Эолин этого и не заметила, настолько естественным было его прикосновение. Лицо Бортена было очерчено тенями ночи. Его мускусный запах глины и измельченных листьев окутал ее и лег на плечи, как старый, знакомый плащ.

— Не знаю, — пробормотала она. — Все, что я сказала... о дожде и песне.

Он поцеловал ее, кратким и нежным прикосновением, которое отступило, а затем вернулось с большей потребностью.

Эолин отдалась его желанию, хотя неуверенность переполняла ее сердце. Разве всего за две недели до этого она не признавалась в любви к Акмаэлю?

Однако теперь это казалось другим миром, другой эпохой, населенной незнакомой Эолин, иллюзией по ту сторону пропасти, созданной разрушительной и необратимой потерей.

И Бортен, который прошел с ней через огонь этих дней, который поддерживал ее в моменты невообразимого ужаса, теперь смывал даже боль ее невозможной любви к королю, делая ее мечты об Акмаэле далекими и мелкими, подобно звездам, которым суждено отказаться от своего блеска с приходом солнца.

— Спи, Эолин, — пробормотал он, прижимая ее к своей груди. — Я позову тебя, когда придет время.

— Вряд ли можно ожидать, что она заснет после такого поцелуя.

Голос мужчины, дерзкий и саркастический, мгновенно поднял Бортена на ноги, Кел'Бару был обнажен.

Эолин тоже встала, ее сердце колотилось в груди. Она молча проклинала себя за то, что оставила свой посох рядом с Мариэль. За то, что вообще бросила Мариэль.

— И ты не должен позволять ей спать, — продолжал незваный гость, — потому что страсть маги быстра, но ее сердце непостоянно.

В этот момент Эолин узнала голос. Она положила ладонь на руку Бортена.

— Маг Кори, — потребовала она, — покажись.

В нескольких шагах от них в малахитовом кристалле на длинном посохе вспыхнуло пламя. Фиолетовое сияние озарило лицо Кори жуткими оттенками. Его глаза искрились сухим весельем, которое Эолин слишком хорошо знала.

— Почему ты здесь? — спросила она.

— Меня послал наш почтенный Король, который, узнав о событиях в Моэне, стал переживать за свою возлюбленную магу, как и я до этого момента. Теперь я вижу, что у нас не было причин бояться. По крайней мере, нет опасности для жизни маги.

Эолин почувствовала неуверенность Бортена в связи со странным и неожиданным появлением двоюродного брата короля. Рыцарь не опустил своего оружия, и Эолин отошла, чтобы у него было место, чтобы использовать его.

— Как ты нас нашел? — слова Бортена прозвучали резко и вонзились, как лезвие, в горло Кори.

Маг смотрел на него, как кошка, оценивающая, стоит ли охотиться на эту полевую мышь. Он поднес свободную руку к сиянию своего посоха, с него свисало украшение из тонких серебряных нитей и сверкающих кристаллов.

— С этим.

Вскрикнув, Эолин прыгнула вперед и выхватила серебряную паутину из его рук.

— Гемена, — она прижала медальон к сердцу, ее дыхание перехватило от страха и надежды. — Где она? Что ты с ней сделал?

— Она в Королевском городе, наслаждается всеми удобствами крепости Вортинген.

— Невозможно.

— Это устройство привело ее к нам.

— Оно должно было привести ее ко мне!

— Я так и понял.

Эолин прикусила губу, терзаемая сомнениями, воспоминание о предательстве брата открылось в ее сердце, как свежая рана.

— Воины Сырнте вторглись в Моэн.

— Я знаю, как и король. Юная Гемена поделилась всем, что увидела.

— Что она сказала о Катарине и Таше? Адиане?

— Девочки были с ней и не пострадали, когда она использовала устройство. Она не знала об Адиане.

— Не знала?

— Она не видела ее много часов.

— Ты врешь!

— Вру? — Кори выглядел действительно ошеломленным.

— Ты всегда меня обманывал. Почему я должна верить тебе сейчас?

— Я не лгу, Эолин. Уж точно не тебе.

— У тебя есть друзья среди сырнте, — настаивала она. — Старые друзья на влиятельных должностях. Откуда мне знать, что тебя не было с ними, когда они взяли Моэн, когда сожгли мою школу? Откуда мне знать, что они не прислали тебя ко мне сейчас?

— У тебя тоже есть друзья среди сырнте, — он ответил резким тоном. — У тебя был любовник среди их принцев, если я правильно помню. Значит, я должен подозревать тебя в измене?

— Хватит твоих оскорблений! — Бортен бросился на мага.

Кори поднял посох, чтобы отразить удар, но Кел'Бару разрезал зачарованный орешник,

словно это было масло. Удивленный, маг отпрыгнул и призвал быстро чары, лишившие Бортена равновесия. Затем Кори швырнул в рыцаря желтое пламя, но Эолин перехватила его собственной обжигающей синей дугой. Огонь взорвался при контакте, а затем превратился в сноп искр, оставив после себя запах серы и горелой травы.

Лягушки и сверчки перестали петь.

Мага, рыцарь и маг смотрели друг на друга в напряженном молчании.

Через мгновение до них донесся голос Мариэль, тревожный и неуверенный:

— Мага Эолин? — сказала она. — Все хорошо?

— Оставайся на месте, Мариэль, — ответила Эолин. Она направилась к Кори, ее гнев подпитывался годами невысказанной обиды. — Оставь нас. Мы не хотим и не нуждаемся в помощи.

— Акмаэль будет очень разочарован, если ты откажешься от моей помощи.

— Мне все равно, кто тебя послал и зачем. Возвращайся в ту вонючую дыру, из которой ты вылез.

— Я не могу сейчас никуда идти. Серебряная паутина, которая привела меня сюда, теперь в твоих руках, и твой мерзкий рыцарь сломал мой посох.

— Тогда превратись в змею, которой ты являешься, и уползи прочь! Если повезет, Сова съест тебя еще до рассвета.

Кори разглядывал ее, прищурив глаза, и на его губах играла проницательная улыбка.

— Какую странную судьбу соткали для тебя боги, мага Эолин. Вот ты, на высоких равнинах Моэна, затерянная в ночи, преследуемая захватчиками Сырнте, лишенная школы и зарождающегося шабаша. Одна, лишь с двумя людьми, к которым ты можешь обратиться: со мной, предавшим твоего брата, — глаза мага метнулись к рыцарю, его слова пронзили воздух, словно маленькие кинжалы. — И Бортенем, который его убил.

Эолин ахнула, неверие сгустилось под волной страха.

— Что?

Она посмотрела на Бортена, надеясь, что он отвергнет обвинение, но рыцарь ничего не сказал. Его лицо потеряло выражение, за исключением глаз, которые затвердели, как гранит, и неотрывно смотрели на мага.

Земля колебалась, и Эолин изо всех сил пыталась сохранить равновесие.

Это не должно иметь значения, сказала она себе, хотя ее внутренний голос был отчаянным и слабым. В то время они еще не знали друг друга, и Бортен действовал только для защиты своего короля.

И все же ее желудок сжался при мысли об удовольствии, которое она только что получила от его поцелуя. Жестокие обвинения Эрнана вырвались из ее воспоминаний, стучали в ее голове.

«Предашь ли ты свою родню, Эолин, как Бриана предала свою?»

— Ах, — тихий голос мага Кори прервал ее мысли. — Я вижу, вы еще не обсуждали этот конкретный фрагмент вашей истории.

Эолин никогда не презирала Кори больше, чем в этот момент.

— Тебе здесь не рады, — сказала она. — Ты не можешь остаться.

— Я поклялся королю вернуть тебя в город в целости и сохранности, — ответил Кори. — Мы можем уйти прямо сейчас, если хочешь, ты с украшением и я на твоём посохе. Или ты можешь терпеть мое общество столько, сколько необходимо, пока мы прячемся в этой глуши.

— Если ты останешься, — кратко сообщил ему Бортен, — ты не переживешь этой ночи.

— Не пытайся убить меня своим безвкусным клинком, — парировал маг. — Я могу отправить тебя в Преисподнюю в мгновение ока. Ты уже убил одного друга Эолин. Я бы посоветовал тебе не убивать другого.

— Ты мне не друг! — сказала Эолин.

— О, но я друг, — сказал Кори, сдерживая накал ее ярости. — Я самый ценный друг, который у тебя есть, хотя ты давно отказывалась это видеть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Королева Сырнте

Адиана проснулась. Ее встретил запах грязи и соломы, за которым последовал еще более едкий запах человеческих экскрементов. Она уловила крики мужчин, топот лошадей, звуки металла и дерева. Под всем этим ритмичная дрожь земли. Глубокий грохот напомнил ей о дне, когда войска Эрнана вышли из лесов Восточной Селен.

Вдалеке зазвучали трубы.

Прибыла Ришона и армия с ней.

Адиана перевернулась на спину, морщась от боли в ребрах. Земляной пол был твердым и неподатливым; ее тюрьма была темна и полна странных шорохов в темных углах. В ее теле не было ни одной мышцы, которая бы не болела, за исключением, пожалуй, самой интимной ее части, сердца ее женственности.

«Но так будет не долго».

Если бы только Мехнес позволил ей увидаться с девочками. Это сделало бы все остальное терпимым.

«О, Эолин. Почему Боги покинули нас?».

Вскоре ей принесли чашу с водой и свежие одежды, обещанные принцем Мехнесом.

Адиана повернулась спиной к стражам и слугам, которые с любопытством наблюдали, как она сбрасывает старое платье. Вода была прохладной, пахла дикими лилиями. Это освежило ее измученный дух, казалось, это была самая роскошная ванна, которую она когда-либо принимала, несмотря на ужасные обстоятельства. Новое нижнее белье и платье были простыми, но сшитыми из тонкого хлопка. Когда она почти закончила одеваться, вперед вышла служанка, чтобы помочь ей зашнуровать лиф и настояла на том, чтобы заплести волосы Адиане.

Затем они связали ей руки и оставили одну, заперев за собой дверь.

Адиана осталась стоять в тусклом свете. Она не чувствовала себя такой чистой несколько дней и не хотела сидеть в грязи или прислоняться к грязным стенам.

Из соседних камер доносились стоны и тихий плач. Адиана узнала в здании, где они жили, остатки небольшого публичного дома, существование которого умышленно игнорировалось добропорядочными жителями Моэна. Тем не менее, Мага Эолин время от времени посещала его и с помощью Адианы ухаживала за девушками, которые там работали. Адиана задавалась вопросом, где сейчас были эти девушки, живые или мертвые, заключенные в тюрьму или свободно занимающиеся своим делом с множеством новых и нетерпеливых клиентов.

На их месте оказались пленные женщины и дети. Адиана мельком увидела нескольких членов знатных семей Моэна, других она не могла ни увидеть, ни узнать, но, слушая, сделала вывод, что она была единственной заключенной, у которой была отдельная камера. Остальные были загнаны толпой, как собаки в конуре.

Иногда по ночам шепот и плач ее соседней переходили в вопли и ужасные крики, сопровождаемые смехом и довольным ворчанием стражей, пришедших получить свое.

«Есть участи и похуже, чем быть любимым музыкантом принца Сырнте».

Адиана рассмеялась, чувствуя головокружение от усталости и отсутствия нормальной еды, пораженная жестокой иронией своего положения.

— Никаких изнасилований простым солдатом для меня, — объявила она теням, вздернув подбородок в притворном высокомерии. — Я заслужила благосклонность принца Сырнте, и поэтому мне должно быть даровано королевское изнасилование.

До нее донесся издевательский смех Ренаты.

— Рената, как ты думаешь, у принцев члены украшены драгоценностями? — пошутила Адиана. — Возможно, их семя на вкус как сладкая пряность. Возможно, их кровь — золото.

— Все мужчины обыкновенны, когда они голые, — возразила старая мага. — Все они — обычные люди.

— Я хочу, чтобы он умер. Я хочу чувствовать, как сквозь мои пальцы течет его королевская кровь.

Пустая угроза, она знала. Что могла она, музыкант из Селкинсена, сделать против такого человека? Напасть на него прошлой ночью было глупым и отчаянным порывом. Единственной задачей, для которой Адиана когда-либо использовала нож, была нарезка овощей. Даже приготовление фазанов, кроликов и другой мелкой дичи было выше ее чувствительности. Она всегда оставляла более кровавые кухонные хлопоты девочкам, у которых на такие вещи был гораздо более крепкий желудок.

— Это правда, что он сказал? — пробормотала она. — Может ли он видеть мои мысли и желания, все, что я намерена сделать?

— Музыка — это твое волшебство, — напомнила ей Рената. — Мелодия — это твое заклинание.

Звук двери вырвал Адиану из ее мыслей.

Когда стражи вывели ее наружу, Адиана прищурилась от резкого света, осматривая бежевые и бордовые палатки в поисках признаков присутствия девочек. Она уже хорошо знала этот путь и воображала, что сможет идти по нему в темноте, если когда-нибудь возникнет такая необходимость.

Вскоре в поле зрения появился шатер принца Мехнеса. Его люди собрались перед ним, конные солдаты и пехота выстроились длинными рядами по обе стороны от входа. Адиана еще не видела войско Сырнте, собранное таким образом, и сплошная стена из доспехов и кольчуг, украшенная длинными копьями и поднятыми мечами, усилила ее трепет.

Один из стражей толкнул ее вперед. Она споткнулась и поспешила не отставать, когда ее повели за палатку и через отверстие, очевидно предназначенное для слуг.

Внутри старая надзирательница отдавала приказы дюжине слуг, которые разбегались во всех направлениях, пока приводили в порядок палатку и накрывали стол с едой и питьем. В стороне Калил и его товарищи подготовили себе место.

Сердце Адианы подпрыгнуло, когда она снова увидела его. Она забыла о присутствии стражей, даже когда они ослабили ее пути. Хотя улыбаться было больно, она сделала это, когда подошла к Калилу и назвала его имя.

Музыкант повернулся, чтобы поприветствовать ее, его приветствие было торжественным, а взгляд несколько рассеянным. Слегка кивнув, он указал на место рядом с собой. Как только она заняла свое место, он не обратил на нее внимания и вернулся к своему

разговору с остальными.

Это молчание ударило по ней сильнее, чем любой удар, нанесенный ей Мехнесом. Это было непостижимо, учитывая надежду на дружбу, которую Калил предложил прошлой ночью. Адиана чувствовала себя невидимой, нежеланной, несущественной. Никогда еще с дней, проведенных на пирсе Селкинсена, где она искала работу певицей после смерти родителей, она не чувствовала себя такой одинокой в таком жестоком мире.

Подняв гусли, она вцепилась в них, сдерживая новые слезы.

— Они здесь! — рявкнула надзирательница. — Сан'иломан прибыла. Выходите, все. Вон!

Все, кроме трех слуг, разбежались. Трубы и барабаны грохотали снаружи палатки, сопровождаемые едиными криками сотен мужчин.

Музыканты приготовили свои инструменты.

Калил сел рядом с Адианой.

— Не делай этого, — яростно прошептала она.

Калил неловко поерзал на стуле, но ничего не ответил.

— Не бросай меня. Когда-то мы были друзьями. Это ничего не значит для тебя сейчас?

Он стиснул зубы и сказал тихим голосом:

— Я не забыл нашей дружбы, Адиана, но обстоятельства изменились. Ты — военная добыча, и я видел, как принц Мехнес жаждет получить свою награду.

— Я не настолько глупа, чтобы просить тебя защитить меня от него. Но и ты не должен позволять ему или его безумию встать между нами, дружбой, которую мы когда-то разделяли.

Калил сделал медленный вдох и взглянул на своих товарищей, один из которых был рыжеволосым юношей с загорелым лицом, а другой — пожилым мужчиной с кожей темной, как ночь. Оба, казалось, были сосредоточены на настройке своих инструментов.

Он снова повернулся к Адиане и коснулся ее ушибленной щеки, его карие глаза были наполнены смирением.

— Видение Сырнте зависит от сильных эмоций, — сказал он. — Страх, гнев, ненависть, желание. Это инструменты, которые он может использовать, чтобы открыть окно в твое прошлое и манипулировать твоим возможным будущим. Если ты в состоянии контролировать интенсивность своих эмоций, ты можешь найти какое-то убежище от его игр, — он убрал прикосновение и взял флейту. — Это все, что я могу тебе дать, Адиана.

Голоса приближались к палатке, среди них был внушительный баритон принца Мехнеса, за которым Адиана узнала смех Ришоны. Она потянулась и положила ладонь на руку друга.

— Этого достаточно, — сказала она. — Спасибо.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Мечи и посохи

Дождь шел за несколько часов до рассвета, короткий, но сильный ливень, который стучал по листьям и веткам, издавая тихий гром. К тому времени, когда в небе появился первый намек на дневной свет, потоп закончился. Одежда и снаряжение промокли, стоянка превратилась в грязные лужи. Лошади беспокойно фыркали, от их мокрых спин поднимался пар.

Эолин, Бортен, Кори и Мариэль позавтракали без разговоров, мага остро чувствовала молчание Бортена и была опечалена неловкостью, которую она теперь ощущала в его

присутствии.

Закутавшись в промокший плащ и сгорбившись над чаем, Кори казался куда менее внушительным, чем прошлой ночью. Эолин вспомнила, когда они впервые встретились, она была уязвимой девушкой, боявшейся костров Мойсехена; он был хозяином своего маленького мира.

Во время ее пребывания в Круге маг охранял ее и держал под своим крылом, несмотря на то, что знал о ее запретной магии. После катастрофы в Бел-Этне он рисковал своей жизнью, чтобы защитить ее от Короля-Мага и Церемонда; а затем быстро и верно передал ее под защиту ее брата Эрнана.

Странно, учитывая все это, как она стала ему не доверять. Хотя, возможно, это было не столько недоверие, сколько тревожное чувство безопасности. По правде говоря, она считала, что маг Кори никогда не позволит причинить ей вред, но она также узнала, что он без колебаний пожертвует тем, кого сочтет нужным, для достижения своих целей.

Кори отставил чашку, достал осколки своего посоха и с раздраженным видом осмотрел их.

— Это был глупый поступок — уничтожить это, — сказал он Бортену. — Мы можем пожалеть о его отсутствии в ближайшие дни.

— За годы, проведенные в Круге, ты неплохо справлялся без посоха, — отрезала Эолин. — Не понимаю, зачем он тебе сейчас нужен.

Кори позволил всем членам Круга поверить, что он так и не закончил свое обучение, однако, как только восстание Эрнана закончилось, его посох снова появился, разоблачив его как мастера Высшей Магии. Истинного ученика Церемонда.

— Я просто привык снова держать этот инструмент в руках, — сказал Кори. — Есть ли что-нибудь еще, что может сделать проклятый галийский меч, о чем мне следует знать?

Эолин и Бортен переглянулись. Рыцарь слегка покачал головой, но Эолин вдохнула и сказала:

— Он убьет Наэтерского Демона.

Кори удивленно посмотрел на нее.

— Эолин, — укоризненно сказал Бортен.

— Лучше сказать ему. Возможно, он поможет нам понять, почему это существо появилось, может ли оно вернуться.

— Теперь я знаю, что высокогорье Моэна свело вас с ума, — сказал Кори, хотя его тон выдавал неуверенность. — Демоны Наэтер уже мертвы; их нельзя убить снова.

— Не обычным оружием. На нас напали в Южном лесу. Бортен, Мариэль и я выжили благодаря Кел'Бару.

— Южный лес является домом для многих странных и волшебных существ. Как ты можешь быть уверена, что на вас напал демон Наэтер?

— Я знаю, что я видела. Зверь поглотил сердце Сирены — только ее сердце — прежде чем напасть на нас. Оружие Бортена и Делрика было бесполезно против него, но Кел'Бару смог пронзить вещество, которое можно было бы назвать его плотью. Это было существо не из плоти и крови, а скорее из чего-то люминесцентного, твердого и эфемерного одновременно.

Кори погрузился в задумчивую тишину. С листьев капала вода после вчерашнего дождя. Лошади ржали и топали в нетерпении. Когда маг снова заговорил, его голос был приглушен:

— Камни Фэрнворна двигаются.

Страх, словно зимний туман, закрался в сердце Эолин.

— Откуда ты знаешь?

— Я был там меньше двух недель назад. Несколько монолитов склонялись к центру пустошей.

— Значит, демоны сбежали на равнины Мойсехена?

— Об этом я не знаю. В самом деле, ты первая, кто сказал мне, что видела его.

— Это бессмысленно, — сказала Эолин. — Демоны Наэтер были изгнаны из Фэрнворна; если они вообще нашли способ вернуться, то только через Фэрнворн, а не здесь, на другой стороне королевства. Только не в Южном лесу.

— Возможно, их сюда привели сырнте, — предположил Бортен.

— Этот твой рыцарь может быть проницательным, когда прикладывает усилия, — сказал Кори. — Есть много проходов, ведущих в Подземный мир. Любое место, в котором души были вырваны из тел насильем, является потенциальной точкой входа или выхода, если только дверь не была должным образом закрыта магией. У Моэна относительно мирная история, но это не значит, что там нет порталов, которые сырнте могли бы использовать, если бы знали как.

Эолин встала и прошлась по лагерю, грязь плескалась под ногами. Вопрос горел у нее на языке, хотя ей очень не хотелось его озвучивать. Она остановилась и оглядела низкие холмы, повернувшись спиной к своим спутникам. Описание Акмаэлем смерти Церемонда вновь всплыло в ее памяти.

Из сердца горы донесся приглушенный крик, по земле прошла дрожь.

Существо поднялось на поверхность, даже не показав лица, и вырвало душу Церемонда из его тела, обрекая магию волшебника на уничтожение.

— Ришона призвала демонов Наэтер, чтобы они прикончили Церемонда, — сказала Эолин. — Тогда она была нашим союзником. Я не могу представить, чтобы она позволила использовать эту магию против нас.

— Возможно, она не имеет контроля над недавно произошедшими событиями, — ответил Кори. — Хотя есть и другая возможность. Смерть Церемонда могла быть не последним поступком отчаявшегося союзника, а скорее первым ударом умного врага.

— Что ты имеешь в виду?

— Церемонд был старейшим магом, оставшимся у нашего народа, непревзойденным в навыках и знаниях. Даже ты должна признать это, Эолин, хотя он сделал твою жизнь довольно несчастной. Мы с тобой будем спотыкаться во тьме, если собираемся противостоять армии этих монстров. Церемонд мог указать нам путь.

— Ришона убила Церемонда, чтобы Эрнан мог победить Акмаэля.

— И по сей день она, вероятно, жалеет, что твой брат не одержал победу. Когда Король-Маг побежден, Церемонд мертв, а его маги рассеяны, кто защитит Мойсехен от амбиций Сырнте?

— Она убила волшебника, чтобы я могла жить, — настаивала Эолин.

— Если бы Ришона беспокоилась о твоём выживании, она бы нанесла удар до того, как Церемонд наложил проклятие Ахмад-дура, а не после.

— Но она и Тамир... — запнулась Эолин.

— Отвлекли тебя, — закончил за нее Кори. — Да, чаровница-сырнте была очень хороша в этом.

— Кто эти люди, о которых вы говорите? — вмешался Бортен. — Ришона? Тамир?

Эолин печально покачала головой.

— Друзья давно минувших дней. По крайней мере, мне хотелось верить.

— Они были членами Круга, — сказал Кори. — Королевская семья Сырнте, которая заключила союз с братом Эолин, но так и не выполнила своих обещаний. Тамир погиб в битве при Эрундене. Ришона была взята в плен и выкуплена своим народом.

— Понятно, — сказал Бортен, и задумчивый тон его голоса навел Эолин на мысль, что он понял гораздо больше, чем она хотела.

— Значит, этих монстров будет больше, — тихо сказала Мариэль.

— Будет и, возможно, уже есть, — согласился Кори.

Бортен встал и подошел к маге.

— У тебя есть серебряная паутина, Эолин. Возьми Кел'Бару и доставь его королю. Расскажи ему обо всем, что мы видели и о чем говорили.

— И оставить тебя? Бросить Мариэль, теперь, когда я знаю, что там больше этих существ? Больше всего они жаждут магии Мойсехена. Они не успокоятся, пока не сожрут ее, и ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить их без галийского меча.

— Я найду способ защитить ее.

— Нет. Оставить ее в Моэне не получится. Я понимаю это сейчас. Я была душой, если думала иначе.

— Человек, которому нужен этот меч, — сэр Дростан, — сказал Кори. — Он едет к Римсавену, получив приказ обезопасить перевал Эрунден. Он будет ожидать воинов Сырнте с огненными мечами, а не демонов Наэтер.

— Тогда я пойду сначала в Римсавен. В остальном наш план неизменен. Мы поедем вместе к подножию гор Тэшель. Оттуда я полечу в Селкинсен ночью, а Мариэль сможет использовать амулет, чтобы последовать за мной утром.

Бортен нежно, но крепко взял Эолин за руку, заставляя ее встретиться с ним взглядом.

— С твоей стороны неразумно задерживаться в Моэне, теперь, когда у тебя есть возможность сбежать.

— Было бы бессердечно сбежать в одиночку теперь, когда я могу взять с собой Мариэль.

— Не позволяй сантиментам затмить суждение. Мариэль всего лишь одна девушка. Каждая секунда твоего промедления подвергает риску целое королевство.

Эолин моргнула, сдерживая слезы.

— Как ты можешь говорить такое? Она — мой мир. Все, что у меня осталось. У меня больше не осталось учениц, разве ты не видишь? Только Мариэль и Гемена. Гемена в безопасности, если верить Кори. Мариэль тоже должна быть в безопасности. В противном случае вся работа, которую я проделала за последние три года, все жертвы в моей жизни становятся бессмысленными.

Грусть заполнила глаза Бортена. Выражение его лица смягчилось.

— В тебе нет ничего бессмысленного, Эолин.

Рыцарь оставил ее готовить лошадей.

Солнце согрело утренний туман золотыми оттенками, когда они убрали лагерь. Бортен отдал Кори лошадь, на которой ездила Сирена, и, хотя маг выразил предпочтение более крепкому животному Делрика, он без возражений принял гибкого бурого мерина.

Они ехали с Бортеном впереди, обозначая путь, который вел примерно на запад через заброшенные поля и остатки лесов.

Мариэль ехала позади, как вошло в ее привычку. Маг Кори занял место рядом с ней,

занимая девушку беззаботным подшучиванием до полудня, когда ее застенчивый смех стал смешиваться с песнями дроздов и камышевок. Перемежающиеся клочки тумана рассеялись, оставив после себя чистое небо, хотя восточная часть горизонта затмевалась тенью.

— Она — прекрасная молодая мага, — заметил Кори, появившись без предупреждения рядом с Эолин. — Отличное свидетельство твоего дара учителя. Нам повезло, что боги сочли нужным избавить ее от участи остальных.

Эолин ничего не ответила.

— Насколько я понимаю, следующей весной ей будет пятнадцать, — он продолжил. — Пора ходатайствовать о ее посохе, если я правильно понимаю традиции мага.

Эолин кивнула.

— Пятнадцатая весна была моим временем. Так будет и у нее.

— А потом, конечно, в Бел-Этне пробудится эн-ласати, — Кори сделал паузу, позволив словам повиснуть в воздухе между ними. — Если нужен маг для помощи в церемонии, я буду рад...

— Можешь быть уверен, я тебя не позову.

На его лице расплылась широкая ухмылка.

Эолин закатила глаза.

— Почему ты так меня дразнишь? — спросила она, в ее тоне было больше смирения, чем гнева.

— Потому что ты всегда огрызаешься, — говоря это, Кори осматривал местность. — Я скучал по тебе, Эолин. Знаешь, я убедил короля вернуть тебя в Город еще до того, как до нас дошли новости о Сырнте. Ты должна была прибыть к нам как раз к летнему солнцестоянию. Это было бы более благоприятным обстоятельством для нашего воссоединения.

— Я начинаю опасаться, что в этом мире не осталось добрых обстоятельств.

— Возможно, ты права. Хотя твоя дружба с королем является благоприятным обстоятельством, но ты, похоже, полна решимости его игнорировать.

— Моя дружба с королем тебя не касается.

— Все, что касается тебя, касается меня, — тон Кори стал строгим, покровительственным. — Знаешь, о чем я думал много лет назад, когда ты отказалась от Короны, но все же присутствовала на свадьбе Акмаэля? «Теперь есть женщина с политическим чутьем», — сказал я себе. При всей своей кажущейся невинности моя милая Эолин понимает, что единственная женщина, более могущественная, чем королева, — это любовница короля.

— Я презираю твою вульгарность, Кори.

— Я не вульгарный, я честный. И ты разочаровала меня, Эолин. Почему ты тратишь свои чувства на этого простолоудина, ставшего рыцарем, из глуши Моэна?

Эолин вздрогнула от его слов, огорченная тем, что Бортен мог подслушать.

— Нет ничего недостойного в Моэне или его народе. Это мой дом, который ты оскорбляешь своим высокомерием.

— Ты не дочь Моэна. Ты — Верховная Мага, наследница Восточной Селен и женщина, пользующаяся наибольшей благосклонностью Короля-Мага. Возможно, ты не сможешь проследить своих предков до линии Вортингена, но твоя кровь столь же драгоценна, а сила столь же грозна, как и у любого дворянина. Ты могла бы быть матерью королей.

Эолин рассмеялась.

— Я предпочла бы быть учителем мага. Пусть добрая королева Тэсара будет матерью

королей. Она подготовлена к этому долгу гораздо лучше, чем я.

— Подготовлена или нет, но у богов могут быть другие планы, — ответил Кори. — Тэсара потеряла ребенка.

Эолин остановила своего коня. Ледяной трепет поселился в ее желудке. Ее рука непреднамеренно легла на живот.

— Какой ужас, — пробормотала она. — Какой ужас для нее. А Акмаэль...?

Ее слова потонули в тишине, потому что она не была вполне уверена, что хотела спросить и хотела ли услышать ответ. Кори остановился рядом с ней, но подождал, пока Мариэль догонит их, и попросил девушку ехать впереди с сэром Бортенем.

— У короля такое же каменное лицо, как у любого принца Вортингена, — сказал он, — хотя я полагаю, что он очень взволнован этой новостью. В конце концов, прошло уже четыре года его правления, а о наследнике и речи быть не может.

Эолин пришпорила лошадь. Кори последовал примеру.

— Выкидыши прискорбны, но не редкость, — сказала она. — Они гораздо более распространены, чем большинство мужчин готовы признать. Рената и я посетили много неудачных беременностей во время нашего пребывания в Моэне. Королева выздоровеет и снова забеременеет.

— Верховный маг Резлин, похоже, согласился бы с тобой. Но я не так уверен.

Эолин искоса взглянула на него.

— Ты знаешь то, чего не знает Резлин?

Он пожал плечами и отвел взгляд.

— Не так много. Но я подозреваю, что у королевы есть враги, и у нее тоже.

— Враги?

— Волшебница, возможно. Кто-то, кто может сделать ее больной, вызвать выкидыш.

— Ты намекаешь, что я...

— Нет. Но другие говорят, включая саму Тэсару.

— Королева обвинила меня в убийстве ее ребенка?

— Не открыто. Если бы она это сделала, Акмаэль лишил бы ее головы. Но, судя по всему, именно в это она и верит.

— Она слишком долго не знала о наших обычаях. Кто-то должен помочь ей понять, что мага никогда бы...

— Никогда. Но было много тех, кто бежал от жестокого гнева Кедехена, и мы были бы глупцами, если бы не подозревали, что они все еще наблюдают за нами, жаждущие мести, замышляя погубить Дом Вортинген и народ Мойсехена. Обеспечение того, чтобы у короля Акмаэля не было наследника, было бы отличным началом.

— У Акмаэля есть наследник. У него есть принцесса Элиасара.

— Девушка не может стать королем.

— Точно так же, как девушка не может заниматься магией?

— Ты соблазнила Короля-Мага, чтобы нарушить это правило, — сухо ответил Кори. — Я сомневаюсь, что у Элиасары будет такая же возможность. Хотя было бы забавно посмотреть, как она попытается.

Сэр Бортен остановил своего коня, и хотя он был на некотором расстоянии впереди них, Эолин была обеспокоена мыслью, что ветер мог донести до его ушей не только несколько слов из их разговора.

— Почему ты напал на него прошлой ночью? — сказала она тихим голосом.

— Напал на него? Он напал на меня.

— В том пламени не было нужды, и ты это знаешь. Если бы ты ранил Бортена, мы остались бы без мечника.

Маг цокнул языком.

— Мечник, ага. Тот *мечник* однажды пронзил твоего брата, а теперь, похоже, хочет пронзить тебя. Но он доставит тебе мало удовольствия, это я знаю. Меч простолюдина — вещь маленькая и простая. Тупая по краям. И взмахи разочаровывают. Что тебе нужно, Мага Эолин, так это магический посох: длинный и крепкий, вылеченный магией. Мощный на ощупь, гладкий...

— Меч Бортена рассек твой посох, маг Кори.

Кори возмущенно вдохнул, а затем тихо рассмеялся.

— Нагорье Моэна придало духу вашему языку. Я рад это видеть. Я не собирался причинять ему боль, Эолин. Я просто хотел немного поцарапать это красивое лицо. Получил бы по заслугам за то, что ухаживал за моей подопечной без разрешения.

— Я не твоя подопечная.

— Ты моя родственница, кузина в глазах Дракона, и ты несешь будущее моего племени в своей крови. Ты не должна тратить свою привязанность на таких, как этот простой рыцарь. Не тогда, когда у тебя есть Король-Маг на побегушках.

Эолин подавила приступ гнева, разочарованная тем, с какой легкостью он мог ее спровоцировать. Она сосредоточилась на дуновении ветра в ароматной траве и мелодии полевой камышевки. Она призвала воспоминание об объятиях Бортена, нежной уверенности его поцелуя, песне Эйтны и Карадока, эхом отдающейся в их вновь обретенном желании.

«Спи, Эолин», — сказал он.

И она бы так и сделала, завернувшись в теплое убежище его объятий, если бы Кори не появился с грубыми напоминаниями о внешнем мире.

— Путь к сердцу маги управляется только богами, — сказала она, вспомнив слова Дуайен Гемены. — Она должна любить так, как они велят, с готовым духом и открытым сердцем. Никакие интриги или вмешательство с твоей стороны никогда этого не изменят, маг Кори.

— Любовь? — Кори ответил смущенно нахмурившись. — Когда я вообще предполагал, что мы говорим о любви?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Беглец

Дростан и его люди разбили лагерь до того, как солнце разлило свой розовый свет по восточному горизонту. Накануне они покинули Римсавен и теперь шли по широкой грунтовой дороге на юг вдоль реки Тарба к долине Эрунден. Ветер был свежим, небо — ясным, а пейзаж был широко открыт, все было видно до лесов. Камыши шумели на ветру. Река журчала рядом с ними и сверкала, как сапфиры под утренним солнцем.

Несмотря на яркий летний рассвет, что-то в воздухе держало Дростана в напряжении, слабый запах гнилой плоти, который неожиданно напал на его чувства и исчез, как только он попытался определить его источник. Не пели птицы, не прыгала рыба над водой, не лаяли вдалеке собаки. Даже утки сидели неподвижно, сбившись в кучу у кромки реки, нервно оглядывая окрестности.

Напряжение напомнило о Войне Маг, когда Дростан и его товарищи, воины-маги, патрулировали сельскую местность в состоянии постоянной настороженности, не зная, где

их ждет следующая смертельная засада или какая магия будет использована, чтобы ее скрыть.

Дростан послал вперед разведчиков. Теперь он отправил еще двоих, которые поднялись в небо в форме Ястреба. Его план состоял в том, чтобы добраться сегодня до долины Эрунден, но они не стали бы разбивать лагерь на поле битвы, где мятежник Эрнан потерпел поражение. В месте, которое так недавно посещали насилие и смерть, барьеры между миром живых и миром мертвых были тонкими и легко ломались. Под покровом ночи проплывали потерянные души, привлеченные магией Дростана, и нападали на него во сне. Хотя у них не было сил, чтобы сломить мага, они, безусловно, могли устроить старому воину беспокойную и тяжелую ночь.

Впереди на дороге появился всадник, темная тень приближалась быстрой рысью, пыль поднималась под копытами его лошади. Узнав в этом мужчине своего, Дростан ускорил шаг, чтобы встретить его.

Солдат нес в руках большой рваный сверток, мальчика в лохмотьях. Его ноги были покрыты мозолями и кровоточили; непослушная масса волос ниспадала на свирепые карие глаза. Дростан подумал бы, что он полудикий сирота, выплунутый из лесной глуши, если бы под всей этой грязью и потом не было тревожно знакомого взгляда и намека на благородство в поднятом молодом подбородке.

— Мальчик родом из Моэна, — сказал солдат, доставивший его. — Он утверждает, что является внуком лорда Фелтона.

Теперь Дростан узнал его. Это был мальчик, который шел с ним вдоль ветхой стены Моэна. Непослушный ребенок, который проводил свои дни на улицах с оборванными мальчишками, больше стремясь научиться искусству воровства, чем боевым приемам, соответствующим его положению. Дростану потребовалось некоторое время, чтобы произнести его имя.

— Лорд Маркл, если я правильно помню?

— Да сэр, — усталость и голод были явно выражены на лице мальчика, но он ответил энергично. — Я пришел сказать королю Акмаэлю, что Моэн в осаде.

Дростан спешил и помог мальчику спуститься на землю.

— Король в курсе.

— Как? — спросил мальчик, широко раскрыв глаза от удивления. — Никто не мог прийти быстрее меня. Я ехал, не останавливаясь, от Моэна, пока моя лошадь не упала, спускаясь с перевала. Потом я бежал, сколько мог, пока ваш человек не нашел меня.

— Слухи дошли до короля Акмаэля благодаря дару магии и воле богов. Мы первыми откликнулись на призыв Моэна о помощи.

— Вы? — мальчик окинул взглядом Дростана и его небольшую компанию. — Только вы и эти люди?

— Еще больше на подходе.

— Я надеюсь на это! Нам понадобится гораздо больше, чем это. Мне нужно добраться до города и поговорить с королем. Насколько это далеко?

— Три дня езды на быстрой лошади, — мрачно сообщил ему Дростан. — Дольше, если пешком.

Дростан подвел хромающего Маркла к большому камню на берегу реки и предложил ему сесть. Он подал знак целителю Лаэриону, который поспешил осмотреть ноги мальчика. Маркл вздрогнул от прикосновения целителя и подавил крик, закусив губу.

Лаэрион нахмурился, покачал головой и набрал воды из реки, чтобы начать промывать кровавые раны.

— Ему придется поменьше ходить, пока ноги не заживут, — сказал Лаэрион, — иначе они загноятся и будут потеряны.

— Пятьдесят человек не освободят Моэн, — настаивал мальчик. — Я видел вражескую армию. Тысяча сильных. Может, две. Король должен послать больше, гораздо больше, и они должны немедленно подняться на перевал, иначе все будет потеряно.

— Ты видел их армию? — Дростан воспринял это заявление с осторожностью. Ребенок, склонный к воровству, также будет склонен ко лжи.

— Они вошли в Моэн с востока под бордовыми и желтыми флагами. Колонна была в три мили в длину. Дальше, чем могли видеть глаза.

Дростан, который наклонялся, чтобы послушать мальчика, теперь выпрямился и решительно оглядел пейзаж. К западу от дороги он заметил небольшой подъем.

— Приведи мальчика, — сказал он одному из своих людей.

Маркла подобрали и отнесли на скромную смотровую площадку на небольшом холме.

— Как далеко была армия, когда ты ее увидел? — спросил Дростан, указывая на различные ориентиры в поле зрения. — Отсюда до той ели или того ручья? Покажи мне.

Маркл нахмурился.

— Дальше, чем ручей. Почти до того клочка леса вон там. Так я бы сказал.

— А если бы ты сегодня увидел перед нами ту же армию на том же расстоянии, где бы она началась?

— Там, внизу, — Маркл указал на юг.

— Где именно?

— На том большом участке травы.

Почти все перед ними было либо травой, либо плоским участком, но Дростан не позволял своему нетерпению выказывать свое нетерпение.

— Какой участок?

— Коричневая часть с желтыми цветами.

— И где она бы закончилась?

Маркл мотнул головой на север.

— Миля в ту сторону. Может, две.

— Как далеко миля?

— Разве ты не знаешь?

— Покажи мне.

Маркл указал на отдаленную рощу мертвых деревьев, белые безлистные стволы цеплялись за ясное небо.

— Примерно так далеко.

Дростан затаил дыхание, обеспокоенный рассказом мальчика. Если Маркл говорил правду, угроза была гораздо большей, чем мог себе представить старый рыцарь.

— Какой ширины была колонна? Сколько мужчин бок о бок?

Маркл пожал плечами.

— Не могу сказать, правда. Я был не так близко, чтобы увидеть каждого человека. Может, такой же ширины, как вот эта дорога. Во всяком случае, так это выглядело.

— Ясно, — то, что описал мальчик, казалось почти невозможным. Как, во имя богов, Сырнте удалось протащить такую огромную армию через неизведанный лабиринт Южных

лесов в самое сердце Моэна? — Теперь ты должен сказать мне, Маркл: ты сказал, что там были копейщики. Где в колонне начинались копыя и где они заканчивались?

Допрос Маркла Дростаном продолжался так большую часть часа. Рыцарь неоднократно возвращался к одним и тем же вопросам, каждый раз задавая их по-разному, выводя мальчика на новые точки наблюдения, заставляя его использовать альтернативные ориентиры, пока, наконец, не был удовлетворен относительной последовательностью рассказа ребенка.

Затем он вернул Маркла на берег реки, передал его на попечение Лаэриона и отправил гонца в Королевский город.

Это были отрезвляющие новости, и Дростана охватило дурное предчувствие, когда он наблюдал, как гонец мчится на север. Акмаэль, когда-то ученик Дростана, а теперь его повелитель, никогда не сталкивался с врагом такого масштаба. Хотя Дростан хорошо обучил юного принца и не знал никого более одаренного в магии и войне, старый рыцарь боялся за своего короля и за людей, которых он поклялся защищать.

Поручив Лаэриону отвезти мальчика в Римсавен, Дростан сел на своего коня и осмотрел небольшую группу людей, ожидавших его приказа. Вскоре из Королевского города выйдут еще тысячи, среди них воины-маги, но даже в этом случае это будет мизерная сила, учитывая масштабы вторжения сырнте. И дни будут долгими.

«Возможно, мы не сможем остановить их в Эрундене, — подумал он, приказывая своим людям продолжать. — Но мы должны задержать их как можно дольше».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Жертва

— Госпожа Адиана! — девочки завизжали и побежали к Адiane, заливаясь смехом.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как она в последний раз держала их вот так, но казалось, что прошла вечность. Адиана глубоко вздохнула, вдыхая их сладкий аромат, и взяла каждое лицо в свои руки.

— Катарина. Таша, — они никогда не казались более красивыми, чем в этот момент. Катарина была румяна и весело хихикала. Таша пыталась улыбаться, хотя ее темные глаза были затравлены, без сомнения, признак жестокости Мехнеса. Адиана притянула девочку к себе для успокаивающих объятий. — Где Гемена?

— Разве ты не знаешь? — сказала Таша. — Она убежала. Они не нашли ее.

Сердце Адiane наполнилось смесью страха и надежды.

— Когда?

— В наше первое утро здесь.

— Вот и дурочка, — Катарина кружилась в новом платье, розовые шелка развевались вокруг ее лодыжек. — Видишь, что дала нам Сан'иломан? Она говорит, что мы должны жить как королевы.

Таша была одета в прекрасное бледно-голубое платье, но, опустив глаза, перебирала серебряные шнурки корсажа.

— Гемене не нужны красивые платья. Она хочет быть магой, — девочка прикусила губу и добавила отчаянным шепотом. — Я тоже.

Адиана коснулась подбородка Таши, заставляя девочку встретиться с ней взглядом.

— Ты мага. Ты никогда не должна забывать об этом.

— Из них обеих получатся прекрасные ведьмы-сырнте, — голос Ришоны, безошибочно узнаваемый в своем соблазнительном теноре, прервал их воссоединение.

Адиана испуганно подняла голову.

Она даже не заметила Сан'иломан во всем ее великолепии, глядя только на девочек. Ришона была еще более завораживающей, чем ее помнила Адиана, мелодией изящества и женского обаяния. Она носила богато окрашенные шелка, которые подчеркивали ее стройную фигуру. Ее черные волосы были заплетены в косу и украшены жемчугом; ее горло и руки сверкали драгоценностями.

Адиана вспомнила предупреждение принца Мехнеса о протоколе, и она отвела взгляд, покраснев.

«Моя королева» — вот слова, которые пришли на ум, но Ришона не была королевой Адианы. После недолгих раздумий она выбрала вместо этого:

— Почтеннейшая королева.

Ришона громко рассмеялась.

— О, ради богов, Адиана! Можно подумать, мы никогда не были друзьями.

Катарина хихикнула. Даже Таше удалось застенчиво улыбнуться, хотя она нашла руку Адианы и крепко сжала ее.

Адиана подняла голову, не зная, что сказать или сделать. Ришона стояла рядом, ее духи были ароматами жасмина и ночи.

— Я могу только представить, какие жестокие шутки, должно быть, сыграл с тобой мой дядя, — сказала Ришона. — Скажи мне, Адиана, он утверждал, что мои стражи убьют тебя, если ты хотя бы увидишь меня?

— По правде говоря, да, — ответила Адиана.

— Они могли бы сделать это раньше, когда ты сидела среди музыкантов. Но я вызвала тебя сейчас, и я дала своим людям четкие инструкции относительно твоего благополучия. Тебе не причинят вреда, милая Адиана. Так что взгляни на меня и обними меня как свою подругу.

Адиана напряглась, когда Ришона притянула ее ближе и поцеловала. Было что-то в тоне женщины, что напомнило Адиане принца Мехнеса в моменты, когда он думал, что ведет себя по-доброму.

— Я не думала, что мы найдем тебя в Моэне, — сказала Ришона. — Я представляла, что ты разбогатела в Селкинсен, обучая музыке дочерей богатых купцов.

— Я пришла сюда, чтобы помочь Эолин.

— Так мне сказали, — Ришона коснулась подбородка Адианы и изучила ее синяки. — Это сделал мой дядя?

Адиана кивнула, опасаясь дрожи на губах, стыдясь той легкости, с которой ее похитители могли вызывать слезы.

— У него странный способ показать свою благосклонность, — сочувствие в голосе Ришоны сдерживалось тревожным тоном любопытства.

— Это не было благосклонностью. Принц Мехнес думал, что я знаю, где Эолин.

— А ты знаешь?

— Нет, — Адиана отстранилась. — Он утверждает, что вы хотите ее смерти.

— Война — время сложных решений. Мага представляет серьезную угрозу нашим амбициям в Мойсехене. Тем не менее, со своей стороны, я давно желала ей другой судьбы. Ты должна помнить, что когда-то я любила ее, как и мой брат. Мы обращались с ней как со своей, даже предложили ей убежище среди сырнте после того, как Эрнан потерпел неудачу. Но она выбрала свой путь вместе с Королем-Магом, и теперь все наши взгляды совпадают:

Эолин не отступит от верности ему. Поэтому, хотя я и предпочла бы, чтобы мага жила, я пришла к выводу, что другого пути нет.

— Другого пути нет? — ответила недоверчиво Адиана. — Неужели это судьба всех тех, кого ты когда-то называла друзьями, — умереть, потому что другого пути нет?

Примирительная улыбка Ришоны похолодела. Она разглядывала Адиану, затем посмотрела на девушек глазами без эмоций.

— Я вызвала тебя сюда не для того, чтобы ты подвергала сомнению мои суждения. Любой другой был бы выпорот за меньшее, чем то, что ты только что сказала. Но ты моя подруга, Адиана. Я понимаю, что ты перенесла, и могу представить, какое горе и негодование ты должна испытывать. Поэтому я скажу следующее: я пришла потребовать то, что принадлежит мне по праву рождения. Вот и все. Я бы хотела сделать это с помощью других средств. В течение многих лет я боролась за то, чтобы достичь этого таким образом, чтобы все вы были рядом со мной, но это единственный путь, оставленный мне богами, и я должен взять на себя его бремя.

— Мне жаль, что у тебя тяжелое бремя, — сказала Адиана. — Я вижу, как это заставляет тебя страдать.

Ришона стиснула зубы и отвернулась. Она подала знак одному из своих слуг, который принес плащ и накинул ей на плечи.

— Эти дни были для тебя долгими и ужасными. Тебе нужен отдых и правильное питание, прежде чем ты сможешь понять.

Сан'иломан ласково прикоснулась к щеке каждой из девочек, а затем снова обратила свое внимание на Адиану.

— У моих людей свои приказы. Ты теперь под моей защитой. Оставайся здесь с детьми, ешь и пей, сколько хочешь, отдыхай в моей постели, пока тебе не приготовят подходящее место. Вам никто не мешает. Если есть что-то, чего ты хочешь, нужно только попросить об этом.

— Тогда я прошу о нашей свободе.

Улыбка тронула полные губы Ришоны.

— Свобода не всегда желательна. Защита лучше. Сегодня вечером мы будем праздновать нашу победу в Моэне. Тебе найдут подходящее платье. Я хотела бы, чтобы ты сидела за моим столом и пила из моей чашки, как мы это делали в более счастливые дни Круга Кори. Потом поговорим.

Ришона ушла, окруженная охраной. После себя она оставила гул деятельности: слуги собирали мебель, проветривали постельное белье и расставляли еду. Никто из них не обратил внимания ни на Адиану, ни на девочек. У Адианы возникло тревожное ощущение, что ее положение ничуть не улучшилось.

— Поиграем? — Катарина хлопнула в ладоши. — Сан'иломан научила нас замечательной игре на доске из черного дерева с фигурками людей и монстров. Она говорит, что в нее играет вся знать Эх'Налама.

Но Таша притянула Адиану к себе и прошептала ей на ухо:

— Мне не нравится это место. Все притворяются добрыми, когда на самом деле они эгоистичны и жестоки. Пожалуйста, госпожа Адиана, отведи нас домой. Я хочу снова быть с Магой Эолин. Пожалуйста.

Адиана вздохнула, собираясь пообещать, что так и будет, но затем прикусила язык, хотя это и разбивало ей сердце. Нет большей жестокости, сказала она себе, обнимая Ташу, чем

дать обещание, которое она, возможно, не сможет сдержать.

* * *

Было уже поздно, когда стражи разбудили Адиану.

Она заснула рядом с Ташей, поддавшись очарованию мягких подушек на низком диване. Таша была сонной, и ее волосы спутались. Даже сейчас она цеплялась за Адиану, словно решила никогда не отпускать. Адиана быстро поднялась, потянув за собой девочку, как всегда смущаясь под агрессивным взглядом людей принца Мехнеса.

— Катарина, — позвала она.

Девочка оторвалась от счастливого созерцания восьмигранных карт, оставленных ей Ришоной, каждая из которых была расписана странными и красочными символами.

— Вы с Ташей должны остаться здесь и присматривать друг за другом, понимаете? Я вернусь, как только смогу.

— Сан'иломан вызвала всех троих, — сказал один из охранников.

— И детей? — Адиана нахмурилась и посмотрела за плечи мужчин. Снаружи горели факелы, и ночь была черной. — Но уже так поздно.

Единственным их ответом было мрачное молчание.

Адиана задавалась вопросом, почему она настойчиво подвергала сомнению каждый отданный ей приказ, когда было ясно, что, пока продолжается этот кошмар, у нее не будет выбора.

— Но я хочу пойти с вами, госпожа Адиана, — сказала Катарина. — Сан'иломан обещала, что будет музыка, танцы и много еды.

— Держу пари, она превратит нас в еду, — возразила Таша. — Она бросит нас в печь и поджарит до хрустящей корочки.

— Таша, — упрекнула Адиана. — Не надо пугать Катарину такими историями.

— Я не боюсь, — сказала Катарина.

— А надо бы! — парировала Таша.

— Хватит, — Адиана пригладила волосы Таши и поцеловала ее в лоб. — Я не допущу, чтобы вы ссорились, как разъяренные гуси, после всего, чего нам стоило снова собраться вместе. Сан'иломан призвала нас, и мы должны идти. Это конец.

Она потянулась к Катарине, и девочка взяла ее за руку.

Их ждал паланкин, закутанный в прозрачные шелка, бледные, как туман в лунном свете. Транспорт был элегантным и роскошно обставленным, но от его вида у Адианы перехватило дыхание. Ее сердце колотилось в груди, а руки вдруг стали холодными от пота.

«Чем большую доброту проявляют эти люди, тем сильнее подозрения».

Один из стражей толкнул ее вперед, и она с большой неохотой залезла внутрь.

— Госпожа Адиана, — пробормотала Таша, занимая место рядом с ней, — что случилось?

Адиана заставила себя рассмеяться.

— Прохлада ночи глубоко пронзает тех, кто только что проснулся. Я должна была выпить немного вина, прежде чем покинуть палатку.

— Здесь есть вино, — Катарина сняла пробку с серебряной фляги и понюхала.

— Я не думаю, что тебе следует это трогать, — сказала Таша.

Преувеличенно закатив глаза, Катарина сделала глоток. Она протянула флягу Адиане, которая покачала головой, охваченная тошнотой при мысли о глотке.

— Как вы думаете, что это? — Катарина перебирала несколько маленьких корзин перед

собой. От них исходил удушливый аромат, насыщенный странными специями, напомнивший Адiane рынки Селкинсен. У нее закружилась голова.

— Оставь это, — сказала она. — Вспомни, что Мага Эолин говорила о незнакомых травах.

Катарина надулась, но сложила руки и, наконец, села неподвижно.

Над ними висела небольшая клетка с белой совой, которая визжала и шумела крыльями, когда паланкин подняли и понесли. Борясь с приступом тошноты, Адiana изучала птицу, уверенная, что уже видела изображение раньше. Возможно, во сне или в кошмаре.

— Госпожа Адiana? — голос Таши появился, затем дрогнул и исчез.

В голове Адiana раздался низкий ритмичный стук. Она закрыла глаза и прижала ладони к ноющему лбу.

— Вам нездоровится?

— Ничего, — по правде говоря, она поддалась необъяснимой волне паники. Ливень черных точек взорвался перед ее глазами. — Ты что-то слышишь, Таша?

— Что, госпожа Адiana?

— Гул. Как шипение тысячи змей. Слова, которые я не могу понять...

Зимний холод проник в мозг ее костей. Затем дикий вой пронзил Адiana мучительным тоном. Черные когти потянулись к ней. Позади них она увидела зияющие дыры в призрачных и искаженных лицах.

Адiana изо всех сил пыталась вырваться из фантомов, чувствуя себя рыбой, пойманной в сеть, за исключением того, что ее тянуло глубже в самое темное из всех морей, а не вверх, к свету и воздуху.

— Помоги мне, — прошептала она, но течение было слишком сильным. Тревожные крики Таши стихли, Адiana унесло рекой теней и ужаса. Щупальца тумана тянулись к ней, хватая ее за лицо, как бешеные собаки, обвивая ее конечности и горло, ускользая и возвращаясь, чтобы снова схватить ее. В ушах гудели голодные стоны. Нестройный рев сводил ее с ума. — Рената, пожалуйста! — закричала она.

Старый маг прошептала ей на ухо:

«Музыка — это твоё волшебство. Мелодия — это твоё заклинание».

Но какую музыку можно было найти в этой темноте? Какая мелодия была в этом ужасном хаосе? Адiana протолкнула воздух через горло, пытаясь снова закричать, но с ее губ не сорвалось ни звука. Щупальца цеплялись за нее, как колючие лозы, врезались в лодыжки и запястья и тянули ее против течения.

Мощная вонь ударила ей в ноздри, словно гниль человека, умершего много дней назад. Яростно она дернулась и снова очутилась в паланкине.

Она увидела шелковый занавес.

Голос Таши звучал совсем рядом, в отчаянии звал ее по имени.

Женщина склонилась над Адiana, глядя ее по волосам, бормоча странные слова в утешительной интонации. Ее лицо было осунувшимся и постаревшим, серые глаза были подведены краской.

— Это закончилось, — сказала она. — Пойдемте, теперь вы можете встать.

— Что закончилось? — Адiana заставила себя сесть. — Что случилось?

Старуха смотрела на нее с понимающей улыбкой.

— Такая красота и сила в твоей душе. Они бы взяли тебя без разрешения Сан'иломан, если бы могли.

Таша взяла Адиану под руку.

— Никто не заберет ее.

Старуха рассмеялась. Ее длинные волосы были аккуратно заплетены и закручены. На ней было белое одеяние с поясом, украшенным драгоценностями, и струящийся разноцветный плащ. Золото украшало ее голову и горло; серьги каскадом рубинов свисали с худых плеч.

— Кто вы? — спросила Адиана.

— Я Донатъя, жрица Микаты и служанка Сан'иломан. Ты пойдешь со мной, — она кивнула Таше рядом с ней и Катарине, которая спала в паланкине. — Дети остаются здесь.

— Нет! — Таша заплакала. — Ты больше не разлучишь нас.

Донатъя сузила глаза и кивнула стражникам.

Один из мужчин оттащил Ташу от Адианы, другой связал музыкантке руки. Таша боролась со своим стражем, лягаясь, царапаясь и крича, пока Донатъя не выступила вперед и не ударила ее по лицу.

— Тишина! — сказала она. — Сырнте не терпят непослушных детей. Еще немного суеты с твоей стороны, и я отрежу тебе язык.

Таша всхлипнула и умоляюще посмотрела на Адиану.

— Будь хорошей девочкой, Таша, ладно? — тихо сказала Адиана. — Позаботься о сестре.

Таша покачала головой, закусив губу, чтобы не заговорить. Ей связали ноги и положили обратно на носилки, занавеску закрыли за ней, а Адиану увели.

В ту ночь в Моэне звучала музыка и песни, но не в этом месте. Донатъя и охранники отвели Адиану к небольшой роще далеко за разрушенными стенами города.

Адиана узнала холм. Иногда они устраивали здесь пикники с лордом Фелтоном и его семьей, взрослые делились сладостями и горьким элем, а дети кувыркались в траве. Гемена бесилась с Марклом и его разношерстными уличными мальчишками, и их смех доносился до яркого летнего солнца.

Счастлирое воспоминание вызвало острую боль в животе Адианы. Те дни казались теперь далеким сном. Возможно, ничего из этого на самом деле никогда не происходило.

Факелы освещали им путь. На вершине невысокого холма был большой круг, отмеченный странной светящейся стеной. Внутри полупрозрачного голубого пламени Адиана увидела движение. Когда они приблизились, в фокусе оказались неуклюжие звери, расхаживающие на четвереньках с черными когтями на длинных светящихся конечностях. Они подняли свои бесформенные лица в неземных завываниях.

Адиана в ужасе вскрикнула, узнав монстров из своего видения. Посреди них стояла Ришона, яркая, как полная луна, с обсидиановым клинком в руке. У ее ног безутешно плакала беременная девушка, спутанная масса ее волос была зажата в непреклонной хватке Сан'иломан.

Адиана сжалась, сопротивляясь движению стражи. Ришона ударила с такой скоростью, что Адиана не поняла, что произошло, пока из горла девушки не хлынула река крови, и она в конвульсиях не рухнула на землю. Сан'иломан отступила от своей жертвы, и монстры набросились на добычу, вспоров ее живот и поглотив все, что нашли внутри.

Колени Адианы подогнулись. Она упала на сырую землю. Рвота вырвалась из ее бурлящего желудка. Вся сила покинула ее конечности. Охранники грубо схватили ее за руки и потащили к краю круга, где Ришона шагнула сквозь огненную завесу.

— Что это? — Ришона бросила взгляд на Адриану, прежде чем окинуть Донатью суровым взглядом. — Я не просила ее. Я послала за детьми.

Донатья ответила почтительным поклоном, затем приблизилась к Ришоне и прошептала ей на ухо, все время не сводя ястребиного взгляда с Адрианы. Выражение лица Ришоны смягчилось, когда жрица заговорила. Улыбка коснулась ее губ. Когда Донатья закончила, Сан'иломан посмотрела на Адриану так, словно увидела ее впервые.

— Милая Адриана, — сказала она, — кто бы мог предвидеть, что ты будешь носителем такого великого дара?

Взяв музыкантку за волосы, Ришона потянула Адриану к кругу. Со связанными и бесполезными руками Адриана брыкалась и кричала, упираясь пятками в землю и отказываясь быть готовой добычей. Закованная в кольчугу ладонь тяжело опустилась на ее голову, посылая звезды в поле зрения и оживляя привкус крови на губах. Она потеряла равновесие, и ее неумолимо потащили вперед.

Вокруг нее закружилась тьма. Гром пробежал по земле. Она услышала крики мужчин и лязг металла. Свиные руки, знакомые по своей жестокости, оторвали Адриану от Сан'иломан и швырнули ее на землю, подальше от стены пламени.

— У тебя нет права пользоваться этой женщиной!

Адриана выплюнула кровь изо рта, задыхаясь от каждого драгоценного вдоха. Тревожный запах наполнил воздух пряностями, смертью и горящими полями.

«Мехнес. Этот голос принадлежит принцу Мехнесу».

— Мне не нужно твое разрешение, дядя, — сказала Ришона. — Существа призвали эту женщину. Они жаждут ее, как никто другой. Она — ключ к нашему призу.

— Пленники и рабы не выбирают себе еду, — прорычал Мехнес.

— Чем больше магии мы им дадим, тем лучше они нам послужат. А она, — Адриана ощутила хищный взгляд Ришоны, — сосуд Примитивной Магии.

Наступила напряженная тишина, нарушенная дерзким смехом Мехнеса. Адриана услышала приближение его тяжелой походки и вздрогнула, когда он поднял ее лицо к свету факела.

— Сосуд примитивной магии, — в его глазах было веселье, а на лице была ухмылка. Адриане показалось, что боги особенно жестоки в этот момент, ведь дали этому злому человеку такое красивое лицо. Он отпустил ее так же внезапно, как схватил. — Мне не нужен демон, чтобы сказать мне это. У тебя, Ришона, есть молодые маги и любые другие женщины и дети этой провинции, которых ты пожелаешь. Эти существа будут довольны тем, что мы предлагаем, или они навсегда останутся в своей холодной тюрьме.

— Дядя...

— Отведите эту женщину в мои покои, — сказал Мехнес одному из своих людей. — Она должна быть вымыта и связана, как обычно, и оставлена в покое, пока я не вернусь.

— Я — твоя королева!

Гневное заявление Ришоны остановило все движение.

Подняв глаза от своего жалкого состояния, Адриана увидела принца Мехнеса и Сан'иломан, взгляды которых были устремлены друг на друга, а челюсти были сжаты, их ярость была горяча и грязна, как горящая сера.

Не отводя взгляда от своей племянницы, принц Мехнес сказал неторопливым тоном:

— У тебя есть приказ, приятель. Делай, как я говорю.

Адриану подняли с земли и перекинули через широкое плечо. Когда ее уносили, она

заметила, что выражение лица Ришоны колеблется в неуверенности.

Сан'иломан расправила плечи и сказала Донатье:

— Тогда приведи мне девочек. И поторопись. Мы не можем больше оставлять этот портал открытым.

Прошло несколько мгновений, прежде чем смысл этих слов дошел до Адианы.

— Нет, — сказала она, словно выходя из транса. Затем громче. — Нет! Не они. Не Катарина и Таша. Вместо этого возьми меня!

Никто не обращал на нее внимания. Солдат, несший ее, продолжал ровным шагом удаляться от круга огня.

В отчаянии Адиана огляделась, как могла, пытаясь вспомнить, где они оставили паланкин, надеясь мельком увидеть детей.

— Таша! — воскликнула она. — Катарина!

Их голоса доносились до нее словно издалека, тревожные и искаженные.

— Стойте! — Адиана взвыла, весь ее страх и ярость были направлены на эту отчаянную мольбу. — О, ради богов, остановись! Нельзя этого допустить. Возьмите меня! Пощадите девочек, умоляю вас.

— Заткните эту женщину! — взревел Мехнес.

Грязная тряпка была засунута Адиане в рот.

Слезы горели в ее глазах. Каждый мускул сжался. Ее внутренности взбунтовались, будто вот-вот могли вырваться из тела. Со связанными руками она била своего похитителя в спину, но каждый удар был бессильным. Измученная ужасом своей беспомощности, она остановилась и снова прислушалась к девочкам.

Теперь до нее доносилось так мало звуков. Ровный стук походки ее похитителя. Шипение факелов. Далекая музыка и смех, доносившиеся к ним из города.

Затрудненный ритм ее дыхания.

Пот пропитал ее лиф, ручейки стекали по ее напряженной шее. Она попыталась оглянуться в сторону огненного круга, но они уже были невыносимо далеко, двигаясь под углом, не позволявшим ей видеть.

«Пожалуйста, — умоляла она, надеясь, что Боги услышат эту единственную безмолвную молитву, — избавь их от этого. Отпусти меня вместо них. Пожалуйста...».

Крики Катарины и Таши разорвали ночь, пронзительные от ужаса, прерванные горькой тишиной смерти.

Дрожь земли сотрясала землю, сопровождаемая оглушительным ревом кровожадных монстров. Солдат потерял равновесие, спотыкаясь и ругаясь, когда Адиана выскользнула из его рук. Она не почувствовала удара о землю, но осталась безвольной и нечувствительной к окружающему миру.

Солдат восстановил равновесие, взвалил ее себе на плечи и продолжил путь к палатке Мехнеса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Портал

Эолин разглядывала окутанный тенями лес, ее глаза были настороже, дыхание неглубокое, рука крепко сжимала дубовый посох.

Бортен пошевелился рядом с ней, поднялся на ноги и обнажил Кел'Бару. Длинный клинок поймал полоску лунного света.

В нескольких шагах позади них маг Кори и Мариэль погрузились в собственные сны.

Сверчки тихо шумели, но деревья замерли. Даже листья не шуршали в темноте.

— Что это такое? — шепот Бортена был едва слышен.

— Даже не знаю, — чувство, подобное дуновению зимнего воздуха, взъерошило волосы на руках Эолин.

Она вспомнила время, не так давно, когда ночной лес был местом теплой тайны, которое можно было исследовать с весельем. Теперь она стала настороженно относиться к этому полуночному царству, чья способность скрывать могла быть как благоприятна для них, так и предать их.

Туман плыл, нежный и серый, прямо за широкими стволами впереди. Глухой ветер стонал в деревьях, сопровождаемый шелестом жестких кустов. Тяжелую тишину пронзил пронзительный крик пятнистой совы.

Бортен шагнул вперед и занял среднюю позицию, крепко сжимая рукоять Кел'Бару.

— Возможно, мы должны предупредить Кори... — слова Эолин оборвались, когда туман пришел в движение, закрутившись небольшим вихрем, который слился в призрачно-белого зверя.

В тот момент, когда Демон Наэтер принял форму, он прыгнул на Эолин.

Бросившись на его путь, Бортен низко качнулся и разрезал светящуюся плоть. Чёрная пасть скривилась в мучительном вопле, демон отшатнулся назад, а затем снова бросился, разорвав ногу Бортена чёрным когтем.

Эхекат, фэом думаэ!

Гром от посоха Эолин разбросал Бортена и зверя. Бортен оправился и вонзил Кел'Бару в туловище демона. Когда он упал, из тени выскочил второй демон и впечатал Эолин в землю, выбив посох из ее рук.

Эхекат, — выдохнула она. — Со мэй.

Инстинктивно вызванное и отчаянное заклинание сработало. Возник оберег. Демон бушевал над Эолин, как зимняя буря, рвал когтями магический щит, зияя пастью, как бездной Преисподней.

Эолин боролась с силой его голода, не зная, как долго продержится ее сила. Как только она подумала, что оберег не сработает, древнее проклятие прогремело в ее сознании.

Саэнау

Ревоерит

Нефау

Волна тошноты охватила ее. Тьма поглотила свет. Существо покатилося, словно к пропасти, увлекая за собой Эолин. Когти разорвали ее юбку, а затем ускользнули.

Лес стало видно. Эолин оказалась на коленях, пыталась отдышаться. Бортен помог ей подняться на ноги.

Кори держал свой посох обеими руками, целясь хрустальным камнем в отступающего демона. Темное облако вытекало из кристалла, несясь к монстрам и скрывая их в тени. Они жались друг к другу и били воздух, наполняя ночь мучительным воем.

— Эолин! — шея Кори напряглась от усилий. — Мне нужно белое пламя!

Восстановив концентрацию, Эолин призвала самый чистый огонь, известный Дракону.

Эхекат. Энте рехорт.

Луч света вырвался из ладони маги и вонзился в демонов, воспламенив их кобальтовым пламенем. Кори и Эолин поддерживали свою магию столько, сколько могли, опираясь на силу леса. Наконец демоны рухнули под их совместным огнем.

— Хватит, — устало сказал Кори. — Этого достаточно.

Эолин выпустила свое заклинание. Бортен шагнул вперед вместе с Кел'Бару, отрубил демонам головы и начал рубить их тела на куски.

Пот выступил на лбу Кори. Он положил руку на плечо Эолин.

— Ты в порядке?

— Да, — она боролась с дрожью в голосе. — Я устала, вот и все. Где Мариэль?

Появилась девушка и обняла Эолин. Они прижались друг к другу, Мариэль плакала. Эолин бормотала слова облегчения и утешения.

Кори шагнул вперед и присел рядом с кусками светящейся плоти, оставленными Кел'Бару. Он водил по ним рукой, будто изучал угли в угасающем костре. От останков поднимался пар.

— Холодные, как лед, — удивленно сказал он. Затем он встал и осмотрел руку и ногу Бортена, оба залитые кровью.

— Ничего, — сказал рыцарь.

— Ты снова прав, — ответил Кори. — Поразительно.

— Кори, пожалуйста, — Эолин вырвалась из хватки Мариэль. — Неужели ты и сейчас должен быть таким неприятным?

— Неприятным? — Кори изогнул бровь. — Все, что я имел в виду, это то, что монстры такого рода, только что пришедшие из Преисподней, могут нести темную магию, которая может просочиться в самые простые раны и убить человека. Мы же не хотим, чтобы Бортен умер жалкой смертью от отравления демонами, да?

Эолин проводила Бортена к ближайшему упавшему стволу. Рыцарь сел, а она разорвала окровавленную ткань, покрывавшую его раны.

— Терпение, Эолин, — сказал Кори. — Человек все же устал от битвы.

Эолин проигнорировала мага. Когти глубоко вонзились в плоть Бортена, но не было никаких признаков темной магии. Поток крови уже начал замедляться.

— Мариэль, принеси фляжку воды, ладно? — Эолин расстегнула свой аптечный пояс и отложила в сторону иву, арнику и лисьи травы. — Я найду больше трав утром. Это все, что у меня есть, и повязку придется менять каждый день.

Бортен положил пальцы под подбородок Эолин и поднял ее лицо к своему.

— Я сам могу собирать травы, Эолин, и перевязывать свои раны. У тебя есть возможность сбежать, и ты должна сделать это сейчас. Каждый момент, когда ты остаешься здесь, — это шанс на собственную смерть.

— Это всего лишь еще один день пути, — сказала она. — Тогда я полечу в Селкинсен, и Мариэль сможет...

— Что, если эти существа снова появятся сегодня ночью? Что, если их станет еще больше? — тон Бортена был нетерпеливым, граничащим с гневом. — Что, если сырнте найдут нас завтра?

Эолин приняла от Мариэль фляжку с водой и принялась промывать рану Бортена с большей энергией, чем нужно.

— Я приняла решение. Я не хочу больше говорить об этом.

— Эолин, — голос Кори резко оборвал их. — Встань, ладно? И отойди от рыцаря.

— О, ради богов, Кори! — она села на пятки. — Не начинай и ты.

— Я не пытаюсь вмешиваться в ссору с твоим любовником. Встань, говорю. Живо. Серьезность его тона вызвала новый страх, и Эолин повиновалась.

Мариэль отступила на несколько шагов с настороженным выражением лица.

Бортен настороженно наблюдал за Кори, сжимая рукоять Кел'Бару.

Маг подошел к Эолин, его глаза были сфокусированы не на ней, а на ее ауре.

— Что это? — он потянулся, чтобы коснуться эфирных цветов, которые определяли ее дух. — Эта тень... раньше ее не было. Похоже, кто-то пробил дыру в твоей жизненной силе.

Его слова оборвались. Маг снова повернулся к убитым Наэтерским Демонам, которые теперь были беспорядочным скоплением светящихся луж, которые уменьшались, пока они смотрели.

— И тень исчезает, когда наши нападавшие исчезают из этого мира, — он сделал паузу и нахмурился. — Это случилось с тобой в прошлый раз, когда они напали?

— Откуда мне знать, Кори? Я не могу видеть свою ауру.

— Да, конечно. Но Наэтерские Демоны могут. Они видят ее из своего царства и следуют за ней, как мотыльки на пламя или волки на пир. Движимые голодом к силе, которая сможет, наконец, разрушить их тысячелетнюю тюрьму.

Эолин покачала головой.

— Ты говоришь чепуху, Кори. В моей ауре нет ничего, что не было бы предложено магом или магой за все столетия, прошедшие после изгнания Демонов Наэтер. На самом деле, твоя магия сильнее моей, и, следовательно, более привлекательна для них.

— Моя магия не сильнее твоей, но даже если бы и была, дело не в этом. Они не просто видят тебя, Эолин. Они используют тебя как портал.

У Эолин перехватило дыхание. Ее рука инстинктивно потянулась к серебряной паутине у основания горла.

— Что он имеет в виду? — голос Мариэль дрожал

— Любое место, где души были вырваны из тел с помощью насилия, предлагает Наэтерским Демонам путь в наш мир, — сказала Эолин. — Во время битвы при Эрундене моя душа была вырвана из тела и брошена в Преисподнюю. Акмаэль вернул меня к жизни, но разрыв между этим миром и их миром остался. Он следует за мной, куда бы я ни пошла.

— Нет, — Бортен покачал головой. — Это не имеет смысла. Прошли годы с тех пор, как Церемонд наложил это проклятие. Если то, что вы говорите, правда, они давно бы пришли.

— До сих пор им не оказывали помощи, — сказал Кори. — Сырнте кормят их магией, и с каждым приемом пищи они становятся сильнее.

Несколько мгновений никто не говорил.

Затем Бортен решительно вдохнул, поднялся и привязал Кел'Бару к талии Эолин.

— Бортен, что ты делаешь? — спросила она.

Он взял серебряную цепочку, поднял ее над ее головой и вложил медальон ей в ладонь.

— Иди к королю. Будь под его защитой. Здесь мы больше ничего не можем для вас сделать.

— Но я не могу...

— Он прав, Эолин, — сказал Кори. — Самое безопасное место для тебя — в Городе, с Акмаэлем и всеми его магами.

— Если я вернусь сейчас, я отправлю эту опасность в самое сердце крепости Вортинген.

— Мы не можем быть в этом уверены, — сказал Кори. — Способность этих тварей найти тебя может быть связана с близостью Сырнте. Но даже если это не так, не ты одна несешь это бремя. Акмаэль также спустился в царство мертвых. Пока мы разговариваем, его могут преследовать демоны.

Холодный ужас овладел Эолин.

Бортен положил тяжелые руки ей на плечи, заставляя встретиться с ним взглядом.

— Если король будет захвачен врасплох и убит, мы разорены. У него нет наследника. В Мойсехене разразится гражданская война, и все, что Сырнте придется сделать, это подождать, пока мы не опустошим наши поля и не уничтожим свой народ, прежде чем претендовать на то немногое, что осталось.

Эолин отпрянула от него.

— Я знаю, Бортен! Думаешь, я не понимаю, что это значит? И не боюсь за нашего короля и наш народ? На сердце так тяжело, что я едва могу это вынести. Я понимаю, что должна вернуться. Просто я...

Ее голос дрогнул. Воспоминание о поцелуе Бортена вернулось свежее, как летний ветерок, болезненное, как нож.

— Я хочу, чтобы все было по-другому, — прошептала она.

Выражение лица Бортена смягчилось. Он разглядывал ее с грустью в глазах.

— Я хотел бы поговорить наедине с Магой Эолин, — сказал он.

К большому облегчению Эолин, Кори не сделал пренебрежительного замечания и не хмурился.

— Пойдем, Мариэль, — только и сказал маг. — Попрошайся со своей наставницей.

Мариэль прикусила губу и сморгнула слезы. Она обняла Эолин.

— Скажи мне, что мы еще увидимся. Скажи мне, что тебе не причинят вреда.

— Помни, чему я тебя научила, Мариэль, — сказала Эолин, потому что в смутные времена она не стала бы давать ложных обещаний. — Делай, как просит Бортен. Если пройдет год, а я не вернусь, попроси свой посох весной.

— Мага Эолин, не...

— Ты мага в традициях Эйтны и Карадока. Дракон позаботится о тебе и даст тебе наставника.

Слезы текли по щекам Мариэль, а Эолин поцеловала ее в лоб.

Маг Кори ободряюще положил руку на плечо девушки.

— Когда придешь в Город, — сказал он, — найди Верховного Мага Телина. Попроси его показать тебе королевскую библиотеку и отвести в покои Церемонда.

— Покои Церемонда? — даже сейчас одно упоминание имени этого волшебника могло заставить сердце Эолин колотиться. — Зачем?

— У него была коллекция книг, древних и ценных. Летопись женской магии, произведения, написанные от руки великими волшебниками, секреты, собранные из далеких мест. Мы знаем, что эта библиотека спрятана где-то в его покоях, но нам так и не удалось расшифровать заклинание. Ты должна найти вход, Эолин. Инстинкт уверяет меня, что внутри есть оружие, которое можно использовать против наэтерских демонов.

Она кивнула.

— Я сделаю все возможное, маг Кори.

— Осмелюсь сказать, что твои усилия могут спасти это королевство, — выражение лица Кори было редкой смесью сочувствия и восхищения. Он сделал паузу, прежде чем добавить. — Есть еще одно, о чем я хотел бы попросить тебя. Оставь мне свой посох.

Эолин колебалась. Дуайен Гемена однажды посоветовала ей никогда не доверять свой посох другому магу.

— Не думаю, что это было бы разумно.

— Меч Бортена не поможет нам, если демоны Наэтер снова появятся, а у сырнте есть своя магия. Я многое могу сделать без посоха, но для нас будет лучше, если он у меня будет.

Эолин посмотрела на Бортена, но тот лишь пожал плечами.

— Это твое решение, Эолин. Я не знаю, к чему может привести твой посох в его руках.

С неохотой Эолин вытащила посох из того места, где он лежал. Несмотря на свою неуверенность, она пошла бы с большим спокойствием, если бы у них был этот инструмент для их защиты.

Она протянула полированный дуб Кори, который положил обе руки на его гладкую поверхность. Они стояли на мгновение, глядя друг на друга и держа посох между собой, в то время как их магия встретила и резонировала с низким гулом.

— Я доверяю тебе этот инструмент, маг Кори, чтобы ты мог использовать его для защиты тех, кого я люблю, кого я оставляю под твоей защитой, — она притянула мага поближе и добавила с легкой угрозой. — Если Бортену или Мариэль причинят какой-либо вред по твоей вине или неудаче, клянусь богами, я убью тебя в следующий раз, когда мы встретимся.

Он улыбнулся.

— Я тоже буду скучать по тебе, Эолин. И не беспокойся о своем драгоценном рыцаре. Его самоотверженная преданность твоему благополучию делает его более ценным для меня, чем ты можешь себе представить. Я обещаю не причинять ему боль. Почти.

— Будь ты проклят, Кори! — она попыталась вырвать посох из его хватки, но Кори крепко держался.

— Это была шутка, — сказал он. — Тебе нечего бояться, Эолин. Твоя ученица и твой возлюбленный в безопасности со мной.

Эолин осмотрела лицо и ауру Кори в поисках признаков обмана, но ничего не нашла. Она отпустила посох и напряглась, когда Кори обнял ее.

— Помни, что я говорил тебе о Королеве. Будь осторожна. Будь благоразумна, — он отпустил Эолин и повернулся к ее ученице. — Я хочу научить тебя несколькими заклинаниями, Мариэль, которые могут тебе понадобиться в ближайшие дни. Почему бы нам не начать уроки прямо сейчас и оставить Бортена и Эолин наедине делать то, на что вдохновляет залитый лунным светом лес?

Они вдвоем ушли, звук их шагов затих в темноте.

В последовавшей тишине Эолин не могла заставить себя взглянуть на Бортена. Она изучала серебряную паутину в своей руке, украшение, связывавшее ее с Акмаэлем, подарок, когда-то означавший их неизменную любовь.

Бортен шагнул вперед и взял ее руки в свои.

— Кажется, прошло всего несколько дней с тех пор, как я впервые увидела тебя, — сказала она. — Теперь я не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь снова.

Эта мысль вызвала новую волну горя, которую она отогнала, обняв его, вдыхая его аромат глины и измельченных листьев, теперь смешанный с тревожным запахом свежей крови.

Бортен отодвинулся с серьезным выражением лица.

— Прости меня, Эолин, за то, что я никогда не говорил тебе о смерти твоего брата.

— Это не имеет значения. Эрнан выбрал свою судьбу. Я могу принять это сейчас. И мы с тобой построили с тех пор другую жизнь, в новом мире.

— Мы не можем стереть прошлое, Эолин. Оно живет с нами, говорим мы об этом или

нет.

Эолин удалось весело улыбнуться.

— Ты говоришь как моя Дуайен.

— Твой брат доблестно погиб, решив защищать тебя до последнего вздоха. Я не знал, кто он такой, но знал только, что он убьет короля, если я не остановлю его.

— Одному из них суждено было умереть в тот день. Ты убил моего брата и спас нашего короля. Поэтому я должна простить тебя и поблагодарить.

— Это нелегко для тебя.

— Да, — тихо сказала она.

— После того, как твой брат погиб, король доверил тебя мне. Я помню тот момент, будто это было вчера. Это был первый раз, когда я держал тебя в своих объятиях.

— Бортен, пожалуйста...

— Ты была истощена и замерзла, твоя одежда обгорела, а кожа отливала синевой. Ты казалась скорее мертвой, чем живой, и, тем не менее, я считал тебя самой красивой женщиной, которую я когда-либо видел. Такова сила твоей магии, твоя доблесть. Ты была магой, которая избежала всех костров Мойсехена и вернулась, чтобы бросить вызов Королю-Магу. Ты проиграла битву, Эолин, но ты завоевала его сердце.

— Я не хочу говорить об этом сейчас.

— Он любил тебя тогда и любит до сих пор. Любой дурак это увидит.

— У Акмаэля есть его королева и его королевство. Я не привязана к нему.

— Он — король.

Она оцетинилась от его голоса.

— Я — Высшая мага. Я выбираю хранителя своего сердца. Я, и никто другой.

— Ты? — он говорил так, будто обращался с вопросом к себе. — Кто-нибудь из нас действительно выбирает, когда дело доходит до любви?

— Боги преподносят нам подарок, — сказала она, хотя и чувствовала отчаяние в своем голосе. — Отказаться было бы оскорблением.

— Боги дали нам свой дар, а теперь забирают его. Судьба возвращает тебя к Королю-Магу. Я чувствую это всем сердцем, хотя это наполняет меня отчаянием. У меня нет будущего на пути, который тебе предстоит пройти, Эолин.

Ее дыхание сбилось, а голос дрожал от гнева:

— Значит, это все? Наша дружба, наша привязанность, наш поцелуй? Все просто заканчивается здесь?

Он не отступил от ее вызова, а шагнул вперед и взял ее лицо в свои руки.

— Я видел, как ты строила свою школу и ковала новую жизнь из пепла. Мы разговаривали, спорили, делились трапезой, дрались на стороне друг друга. Я — скромный рыцарь из Моэна — мнил себя богаче самого Короля-Мага. На три года Боги даровали мне то, чего так жаждал мой король. Каждый божий день я просыпался и видел тебя. Я всегда любил тебя, Эолин, но встать между тобой и нашим королем означало бы только подвергнуть нас обоим опасности.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Акмаэль — хороший король, но он такой же человек, как и все остальные. Однажды он оказал мне великую милость, когда его отец погиб от острия моего копья. Он больше не будет потакать мне, если я заберу кого-то еще, кого он любит.

— Это полная ерунда! Акмаэль никогда бы...

— Это иллюзия, которую ты питаешь из-за его великой доброты к тебе. Многие скажут, что он был слишком добр к маге из Моэна. Никогда не позволяй ему думать, что ты выставила его дураком.

Эолин перевела дух в знак протеста, но он заставил ее замолчать поцелуем, страстным и горько-сладким.

Эолин провела дрожащими пальцами по чертам его лица.

— Почему судьба была так жестока, чтобы вдохновить эту любовь в тот момент, когда мы должны попрощаться?

— Иди, — сказал он хриплым голосом. — Уходи, пока я не попросил тебя остаться.

Она снова потянулась к его губам, но он отступил.

— Иди, — сказал он тихо.

Эолин позволила серебряной паутине соскользнуть с ладони и держала ее на тонкой цепочке.

Эхекат.

Амулет начал вращаться вокруг своей оси.

Элеом энем.

Заклинание разбивало ей сердце. Она держалась за образ Бортена, даже когда вокруг нее растаял лес, мрачный вихрь, поглотивший все и оставивший ее во тьме на мгновение.

Под ее ногами материализовался пол, холодный и твердый. Знакомый аромат камня, земли и вневременной магии окутал ее. Появились стены, занавешенные тенями.

Одинокая свеча освещала маленький столик. Бледный лунный свет струился через сводчатые окна и вырисовывал силуэт Акмаэля, который стоял к ней спиной и смотрел на город на юге.

Не так давно Эолин думала, что никогда больше не ступит в это место, где она впервые отдалась Королю-Магу. Она нервно взглянула на кровать Акмаэля. Она была удивлена, что не увидела фигуру Тэсары под одеялом, пока не вспомнила любопытную привычку королей и королев не делить свои личные покои.

Эолин колебалась, а серебряный амулет в ее руке был теплым. Было бы просто вернуться в Моэн, к Бортену, в этот момент. Возможно, Акмаэль даже не заметит, что она была там.

Плечи Короля-Мага напряглись. Он изменил свою позицию и склонил голову набок, как будто почувствовав присутствие позади себя.

— Акмаэль, — сказала она.

Он обернулся с ножом в руке.

— Это я. Эолин.

Она услышала его резкий вдох.

— Эолин. Слава богам!

Акмаэль заключил ее в свои объятия и покрывал ее лицо поцелуями. Эолин утонула в сладкой близости его объятий, в аромате его кожи, в воспоминаниях о счастливых приключениях в залитых солнцем лесах.

Затем она отстранилась. Ее колени ослабли, и она изо всех сил пыталась успокоить пульс и восстановить дыхание.

— Мы так много потеряли. Моэн захвачен. Сырнте призывают демонов Наэтер в наш мир.

— Демоны? — сомнение окрасило его тон.

— Я видела их. Одного в Южном лесу и двух только что, в дне пути от перевала Эрунден. Высшая Магия удержит их, но убить их может только это оружие, — она расстегнула пояс, на котором был Кел'Бару, и протянула свой меч Акмаэлю.

Он обнажил клинок, держа его под лунным светом, словно приветствуя старого и не совсем желанного знакомого.

— Поэтому я должен владеть галийским мечом, если я хочу противостоять Сырнте. Будем надеяться, что теперь он меня послушается.

— Он послушается, мой Король. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы это было так.

Улыбка коснулась его губ. Акмаэль вложил меч в ножны и отложил его в сторону.

— А еще... — начала она.

Он заглушил ее поцелуем.

— Пожалуйста, мой Король. Я должна сказать...

— Эолин, любовь моя, — Акмаэль взял ее лицо в свои руки. Сильные руки, закаленные магией и созданные для войны. Руки, которые вызывали боль желанием знакомым прикосновением. — Завтра мы будем готовиться к нашим боям. Сегодня я хочу быть только с тобой.

Его губы снова нашли ее, и Эолин поддалась их настойчивости, своему желанию. Она закрыла глаза, дрожа, когда он освободил ее тело от удушающих пут ее рваного платья.

Акмаэль поднял Эолин и отнес к своей теплой постели. Тот тихий голос протеста, что звучал в ее сердце, был заглушен непреодолимой потребностью раствориться в этой близости, полететь на крыльях Дракона и забыть ужасы, осаждавшие ее мир.

Эолин пила из чаши их общего желания. Когда экстаз завершился, и их страсть прошла, она проснулась в объятиях Акмаэля, слушая ровный стук его сердца.

Король-Маг поерзал во сне, крепче обняв ее. Эолин прижалась губами к его теплой груди, благоговей перед глубоким чувством безопасности, которое она чувствовала в центре его замка.

Когда она погрузилась в сон, ее мысли вернулись к Бортену, к сладкому открытию его поцелуя, к печали их расставания, к жизни, которую они никогда не узнают.

— Я люблю тебя, — пробормотала она, хотя уже не была уверена, для кого предназначались эти слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Горе

Походка Мехнеса была быстрой, а характер грубым. При всей своей распутной красоте и женственной элегантности Ришона могла вести себя как безмозглая шестилетняя девочка, когда на нее сваливалось настроение.

Как только они насытили Наэтерских Демонов и вернулись в свой павильон, ярость Ришоны взорвалась со скоростью огня. Мехнес урегулировал спор с насилием, редко направляемым на его племянницу, выбивая из нее гнев, пока она не повернулась к нему, как рысь в течке, в отчаянии от старого и знакомого голода. Этот момент наполнил его скорее весельем, чем желанием. Он насмехался над ухаживаниями Ришоны, а затем бросил ее, оставив Сан'иломан наедине созерцать горькую правду о ее зависимости от него во всем.

Факелы освещали беззвездную ночь. Ритм лагеря снизился до пульсирующего бормотания, характерного для короткого периода между тем, когда мужчины заканчивали со своими шлюхами и играми, и когда они вставали, чтобы начать новый день.

Мехнес нашел покой собственной палатки освежающим. Слуги выступили вперед, когда

он вошел, предлагая чашу воды и полотенце, которыми он охладил лицо и шею.

— Женщина? — спросил он.

Они кивнули в сторону задней части павильона, где его кровать была частично скрыта прозрачной драпировкой и освещена свечами. Там Адиана спала, связанная по рукам и ногам.

Созерцая пейзаж своего следующего завоевания, Мехнес снял пояс и расстегнул камзол. Ее стройные лодыжки были едва видны из-под края легкой хлопчатобумажной рубашки, открывавшей изящные изгибы ее тела. Ее глаза опухли от силы ее слез; ее лицо было отмечено усталостью и отчаянием.

За его спиной слуги наливали вино, раскладывали еду и ставили на небольшой столик возле кровати свежую воду. Он позволил им помочь с его верхней одеждой и сел, пока один из них встал на колени, чтобы снять с него ботинки. С кубком в руке он отослал их.

Свечи источали сладкий аромат летнего шалфея и лилового аниса. Напряжение спало с его плеч.

Мехнес сделал глоток, откинул голову и закрыл глаза, прислушиваясь к тревожному бормотанию снов Адианы.

Он увидел сожженную женщину и обезглавленного мужчину. Адиана бежала от тех смертей по затянутым туманом переулкам, выкрикивая имена своих драгоценных девочек, напуганная безмолвным преследованием бесформенного врага.

— Джонайас, — судорожно пробормотала она. — Джонайас...

Кошмар исчез и начался снова.

Мехнес отпустил ее видения и открыл глаза.

Более добрый мужчина дал бы женщине выспаться от усталости и шока, но Мехнес не любил применять доброту. Конечно, в последние дни интригующая красота Адианы сделала его необычайно благожелательным. Он воздержался от того, чтобы покалечить ее прекрасные руки. Он защитил ее от низменных инстинктов своих людей. Он предоставил ей почетное место среди своих музыкантов и сегодня спас ей жизнь.

Завтра его дорогая племянница Ришона в убийственной ярости может отравить эту прекрасную артистку из Селкинсен. И Мехнесу останется удовлетворять свои потребности на слугах и шлюхах, большинство из которых уже хорошо использовались его людьми.

Он отставил свое вино с решительным ворчанием.

Пришло время потребовать причитающееся.

— Адиана.

Она вздрогнула, открыла глаза, а затем крепко их закрыла, словно пытаясь отгородиться от него.

— Посмотри на меня.

Ее глаза покраснели, щеки покрылись пятнами, словно в лихорадке.

Он сел рядом с ней, используя влажную ткань, чтобы освежить ее лицо.

— Тебе нужно постараться не плакать так много. Эффекты плохо выглядят на таком светлом лице, как твое.

Сухой смех сорвался с ее губ. Она отвернулась. Когда она говорила, ее голос дрожал:

— Колодец моих слез может быть глубоким, принц Мехнес. Но это вы продолжаете окунать свою чашку. Верните этих детей к жизни, и я буду очень рада перестать плакать.

Он отложил ткань, положил руку ей на щеку.

— Я хотел бы кое-что спросить у тебя, Адиана, и ты должна ответить правдиво.

Она стиснула зубы и отвела взгляд.

— В прошедшие дни кто-нибудь из моих людей поднимал на тебя руку, причинял тебе какой-либо вред? Можешь отвечать, не опасаясь порицания или наказания. Если один из них нарушил мой приказ, я получу его голову.

— Вы сделали мне больно, — сказала она. — Возможно, вы могли бы потребовать свою голову.

Мехнес оценил ее непоколебимый юмор. Это отличало ее от многих других, которые просто плакали или бушевали в своем подчинении. Он изменил свою позу, чтобы помочь Адiane со связанными ногами.

Ослабив кожаный шнур, обернутый вокруг ее лодыжек, он провел ладонью по гладкой поверхности ее кожи, изящному изгибу ее голени.

— Воистину, ты прекрасна, Адiana. Даже на невольничьих рынках Эк'Налама редко можно увидеть женщину такой прекрасной формы.

Он поднес ее ногу к своим губам. Ее мгновенное сопротивление возбудило его, как и вкус ее кожи, ароматное масло розы, смешанное с ее собственным сладким ароматом. Когда его рука потянулась к колену Адiane, она отдернулась и свернулась калачиком, как раненый щенок.

Он уселся рядом с ней, нашел ее руки и начал их развязывать. Ее конечности были гибкими, лишенными воли к борьбе. Но Мехнес хотел от нее большего, чем просто согласие.

— Кто такой Джонайас? — спросил он, поглаживая шелковистые пряди ее волос.

Удивление отразилось на ее лице, хотя ей удалось скрыть его за выражением презрения.

— Я думала, ты видишь все нити моего прошлого.

— Его лицо было скрыто в твоих снах. Кто он?

Что-то сломалось в ее выражении, позволив Мехнесу мельком увидеть уязвимость, которую он искал, неохотное осознание того, что у нее не осталось никого, кроме принца Сырнте.

— Он был стюардом моего отца, — ее голос упал до бормотания. — Когда мои родители умерли, и я убежала на причалы, он пришел за мной. Он забрал меня из той жизни и дал мне место в своем доме.

Откровение тронуло Мехнеса.

— Значит, ты звала своего покровителя.

— Почему вы притворяетесь, что близки со мной? — ее голос был твердым, но без огня. — Делайте то, зачем пришли. Это больше ничего не значит.

— Я не притворяюсь, — он взял ее нежную руку в свою. — Я намерен доставить тебе удовольствие.

— Шлюха не испытывает удовольствия.

Мехнес ласкал ее пальцы своими губами, нашел место на запястье Адiane, которое заставило ее вздрогнуть.

— Значит, ты никогда не была шлюхой принца Сырнте.

— Вы... — ярость заглушила ее слова. Она перевела дух и продолжила. — Вы убиваете детей, а потом приходите сюда и говорите со мной так, будто... Из какого гнусного места вы появились? Как можно жить так, как вы, без души и чувств?

— Это сантименты, — он ослабил шнуровку ее сорочки, обнажая сливочный подъем ее груди. — Хотя ты можешь и не признать это. Я видел много убитых, Адiana: доблестных мужчин и красивых женщин, невинных детей, унесенных силами, превосходящими их

разумение. Я давно научился не сожалеть об их уходе. Лучший способ почтить память умерших — это принять оставшуюся нам жизнь.

— Это не жизнь.

— Ах, нет? За что же ты с такой яростью цеплялась в последние дни? Из всех, кого мы нашли в той маленькой школе, осталась только ты. Единственная, кто был достаточно умен, чтобы найти убежище под моим крылом.

— Я не искала ничего подобного.

— Будь верна себе, Адиана. Ты никогда не чувствовала себя более живой, чем сейчас, когда смерть толпится рядом, снова и снова показывая свое жестокое лицо.

— Ты ничего не знаешь о том, что я чувствую.

Он заставил ее замолчать и положил пальцы ей на лоб, прикрывая глаза.

— Я знаю, как ты воспринимаешь мир, мерцающий вокруг тебя. Даже сейчас ты слышишь пульс этого лагеря, ропот моих людей. Каждый запах, каждый звук, каждое ощущение зовет тебя, потому что ты заглянула смерти в глаза и выжила. Ты не можешь закрыть глаза на комфорт этой постели, на тепло моего прикосновения, на запах нашего желания.

Его рука прошла от груди к животу и отдернула складки ее юбки. Она отпрянула, но он обездвижил ее, не торопясь исследовать секреты ее женственности.

Страх и тоска, стыд и отчаяние боролись за контроль над выражением лица Адианы. Он мог чувствовать сладкую боль всех ее ран, вновь открывающихся, усиление пустоты, которая толкала ее к опыту, ощущению, насыщению.

Между ее бедер вспыхнул жар. Мехнес поддерживал нежное, но настойчивое прикосновение, дразнил ее грудь языком и зубами, пока, наконец, она не выгнула спину и не поежилась, сдавленный всхлип сорвался с ее губ.

Он отдернул руку, и на его пальцах блестели признаки ее желания.

— Боги! — слезы текли по ее лицу, и она била его в грудь сжатыми кулаками. — Пусть они возьмут тебя и разорвут на куски.

— Будь осторожна со своими просьбами, Адиана. Кто защитит и утешит тебя, если я уйду?

— Я не забуду этих девочек. Я никогда не прощу того, что ты с ними сделал.

— Мне не нужно твое прощение, — он разорвал ее хлопчатобумажную сорочку пополам и навалился на нее своим весом. — Ну же, Адиана, хватит слез. Детей в этом мире легко заменить. Позволь мне помочь тебе вспомнить, как.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Совет

Золотой свет косо падал в покои короля, оставляя на каменном полу яркие копии высоких окон через одинаковые промежутки времени.

Смущенная тем, что проспала так долго, но не желая покидать уютную постель Акмаэля, Эолин зевнула и потянулась. Простыни были мягкими, пропитанными его магией и неотразимым ароматом их общей любви. В ее памяти шевелились истории, старые легенды, рассказанные у костров ее деревни, о принцессах, которые спали сто лет, спрятавшись в сердце какого-то старого замка.

— Я бы спала сто лет, — пробормотала она, — если бы мне представилась такая возможность в этот момент.

Акмаэля нигде не было видно. Эолин смутно помнила, как он встал перед рассветом,

тепло его губ на ее виске. Он накинул ей на плечи одеяло, уговаривая уснуть, и тихо закрыл за собой дверь. Это было похоже на очередной сон, самый приятный за долгое время. Она не могла вспомнить, когда в последний раз просыпалась такой отдохнувшей.

Она села и была поражена внезапным движением в углу, девушка поднялась с деревянного табурета. На служанке было простое платье, а волосы были аккуратно убраны под бежевый чепец. Она сделала короткий реверанс, настороженно глядя и крепко сцепив руки перед собой.

— Кто ты? — спросила Эолин.

— Миледи Мага Эолин — девушка снова сделала реверанс. — Я Ессения. Короли просил, чтобы я позаботилась о вас, когда вы проснетесь.

— Позаботилась?

— Да. То есть, если вам угодно, миледи Мага Эолин.

Эолин выросла, заботясь о себе сама, и не могла понять притворной беспомощности членов королевской семьи, когда дело касалось купания, одевания, приготовления пищи и еды. Но юная Ессения так стремилась угодить, и, по правде говоря, Эолин не знала, с чего начать, если она хотела найти чашу с водой, еду или свежую одежду.

Поэтому она кивнула и сказала:

— Очень хорошо. Но, пожалуйста, зови меня Эолин.

— Как пожелаете, миледи Эолин.

— Нет, — Эолин потерла переносицу, чувствуя, как тяжелая тяжесть легла ей на глаза. Она не принадлежала этому месту. Никогда. — Просто Эолин, пожалуйста.

— Я не могу этого сделать! — глаза Ессении расширились на ее круглом лице. Затем она опустила взгляд и снова сделала реверанс. — Я имею в виду, простите меня, миледи, но было бы нехорошо называть вас по имени.

Эолин вздохнула и посмотрела на каменные стены, желая, чтобы они хоть на мгновение исчезли и открыли древний лес, покрытый изумрудным мхом, освещенный рассеянным золотым светом. А за массивными деревьями река с кристально чистой водой текла по гладким валунам, где они с Акмаэлем играли, пока солнце не опускалось низко, и сумерки не звали их домой.

Она стряхнула с себя видение и улыбнулась Ессении.

— Тогда ты можешь звать меня Мага Эолин. Но, пожалуйста, только не миледи.

— Как пожелаете, миледи. О, прошу прощения, — еще один реверанс. — Мага Эолин.

Утренняя трапеза, вернее, полуденная, уже была накрыта на полированном дубовом столе: хлеб и сыр, фрукты, мясо и сладкий мед. Ессения обернула теплый халат вокруг плеч Эолин, когда она села, чтобы утолить ненасытный голод.

Пока мага ела, служанка усердно убирала колтуны из ее медных локонов гребнем с редкими зубьями. Появились еще слуги с кувшинами пресной воды и большим неглубоким тазом.

Покончив с трапезой, Эолин приняла предложение Ессении помочь ей помыться и наслаждалась ощущением рук служанки, натирающих мылом ее уставшее тело, прохладной воды, стекающей по ее волосам и спине.

Нижнее белье и платье, которые они принесли, были простыми, но тонкой работы, юбка и лиф темно-синего цвета. Через мгновение Эолин узнала платье. Оно было одним из нескольких оставшихся годы назад, когда она отказалась от предложения Акмаэля и отправилась на юг. Осознание того, что он хранил его все это время, удивило и тронуло ее

сильнее, чем она хотела признать.

Ессения очень бережно ухаживала за волосами Эолин, вплетая в элегантную косу нитку речного жемчуга. Эта экстравагантность смущала магу, но она не протестовала, потому что прикосновение Ессении расслабляло ее, и ей нравился счастливый шепот жемчуга. Камни, рожденные водой и жизнью, их песня была беззаботной, никогда не заглушаемой более глубокими настроениями их более древних и тяжеловесных собратьев.

Закончив, Ессения отошла полюбоваться своей работой.

— У вас больше ничего нет, Мага Эолин?

Озадаченная вопросом, Эолин нахмурилась и пожала плечами.

— Другие драгоценности, — объяснила Ессения, — чтобы украсить ваш внешний вид.

— О, — рука Эолин поднялась к основанию ее горла. Простой ночью серебряная паутина соскользнула с ее пальцев где-то между поцелуями Акмаэля и его кроватью. — Да, у меня есть ожерелье, но я не знаю, что с ним стало.

Амулет нашелся вскоре на столике рядом с кроватью. Ессения нахмурилась, будто это было не совсем то, что она имела в виду.

— Это подарок короля, — сказала Эолин. — Уверяю, это уместно.

— Конечно, — Ессения кивнула. Она застегнула амулет на шее Эолин, затем отступила и сделала короткий реверанс. — Вы желаете чего-нибудь еще, миледи? Прошу прощения. Мага Эолин.

— Нет. Спасибо, — руки Эолин беспокойно двигались друг против друга. Она оглядела комнату, не зная, что делать дальше. — Где король?

— Он встречается со своими советниками, — она указала на широкую тяжелую дверь, ведущую в остальные его апартаменты. — Он просил, чтобы вы разыскали его, когда будете готовы.

Эолин кивнула и направилась к двери. Ессения побежала открывать. Мага остановилась в дверях, опасаясь приглушенных звуков мужских голосов, доносившихся по коридору.

«Будь осторожна, — предупредил Кори. — Будь благоразумна».

— Есть еще один вход? — спросила Эолин.

— Другой? — Ессения выглядела так, словно ее только что попросили разгадать неразрешимую тайну.

— Да. Другой способ для меня попасть на аудиенцию короля. Путь слуг, наверное.

— Нехорошо, если вы войдете как слуга.

— Но я не могу... — Эолин прикусила губу. Она не знала, кто ждет с Королем, но если она войдет вот так, все точно узнают, откуда она пришла. — Королева с ним?

— Нет, Мага Эолин, — Ессения изогнула бровь в дружеском, заговорщическом выражении. — Королеве нездоровится.

«Конечно, — Эолин вспомнила. — Выкидыш».

Потребность навестить Тэсару, позаботиться о ней и утешить ее в трауре захлестнула сердце Эолин, хотя она знала, что это невозможно. Не сейчас. Глубоко вдохнув и расправив плечи, Эолин двинулась по коридору.

Ее появление в зале совета прервало все разговоры.

Вокруг длинного стола, занимавшего центр комнаты, собралось более дюжины мужчин: дворяне в элегантно вышитых камзолах, рыцари в доспехах и Высшие Маги в развевающихся мантиях цвета лесной зелени.

Эолин узнала нескольких старых приверженцев Церемонда, среди которых был добрый

старый Цетобар, длиннолицый лорд Херенсен и друг Кори, верховный маг Телин. Эти же люди отправили маг и всех их союзников на погребение. Они заставили Дуайен Гемену скрыться, заключили в тюрьму Бриану из Восточной Селен и стерли столетия гордой истории. Они пытали мать Эолин, приговорили ее к смерти и смотрели, как она горит. Теперь все законы, которые когда-то запрещали женскую магию, были отменены, но эти мужчины стояли здесь, обладая той же властью, что и всегда, и наблюдая за ней.

«Ждут ошибку маги».

— Мага Эолин, — Акмаэль, стоявший во главе стола, заметил ее присутствие.

Эолин сделала глубокий реверанс.

— Простите меня, мой Король, за то, что прервала аудиенцию.

— Ты не помешала. Нам всем очень не терпится узнать больше о твоих испытаниях в Моэне, — Акмаэль протянул к ней руку. Его лицо ничего не выражало, как обычно, когда он встречался со своими людьми, но Эолин видела, что ее внешний вид ему нравится. — Проходи.

Она приблизилась, занимая пространство, созданное подвинувшимися телами.

— Верховный маг Цетобар, — она кивнула розовощекому магу, сидевшему напротив, у которого даже в самые серьезные моменты сохранялась добрая искра в голубых глазах. — Рада снова вас видеть.

— Уверяю вас, Мага Эолин, мы искренне разделяем ваши чувства, — сказал он.

— Взаимно, верховный маг Телин. Лорд Херенсен, — Эолин встречалась глазами с каждым мужчиной по очереди, приветствуя всех собравшихся, извиняясь перед теми, чьи имена она не помнила, и отмечая появившиеся новые лица.

— Это лорд Пенамор, — Король вмешался, когда она подошла к мужчине на дальнем конце стола. — Новый посол из Рёнфина и дядя королевы.

Эолин надеялась, что выражение ее лица не выдаст учащенного сердцебиения. Пенамор был высоким мужчиной с жесткими плечами, вытянутым лицом и пронизательными глазами. На нем был грифельно-серый плащ, а на его камзоле был герб и цвета его короля — ножны из серебряной пшеницы на зеленом фоне.

Она кивнула.

— Рада встрече, лорд Пенамор. Добро пожаловать в Мойсехен. Сожалею, что нам приходится принимать вас при таких тяжелых обстоятельствах.

— Как и я, — ответил он, бросив холодный немигающий взгляд.

— Мага Эолин, — Акмаэль вытащил большую карту южных провинций и разложил ее перед ней. — Мы получили известие от сэра Дростана, который получил информацию о силах вторжения от беженца, встреченного по дороге в Эрунден. Он намерен задержать армию у перевала, пока мы не прибудем.

— Вы встретитесь с ними в Эрундене? — спросила она.

— Мы пойдем на рассвете.

Эолин нахмурилась и изучала карту, обеспокоенная этой новостью по причинам, которые она не могла понять. Мужчины возобновили разговор. Их разговоры об оружии, припасах и наемниках текли позади ее мыслей, как журчание ручья, пока опасность, которую она чувствовала, не развернулась в ее сознании, как темная роза.

— Возможно, это неразумно, — сказала она.

Все смотрели на нее так, словно уже забыли, что она здесь. Эолин прикусила губу, не зная, стоило ли ей вообще говорить. Она оглядела стол, пока ее глаза не встретились с

глазами Акмаэля.

— Пожалуйста, Мага Эолин, — сказал он. — Говори.

Она судорожно вдохнула.

— Мой Король, прошло всего три года с тех пор, как вы встретили войска Эрнана в долине Эрунден. В тот день погибло много людей; завеса между миром живых и миром мертвых еще тонка. Если Сырнте намереваются призвать демонов Наэтер на поле боя, то эта долина может стать для них идеальным местом для этого.

Многие шуршали ногами и покашливали, бросая взгляды сомнения, любопытства и презрения.

— Осмелюсь сказать, что Мага Эолин права, — сказал Телин, приподняв темные брови.

— Да, — согласился воин-маг по имени Галисон, светловолосый мужчина с широким лицом. — Но в данный момент мы не можем надеяться встретить Сырнте в Моэне. Не без больших потерь. Значит, они должны войти в долину Эрунден. И когда они это сделают, они призовут Демонов Наэтер и отправят их за нами, где бы мы ни находились.

Мужчины кивнули и выразили свое согласие только для того, чтобы вновь погрузиться в молчание, когда Акмаэль спросил:

— Что же ты посоветуешь, Мага Эолин?

Она запнулась под выжидающими взглядами.

— Ну, я... я не уверена, мой Король. Мы еще многого не знаем о демонах Наэтер или с силе, которую сырнте имеют над ними. Я думаю, их время в нашем мире ограничено целостностью бреши, которую они используют, чтобы войти в него, и мощью данной им магии. Поэтому, хотя сырнте могут призывать демонов Наэтер в долине Эрунден, я не верю, что они могут уйти далеко от того места, где они появились, разве что с помощью какой-то экстраординарной магии, силы, превосходящей все, что мы до сих пор видели.

— Они вполне могут обладать такой силой, — сказал Галисон.

— Я так не думаю, — ответила Эолин.

— Почему нет?

— Ну... — Эолин сделала паузу, потому что ее ответ основывался больше на инстинктах, чем на логике. — Если бы у Сырнте была такая грозная магия, им не нужно было бы призывать демонов Наэтер. Они могли бы просто раздавить нас и покончить с этим.

— Мага Эолин, — теперь Лин обратился к ней, его длинные пальцы сжимали посох из полированного вишневого дерева. — Насколько я понимаю, за вами был послан маг Кори. Почему его нет здесь?

— Это устройство, — она коснулась серебряной паутины на своем горле, — может одновременно перенести только одного практикующего. Маг Кори настоял, чтобы я использовала его, чтобы вернуться к королю.

— Где вы его оставили?

— К югу от перевала Эрунден.

— Тогда он может улететь, — заключил Телин. — Перейти через горы в Селкинсен и послезавтра быть в Римсавене.

— К сожалению, у него иной план, — ответила Эолин. — Кори намерен помочь сэру Бортену присмотреть за моей ученицей Мариэль. Если возможно, они вместе найдут выход из Моэна, а если нет, то помогут Мариэль остаться целой.

— Он нам нужен, — Телин повернулся к королю. — Нет никого, кто знает о магии Сырнте больше, чем он.

— Если и есть кто-то, кто может сбежать из оккупированной провинции, так это маг Кори, — сухо сказал лорд Херенсен. — Выживание — величайший талант этого человека.

— Но успеет ли он сбежать, чтобы помочь нам?

— Маг Кори понимает серьезность угрозы, с которой мы сталкиваемся, — сказал Акмаэль. — Если он послал вместо себя Магу Эолин, то был уверен, что она будет столь же ценна для наших усилий, как и он, если не больше.

— Маг Кори попросил вас отвести меня в покои Церемонда, маг Телин, — сказала Эолин, — чтобы мы могли расшифровать заклинание, ведущее к библиотеке. Кори убежден, что у Церемонда есть записи, которые могут помочь нам победить демонов Наэтера.

— Мы годами пытались открыть эту библиотеку, — сказал один из других Высших Магов, сутулый старик с редющей бородой и хриплым голосом. — Это невозможно. Мастер не хотел, чтобы кто-нибудь входил ни до, ни после его смерти.

— Любые чары можно снять, — возразила Эолин, — даже наложенные мастером Церемондом.

Заявление было встречено мрачными лицами, головы отрицательно качались.

— Мы должны попытаться, — настаивала она. — Это может быть нашей единственной надеждой.

Их ропот возражений продолжался, но Акмаэль оборвал их:

— Высший маг Телин, вы сопроводите Магу Эолин и поможете ей с этой задачей. Все, что вы обнаружите, что может нам помочь, должно быть немедленно сообщено мне.

— Как пожелаете, мой Король, — Телин поклонился. Эолин показалось, что она уловила его подмигивание.

— Мага Эолин, — продолжил Акмаэль, — ты поделилась очень полезной информацией и идеями, но тебе еще предстоит ответить на мой вопрос.

— Мой Король?

— Что ты посоветуешь относительно долины Эрунден?

И снова Эолин нахмурилась, проанализировала свои мысли и привела их в порядок.

— Я бы послала магов сразу, как можно больше, чтобы они начали заделывать бреши, оставшиеся в долине. Этого не хватит, конечно. Как вы хорошо знаете, времени мало; закрытие всех этих дверей требует посадки новой жизни, ее роста и процветания. Но есть береги, которые могут временно преградить путь. По крайней мере, мы можем усложнить им задачу.

— А если ты ошибаешься, Мага Эолин? — сказал сэр Галисон. — А если сырнте смогу выступить из Эрундена с армией наэтерских демонов? Что тогда?

Херенсен выступил вперед и сказал:

— Возможно, есть способ измотать Сырнте, выгнать их из долины до того, как они разобьют лагерь, чтобы у них не было возможности творить там свою магию.

— Напугать их или заманить вперед, — Акмаэль сцепил руки за спиной, сосредоточенно нахмурившись. — Уступить еще один дюйм земли после того, как они взяли Моэн и перевал Эрунден, кажется в лучшем случае безрассудством, и все же, если мы хотим быть честными с собой, мы должны учитывать тот факт, что информация, которую мы имеем об их армии, ненадежна, только рассказ раненого и испуганного мальчика. Позволив сырнте идти на север, к Римсавену, мы дадим нашим разведчикам возможность лучше оценить их численность, как людей, так и демонов.

— Мой король, — возразил Галисон, — я призываю вас не позволять им продвигаться

дальше Эрундена.

— Я подумаю, Галисон, — Акмаэль ответил тоном, который положил конец всем обсуждениям. — Хотя я еще не принял решение. Маг Селдон?

— Мой король, — у мага, вышедшего вперед, было красное лицо с выпуклым носом и густой желтой бородой.

— Проследи, чтобы тридцать магов были отправлены сразу. Они должны как можно скорее отправиться в долину Эрунден и там приступить к работе, заделывая все бреши, которые смогут найти. Вы также должны отправить сообщение перед ними магистрату в Римсавене, чтобы он мог поручить своим магам ту же задачу.

— Как пожелаете, мой Король.

— При всем уважении, король Акмаэль, — выступил лорд Пенамор, посол из Рёнфина. — Это неприемлемо. Женщина, сидящая на военном совете? Ее совет слышали?

Акмаэль позволил вопросу повиснуть в воздухе, прежде чем ответить ровным тоном:

— Вы поступили бы правильно, лорд Пенамор, если бы не спрашивали, кто входит в мой совет.

Последовало тяжелое молчание.

— Милорд Пенамор, — примирительно вмешался верховный маг Цетобар, — это не просто женщина. Она — Высшая мага, обученная традициям Эйтны и Карадока. Единственная, оставшаяся у нашего народа. Ее знания столь же обширны, сколь и уникальны. Ее так же уважают, как и любого Высшего Мага.

— Она единственная среди нас встречалась с демонами, — добавил Телин. — И если я понял рассказ моего Короля о ее истории, она уже побеждала их. Дважды.

— То, что вы говорите, правда, — сказала Эолин, чувствуя Акмаэля и Пенамора, чьи взгляды были прикованы друг к другу, словно у оленей, готовящихся к атаке. — Хотя я бы не справилась с ними без помощи сэра Бортена и мага Кори.

— Вы должны рассказать нам, какие заклинания использовались, какие оказались наиболее эффективными.

— Конечно, маг Телин.

Напряженная тишина между Акмаэлем и Пенамором заглушила любые дальнейшие слова. Негодование захлестнуло зал совета. Кожу Эолин покалывало. Ей казалось, что молния вот-вот ударит в стол перед ней.

— Этого достаточно для одного утра, — коротко сказал Акмаэль. — У вас есть приказы.

Пенамор ушел первым, полный гнева. Остальные ушли по двое и трое, тихо переговариваясь, одни с большей поспешностью, чем другие.

Телин направился к Эолин, обходя большой стол и проскальзывая мимо движущихся тел. Красивый мужчина, всегда тщательно ухоженный, он ничуть не постарел с тех пор, как Эолин видела его в последний раз. Его посох из вишневого дерева был украшен головкой из андрадита.

— Мага Эолин, — он поклонился, подойдя к ней. — Ты, должно быть, очень беспокоишься о своей подопечной, юной Гемене.

Гемена. Эолин поднесла руку ко лбу и молча упрекнула себя. По правде говоря, она не думала о своей ученице все утро. Таково было заклинание Короля-Мага; даже ее остроумие осталось в его постели.

— Да, конечно, маг Телин. Где она?

— Она доверена мне. Если бы я знал, что ты вернулась к нам, я бы взял ее с собой сегодня утром. А так она изучает магию под руководством мага Веродена вместе с другими детьми ее возраста.

— Другие девочки, изучающие магию? Здесь, в Городе?

— Нет, не девочки. Здесь нет девочек, изучающих магию. Вернее, их не было до вчерашнего дня.

— Это в высшей степени ненормально, — с сомнением сказала Эолин, — иметь девочку, обучающуюся среди магов.

— Возможно, — ответил Телин. — Или, возможно, первая ошибка наших предшественников заключалась в том, чтобы отделить мальчиков от девочек.

— Верховный маг Телин, — суровый приказ Акмаэля прервал их разговор. — Ты тоже можешь идти.

— Конечно, мой Король, — он почтительно поклонился и сказал Эолин. — Я воспользуюсь этой короткой передышкой, чтобы привести Гемену в замок. Она будет рада узнать, что ты в безопасности и здорова.

— Спасибо, маг Телин. Я очень благодарна.

Он кивнул и ушел.

— Все вы тоже, — сказал Акмаэль своим слугам, — оставьте нас.

Они исчезли без единого слова и звука, закрыв за собой тяжелые двери.

Эолин повернулась к Акмаэлю:

— Мой Король, кое-что очень важное...

Он сократил расстояние между ними и прервал ее слова поцелуем, горячим, ненасытным. Когда она стала задыхаться, его губы отпустили ее, только чтобы без передышки скользнуть по ее шее.

— Любовь моя, — пробормотала она, обвивая его руками, охваченная внезапным экстазом от его прикосновения.

Эолин запустила пальцы в волосы Акмаэля. Он поднял ее на стол, отодвинув ее юбки, пока не нашел то, что искал. Его толчки были требовательными и глубокими, с оттенком гнева; она с силой вцепилась в него, заглушая крики удовольствия на его плече, голова кружилась от его ненасытного желания, пока не услышала его стон и не почувствовала, как его освобождение содрогается в ней.

— Любовь моя, — пробормотала она, осыпая его шею поцелуями.

Они оставались переплетенными, их дыхание звучало в такт угасающему пульсу его жара. Лоб Акмаэля был влажным, а платье Эолин вдруг стало душным.

Его пальцы погрузились в ее волосы. Мягко он оттянул ее голову, чтобы обнажить изгиб ее горла, снова лаская его губами. Расстегнув ее лиф, он наклонился, чтобы попробовать соленую росу, собравшуюся между ее грудями.

«Как я нашла в себе силы уйти от этого?».

— Во имя богов, ты великолепна, — прошептал он.

Он осторожно отошел, наблюдая за ней, пока она поправляла юбки и приглаживала волосы.

— Нет, — сказал он, когда она начала затягивать шнурки корсажа. — Оставь это как есть, пока.

Румянец выступил на ее щеках. Эолин кивнула, и Акмаэль помог ей подняться на ноги.

— Ты разозлил лорда Пенамора, — сказала она.

— Он разозлил меня. Не его дело указывать мне, как управлять моим советом.

— Его расстроило не управление советом. Меня не должно быть здесь, Акмаэль. Не так. Когда королева узнает об этом, она наверняка...

— Королева — не твоя забота, — он провел пальцами по изгибу ее шеи, позволил пальцам опуститься на ложбинку между ее грудями, где покоилась серебряная паутина. — Я не могу больше быть без тебя. Останься со мной сейчас. Обещай, что больше никогда не уйдешь.

Слова подвели ее. Эолин кивнула, хотя ее сердце оставалось неуверенным, и позволила ему обнять ее.

— Акмаэль, — сказала она, — окна, которые Неэтерские Демоны используют, чтобы найти наш мир, мы носим с собой, ты и я, куда бы мы ни пошли. Наше путешествие в Подземный мир сделало нас уязвимыми. Они могут найти каждого из нас напрямую, если у них достаточно магии, чтобы пересечь барьер.

Он отстранился и всмотрелся в ее лицо.

— Ты в этом уверена?

— Маг Кори увидел след в моей ауре после их последней атаки.

— Тогда мы должны создать оберег, способный запечатать брешь, сотканную в живой душе, — его тон был задумчивым, обеспокоенным. — Возможно, такие секреты можно найти и в библиотеке Церемонда.

— Это моя надежда, хотя ты не дал мне много времени, если мы собираемся идти на рассвете.

Он нахмурился, а затем коротко рассмеялся.

— Любовь моя, завтра мы не поедем на юг. Я иду на юг со своими людьми. Ты останешься здесь, в безопасности этой крепости.

Она колебалась, обремененная смутным предчувствием.

— Мы должны оставаться вместе, Акмаэль.

— Наша любовь выдержала большие разногласия и более жестокие конфликты, чем этот.

— Я не говорю о нашей любви! Мойсехен не сталкивался с такой угрозой на протяжении поколений. Все мои инстинкты подсказывали мне, что мы не победим сырнте или их Наэтерских Демонов, если мы будем не на одной стороне. Вот почему я пришла к тебе, чтобы доставить меч Эрнана. Ты не можешь противостоять этому врагу в одиночку. Я тебе не позволю.

— Вряд ли я буду один.

— Акмаэль, пожалуйста...

— Эолин, ты всегда была бы со мной, если бы это было возможно. Но однажды я испытал страх потерять тебя в бою. Я больше не буду терпеть эту пытку.

— Ты меня не слушаешь.

— Слушаю, но я не буду рисковать твоей жизнью против этого врага.

— Моя жизнь ничего не значит по сравнению с будущим этого королевства!

Акмаэль резко вдохнул, отвел взгляд и покачал головой.

— Эолин, — когда он повернулся к ней, на его лице было восхищение, но и решимость. Он взял ее лицо в свои руки и нежно поцеловал в губы. — Если при изучении коллекции Церемонда ты обнаружишь учения, подтверждающие идею о том, что демонов Наэтер нельзя победить, кроме как с помощью союза нашей магии, тогда немедленно отправь моих

посланников. Если я найду доказательства убедительными, я немедленно пошлю за тобой. В этом даю слово.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пепел

Слуги вытащили Адиану из постели Мехнеса в предрассветные часы. Через голову было натянуто грубое платье, на плечи накинута поношенная накидка.

Слабая, с болью в мышцах от истощения и неправильного использования, она поддалась, и ее вывели из павильона Мехнеса. Пухлая надзирательница с кислым лицом приказала ей подождать рядом с парой мулов.

Животные глядели на Адиану, отрывая полные пасти сена от грязных тюков и смахивая мух беспокойными хвостами.

Как всегда, ее сопровождала охрана; на этот раз двое, их взгляды были похотливее, чем когда-либо. Адиана начала задаваться вопросом, была ли она обещанной им утренней едой.

Она поежилась, укутала плащом плечи, но безрезультатно. Ее охлаждал не ветер; это была ледяная пустота, поглотившая ее сердце и душу.

Лагерь растворялся в нарастающей какофонии активности. Под крики людей и стук инструментов разбирали палатки. Лошади ржали и топали. Суетливые слуги вынесли из шатра Мехнеса его обстановку, вытащили из грязи колья и бросили на землю ярко раскрашенный холст.

Адиана не могла видеть Лорда Сырнте, но слышала его голос, властный и нетерпеливый, когда он вел всю армию к единому ритму, зловещему реквиему по ее народу.

Наконец, он появился в шагах двадцати от себя в окружении офицеров, с которыми вел оживленную беседу.

Все внутри Адианы сжалось от чего-то, похожего на потребность, но в чем она предпочла распознать страх.

Его грудь закрывала полированная нагрудная пластина. С его широких плеч свисал бордовый с золотом плащ. На сгибе руки он нес шлем; другая рука покоилась на рукояти меча. Его темный лоб был нахмурен, челюсть — мрачно сжата. Каждое произнесенное им слово было резким и быстрым. Мужчины кивнули и попрощались, в то время как другие вышли вперед с внимательным выражением лица.

Никто не спорил с его волей.

Ритм приказов Мехнеса прекратился, когда Сан'иломан въехала в их гущу. Все ответили глубокими и продолжительными поклонами, кроме принца Мехнеса, который остался стоять и встретил Ришону с вызовом во взгляде.

Сан'иломан сидела на каштановой кобыле, подняв подбородок и закрыв лицо сверкающей вуалью. Она носила нагрудник и плащ. Ее юбка лежала на лошади полосой полированного золота. На ее поясе висел украшенный драгоценными камнями скимитар.

Несколько мгновений Королева и Генерал молча смотрели друг на друга.

Затем Ришона протянула руку Мехнесу.

Он шагнул вперед и коснулся ее пальцев в перчатке своими губами.

Они обменялись тихими словами. Мехнес кивнул и подозвал свою лошадь.

Сердце Адианы забилося в панике, хотя она не понимала почему, пока не услышала сухое хихиканье охранника позади нее. Он подошел ближе и грубо схватил ее, игнорируя рычащие возражения своего спутника.

— Ты хорошенькая шлюха, раз попалась на глаза генералу, — сказал мужчина. Она

съёжилась от запаха пота и грязи на его одежде. Его дыхание пахло вчерашним элем. — Но теперь ты будешь одна, не так ли?

Она не могла и подумать, что ответить, прежде чем его оттащили. Теплые брызги крови омыли щеку Адианы. Нападавший упал на землю, зажимая малиновую реку, текущую из его горла.

Его напарник смотрел бесстрастным взглядом, с гримасой на обветренном лице, пока чистил нож. Затем убийца перевел взгляд на Адиану, непристойное приглашение в его зияющей ухмылке. Улыбка сошла с его лица, и он упал на колени.

— Принц Мехнес, — сказал он, опустив глаза.

Адиана обернулась.

Генерал Сырнте изучал сцену с прищуренными глазами и грозным выражением лица.

— Простите меня, — продолжал страж, — я не подумал...

Мужчина перевел взгляд с Мехнеса на Адиану. Его спутник забился в конвульсиях и замер. Покорность наполнила его черты, и он решительно устался в землю.

— Помилуйте, — сказал он хрипло.

Адиана могла видеть, как в глазах Мехнеса его ценность угасла.

— Слишком рано терять людей, — пробормотал принц Сырнте, но, тем не менее, обнажил меч.

— Принц Мехнес, пожалуйста! — Адиана схватила его за руку, но тут же отпустила из-за его гневного взгляда. Ее руки горели там, где она коснулась его, но все остальное тело было холодным, как зимняя ночь.

Она отвернулась и отвела взгляд. Когда она, наконец, обрела голос, он превратился в бормотание:

— Из-за меня пролито слишком много крови. Пожалуйста, пусть этот человек будет жить. Он не поднял на меня руку.

Адиана закрыла глаза, остро осознавая позицию Мехнеса, то, как он смаковал эту власть над жизнью и смертью. Прошло несколько мгновений, пока она готовилась к тошнотворному звуку металла, открывающего плоть. Брезент трепетал, ящики с грохотом падали на телеги, солдаты хрюкали, а офицеры протяжно кричали, требуя порядка.

После всех этих дней в воздухе все еще пахло огнем и горелым деревом, триумфом и поражением, весельем, страданием и кровью.

Больше всего кровью.

Всегда кровь. Вечная кровь. Горячие алые реки хлынули на землю, высыхая и превращаясь в пятна горькой охры, пронизывавшие душу, источая едкий пар, который наполнял лагерь и вызывал у Адианы тошноту.

— Пожалуйста, — она схватилась за живот, борясь с приступом желчи в горле. — Позволь ему быть. Или покончи с этим сейчас.

Мехнес ничего не сказал.

Затем он вложил свой меч в ножны.

Звук обрушился на Адиану, как ветерок из Южного леса, свежий и неожиданный.

— Уйди с глаз моих, — сказал Мехнес охраннику. — Не разочаровывай меня снова.

Мужчина убежал.

Принц Мехнес достал чистую тряпку и начал вытирать кровь с лица Адианы, его прикосновение было грубым, но не жестоким. Его глаза встречались с ее в мимолетные моменты, пока он работал. Закончив, он отошел.

— Тебе нужен отдых, — сказал он. — Сегодня этого будет достаточно.

Адиана молча наблюдала за ним. Звуки лагеря отошли на второй план; солдаты и выючные животные расплылись. Лицо Мехнеса стало еще ярче, темные волосы смягчились седыми прядями, лицо было отмечено шрамами его многочисленных сражений, каменно-голубые глаза не знали ни любви, ни сострадания.

Он разрушил ее жизнь, изнасиловал ее дух и выпотрошил ее душу. От Адияны не должно было остаться ничего, и все же она стояла перед ним, ее взгляд был пристальным и непоколебимым.

Впервые за несколько дней Адиана не чувствовала страха.

Может, и в самом деле она уже совсем ничего не чувствовала.

Проницательная улыбка скривила губы Мехнеса. Он шагнул вперед и коснулся ее подбородка.

— Ты доставила мне удовольствие, Адиана из Селкинсена. Ты не останешься позади.

С этими словами он ушел, отдав несколько коротких приказов, и Адиана осталась в компании новой группы охранников. Один из них предложил ей присесть, а матрона с кислым лицом принесла миску тепловатой каши и чашу разбавленного вина.

Адиана потеряла из виду Мехнеса, хотя могла видеть, как его люди расходятся и двигаются, когда принц Сырнте приближался к своему скакуну.

Сан'иломан ждала на своей кобыле, неподвижной, как цапля у кромки воды. Хотя мерцающая вуаль скрывала лицо Ришоны, Адиана почувствовала взгляд королевы, острый, как ее обсидиановый клинок.

Мехнес взобрался на коня, обнажил меч и отсалютовал Ришоне. Крики верности и победы прогремели по лагерю. Флаги развевались высоко на утреннем ветру; лошади нетерпеливо гарцевали под звон металла и звяканье кольчуги. Когда королевская гвардия выстроилась вокруг королевы и ее генерала, облака в небе вспыхнули яркими красками бодрствующего солнца.

Марш на Мойсехен начался.

«Мага не должна грустить, когда восходит солнце, — однажды сказала Эолин. — Мага празднует рассвет и разделяет его радость».

Но Адиана никогда не была магой, и теперь она никогда ею не станет. Судьба превратила ее в никчемную женщину, шлюху злодея.

Адиану погрузили на телегу с остатками еды и снаряжения. Колонна змеилась впереди них, хотя половина лагеря, казалось, еще не начала свой марш. Телега скрипела и качалась, когда волы вытаскивали ее на дорогу.

Позади них появился Моэн, обугленные стены были увешаны яркими цветами Сырнте. Голые по пояс люди трудились, чтобы восстановить город, снося то, что было слишком слабо, чтобы восстановить, возводя барьеры из тяжелого камня за рядами заостренных кольев. Над ними солдаты стояли на кучах щебня и смотрели, как их товарищи идут своим чередом. Колонна начала свое неумолимое продвижение на север и запад.

Каждая впадина на дороге сотрясала Адиану. Холст, на котором она сидела, был комковатым; предметы под ним — твердыми и неподатливыми. Тем не менее, неудобство не отвратило сильную усталость, которая давила на нее. Она закрыла глаза, отдалась сну и не просыпалась до тех пор, пока не услышала счастливый смех девушки и мелодичные голоса, топот их ног по земле, когда они бежали к ней.

Госпожа Адиана!

Адиана вскочила на ноги, схватившись рукой за край тележки, сердце бешено колотилось в груди. Тревожными глазами она обшаривала вереницу повозок и мулов, слуг и рабов, которые шли среди них, всадников, окружавших их.

— Таша? — позвала она. — Катарина?

Никто не ответил.

Пухлая надзирательница, ехавшая во главе телеги, мрачно оглянулась.

Пара волов неподалёку объявила долгим протестующим мычанием, что они решили не продолжать. Погонщик кричал и хлестал их по бокам гибким прутом, пока, наконец, запряженные животные не заревели и неохотно рванулись вперед, а телега стонала позади них.

Адиана заправила растрепанные волосы за уши и натянула на голову капюшон плаща, чтобы спрятаться от безжалостного солнца, от стражников, наблюдавших за ней змеиными глазами.

— Простите меня, — пробормотала она.

Девочки не ответили. Даже Рената больше не шептала в ее голове. И Адиана не ожидала услышать их, почувствовать их присутствие не как затяжное мучение, когда-либо снова.

Она отдалась их убийце, погружаясь в забвение, как пьяница в вино, не думая и не заботясь о тех, кого любит, уверенная, что рассвет сотрет все воспоминания, а утренний свет пробился сквозь бесцветное небо, и она оказалась наедине с его болью.

Руки Адианы онемели, несмотря на теплый летний день. Кости болели, как в лихорадке. Она попыталась лечь на комковатый холст, но в тот момент, когда она закрыла глаза, Мехнес был на ней, безжалостные руки выжимали удовольствие из ее тела, впивая нектар ее женственности, будто она была созревшей сливой, раздавленной в его руках.

Содрогаясь, Адиана села, поджала колени к груди и устала на грунтовую дорогу, катившуюся под телегой, как пыльная река, длинные беспорядочные впадины, разбитые остроугольными камнями, всегда разные, но всегда повторяющиеся. Ритм успокаивал ее, убаюкивал, пока она не потеряла всякие мысли и почти не убедила себя, что нашла убежище в бесформенном мире.

Солнце было высоко, когда караван остановился. Всадники соскальзывали с лошадей и телег. Те, кто шел пешком, немного отошли от дороги, некоторые нашли места, где можно было присесть. Фляги с вином и водой откупоривались, а еда доставалась из потайных мест.

Один из стражей предложил Адиане воду, которую она приняла с настороженной благодарностью. Матрона дала ей яблоко, хмурясь, будто она приносила в жертву еду, достойную короля.

Адиана тоже соскользнула с тележки. Земля закачалась под ней, прежде чем стать твердой и устойчивой.

«Земля — источник силы маги, говорила Эолин, — источник всего ее мужества».

Адиана прошла несколько шагов и остановилась. Оглядевшись, она увидела, что стражи последовали за ней. Они смотрели, прикрыв глаза, настороженно, но как-то отстраненно. Они не сделали ни замечаний, ни упреков, поэтому она повернулась и продолжила, чувствуя их тяжелые шаги, пока брела по траве у дороги.

Ландшафт Моэна, несмотря на все обрушившиеся на него ужасы, не изменился. Травянистые холмы раскинулись низко, казалось, поднимаясь и опускаясь едва заметно, пока тянулись на юг к далекому пятну Параменских гор.

Посевы были плотно засеяны, хотя каждое поле было захвачено, по крайней мере,

одним тощим деревом. Принц Мехнес был бы доволен, подумала она, с противоречивой смесью гордости и меланхолии, когда он увидел, насколько щедрой может быть эта земля.

Адиане пришло в голову, что она никогда больше не увидит провинцию Моэн; что куда бы ни вела эта война, она не вернет ее сюда.

Не то, чтобы было к чему возвращаться, кроме печали и утраты, горьких воспоминаний о радости и дружбе, которые она когда-то знала, о людях, которых она предала.

Она сняла туфли, уперлась ступнями в мягкие зеленые стебли и потыкала пальцами ног в травы, пока одна из них не уколола ее в ответ.

С резким вздохом Адиана опустилась на колени. Она узнала розетку и вытащила ее вместе с корнями из земли.

Цветок был темно-бордового цвета с золотым пятнышком в сердцевине, лилово-зеленые колючие листья, корни цвета слоновой кости, окрашенные кровью.

Адиана тяжело сглотнула, баюкая растение в руках, будто это был драгоценный камень, чувствуя, что Боги наконец-то улыбнулись ей.

«У меня может не хватить сил, чтобы избежать постели Мехнеса, но это я могу сделать. Я могу отвергнуть его семя. Эолин научила меня этому».

— Что это?

Голос мужчины напугал Адиану. Она вскочила на ноги, прижимая растение к груди, несмотря на то, что листья жгли ей пальцы.

Музыкант Калил разглядывал ее темными глазами, обрамленными тяжелыми ресницами, и его пухлые губы были сжаты.

Позади него стояла всегда бдительная охрана.

Адиана опустила взгляд.

— Это трава, которую моя мать когда-то использовала для чая. Я подумала, что, возможно, это поможет мне спать по ночам. В последнее время я плохо сплю.

Калил стиснул зубы и протянул руку.

— Могу я взглянуть на это?

Адиана колебалась. У нее не было возможности понять, узнает ли он лекарство. Если и была то, что мужчины считали невыносимым, так это мысль о том, что женщина по своей воле отвергает их семя. Тем не менее, если она будет держать растение подальше от него, это только вызовет подозрения.

С неохотой она передала его, надеясь, что то, что сказала Ришона во время ее пребывания в Круге, было правдой, что травы Мойсехена отличались от тех, которые использовали сырнте.

Калил взял растение за корень и медленно покрутил в руках. Он осторожно отломил кончик одного из листьев, раздавил его, понюхал, а затем коснулся языком. С гримасой он сплюнул.

— Это очень горько.

— Да, — Адиана запнулась. — Настой смягчает вкус, его смешивают с другими травами и... иногда подслащивают. Медом.

Калил медленно кивнул.

— Моя сестра любила горькие травы.

— Твоя сестра? Я не знала, что у тебя есть сестра, — за все годы, что они играли музыку для Мага Кори, Калил ни разу не упомянул о своей семье.

— Она умерла, — его глаза встретились с ее. — Она и мужчина, которого она любила.

— Прости, — сказала Адияна. — Мне очень жаль.

Он выдохнул, словно отгоняя воспоминание.

— Это случилось очень давно.

Тем не менее, он не вернул растение. Адияна посмотрела на землю под ними, тайком ища другую, хотя надежды найти ее было мало.

«Бладсворт — одинокая трава, — говорила Эолин. — Она скрывается от многих глаз, в том числе и от наших».

— Я говорил с принцем Мехнесом, — Калил снова сосредоточился на ней. — Он разрешил тебе сидеть с нами, когда мы репетируем. То есть, если на то будет твоя воля.

Адиане не понравился звук ее смеха. Это был высокий и прерывистый смех сумасшедшей.

— Что он сказал? Если на то будет моя воля?

— Нет, — хмурое выражение на лице Калила усилилось. В его глазах было сочувствие, и она презирала его за это.

«Как будто он мог понять. Как будто кто-то мог понять».

— Нет. Я так говорю: если будет на то твоя воля, Адияна. Для нас будет честью, если ты сядешь с нами.

Она отвернулась, чтобы он не увидел, как она вытирает жжение с глаз.

— Я больше не могу заниматься музыкой. Здесь не место для музыки. В моей душе не осталось мелодии.

Долгое время Калил молчал. Затем он подошел ближе и сказал тихим голосом:

— Все мы живем по милости богов и королей. Но пока у нас есть музыка, у нас есть свобода. Они не могут коснуться нас внутри наших песен. Ты знала это когда-то. Ты должна вспомнить это сейчас.

Ее горло болезненно сжалось.

Он протянул ей увядшее растение.

— Пообещай мне, что это не убьет тебя.

— Убьет меня? — она удивленно взглянула на него. — Нет, это не убьет меня. Ну, может, убьет, если я приму достаточно. Но я слишком труслива, чтобы убить себя.

— Труслива? — он сдвинул брови, будто это было последнее слово, которое могло прийти ему на ум. — Ты сказала, что его смешивают с другими травами. Что еще ты используешь?

— Анжелика. Мать-и-мачеха. Болиголов. Но это самое главное.

— Тогда я найду для тебя еще этих растений, — когда она не ответила, он добавил с неуверенностью в голосе. — Послать за тобой, когда мы будем репетировать?

Адияна пожала плечами и отвернулась. Взгляд ее устремился на юго-восток, туда, где когда-то стоял Экелар Эолин, где все ее инструменты сгорели в огне, а их прах развеяли жестокие и нераскаявшиеся боги.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гнев Пенамора

Дядя Тэсары ворвался без предупреждения, расшвыривая слуг и дам, как лиса среди цыплят.

— Убирайтесь! Вы все.

Слуги королевы ушли с испуганными лицами и протестующим бормотанием. Рядом с ней осталась только Соня, сжимающая руку Тэсары когтистой хваткой маленькой птички.

— Более смелой блудницы я никогда не видел! — пророкотал лорд Пенамор, тяжело ступая по каменному полу, расхаживая перед ними.

Тэсара поерзала на подушках, но от непрекращающейся судороги в нижней части спины избавиться не удалось. Она заставила себя успокоиться.

— Значит, это правда. Этим утром Соня слышала шепот слуг. Говорят, ведьма появилась прошлой ночью и оставалась с ним до рассвета.

— Эти ее глаза, как тлеющие угли полуночной похоти, — слова Пенамора источали яд, но его взгляд, казалось, был захвачен запретной мыслью. — Она отвлекает каждого мужчину своим присутствием, но король позволяет ей стоять среди нас как равной, как члену своего совета, будто она что-то знает о войне.

— Давно говорят, что он ею очень увлечен.

— Увлечен, — Пенамор фыркнул. — Околдован, скорее. Эта женщина должна была сгореть вместе с остальными магами.

— Она не мага, — прошептала леди Соня. — Она обычная ведьма.

— Ведьма. Мага. Волшебница. Блудница, — Пенамор выплевывал каждое слово. — Они все одинаковы.

— Настоящая мага не стала бы соблазнять короля, — сказала Соня.

Лицо Пенамора исказила хмурая гримаса. Он ткнул пальцем в сторону Сони, обращаясь к Тэсаре.

— Почему эта женщина осталась, когда всем было приказано уйти?

— Потому что я велела ей остаться, дядя, — сказала Тэсара. — Соня изучала маг, как тебе хорошо известно. Я подумала, что ее знания могут быть полезны нам обоим при данных обстоятельствах.

Пенамор пронзил фрейлину тяжелым взглядом.

— У тебя есть проклятие, которое мы можем использовать, чтобы избавиться от этой ведьмы?

Соня поджала губы.

— Ну? — подсказал Пенамор.

— Я не претендую на знание их заклинаний и зелий. То, что я предлагаю, — это некоторое понимание их истории и учений.

Посол посмотрел на нее с презрением.

— Король-маг создает бастарда с этой шлюхой прямо сейчас, а ты преподаешь нам урок истории.

— Дядя!

— Я говорю только то, что нужно сказать, Тэсара. Что ты сделала за эти годы со всей своей красотой, со всей своей грацией? После многих жертв, которые принес твой отец, чтобы сохранить этот брак, тебе больше нечего показать, кроме этого? Тощая девушка, мертвый принц и шлюха в постели твоего мужа.

— Я не потерплю этих оскорблений! — гнев закипал в венах Тэсары. — Наша семья сошла с ума, думая, что я смогу умилостить Короля-Мага. Ты научил меня вышиванию и верховой езде. Благотворительность и стильное платье. Песни и умные диалоги, скромные танцы и тихое послушание. Ты сказал, что это были инструменты, которые завоюют любовь короля. Но этот король меня не любит. Он любит только ту женщину, которая приносит ему две вещи, которые он больше всего желает: магию и войну.

— Самое большое желание короля — это сын, — прорычал Пенамор. — Дай ему это, и

он полюбит тебя.

Сердце Тэсары болезненно сжалось.

— Слишком поздно. С самого начала не было никакой надежды.

— Будь ты проклята, Тэсара! — Пенамор ударил кулаком в стену. — Я не буду слушать эту чепуху. Ты найдешь способ вернуться к благосклонности Короля-Мага и родишь ему принца.

Тэсара нахмурилась и отвернулась. Еще не вытекла из ее чрева последняя кровь сына, а уже требовали, чтобы она зачала еще одного.

«Какая это горькая обязанность».

Страдать под тяжестью Короля-Мага, страстно желая нежности, которая, как она знала, никогда не придет, подавляя крики боли, чтобы не рассердить его. И тишина, наполнившая ее покои после его ухода: темная и непроницаемая, как его сердце, утешающая только своей способностью скрывать ее слезы.

— Милорд Пенамор, — тихо заявила Соня, — моя королева уже понесла большие потери от рук этой женщины. Если вы хоть немного любите свою племянницу, вы наверняка понимаете, что...

— Люблю свою племянницу? — Пенамор подошел к ним и встал над кроватью, совсем как король в день выкидыша у Тэсары, людоед, готовый нанести удар по малейшему поводу. — Моя любовь и мой долг связаны с моим королевством, безопасность которого зависит от способности моей племянницы угодить Королю-Магу и не дать ему создать бастарда-колдуна от этой бесстыдной ведьмы.

Тэсара долго разглядывала его, не мигая. Зимнее затишье охватило ее.

— Убирайся, — сказала она.

Глаза Пенамора расширились.

— Что?

— Оставь меня. Живо, — когда он не пошевелился, она добавила. — Или мне позвать своих охранников, чтобы они увели тебя?

Пенамор стиснул зубы, бросил на Соню змеиный взгляд и снова посмотрел на королеву.

— Я говорю только то, что ты должна услышать.

— Уйди!

Он поднял обе руки в жесте умиротворения и ушел.

Соня встала и закрыла за ним дверь. Хотя леди Соня и не была привлекательной женщиной, она знала, как себя подать. Сегодня на ней была бирюзовая мантия с отделкой цвета слоновой кости, которая оттеняла ее аккуратно собранные темные волосы. Ее осанка всегда была безупречной, исполненной спокойного достоинства.

— Было неразумно прогонять его таким образом, — сказала она.

Не упрек или дерзость, просто отражение мыслей Тэсары; то, к чему Соня проявляла дар с тех пор, как поступила на службу к Тэсаре.

Тэсара потеряла лоб, ища ясную мысль, путь сквозь эту дымку страха и отчаяния.

— Не зови пока остальных. Я хочу мгновение покоя.

— Как пожелаете, моя Королева.

Она закрыла глаза, чтобы избавиться от головокружения.

— Принести чашку чая?

— Да.

Юбки Сони шуршали, когда она ходила по комнате, ее ноги в туфлях заглушали

отголоски ярости Пенамора. Чашка, которую она принесла, согрела замерзшие руки Тэсары; ароматный напиток успокаивал и пробуждал ее чувства.

Соня смешивала травы так, что всегда освежала Тэсару, независимо от ее настроения. Пока королева пила, дама сидела рядом с ней с хмурым взглядом на курносом лице.

— Что нам делать, моя Королева?

Тэсара глубоко вдохнула.

— Мы должны найти выход отсюда, пока смерть не забрала нас всех.

— Убежать?

— И забрать с собой Элиасару.

Соня медленно покачала головой.

— Мы не можем покинуть Мойсехен без позволения и защиты лорда Пенамора.

— У меня есть горстка охранников, которые мне верны. Никто не остановит нас, если мы покинем замок. Мы могли бы найти способ уйти без лишнего шума, затем спуститься к пирсам и уплыть по реке на лодке. Мы были бы в Рёнфине раньше, чем кто-либо...

— Даже если бы мы обеспечили безопасный проход и избежали преследования людей Короля-Мага, ваш отец не принял бы нас, если бы мы ушли, как воры в ночи.

Тэсара отставила чашку. Ее желудок восстал против правды. Страх пронзил ее шею. Соня была права. Король Лианос объявит ее позором для своего дома и королевства.

— Эта ведьма забрала моего сына, — ее голос дрожал, когда она потянулась вперед и обхватила запястье Сони. — Она убьет мою дочь. С исчезновением принцессы не останется ничего, что защитит меня от холодных амбиций Короля-Мага. Я тоже умру здесь, от его или ее рук. Почему мой дядя этого не видит?

— Возможно, Пенамор разделяет ваши опасения, но не хочет их признавать. Будущее Рёнфина тяготит его сердце. Если мы оставим Короля-Мага наедине с этой госпожой, они породят больше себе подобных. Рёнфин окажется в ловушке с галийскими волшебниками на одной границе и королями-магами Мойсехена на другой. В тот день, когда они решат оспорить наши земли, наши люди будут убиты между ними.

Поражение тяжело легло на плечи Тэсары. Она снова откинулась на подушки.

— Я всего лишь женщина. Я не могу стоять на пути таких ужасных сил.

— Вы — королева.

— Королева без защиты от проклятия мага.

— Она всего лишь волшебница, — тихо поправила Соня, — и в глазах короля она, прежде всего, женщина.

Тэсара искоса взглянула на свою фрейлину.

— Что ты имеешь в виду?

— Она покорила его сердце. Когда-нибудь она его сломает.

— Скорее всего, он сломает ее.

— Она предаст его с другим мужчиной, — сказала Соня. — Это просто вопрос времени.

— Только дура станет наставлять Королю-Магу рога.

— Ведьмы — дуры. Это ясно во всех анналах.

Тэсара изучала лицо Сони, опасаясь триумфа, блестевшего в ее карих глазах.

— Ты действительно веришь, что она предаст его?

— Ходят слухи, что у нее было много других, прежде чем она попала в постель короля.

Почему это должно измениться сейчас?

Дрожь пробежала по Тэсаре при воспоминании обо всех этих историях: несчастные

юноши, побежденные в лунных полях, трубадуры, работавшие в Круге Мага Кори, повстанцы, сражавшиеся против Короля-Мага. Мужчины и женщины. Некоторые шептали, что даже маг Кори поддался ее удовольствиям.

— Слухи, — сказала она. — Они придуманы, чтобы скоротать скучные зимние ночи. Нам нужно нечто большее, чем слухи, чтобы настроить Короля-Мага против нее. Даже если все, что они говорят, правда, не имеет значения, как она вела себя до сих пор. Что будет важно королю, так это то, как она будет вести себя с этого момента.

— История порождает подозрения, — настаивала Соня. — Именно подозрения Кедехена приговорили Бриану из Восточной Селен к башне. Если мы будем умны, моя Королева, подозрения Короля-Мага осудят и Эолин.

— Он не стал бы слушать меня, какими бы неопровержимыми ни были доказательства. Сначала он осудит меня за то, что я вообще сомневалась в ней.

Соня наклонилась вперед и взяла руки Тэсары в свои.

— Не стоит недооценивать свою силу. Жители Мойсехена полюбили вас. Жители видят в вас хорошего, щедрого и сострадательного человека. Благородные семьи восхищаются вашей красотой и изяществом. Даже среди магов у вас появились друзья. Очень немногие в этом королевстве желают вернуться во времена Кедехена. Им не нужна еще одна ведьма в постели короля, тем более на троне. Многие поддержат вас, если мы выступим против нее.

— Этого было бы недостаточно. Даже ты утверждала, что никто не может превзойти ее силу, кроме самого Короля-Мага. Сколько бы у меня ни было союзников, они не могут защитить меня или мою дочь от проклятий этой женщины.

— Боги защитят вас, моя Королева, — заверила ее Соня. — Боги Грома всегда защищают истинных и праведных.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Судьба

Вечером Эолин и Акмаэль поднялись по узкой винтовой лестнице юго-восточной башни к крепостным валам. Ветерок был теплым, звезды только начали зажигаться на темнеющем небе. Факелы шипели и вспыхивали в ответ на меняющийся ветер. От их пламени поднимался дым, несущий ароматы горячей смолы и обугленного дерева.

Эолин держалась к своему королю, положив руку на сгиб его руки. Они шагали вровень друг с другом по каменной дорожке, часовые приветствовали их по пути.

Присутствие Акмаэля вызывало чувство постоянства посреди такой суматохи. Он остановился и устремил взгляд за Город к горизонту, уже потерянному в сгущающихся сумерках. Эолин подозревала, что его мысли были о Римсавене и узкой дороге, которая вела оттуда к перевалу Эрунден, где ждали сырнте.

— Покои для тебя готовятся здесь, — сказал он. — В Восточной башне.

— Тюрьма твоей матери? — слова сорвались с ее губ прежде, чем она успела обдумать их, но даже когда он на мгновение замолчал, она не чувствовала желания отказаться от них. Бриана погибла в этой башне, а мать Эолин была схвачена там и приговорена к горькой судьбе.

— Я не сажаю тебя в тюрьму, — сказал он. — Эти покои просторны и хорошо оборудованы. Защищены мощной магией. Это самое безопасное место в этой крепости, во всем королевстве. Ты ни в чем не будешь нуждаться и будешь в безопасности, пока я не вернусь.

— Ясно, — Эолин отошла и положила руки на каменный парапет. — Это очень

великодушно с твоей стороны, Акмаэль, но было бы лучше, если бы я осталась в Квартале Магов. Телин уже согласился помочь мне найти там место.

— Я этого не допущу.

Она напряглась.

— Я не могу оставаться в замке. Гемена нуждается во мне. Она была опустошена, когда узнала, что я не останусь с ней на эту ночь, и злится на меня за то, что я не вернулась сразу же в Моэн, чтобы найти Ташу и Катарину.

— Тем девочкам теперь уже не поможешь.

— Я знаю. Но Гемена этого не понимает. Сейчас не время бросать ее в компании магов и незнакомцев. Ей нужно что-то из прошлого, чтобы поддерживать ее устойчивость, и мага в качестве ее наставника, чтобы она могла направить свою магию в будущее.

— Она может остаться здесь, с тобой, в Восточной башне.

— Акмаэль, ты не можешь ожидать...

— Эолин, — он взял ее за плечи. — Завтра я покидаю эту крепость, чтобы встретиться с грозным врагом, о котором я очень мало знаю. Будущее этого королевства — нашего народа — тяготит мое сердце. Дай мне хотя бы немного покоя: позволь мне уйти, зная, что о тебе хорошо заботятся и что ты в безопасности.

Она выдерживала его взгляд мгновение, затем опустила глаза и кивнула.

— Будет так, как ты пожелаешь, Акмаэль. Я останусь в Восточной башне, и Гемена со мной.

— Спасибо. Вы будете довольны, я обещаю.

Он взял ее руки в свои.

— Твоя аура становится ярче по мере того, как тени сгущаются. Он необыкновенна по своим цветам, богатым оттенкам.

Желание захлестнуло ее. Она знала его столько лет, но страсть, которую он внушал, продолжала наполнять ее благоговением и неуверенностью. Они поцеловались, страстно обещая грядущие удовольствия.

— Мы спустимся к следующей башне и вернемся в мои покои, — сказал он, положив ее ладонь на сгиб своей руки. — Цетобар ожидает последней аудиенции перед тем, как я уйду. Эта ночь обещает быть слишком короткой.

Акмаэль остановился, чтобы снова рассмотреть ее. Он нахмурился, отчего по спине Эолин пробежал холодок.

— Что такое, Акмаэль? Что ты видишь?

— Твоя аура. Она изменилась.

— Тень? Место без света? — Эолин подавил волну паники. — Это может быть признаком того, что Демоны Наэтер приближаются.

— Я вижу не тень.

— Ты уверен?

— Эта нить слишком красива, чтобы быть вестником этих монстров, — подойдя ближе, Акмаэль провел пальцами по ее волосам, словно просеивая потоки света. — Я никогда не замечал этого раньше. Из чистейшего серебра, как отточенное лезвие только что выкованного меча, и мерцающего, как вода, отражающая солнечный свет. Она исчезает, а затем снова начинает сиять.

Стук сердца Эолин сменился ошеломленной тишиной.

Нет, не может быть. Не здесь. Не сейчас.

— Это тебя беспокоит? — спросил он, заметив перемену в ее выражении. — Почему?

Давным-давно Дуайен Гемена научил Эолин распознавать преобразующие моменты в жизни маги. Каждый оставил на ауре особую подпись: первый поцелуй, обряд Бел-Этнэ, открытие любви. Возникновение новой жизни.

— Это ребенок, — ее шепот, казалось, эхом отразился от стен замка и городских крыш. — Это наш ребенок, Акмаэль. Твой и мой, зачатый в высокогорьях Моэна.

В течение, казалось, вечности он ничего не говорил, темные глаза смотрели на нее с непроницаемым выражением. Когда он заговорил, его голос был хриплым:

— Я думал, что у маги есть способы избежать...

— Да! Я делала так. Я просто не могла... Боже, помоги мне! — она закрыла лицо руками.

«Что я сделала?»

Страна была в состоянии войны, а она была беременна. Дитя короля. Он назовут его бастардом. Поводом для большего разделения и борьбы.

— Прости меня, — сказала она.

— Простить?

— Я не хотела, чтобы это было твоим бременем.

Она сделала этот выбор в мирное время, в мире, уже настолько стертом с лица земли, что Эолин задавалась вопросом, существовал ли он когда-либо на самом деле. Ее дочери суждено было расти среди сестер Эолин в тихой провинции Моэн, с пикниками у реки, вылазками в Южный лес. Магия и дружба украсили бы ее жизнь. Насилие и война — далекая реальность, трагическая участь других.

Ее существование не привлекло бы внимание Акмаэля, и даже если бы это произошло, Эолин сказала бы...

«Что бы я сказала?»

Что отцом был Бортен, а матерью Адиана. Что новорожденная была брошена сиротой у их ворот, плакала от горя в холодную ночь. Она бы сказала...

«Акмаэль, этот ребенок, этот прекрасный ребенок, твой».

Потому что в этот момент она поняла с предельной ясностью, насколько невозможно было бы когда-либо солгать ему.

Акмаэль обнял Эолин, притягивая ее так близко, что у нее едва оставалось место для дыхания.

— Ты просишь у меня прощения, когда доставила мне величайшую из всех радостей, — сказал он.

Слезы защипали глаза. Она чувствовала, как его переполняют эмоции, и боялась, что все, что предсказывала Адиана, теперь сбудется.

«Пожалуйста, боги, пусть это будет девочка».

— Идем, — пробормотал Акмаэль, прижавшись губами к ее лбу. — Пора отдыхать.

— Мы должны сначала поговорить об этом. Это очень неожиданно, и мы не можем...

Он заставил ее замолчать нежным поцелуем.

— Не беспокойся о нашем сыне, Эолин. Его род сильный, и его судьба велика.

— У ребенка, которого я ношу в своем чреве, будут враги, если станет известен настоящий отец. Мы должны принять меры для обеспечения...

— Кем бы ни были его враги, они не удержат нашего принца, — Акмаэль положил руку на живот Эолин. — Этот ребенок получит защиту своего отца, Короля-Мага, и магию своей

матери, Верховной Маги Мойсехена. Плод нашей любви будет носить корону моего отца, Эолин. И никто не встанет у него на пути.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Марш в Римсавен

На рассвете Эолин сопровождала процессию короля по длинной извилистой дороге от замка к центральной площади, а затем через город к массивным воротам.

Колонну возглавляли трубачи и барабанщики, за ними следовала рота воинов-магов. Король и его гвардия ехали под флагами королевского дома, серебряный дракон Вортингена на фоне пурпурной ночи.

За охраной Акмаэля шли Высшие Маги Совета, в том числе и Эолин. На магах были богато расшитые плащи цвета лесной зелени. Эолин надела традиционные бордовые одежды Высшей Маги. За ними следовали представители знатных семей Мойсехена, каждый со своим гербом. Этот взрыв цветов был приглушен наступлением пехоты и кавалерии с пурпурными флагами в тылу.

Люди толпились на улицах и свисали с окон и балконов, вид у них был мрачный, но полный надежды. Старики выкрикивали ободряющие слова, дети предлагали солдатам безделушки на удачу. Женщины зывали к Королю-Магу, прося защиты своих мужей, сыновей и братьев.

Свиту короля осыпали цветами, нежными цветами боярышника и розмарина на мужество и защиту. Когда толпа узнала магу Эолин, на ее пути стали падать лилии и первоцветы.

Сразу за городскими воротами собралась основная часть сил Акмаэля. От длинных колонн и рядов у Эолин перехватило дыхание. Много лет назад она видела армию Короля-Мага, выстроившуюся против людей ее брата, но теперь она казалась намного больше, более грозной и устрашающей, чем когда-либо прежде.

Акмаэль высоко поднял Кел'Бару, клинок сиял, как луна из слоновой кости. Солдаты ответили оглушительным ревом верности.

Редко когда Эолин чувствовала себя так далеко от того момента, когда она впервые встретила этого принца Вортингена, долговязого и неуверенного юношу, заблудившегося в пышных коридорах Южного леса. Тогда магия казалась безобидной игрой. Теперь слова Дуайен Гемены зловещим эхом отзывались в ее сердце, и она поняла трепет маг, восставших против отца Акмаэля.

«Смешивать магическую силу с королевской властью опасно. Нельзя иметь столько власти в руках одной семьи».

Теперь курс, намеченный Кедехеном и поддерживаемый его сыном, будет продолжен в ребенке Эолин, который, мальчик или девочка, несет в себе королевскую кровь и магическую силу. Эта мысль вызвала трепет в ее утробе, и мага положила руку ей на живот, чтобы успокоить движение.

По команде Короля-Мага королевская стража расступилась, открыв путь между ним и Высшими Магами. Цетобар повел членов совета вперед, чтобы встретить короля, Телин был по правую руку от него, а Эолин — по левую.

Акмаэль и Верховный маг Цетобар вступили в долгий ритуальный обмен мнениями, который символизировал передачу определенных полномочий в делах Города в отсутствие Короля.

Розовощекий дипломат был проинформирован о ситуации Эолин на частном совете

накануне вечером. Было составлено новое завешание, в котором король признал сына Эолин своим. Одна копия осталась у Цетобара, другая у Эолин, и на каждой стояла печать Вортингена.

— Он человек предельной осмотрительности, — заверил ее Акмаэль. — Он хорошо служил моему дому и всегда действует в интересах королевства. Если со мной что-нибудь случится, ты должна полагаться на него. Вы с принцем будете в надежных руках.

Эолин не разделяла уверенности Акмаэля. Она чувствовала только замешательство и неуверенность, тревожное ощущение того, что ее влекут потоки, неподконтрольные ей. Предупреждения Адианы мучили ее.

«Королева и все ее отпрыски, а также все те, кто им верен, будут ненавидеть его и желать ему смерти, погубят его до того, как он станет достаточно взрослым, чтобы осознать свою силу».

Откуда Эолин могла знать, недавно прибыв в Город, кто был верен Королеве, а кто нет? И как бы Цетобар истолковал интересы королевства, если бы Акмаэль был убит, а сырнте двинулись на Мойсехен?

Сильное желание возвращения Мага Кори вспыхнуло в ее груди. Никто не знал темный лабиринт политики в этом королевстве так хорошо, как Кори. Никто не был бы более предан защите этого ребенка, который для него был бы намного больше, чем принц Вортингена. Мальчик или девочка, этот младенец был долгожданным наследником клана Восточной Селен.

Очередной рев людей вывел Эолин из задумчивости. Король и Цетобар закончили свой диалог. Теперь взгляд Акмаэля остановился на Эолин. Из уважения она опустила взгляд, неподвижность ее тела превратилась в застывшую маску, скрывавшую жгучее желание обнять его еще раз.

— Мага Эолин, — он приблизился на своей лошади, и она подняла на него взгляд.

Они бормотали свои нежные прощания в предрассветные часы. Его поцелуи двигались по ее лицу, пока она вдыхала его сущность древнего камня и вневременной магии, кожи и кольчуги и начала войны.

— У тебя есть задание, — сказал Акмаэль. — Выполни его. Я буду ждать твоих посланников в ближайшие дни.

— Да, мой Король. Я вас не разочарую.

Улыбка тронула его губы, редкое выражение для такого публичного мероприятия. Он отсалютовал ей и Высшим Магам, затем дал знак своему скакуну развернуться.

— Мой король!

Акмаэль остановился по зову Эолин. Кивнув, он предложил ей продолжать.

— Вернитесь к нам, — ее голос прервался. Она изо всех сил пыталась успокоить свое сердце, подавить резь в глазах. — Вы и все ваши люди. Не позволяйте женщинам вашего города оплакивать своих мужей. Не позволяйте им растить своих детей в одиночестве.

Он разглядывал ее, странно стиснув челюсти, необычайное сострадание было в глазах.

Дыхание зари пронеслось по полю солдат, его успокаивающий шепот отразился в развевающихся знаменах, в тишине травы у их ног. Лошадь заржала, другая топнула. Металл звякнул о металл, кожа скрежетала о кольчугу.

Тем не менее, Король-Маг удерживал взгляд на Эолин, словно она была лучшим из сокровищ, лентой красоты, неожиданно вплетенной в грубую ткань жизни.

— Война оставляет много вдов, Мага Эолин, — сказал он наконец приглушенным

тоном, — но я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть этих людей домой и никого не оставить без вести. Что же касается женщины, с которой я связан, настоящей королевы Мойсехена, то я буду рядом с ней, когда этот конфликт закончится. В этом даю слово.

С этими словами он уехал, всадники собрались позади него, подняв копья и флаги, и начали свое путешествие на юг.

Маги и дворяне разделились. Те, кому было поручено следить за городом, — среди них Эолин, Цетобар и Телин, — отошли на обочину дороги, чтобы все, кто должен был сопровождать короля, могли пройти.

Они провели большую часть утра, наблюдая, как рота за ротой присоединяются к колонне, благословляя и вызывая чары для защиты человека и зверя.

Когда последний полк кавалерии занял свое место, последователи лагеря образовали за ними рваный хвост, маги и мага прошли обратно через городские ворота и по извилистой дороге направились к замку.

В переднем дворе их встретили слуги и конюхи. Спешившись, Эолин заметила Тэсару и ее дам, собравшихся на одном из высоких балконов. Лицо королевы было бледным, выражение лица — слабым. Она не заметила прибытия магов и аристократов, но продолжала решительно смотреть на юг, где, как полагала Эолин, она все еще могла видеть длинную извивающуюся колонну отступающей армии Акмаэля.

Одна из дам Тэсары — темноволосая женщина — вместо этого смотрела на Эолин. Ее подбородок был поднят, глаза — прищурены. На ее тонких губах играло тревожное торжествующее выражение. Больше, чем злоба, Эолин почувствовала в женщине сильное ожидание, будто она страдала от невыносимой жажды, которую вот-вот утолит.

— Мага Эолин? — Телин появился рядом с ней.

Эолин оторвалась от бессловесной перепалки, благодарная Верховному Магу за отвлечение.

— Я подумал, что после короткого обеда мы могли бы продолжить нашу работу в покоях мастера Церемонда.

— Конечно, маг Телин. Я думала точно так же.

Накануне они посетили комнаты волшебника, но у них было мало времени, кроме беглого осмотра лабиринта покоев. Телин уверял, что со смертью Церемонда там мало что изменилось. Прошли годы, но никто, казалось, не стремился занять жилище Мастера или совершить набег на его артефакты.

Эолин понимала, почему. Дух Церемонда все еще оставался в этом месте. Временами его фигура появлялась во влажных тенях только для того, чтобы снова исчезнуть, когда она повернулась, чтобы противостоять ему. Пронзительный взгляд его янтарных глаз, казалось, следил за каждым ее шагом, шевеля волосы на шее Эолин, заставляя ее руки покалывать от беспокойства.

Сегодня, когда она приехала после скромного ужина, настроение в этом месте несколько улучшилось. Телин, должно быть, поговорил с одним из стюардов, потому что Эолин обнаружила, что слуги заняты удалением пыли с простой мебели и мытьем заброшенных каменных полов. Несколько окон были открыты, впуская свежий воздух и позволяя полуденному свету прогонять тени и призраков.

Среди суматохи Телин ждал с полированным посохом из вишневого дерева в руке. Он поприветствовал ее уважительным поклоном и сказал:

— Ты не принесла свой посох, Мага Эолин. Могу я послать за ним? Скорее всего, это

будет трудная задача, требующая применения большого количества магии.

— Я понимаю, маг Телин, но, к сожалению, у меня больше нет посоха. Я оставила его на попечение мага Кори.

Телин удивленно приподнял бровь.

— Ты доверила свой посох Кори?

— Да, — Эолин отбросила сомнения, которые все еще преследовали ее в связи с этим решением. Сейчас слишком поздно для сожалений. — Его посох был поврежден, когда он прибыл в Моэн. Поэтому я предложила ему свой, чтобы он лучше защищал мою подопечную Мариэль.

— Ясно, — на лице Телин мелькнула ошеломленная хмурость, затем он пожал плечами. — Ты смелее, чем я, Мага Эолин. Хотя, если маг Кори и верен кому-то, осмелюсь сказать, что тебе.

Эолин не знала, что на это ответить.

— Тогда приступим, — Телин широким жестом указал на один из затемненных узких коридоров. — У нас серьезное дело, и война ждать не будет.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Лиса

Маг Кори, Бортен и Мариэль повернули на север после ухода Эолин. Они бросили своих лошадей и отправились пешком, чтобы не быть слишком заметными.

К концу третьего дня пути Кори и Мариэль шли вдоль небольшого ручья через узкую долину, когда Бортен, мрачно нахмурившись, спустился с близлежащего хребта. Он остановился перед ними.

— Оставайся здесь, — сказал Бортен Мариэль. Затем магу он рявкнул такой же краткий приказ. — Пойдем со мной.

Кори напрягся, но подавил желание ответить тем же.

Они карабкались по крутому склону, под ногами шуршала листва. Предвечерний свет прорезал тонкие стволы берез и ольх. Ближе к вершине Бортен подал магу знак пригнуться, и они подошли к хребту на четвереньках.

Внизу раскинулась широкая травянистая долина, где дорога тянулась у блестящего течения реки Тарба. По этой дороге армия шла на запад под знаменами алого и золотого цвета.

Кори в смятении покачал головой.

— Могли ли боги даровать нам большую удачу?

Треск веток под ногами чуть не выбил мага из кожи. Бортен резко развернулся, пригнувшись, с ножом в руке, но только Мариэль смотрела на них обеспокоенными глазами.

— Я сказал тебе оставаться внизу, — упрек рыцаря был произнесен шепотом.

— Я больше не хочу быть одна.

Она упала на колени и поползла, пока не оказалась рядом с Кори. Ее аромат дубовых листьев и суглинка оказался приятным отвлечением.

— Что случилось? — спросила она и ахнула, увидев армию Сырнте.

— Мы слишком близко, — Бортен барабанил пальцами по влажной земле. — Они скоро разобьют лагерь и отправят собирателей. Мы должны найти укромное место, чтобы переночевать. Завтра мы направимся на восток, пока у нас не будет больше шансов пересечь дорогу незамеченными.

— Я могу призвать дополнительные чары, как только мы устроимся, — предложил

Кори. — Они не спрячут нас полностью, но могут отвлечь ничего не подозревающих.

Рыцарь кивнул, поднялся на ноги и направился обратно к ручью, дав им знак следовать за ним.

* * *

По сравнению с Восточной Селен, леса Моэна были головокружительны по своей летней активности. По ночам лягушки, сверчки, цикады и другие безымянные существа раздражались хриплым пением.

Кори мог бы найти их ритм успокаивающим, если бы не его настороженное внимание к любому звуку, который мог указывать на патруль сырнте или, что еще хуже, наэтерских демонов.

Рядом с ним спала Мариэль, и ее тихое сопение легко гармонировало с насекомыми, правившими ночью. Свет прибывающей луны падал пестрыми узорами на ее сердцевидное лицо. Рука жадно сжимала рукоять ножа.

Кори посмотрел сквозь заросли ветвей, скрывавшие маленькую ложбинку, где они лежали, сырую лощину, окруженную каменными стенами, покрытую рыхлым мхом и гниющими листьями. Где-то поблизости Бортен нес первую вахту, но бдительность рыцаря не могла успокоить Кори.

Любопытство сжало сердце. Он был беспокоен, как сорока в поисках блестящих предметов. Повернувшись к Мариэль, положил руку ей на лоб и пробормотал короткое заклинание, чтобы обеспечить ей глубокий сон без сновидений.

Затем, сосредоточив свой дух и призвав силы земли, Кори принял облик Лисы.

Мгновенно звук осветил тьму. Острые уши Кори уловили царапанье лапок сверчка, урчание крота под землей, шорох сонного дрозда, сменившего место на высокой ветке.

Прижав хвост и подняв лапу, он стал вертеть ушами то вперед, то назад, пока шагов в двадцати не уловил ровный резонанс дыхания Бортена. Определив позицию коня, Кори пошел в противоположном направлении.

Маг повторил их путь вдоль ручья, перебежал через холм и спустился по склону за его пределами. На опушке молодого леса он присел на корточки и обвил ноги мягким хвостом, устремив глаза на запад, где в травянистой долине усеивали огни лагеря Сырнте. Тщательно погладив лапы, Кори поднял морду и снова прислушался.

В долине было полно полевок, выкапывающих корни и жующих осоку. Нервный писк низко плыл над землей, уносимый малейшим ветерком. От их сладкого запаха масла и соли у Кори потекли слюнки. Его желудок жалобно взвыл. Он пробежал вперед несколько шагов и присел на корточки, вытянув хвост за спину, оценивая расстояние по запаху и звуку.

Грызуны в пределах досягаемости прекратили всякое движение, но Кори учуял запах каждого из них, и случайная дрожь или приглушенный сигнал тревоги выдали их. Он не стал медлить с решением, а подпрыгнул в воздух и набросился на ближайшего. Она извивалась и визжала от боли, даже когда Лис подхватил его и с силой перегрыз нежные кости.

Теплая кровь омывала язык Кори, а затем полевка исчезла, целиком пройдя ему через глотку и прибавив достаточный вес в его животе.

Оставив других полевок в покое, маг продолжил движение в направлении Сырнте, держась прямо за линией деревьев. Он не собирался подходить близко. Будут собаки, которые учуют его запах, слуги, стремящиеся защитить цыплят своих хозяев, люди, заинтересованные в добыче прекрасной шкуры.

Но многое Лис мог услышать и учуять с безопасного расстояния, а Кори искал

знакомый голос или произнесенное шепотом заклинание. Что-то, что могло бы дать представление о магии, от которой теперь зависел Сырнте.

Он бежал к мерцающим факелам, пока приглушенный гам лагеря не превратился в богатую палитру разрозненных звуков: мычание волов и топот лошадей, насмешки людей, хорошо поддающихся выпивке, шипение солдата, справляющего нужду, пронзительный смех шлюх.

Затем от полуночного гула отделилась нить мелодии, достигнув Кори с навязчивой интенсивностью.

Да избавят Боги листья от прикосновения к тебе, когда они падают...

Шерсть на его шее поднялась. Кори узнал песню, дерзкий стих, приписываемый Литии, возлюбленной воина-мага Кэдмона и одному из великих магов, переживших долгую войну против Народа Грома.

Пусть дождь перестанет мочить твоё тело

Пусть земля перестанет целовать твои ноги...

Музыка сжала его горло, петля зверолова тянула его вперед. Он остановился прямо перед мерцающей дугой света, отбрасываемого факелами, сердце бешено колотилось в его грудной клетке, голова была низко прижата к земле, спина — выгнута, а хвост поджат между задними лапами, когда он расхаживал.

Да сотрут боги твой постоянный взгляд

Твои точные слова

Твою идеальную улыбку

Заметив коридор теней, Кори проскользнул в него, украдкой двигаясь между штабелями ящиков и заброшенными телегами, прислушиваясь к звуку шагов и уклоняясь от собачьего запаха.

Пусть погасят тебя без предупреждения

Во вспышке пламени

Взрыве льда

Наконец, он приблизился. Забравшись под телегу, Кори опустил на свой мохнатый живот и рванулся вперед. Показался хорошо освещенный многочисленными факелами стол, нагруженный едой и питьем, за которым сидели шумные мужчины. Рядом с ним небольшая группа музыкантов. И среди них его самый сладкий голос, его лучшая музыка: Адиана.

Если все это потерпит неудачу, пусть смерть заберет меня.

Чтоб не видеть тебя всегда

В каждый момент

Во всех моих видениях

Ее глаза блестели, как камень. Синяки обесцветили ее лицо. Тем не менее, ее песня была столь же страстной, как и всегда, тщательно исполненной до кульминации.

Во главе стола сидел мужчина крепкого телосложения, который смотрел на нее хищным взглядом. Остальные продолжали пить и болтать, в то время как горстка добровольных шлюх обеспечивала желанное отвлечение.

Заключительная мелодия была встречена сердечными аплодисментами, но вскоре внушительный лидер заглушил их, объявив об окончании трапезы. Офицеры, слуги, женщины и музыканты распрощались.

Только Адиана осталась сидеть с прямой спиной и опущенными глазами, сложив руки на коленях, волосы казались рекой полированного золота в мерцающем свете.

— Пойдем, — сказал он, и она повиновалась.

Приняв предложенное им вино, Адиана пила не как женщина, наслаждающаяся его сладким вкусом, а как женщина, намеревающаяся погрузиться в туманное оцепенение.

Мужчина заключил ее в грубые объятия, расстегнул ее лиф и принялся нападать на ее мягкую плоть. Опустевший кубок выскользнул из пальцев Адианы. Ее аура содрогалась в яростной буре раскаяния, желанья, отвращения, отчаяния.

Низкое рычание вырвалось из горла Кори. Он убежал в более глубокие тени, пока невозмутимый ритм лагеря не убедил его, что никто не услышал. Он вздрогнул от звука тарелок и чашек, падающих на землю, а за ним последовал дикий стон командующего сырнте. Крики Адианы начали пронзать ночь.

Кори встал, стряхнул пыль со своего меха и чихнул.

Не оглядываясь, он ушел из лагеря по той же затененной тропе, по которой пришел.

* * *

Утром огнегорлые певчие камышевки, желтогрудые дрозды и чернохвостые синицы неохотно призывали солнце.

С напряженными мышцами и затуманенными глазами Кори оставил пост, который он занял у Бортена, и пошел к ручью, чтобы освежить лицо и наполнить флягу водой.

Мариэль и рыцарь вышли из своего места отдыха, а маг снова взобрался на берег.

Опасаясь близости Сырнте, они молча позавтракали терпкими летними ягодами. Кори приготовил чай, чтобы согреть руки и животы. Мариэль покончила с едой первой и, не в силах сдержать свое беспокойство, начала метать нож, попадая во все выбранные ею метки.

— Твоя наставница тоже умеет обращаться с клинком, — прокомментировал Кори. — Она научила тебя?

— Да, — Мариэль протянула руку к буку, куда она только что воткнула лезвие. Коротким закливанием она вернула нож в свою ладонь. — Мага Эолин научила меня пользоваться ножом, а теперь сэр Бортен собирается научить меня пользоваться мечом.

Рыцарь подавился напитком, улыбнулся и вытер рот рукавом.

— Если это то, чего ты хочешь, Мариэль, то мы можем начать сегодня, как только отойдем от этой армии. Я уверен, что Мага Эолин была бы рада.

— Нет, не была бы, — тон Мариэль не был ни дерзким, ни спорным, просто сдержанной правдой. — Но я подозреваю, что даже Мага Эолин осознала, как и я в эти дни, которые недавно прошли, что нельзя жить в этом мире, не готовясь к войне.

Они продолжили путь на восток, как и предлагал Бортен, держась узкой долины с чистым бурлящим ручьем. Белки болтали на низких ветках. Время от времени с какой-то одинокой ветки каркала ворона.

По мечущемуся взгляду Бортена и мрачному сжато рту Кори понял, что внимание животных заставляет его нервничать. Хотя маг разделял его беспокойство, он находил некоторое утешение в том, что сырнте не очень одарены, когда дело доходит до языка лесных животных. То, что было очевидным сигналом для Кори и Бортена, вполне могло остаться незамеченным даже опытным разведчиком-сырнте.

К полудню солнце согрело лес, хотя его свет едва проникал сквозь широкие листья дуба и вяза, господствовавшие в роще, через которую они шли.

Желудок Кори сжался внезапно, будто кто-то обвязал веревкой его внутренности и вытаскивал их наружу. Он бы обвинил в этом полевку, которую проглотил прошлой ночью, но знал лучше. Остановившись, он увидел впереди себя Бортена и Мариэль. Затем он

оглянулся на тропу, которую они оставили позади.

Он глубоко вдохнул, затем похлопал по своему аптечному поясу и рукояти ножа.

— Хорошо. Полагаю, дальше я уже не пройду сегодня. Мариэль!

Девушка остановилась и посмотрела на него с вопросом. Кори шагнул вперед и вручил ей посох Эолин.

— Будь хорошей магой и верни это своей наставнице, когда увидишь ее снова, — сказал он. — Верни его целым, или она обязательно обвинит меня во всех повреждениях на посохе.

— Я не понимаю.

— А ты, Бортен, — Кори повернулся к рыцарю. — Мне не хочется это признавать, но ты хороший человек. Достойный слуга Короля и искусный защитник маг. Оберегай ее, так как я очень хотел бы увидеть ее снова.

— Что ты задумал? — с подозрением сказал Бортен.

Кори кашлянул, непривычный к неопределенности, к нервному сгибанию рук.

— Похоже, я возвращаюсь. Да, это я собираюсь сделать. Вернусь и пойду за этой армией.

Звон металла, и Кори обнаружил острие меча Бортена у своего горла.

— Похоже, ты недоволен моим решением.

— Я был бы очень рад, если бы тебя не было с нами, маг Кори. Но если ты попадешь в плен — или, что еще хуже, добровольно сдашься, что меня не удивило бы, — то, что они узнают от тебя, вполне может уничтожить нас. Я убью тебя, прежде чем позволю тебе вернуться туда.

Кори взглянул на Мариэль, которая смотрела на них широко раскрытыми глазами. Он смиренно вздохнул.

— Я возвращаюсь, потому что с ними Адиана.

— Что? — возглас Мариэль спугнул небольшую стайку птиц с соседней ели.

— Тише, дитя! — выругался Кори. — Или они нас найдут.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Бортен.

— Я был там прошлой ночью как Лис. Я не собирался входить в их лагерь, но по прихоти забрел внутрь. Вот тогда я ее и увидел.

— Почему ты нам не сказал? — тон Мариэль был сердитым.

— Потому что я счел за лучшее, чтобы вы — особенно ты, юная мага — не знали, — он встретился взглядом с Бортенем. — На нее претендовал один из офицеров, человек очень высокого ранга, хотя, боюсь, недостаточно высокого, чтобы заслуживать ее.

Бортен опустил меч, хотя на его лице оставалось сомнение.

Мариэль расхаживала рядом с ними, двигая руками, словно вытягивая слова из воздуха.

— Если бы ты сказал нам, мы могли бы как-нибудь спасти ее и забрать с собой! Мы все еще можем взять ее с собой. Возможно, она знает, где Катарина и Таша, и мы снова будем вместе. Весь шабаш, как прежде.

Она остановилась и решительно посмотрела на них обоих.

— Мы должны вернуться. Мы должны освободить ее.

— О, ради богов, не будь душой! — сказал Кори. — Даже если бы не было армии, окружавшей Адиану, к настоящему времени командир Сырнте связал ее разум со своим. В тот момент, когда она увидит кого-то, кого узнает, он узнает. Этот человек будет схвачен, подвергнут пыткам и убит.

— Но девочки...

— Девочки мертвы.

Мариэль ошеломленно уставилась на него. Ее глаза наполнились слезами, будто он ударил ее по лицу.

— Я видел это в ее ауре, — Кори смягчил тон. — Все, что когда-то было дорого Адiane, ушло. Девочки нам не помогут, Мариэль, и Адiane тоже.

— Тогда зачем возвращаться? — спросил Бортен, прищурился глазами.

— Потому что я не могу... — запнулся Кори. С его губ сорвался самоуничижительный смех. Кто бы мог подумать, что он поддастся такой сентиментальности? — Я не могу найти в себе силы бросить ее. Во время восстания Эрнана, когда меня арестовали в Селкинсене, Адiana была единственной, кто преследовал меня. Каким-то образом она убедила Келию и Ришону дать ей группу воинов, которые могли бы меня спасти. Это была дурацкая миссия, и, к счастью для нее, к тому времени, как они прибыли в Селкинсен, я уже давно был доставлен в Королевский город. В противном случае она бы умерла, пытаясь освободить меня, а я ничего не мог с этим поделать. Когда они упустили возможность, Адiana отправила воинов к Эрнану и в одиночку отправилась в Мойсехен. Там она ждала день за днем, ночь за ночью, уверенная, что утром меня публично обезглавят или сожгут. Она ждала, потому что не хотела, чтобы я умер один, без друга.

Мариэль нахмурилась. Она покачала головой.

— Госпожа Адiana часто рассказывала истории о восстании, но не такие.

— Наверное, ей было неприятно узнать потом, что я томился не в прогорклой темнице, а поселился в качестве королевского гостя в роскошных покоях Восточной башни, добровольно предав дело Эрнана. Я сама не слышал этой истории от Адiany. Мне сказала Рената. Я до сих пор не понимал, как сильно меня тронула ее преданность.

Кори посмотрел на Бортена.

— Адiana страдает от мучительного расчленения духа руками сырнте. Возможно, я не смогу спасти ее, но я могу стать свидетелем ее судьбы как друг и быть рядом, когда она встретит свой самый темный час.

Долгое время никто ничего не говорил. Во влажном воздухе жужжали насекомые, на ветру шелестели листья, мимо их ног пробежал бурундук.

Мариэль повернулась к мужчинам спиной и подошла к ближайшему вязу, где прислонилась к стволу и молча смотрела на лес.

Бортен вложил свой меч в ножны.

— Иди, — сказал он. — Да пребудут с тобой боги.

Кори кивнул и задержал взгляд на стройной спине Мариэль, прежде чем отправиться в путь.

Он прошел шагов тридцать, когда крик Мариэль остановил его. Девушка прибежала, тяжело дыша, по ее щекам текли слезы.

Она сунула посох ему в руки.

— Возьми это.

— Мариэль, я не могу рисковать...

— Пожалуйста. Лес говорит мне, что тебе это понадобится больше, чем мне.

— Ясно, — он сомневался в ее рассказе, но не мог отрицать чувство безопасности, которое он находил в резонировании гладкого дуба.

— Ты должен сказать Адiane... — ее слова прервал всхлип. Судорожно вдохнув, она расправила плечи и вытерла слезы. — Если ты найдешь способ, пожалуйста, сообщи Адiane,

что мы с ней. Мы всегда с ней. Наша любовь к ней никогда не закончится.

Кори обнял Мариэль рукой и крепко прижал ее к своей груди.

— Вот почему, — пробормотал он, прижавшись губами к ее лбу, — маги никогда не будут побеждены.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Что-то разрушенное

Эхекат рехоэрт энре!

Огонь вспыхнул в венах Эолин и вырвался из ее ладоней двумя красными стрелами, которые врезались в каменную стену перед ней, но были отброшены облаком удушающего жара, которое расширилось до тех пор, пока мага, не в силах больше выдерживать пламя, выпустила свое заклинание с криком разочарования.

Опаленные волосы и запах дыма. Эолин подошла и ударила кулаками по холодному камню, прежде чем устало опуститься на его непоколебимый лик, проклиная Церемонда и заклинание, превзошедшее его смерть.

— Это безнадежно, — простионала она. — Ничто не сломает это.

Верховный маг Телин подошел ближе, его ястребиный нос проследил за тонкими трещинами между хорошо подогнанными блоками.

— Не отчаивайся, — сказал он. — Каждый маг в Городе пробовал свои силы на этой защите. Ты только начала.

Несмотря на сложную планировку покоев Церемонда, Телин и его братья по магии давно определили, где должна находиться секретная библиотека. Тщательное картографирование покоев выявило существование комнаты рядом с центром, без видимого входа. Именно здесь Эолин и Телин сосредоточили свои изнурительные усилия.

— Прошло уже три дня, — сказала Эолин. — Три дня — это слишком долго.

К этому времени Акмаэль уже был в Римсавене. Только боги знали, сколько времени у него было до первой встречи с Сырнте.

— Мы должны искать ответы в другом месте, — сказала она.

— Где еще? Библиотеки Восточной Селен? Мы бы потратили четверть месяца только на то, чтобы добраться туда и обратно, — Телин отошел от стены. — Это замечательно. Обычные молоты и булавы разбиваются при прикосновении к этому. Даже красное пламя, брошенное со всей яростью Высшей Маги, не может оставить шрама. Я бы очень хотел такие чары. Будем надеяться, что он тоже где-то внутри.

Эолин застонала и опустила голову на стену. Она закрыла лицо ноющими руками. Ее плечи напряглись, в желудке было кисло от того, что она направила столько разрушительной магии без помощи посоха. Они испробовали все мыслимые уловки, пытаясь распутать чары. Она не знала более агрессивного заклинания, чем пламя, которое она только что сотворила.

Она обратила ухо к грубому камню.

— Ты и сейчас откажешь мне в своих знаниях, Церемонд? — прошептала она. — Наша страна в осаде, твой король в опасности. Я знаю, что ты не любишь меня, но говорят, что когда-то ты любил наш народ. Ради них, пожалуйста. Пусть эхо твоего голоса вернется.

Камень молчал.

Эолин в тревоге провела пальцами по волосам. Это было бесполезно.

— Возможно, нам следует отдохнуть, — сказал Телин. — Вернуться сегодня вечером или завтра.

За его словами последовал приглушенный смех, утомленное хрипение старой карги.

Эолин выпрямилась и посмотрела в темный коридор, который вел к другим комнатам.

— Ты это слышал?

— Что?

Старуха снова рассмеялась.

— Похоже, звук исходит из стены, — сказала Эолин.

Не старайся, дитя, — захихикала женщина, — *а то зубы сломаешь!*

Эолин ахнула, узнав голос.

— Невозможно.

— Что? — спросил Телин. — Что ты слышала?

Страхнув с себя сомнения, Эолин встала и уперлась руками в стену. Она глубоко вдохнула, намереваясь действовать до того, как рассудок подавит инстинкт. Слово сорвалось с ее губ скорее как вопрос, чем как приказ:

— Гемена?

Стена молчала.

На щеках Эолин выступила горячая кровь. Она чувствовала себя дурой.

— Проклятье! Ты прав, маг Телин. Нам следует отдохнуть, потому что я на грани безумия и подчиняюсь прихотям сошедшей с ума женщины.

Телин вдохнул, чтобы ответить, но его прервал глухой удар изнутри стены, за которым последовал скрежет камня о камень. Протяжное медленное шипение воздуха вырвалось в комнату, словно вздох усталого любовника, неся затхлый запах запыленного пергамента.

Телин громко расхохотался, шагнул вперед и протянул руку в пространство, открывающееся в просвете стены.

— Три года и бесчисленное количество магов, когда все, что нам было нужно, это мага с правильным словом! Кори будет завидовать тому, что он не был здесь, чтобы стать свидетелем этого.

Эолин отошла от заполненного тенями прохода, опасаясь того, что могло скрываться внутри.

— Я не понимаю.

— Я тоже. Почему имя твоей ученицы оказалось ключом?

— Не моя ученица. Моя наставница, женщина, удочерившая меня. Гемена из Берлингена.

Лицо Телина потеряло часть легкомыслия. Он приподнял брови и посмотрел в сторону дверного проема.

— Ах, — сказал он.

— Ах? — повторила Эолин, сбитая с толку. — Это все что ты можешь сказать? Ты знал его лучше, чем я могла когда-либо надеяться. Конечно, ты должен понять эту тайну. Что это означает?

— Я полагаю, это означает, что старый волшебник когда-то был молодым человеком и, как любой маг, подчинялся прихотям эн-ласати. Дуайен Гемена была бы достойным выбором для пронциательного темперамента Церемонда. Она была одной из немногих в их поколении, кто не уступал ему в навыках и знаниях.

— Невозможно, — сказала Эолин. — Церемонд ненавидел маг, всех их.

— Разве? Не пойми меня неправильно, Мага Эолин. Церемонд никогда не упускал возможности напомнить нам о разорении, которое маги принесли Мойсехену, и об опасности, которую, по его мнению, они представляли для наших королей. Он взял на себя

обязательство уничтожить их с искренней решимостью. Но у каждого мага есть сердце, по крайней мере, так учил нас Карадок, и поэтому мы должны предположить, что Церемонд когда-то кого-то любил. Гемена из Берлингена — самый вероятный кандидат, насколько я могу себе представить.

— Он приказал разрушить ее аббатство! Берлинген был разрушен, а все внутри убиты.

— Нет, на самом деле, — Телин оперся на свой посох. — Это история, которую я могу рассказать. Кедехен хотел, чтобы Берлинген был уничтожен. Он был уверен, что аббатство давало убежище магам во время войны, и считал это гнездом мятежа. Церемонд был против забастовки, переживая, как рассказывается, за сокровища, хранящиеся в библиотеке. Хотя, учитывая то, что мы только что здесь увидели, возможно, он беспокоился не только о сожжении книг. Как ты хорошо знаешь, Кедехен проигнорировал совет Церемонда. И Берлингена больше нет.

Эолин покачала головой, не в силах сопоставить эту версию истории со всем, что ей рассказала наставница.

— Гемена презирала его. Она обвиняла его во всем. Смерть сыновей Уриена, коронация Кедехена, начало войны, преследование ее сестер, даже ее изгнание. Ни разу она даже не намекнула, что у них может быть...

По телу Эолин пробежала дрожь, словно ледяная ласка зимнего ветра. На мимолетный миг вокруг нее возник дом ее детства. Она чувствовала тепло одеял и мехов и вдыхала сладкий аромат старости Гемены и тихих мест.

«Он был красив, если ты можешь поверить, с уникальным цветом глаз, пронзительным янтарно-коричневым цветом, который мог свести с ума молодую магу, как я».

Слова, произнесенные однажды в канун Середины Зимы, несколько фраз, потерянных в долгой ночи повествования.

Она посмотрела на Телина, словно у него мог быть ключ к тайнам сердца Дуайен.

— Гемена ненавидела Церемонда и все, что он представлял. Она никогда не смогла бы полюбить его.

Маг разглядывал Эолин со странным выражением лица, будто она была кусочком какой-то любопытной головоломки не на месте.

— Возможно, привязанность Церемонда не была взаимной. Хотя, как ты должна знать, Мага Эолин, это одна из непрекращающихся загадок Первобытной Магии, сколько людей вынуждены презирать тех людей, которых они когда-то любили. Конечно, теперь они оба попали в загробную жизнь, поэтому мы никогда не сможем узнать, что произошло на самом деле.

Эолин обвила себя руками, по коже побежал холодок.

«Сколько еще секретов скрывала от меня Гемена?».

Телин зажег янтарное свечение в хрустальном наконечнике своего посоха. Он кивнул в сторону библиотеки.

— Идем?

Они вместе вошли в комнату, остановившись сразу за дверным проемом, пока их глаза привыкали к тусклому свету.

— Нам придется послать за свечами, — заметил Телин.

Пока он говорил, тени рассеялись, открыв темную комнату без окон. Полки вдоль стен от пола до потолка. На них лежали бесчисленные тома, свитки и отдельные листы бумаги, аккуратно сложенные под полированными камнями.

То пространство, которое не было занято книгами, было заполнено артефактами магии. Эолин узнавала орудия из таких далеких мест, как Галия, Антария, Параменские горы и даже земли Сырнте. Среди них были вкраплены незнакомые предметы чар, происхождение которых она не могла установить.

Телин погрузился в благоговейное молчание.

Эолин отошла от него и побрела в комнату, обходя столы, заваленные огромными стопками книг, пока не подошла к широкому письменному столу. Она положила руку на его гладкую поверхность, единую широкую доску, вырезанную из сердцевины древнего дуба. На полированном дереве лежали его перья, сухая чернильница и еще стопки бумаги и книг. Один том лежал открытым, богато иллюстрированная страница была помечена угольной лентой.

У ног Эолин стояла шкатулка из железного дерева, украшенная странными символами. Прежде чем подумать о последствиях, она наклонилась, чтобы открыть ее. Внутри ничего не лежало, кроме отрезка темного шелка.

Эолин встала, держа в руках заплесневелую ткань. Чувство скорби закралось в ее сердце. Был и гнев, и много печали.

— В этом месте что-то было разрушено, — пробормотала она. — Что-то очень ценное.

— Будем надеяться, что это не то, что мы ищем, — ответил Телин.

Эолин оглядела длинные полки, прогнувшиеся под тяжестью массивной коллекции Церемонда. Она тяжело вздохнула.

— Я думала, что труднее всего будет попасть сюда, но посмотри на это. Чтобы прочитать все это, потребуются годы, а у нас есть максимум дни. Как мы вообще узнаем, с чего начать?

— Я пошлю за писцами и магами, чтобы они помогли нам, — Телин прошел в комнату и занял место рядом с ней. — Тем временем, я думаю, мы можем найти ответ на твой вопрос, рассмотрев другой: какое заклинание было последним, что сотворил мастер Церемонд?

Эолин моргнула и встретилась глазами с Телином.

— То, которое он использовал против меня. Ахмад-дур.

На лице Телин появилась ухмылка, и, несмотря на нить ужаса, которая всегда возвращалась с воспоминанием о нападении Церемонда, Эолин обнаружила, что удовлетворение мага заразительно.

— Конечно! — она потянулась к открытому фолианту, и ее сердце затрепетало от надежды. — Начнем с того, на чем остановился мастер Церемонд.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Проход Эрunden

Дростан прошел вдоль наспех возведенного укрепления, освещенного мерцающим светом факелов. Ночной воздух был тяжелым и неподвижным. Солдаты стояли напряженные, дыхание поверхностное, тела беспокойные. Над ними полоса туманных белых звезд разделяла черный небосвод. Далеко внизу невидимая река Тарба с глухим рокотом разрезала кругое ущелье.

— Что-то от наших разведчиков? — спросил он, когда добрался до дальнего конца.

Теорин, длиннолицый мужчина с трезвыми глазами, покачал головой.

— Нет. Гэорг и Элдор не вернулись.

Дростан недовольно хмыкнул. Два воина-мага были молодыми и способными, недавно

завербованными из провинции Селен. Они ушли на закате, приняв облик Темной Совы.

— Их узнали, — сказал старый рыцарь.

— Они не так долго задерживаются, — тон Теорина был скорее надеждой, чем аргументом. — Сырнте не обнаружили никого в последние дни. Почему эти двое должны быть пойманы сейчас?

— Сырнте удерживали хребет Фаэлона всего лишь с одним полком солдат. Теперь все по-другому.

Ранее в тот же день армия вторжения вышла из сердца Моэна и разбила свой огромный лагерь в начале перевала. Кровь Дростана стыла в жилах, когда он услышал, как его разведчики сообщают цифры. Он сразу же отправил гонцов в Римсавен, зная, что его небольшой отряд скоро потеряет свою слабую хватку и будет вынужден сдать в долине внизу.

— Призовите всех мужчин к оружию. Я хочу, чтобы еще два разведчика были отправлены на полпути вверх по перевалу, не далее, чем...

Вспышка нефритового света осветила покрытое шрамами лицо Теорина. Вздвогнув, оба мужчины посмотрели на начало перевала, где огненная завеса окутывала хребет Фаэлона. Волны аметиста и малахита ласкали ночное небо, затягивая вихрь облаков с молниями на концах.

Деревья перестали шевелиться.

Голос реки умолк.

Дростан напрягся, когда холод Подземного мира туго обернулся вокруг его живота. Он обнажил меч и сделал вдох, чтобы предупредить мужчин, но с его губ не сорвалось ни звука. Солдаты Мойсехена замерли вдоль всей стены, замороженные демонстрацией потусторонней магии.

Оглушительный крик раздался с высокого хребта, превратив лес в хаос. Птицы с криками слетели со своих сонных насестов. Оленята, спрятавшиеся на полянах, звали своих матерей. Деревья скрипели и стонали, словно смерть мучительными нитями протягивалась сквозь их корни.

Люди Дростана заткнули уши и закричали. Многие падали на колени, сбитые с толку, не обращая внимания на оружие на боку, на долг в их сердцах.

— Порядок! — взревел Дростан. — Порядок, говорю! К оружию!

Маги-воины первыми пришли в себя. Они сплотили людей, накладывая чары, чтобы заглушить воздействие неземного воя. Те, что стояли на флангах, подожгли хрустальные наконечники своих посохов и собрали в ладонях зарождающееся разноцветное пламя. Некоторые превратились в волков и бесшумно скользнули в лес по обеим сторонам, где деревья цеплялись за предательски крутой склон.

Оставшиеся солдаты толкали друг друга, выстраиваясь в ряды, пока все не встали с обнаженными мечами и настороженными лицами, глаза сияли в свете факелов, взгляды были устремлены на темную дорогу.

Наступила тишина, столь же зловещая, как и крики, посеявшие хаос несколько мгновений назад. В начале перевала сохранялась жуткая завеса огня. Деревья начали греметь и трястись. Ледяной туман поднялся над землей.

Дростан глубоко вдохнул, привязывая свой дух к сердцу горы.

Экату. Сепуэнем ал мелан думэ, Эрехай абнам ал шуэ.

Земля дрожала, словно под напором тысячи лошадей. Дростан осмотрел область под

Хребтом Фаэлона, но все было окутано тьмой. Каждый звук, каждый инстинкт указывал на быстрое приближение сырнте, но факелов не было видно.

— Маги, — позвал он. — *Эн эхан!*

Воины выпустили янтарные дуги, которые зажгли кусты и деревья, осветив дорогу в тридцати шагах впереди. Высокие ветки протестующе загудели, листья и хвоя зашипели, когда огонь превратил их в парящий пепел.

— *Рехорнем энем!*

Прежде чем пылающие деревья успели повалиться, из тьмы впереди выскочила орда демонов. Монстры бросились на засеки и очистили их одним прыжком, вытянув длинные конечности, когда они ворвались в центр линии Дростана.

Люди в ужасе разбежались, а их товарищи были схвачены и разорваны на части. Демоны атаковали с кошмарной яростью, черные когти затмили свет горящих деревьев.

Дростан пригнулся, когда демон пролетел над ним, приземлился и развернулся. Монстр поднялся с вытянутыми светящимися руками и ударил рыцаря по голове. Дростан увернулся от удара и ринулся вперед, низко взмахнув мечом. Лезвие погрузилось в живот, словно проглоченное вязкой жидкостью. Существо вскрикнуло и отшатнулось, размахивая руками, а из раны сочились тени.

На глазах ошеломленного рыцаря монстр оправился, его плоть стала целой.

Демон Наэтер снова атаковал. Дростан прыгнул в сторону, его меч вонзился в плечо демона и отсек ему руку. С пронзительным воем существо покатило прочь, оставив ампутированную конечность, бьющуюся в конвульсиях, у ног Дростана.

Наем антаэ!

Белое пламя вырвалось из ладони Дростана и поглотило руку с черными когтями. Рыцарь прыгнул на искалеченного монстра, нанося удары по голове и конечностям, разбрасывая куски и поджигая их магией.

— Расчлените их сталью! — крикнул он воинам-магам поблизости. — Сжигайте останки.

Слово распространилось. Дростан двигался среди своих людей, подгоняя их, пока они рубили и поджигали своего врага. С растущей уверенностью они продвигались вперед, пока вторая стая наэтерских демонов не принесла новую волну ужаса.

Самый большой из них упал на Дростана, вбив его в землю, рассекая броню и разрывая обнажённую плоть. Рыцарь вскрикнул, когда боль пронзила его тело. Меч был выбит из его рук.

Призвав чары, Дростану удалось выползти из-под монстра. Он пробирался по корням и опавшим листьям, но защита не выдержала. Холодные когти глубоко вонзились в бедра Дростана. Существо оторвало рыцаря от земли и швырнуло его в большой ствол.

Оглушенный, Дростан упал на землю. Вдохи обжигали его ребра. Он заставил себя встать на ноги, прислонившись к старому дереву. Горячая кровь текла по его спине и ногам. Его пронзила сильная дрожь. Демон Наэтера вскочил.

Эхекату, фэом думэ!

Сила вырвалась из его ядра, сбив демона Наэтера с ног. Дростан рухнул на колени, чувствуя головокружение от силы заклинания и быстрой потери крови. Лес колебался на краю его сознания.

Демон Наэтер восстановил свою опору, чтобы снова противостоять ему. За ним рухнуло всякое подобие порядка. Десятки мужчин лежали мертвыми. Горстка воинов-магов все же

стояла. Другие кричали от мучений, когда демоны разрывали их груди и с пылом пожирали их сердца.

Они уже были разбиты, и Дростан не мог знать, сколько еще таких монстров ждет недалеко.

— Бегите! — голос рыцаря был хриплым, но он разносился по всему хаосу и вторил немногим оставшимся мужчинам. — В долину, а оттуда в Римсавен!

Солдаты бежали пешком или на лошадях. Воины-маги повалили последние из горящих деревьев и призвали форму Совы, чтобы улететь.

Остался только Дростан, его ноги были слишком слабы, чтобы бежать, его магия была почти истощена.

Демон присел перед Дростаном, раскачиваясь в терпеливом ритме. В его огромной пасти Дростан увидел пустынные глубины тюрьмы Подземного мира, царства истощенной магии и медленного разложения. Вокруг него столпилось еще больше таких же, смерть светилась в черных бездне их глаз.

Пройдя вперед, Наэтерский Демон прижал рыцаря к стволу за горло. Дыхание Дростана оборвалось от непрекращающейся боли. Тени прорезали его зрение. Монстр сорвал с него нагрудник, дрожа от злобного и голодного мурлыканья.

Дростан закрыл глаза и потянулся к сердцу старого дерева за его спиной.

Эхекат, нэом энем.

Боги ответили. Щупальца могучего духа дуба скользнули в вены Дростана, пополняя дыхание, которого его лишили. Когда ледяной коготь демона вонзился ему в грудь, Дростан стал единым целым с лесом. Его плоть не раскрылась, а превратилась в грубый слой коры. Его ствол расширился, захватив когти Наэтерного Демона и проглотив его руку.

Монстр жалобно завыл, пытаясь убежать.

Ветви Дростана росли, скручивались, стонали и падали на Демонов, опутывая их сеть древесных лоз, вознося их к неумолимым небесам, пока дерево не содрогнулось под тяжестью стольких смертей. Живое дерево почернело. Ветки засохли и увяли. Ствол раскололся с громовым треском. Древний дуб упал, его крона с грохотом рухнула на дорогу, в оставленные позади пылающие деревья. Ветви и листья вспыхнули в одно мгновение, пожирая демонов в огненной хватке.

Пока широкий ствол трещал и дымился, дух Дростана выскользнул из дуба. На другой стороне пропасти он услышал зов своих братьев и сестер, манивший его к месту, где усталые воины могли, наконец, найти свой покой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Прощение Ришоны

Сырнте с триумфом вошли в долину Эрунден под голубым небом, усеянным белыми облаками. Знамена алого и золотого цвета трепетали на ветру, наполняя узкую равнину цветом и движением.

Люди были в хорошем настроении. За последние недели они понесли мало потерь, а власть Ришоны над демонами Наэтер соблазнила их иллюзией несокрушимости. Они обменивались смехом и непристойными шутками, когда возводили палатки, и кланялись в почтении всякий раз, когда Сан'иломан проходили среди них.

Несмотря на радостное настроение армии, Ришона ехала с подавленным духом. Когда она в последний раз вошла в Эрунден, ее надежды на корону Мойсехена рухнули. После поражения Эрнана Мехнес забрал ее на земли Сырнте, на верную смерть.

Теперь она снова стояла здесь, ее армия была больше, чем когда-либо. Боги дали ей второй шанс. За это она была благодарна. За этой долиной ждали драгоценные рудники Селкинсена, железные холмы Мойсехена и реки магии, протекавшие под Селен. Победа была в пределах ее досягаемости, а вместе с ней и корона ее убитого отца.

По ее плечам пробежала дрожь.

«Эрунден — хранитель моей судьбы».

Она слышала шепот Говорящих Голосов, но закрыла свой разум от их бормотания, опасаясь того, что еще они могут сказать.

Когда сумерки опустились на долину, Ришона, Мехнес и их офицеры собрались на вершине невысокого хребта на южном краю долины. Именно здесь Ришона впервые призвала демона Наэтер, чтобы поглотить душу волшебника Церемонда; здесь Эолин спустилась в Преисподнюю, а Король-Маг последовал за ней. Ришона чувствовала остатки портала, который они оставили позади, словно холодный сквозняк у входа в пещеру.

«Еще одна жертва, и наша победа будет обеспечена».

На импровизированном алтаре среди разбросанных деревьев жрица Донатъя приносила благодарственные подношения богам Сырнте. Ее песня была пронзительной и резкой. Она сжигала ароматные листья и пускала кровь мелких существ, которые визжали от мучений.

Стоя рядом со своими людьми, Мехнес надул щеки и стучал пальцами по рукояти меча. У него не было терпения ни к богам, ни к кому-либо еще, кто заставлял его ждать. Ришона вполне могла себе представить, что он думал об изуродованном гимне Донатьи. Словно почувствовав внимание Ришоны, Мехнес скользнул взглядом по племяннице и остановился на ее белоснежном платье.

Она тихо вдохнула, чувствуя, как вздымается и опускается ее грудь. Она позаботилась о том, чтобы надеть платье, которое понравится ему, платье из прозрачной ткани, облегаящее ее тело. Провокационная музыка страданий Адианы была навязчивой идеей ее дяди в последнее время, и Ришона отчаянно нуждалась в том, чтобы избавиться от этой навязчивой идеи.

Его глаза сузились, и он послал Ришоне видение Адианы, отдающейся ее ласке, их тела извивались как одно целое, их волосы переплетались лентами из золота и черного дерева.

Это была не та фантазия, которую Ришона стремилась вдохновить, но она позволила улыбке тронуть свои губы и тихо кивнула дяде.

Когда они, наконец, завершили молитвы, сумерки превратились в беззвездную ночь. Ришона и Мехнес сели на лошадей и спустились с хребта, стража и офицеры заняли позиции вокруг них. Где бы они ни проходили, их встречали возгласами восхищения.

Прибыв в просторный павильон Ришоны, Сан'иломан распустила всех своих слуг. Многочисленные свечи, наполненные ароматами меда и жасмина, отбрасывали мерцающий свет на ее широкую кровать. Ветер колотил палатку, поднимая полы брезента и посылая короткие порывы воздуха к их ногам. Платье Ришоны струилось по ее коже, и она слегка выгнулась, чтобы усилить эффект.

Пригласив дядю сесть, Сан'иломан приподняла блестящую вуаль, скрывавшую ее обесцвеченное лицо, следы синяков, которые она получила от руки Мехнеса в Моэне. Она подавала ему вино и еду, ее манера поведения была полна тщательного почтения, ее улыбка была грациозной и приятной.

— Сегодня мы прошли полный круг, — Ришона сняла туфли и побаловала его вспышкой своих темных глаз. — Здесь, в Эрундене, я видела, как Эрнан потерпел поражение, а мой

брат погиб. Теперь я вернулась с тобой, дядя. Твоя доблесть, твое лидерство и твоя великолепная армия. Ты принес нам великую победу в Моэне. Скоро победа будет и за нами в Мойсехене.

— Наш марш через Моэн был лишь приятной прогулкой для этих людей, называющих себя солдатами, — тон Мехнеса был резким и серьезным. — Король-Маг ждет нас на дороге в Римсавен. Если повезет, к завтрашнему дню мои разведчики скажут нам, где. Он не сдастся так легко, как бесполезные лорды Моэна.

— Он молод и плохо знаком с войной. Он не сравнится с твоей хитростью.

— Я не такой дурак, чтобы недооценивать его. Помяни мои слова, Ришона, этот прогресс, которым ты так наслаждалась, вот-вот превратится в жестокую и кровавую кампанию.

— Мои Демоны ...

— ...в этом вопросе мало что изменят. Они нападают только ночью. И они не организованы, ненадежны. Они ведут свои собственные битвы, а не наши.

— Их битва — наша битва.

— Они полезные питомцы, когда подчиняются твоим командам. Но рассматривала ли ты возможность того, что однажды их не будет?

Ришона напряглась.

— Конечно, дядя. Я тоже не такая дура. Мы с Донатъей готовы отправить их в их холодную тюрьму и навсегда закрыть за ними дверь. Но до сих пор они делали все, о чем я их просила, и без колебаний.

— Они не убили мага.

Ришона вдохнула. Она предвидела этот аргумент и думала, как обратить его в свою пользу.

— Два раза ее находили. Дважды они потерпели неудачу, — сказала она. — Их неудача была и моей. Я слишком рано послала Демонов Наэтер; у них не было достаточно магии, чтобы победить ее. Теперь они стали сильнее, но и мага тоже. Она вернулась к Королю-Магу и связала с ним свою магию. Пока мы говорим, переплетение их сил закрывает брешь между ними и Подземным миром. Если Наэтерские Демоны хотят их уничтожить, мы должны нанести удар в ближайшее время. И самой мощной доступной нам магией.

Мехнес замер над своим вином.

— Ты хочешь сказать, что они могут убить Короля-Мага напрямую?

— О, да, — Ришона взяла сливу, погладила ее губами и задумчиво откусила сочную мякоть. — Но мы должны принести надлежащую жертву.

В смешке Мехнеса была сдержанная угроза.

Ришона не дрогнула под его взглядом, а встала, приблизилась извилистым шагом и опустилась на колени у его ног. Она вытасила шпильки из своих темных волос, так что черные пряди упали ей на плечи. Нежным прикосновением она начала снимать с него сапоги.

— Ты хочешь Адиану, — сказал он.

— Я не хочу ее, дядя, — Ришона села на пятки, сложив руки на коленях, опустив глаза так, что ресницы темнели на щеках. — Дело не в том, что она тебе нравится, я однажды звала ее подругой. Если бы Боги дали мне другой путь... но они этого не сделали. Адиана — единственный богатейший сосуд магии, который мы взяли в высокогорьях Моэна. Демоны Наэтер жаждут ее больше, чем кого-либо другого. Они уверяют меня, что с ней они смогут

уничтожить Короля-Мага прежде, чем мы встретимся с ним в бою. И магу тоже, если она рядом с ним.

Мехнес наклонился, коснулся пальцами ее подбородка и перевел взгляд Ришоны на свои глаза.

— Ты не должна верить обещаниям этих тварей.

Она улыбнулась и прижалась губами к его ладони.

— Я не доверяю им безоговорочно. Я говорю тебе только то, что рассказали мне Наэтерские Демоны. Тебе решать в своей мудрости, прислушиваться ли к их словам.

Приблизившись, Ришона провела ладонями по его бедрам.

— Я могу сказать так: до сих пор они меня не обманули, и у меня нет оснований полагать, что они меня сейчас обманывают. Мы можем заявить о нашей победе над телами тысячи солдат-сырнте. Или мы можем принести Наэтерским Демонам эту маленькую жертву и навсегда избавиться от Короля-Мага.

Она положила голову ему на колени и принялась за шнуровку его бриджей. Ришона не чувствовала ни отвращения, ни желанья, только спокойную уверенность, что это самый верный путь к его благосклонности.

Мехнес лениво поиграл с прядью ее волос и отхлебнул из своего кубка.

— Ты думаешь околдовать меня, — сказал он. — Как сделала со своим безмозглым братом. Как поступила с половиной двора в Эхналаме.

Она скользнула пальцами по его мужскому началу и, найдя его готовым и нетерпеливым, начала применять свои отработанные прикосновения.

— Я бы никогда не стала притворяться, чтобы околдовать тебя, дядя. Я хочу только доставить тебе удовольствие, как ты всегда доставлял мне удовольствие.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Королева-воительница

Эолин подняла голову с томов из библиотеки Церемонда и поняла, что уснула. Тщательно переписанные истории сопровождали ее в ее снах, образы древней магии и жестоких монстров, жестоких сражений и холодных тюрем Преисподней. Все они разбежались под настойчивым стуком у входа в ее покои.

Страхнув с себя сонливость, Эолин встала, пересекла вестибюль и положила руки на крепкую деревянную дверь.

— Кто зовет в этот час?

— Король, миледи, — это был Тибальд, капитан ее стражи, его хриплый голос был приглушен дверью, которая их разделяла. — Гонец короля прибыл из Римсавена.

Прошептав заклинание, Эолин сняла чары, защищавшие ее покои в Восточной башне. Она подняла засов и взгляделась в темноту за ним.

Губы Тибальда сложились в мрачную линию над его каштановой бородой. Позади него стояло с полдюжины других вооруженных людей, с ожидающими лицами в свете мерцающих факелов. Один из них протянул сложенный лист бумаги с печатью Вортингена.

Эолин приняла послание, удивленная тем, насколько тяжелым оно оказалось. Она велела им подождать, отступила в вестибюль и сломала печать.

Мага Эолин.

Акмаэль написал своей рукой. Бумага несла следы его сущности, чернила — отпечаток тяжести его горя.

С глубокими опасениями возлагаю на тебя это бремя, но время позднее, и у меня нет

другого выбора. Ты должна прийти ко мне сейчас. Сырнте захватили Эрунден со своими демонами, убив почти всех, кто защищал его. Сэр Дростан был среди павших.

Эолин резко вдохнула, зная, как глубоко Акмаэль переживал потерю любимого наставника и доверенного советника. Несмотря на сдержанность в поведении, Дростан всегда относился к ней с добротой. Вокруг него была аура вневременности, непобедимости.

Хотя воины-маги, которые у меня есть, — способные люди и верные сердцем, они не знают ни этих существ, ни Преисподнюю, из которой они пришли. Мне нужна твоя сила и твоя мудрость рядом со мной.

— Я не готова, — она взглянула на стопку книг, которые поглощали каждую мысль, каждое мгновение с тех пор, как им открылась библиотека Церемонда. Она много читала и многому научилась, но еще не нашла того, что искала.

А если и нашла, то еще не поняла этого.

— Что творится? — Гемена вышла из спальни и встала возле стола, с растрепанными волосами и скомканной ночной рубашкой под одеялом, накинутым на ее худые плечи. Сонно хмурясь, она разглядывала Эолин.

— Я должна немедленно покинуть Город, Гемена.

— Ты собираешься в Моэн? — в ее глазах было сомнение, но надежда в голосе. — Тогда ты вернешь их, Ташу, Катарину и госпожу Адиану?

Эолин покачала головой.

— Нет.

— Это от Короля-Мага, — девушка обвиняюще указала на письмо. — Ты идешь к нему! Почему? Наши сестры в опасности.

— Все королевство в опасности, и мои навыки необходимы, чтобы защитить его.

— Почему ты должна тратить свои навыки на защиту его и его магов?

— Гемена...

— Они сожгли маг!

— Это не совсем верно...

— Верно. Отец этого человека сжѐг их всех, кроме той, кого он заставил сделать Короля-Мага. Ты это знаешь, и все равно ведешь себя так, будто этот ужасный человек важнее любой маги, важнее всего нашего шабаша!

— Наш ковен не мог бы существовать без его защиты.

— Это не защита, — она ударила маленьким кулачком по столу. Ее щеки покраснелись, были мокрыми от слез. — Он держит тебя, как птицу в клетке, пока Таша, Катарина и Адиана погибают в Моэне.

Эолин отложила письмо, ошеломленная силой гнева Гемены. Она нежно взяла девочку на руки, вытерла слезы и убрала волосы с ее лица.

— Дорогая Гемена. Я знаю, как тяжелы для тебя наши многочисленные потери. Все так сложно в военное время. Когда вторжение Сырнте будет остановлено и наша земля снова будет в мире, у нас с тобой будет долгий разговор обо всем, что произошло. Дадут Боги, и мы воссоединимся с нашими сестрами.

— Что, если мы больше никогда их не увидим? Что, если они мертвы, потому что мы не вернулись? Я обещала Таше, что мы вернемся за ней.

— Не все обещания можно сдерживать, Гемена. Особенно во время войны.

— Это обещание нужно сдерживать!

Эолин медленно выдохнула, не зная, что ответить.

— Король-Маг наложил на тебя заклинание, — слова Гемены вырвались между сердитой икотой.

Эолин не могла не улыбнуться.

— Ты так думаешь?

Она яростно кивнула.

Эолин поцеловала ее в лоб.

— Тогда ты должна изобрести оберег, чтобы разрушить заклинание Короля-Мага. А теперь готовь свои вещи. Я не могу оставить тебя одну в этом замке.

— Я пойду с тобой?

— Нет. Я оставлю тебя на попечение Верховного мага Телина, пока не вернусь.

— Его? — Гемена нахмурилась.

— Боюсь, на данный момент больше никого нет.

— Но он мне не нравится.

— Почему нет? Он был недобр к тебе? Он как-то плохо с тобой обращался?

— Нет. Но он мужчина.

— О, Гемена, — Эолин закатила глаза. — Половина взрослых в этом мире — мужчины. Рано или поздно ты должна научиться любить хотя бы некоторых из них.

— Мне достаточно нравился Бортен, но ты и его бросила.

Гемена громко ушла прочь, не подозревая, как глубоко ее слова пронзили сердце Эолин.

Угрызения совести и грубая неуверенность наполнили грудь Эолин. Она вспомнила горько-сладкий вкус поцелуя Бортена.

«Они будут жить, — сказала она себе. — Бортен и Мариэль доберутся до поместья его семьи, и там они будут в безопасности».

Что касается других, это было невозможно узнать. И в любом случае, сейчас они были выше ее сил.

— Моя леди? — Тибальд снова привлек внимание Эолин к текущему моменту. Его тело заполнило дверной проем. Позади него она видела других мужчин, все они ждали ее указаний.

Эолин встала и сморгнула укол своих сожалений.

— Пожалуйста, сообщите моей страже. Мы отправляемся в течение часа.

Лошади ждали их во внешнем дворе, все еще окутанном предрассветной тьмой. Эолин усадила Гемену и кивнула Тибальду, который рявкнул приказ открыть ворота.

Пришпорив кобылу, Эолин взглянула на высокие окна покоев королевы, тускло освещенные изнутри. Тень прошла по балкону как раз в тот момент, когда обзор Эолин закрыла высокая арка замка.

Они ехали по извилистой дороге к Городу в тишине, стук копыт по бульжникам, звон мечей и кольчуги составляли ритмичный аккомпанемент. На городской площади они свернули на широкую улицу, ведущую к Кварталу Магов.

Жители Мойсехена только начинали шевелиться. Свечи мерцали на подоконниках. Из черного входа время от времени доносился стук кастрюль, сопровождаемый пронзительным голосом женщины, вытаскивающей своих детей из постели.

Эолин вдохнула ароматы дымящегося чая и свежего хлеба, прерванные неприятным запахом человека, справляющего нужду в углу. Она услышала храп пьяницы в переулке; миновала погонщика быков, бормоча проклятия, он уговаривал своих вьючных животных проснуться.

Их прибытие в Квартал Магов было ознаменовано освежающим ароматом серебристой липы, ветви которой отбрасывали широкие арки на ухоженные улицы. В резиденции Верховного Мага Телина было темно, и его слуга не хотел будить хозяина. Настойчивость Эолин от имени короля мало убедила его, но когда Тибальд выступил вперед с обнаженным мечом и грозным выражением лица, молодой человек поспешил подчиниться.

Сонные глаза Телина широко раскрылись, когда он увидел Эолин и королевский эскорт. Он не задавал вопросов, но поманил магу и ее подопечную внутрь, приказав солдатам оставаться у его двери.

— Я немедленно отправляюсь в Римсавен, — сказала Эолин.

— Я так и предполагал, — Телин посмотрел на Гемену, которая прильнула к боку Эолин и пристально глядела на него. — А она останется со мной?

— Если ты не против.

— Конечно, — он приказал слуге приготовить комнату. — Гемена, иди с Микалем. Он обеспечит все, что тебе нужно.

Она помедлила и бросила последний умоляющий взгляд на Эолин, которая наклонилась, чтобы обнять ее.

— Делай, как говорит верховный маг Телин, Гемена. И молись богам, чтобы они не разлучили нас надолго.

Микаль взял сумку Гемены и ее руку. Оба исчезли в одном из длинных коридоров, Гемена волочила ноги.

Телин провел магу в маленькую прихожую, где наложил звуковую защиту.

— Ты нашла что-нибудь еще в коллекции Церемонда? — спросил он.

— Нет. Я посылаю некоторые из самых подробных отчетов в Римсавен, чтобы я могла продолжить их изучение там, но это все только истории и события. Боюсь, я буду мало полезна королю, но он звал, и я должна ответить на его зов, — воспоминание о ее спуске в Подземный мир непрошено вкралось в ее разум, и она вздрогнула. — У меня даже нет посоха, чтобы усилить мою магию.

Телин кивнул.

— Высшая мага может многое сделать без посоха, но при встрече с врагом, особенно с таким врагом, как этот, он является необходимым инструментом.

— Ты думаешь, я была душой, оставив свой маг у Кори. Признаюсь, я согласна.

Улыбка коснулась его губ.

— Не дура, просто удивительно доверчива. Но твоя способность доверять может быть вознаграждена, Мага Эолин. Я хочу предоставить вам возможность вызвать зависть у Кори.

Она нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Телин отступил с почтительным поклоном и провел рукой вдоль каменной стены к юго-восточному углу тесного помещения. Пробормотав заклинание, он отдернул камень, словно это была тонкая занавеска. За иллюзией стоял посох из состаренной и полированной рябины с набалдашником из янтаря. Телин взял его обеими руками и протянул Эолин.

Она отшатнулась в змеином инстинкте, ее дух прирос к земле, защитная магия устремилась к кончикам пальцев.

— Я знаю этот посох. Он был использован против меня.

— Чтобы наложить проклятие Ахмад-дура, — согласился Телин. — Он остается самым могущественным посохом в королевстве, хотя его хозяина больше нет с нами. Я считаю, что

сейчас это был бы твой лучший выбор.

— Я не могу использовать этот инструмент. Это бросило бы вызов всему, что я пытаюсь с ним сделать.

— Я позволю себе не согласиться, Мага Эолин. Видишь ли, в последние дни меня мучает любопытная загадка. Церемонд впустил тебя в свою библиотеку. Тебе, и никому другому, был дан шифр от его чар. Учитывая всю приверженность Церемонда к уничтожению маг, учитывая все, чему он учил своих последователей относительно опасности таких женщин, как ты, зачем преодолевать пропасть, отделяющую нас от загробной жизни, чтобы коснуться твоего сознания? И почему сейчас?

— Ты слишком много в этом читаешь, маг Телин. Моя расшифровка чар была простым совпадением; воспоминание, которое пришло в нужный момент, счастливый инстинкт усталой маги.

— При всем уважении, Мага Эолин, не оскорбляй наших мертвых братьев и сестер, лишая их права говорить с нами, когда ими движет желание и нужда.

Она изучала посох в его руках.

— Ришона призвала демона Наэтер поглотить Церемонда. Он бы не выжил, чтобы войти в загробную жизнь. Сейчас он не может ни с кем из нас разговаривать.

— Ведьма Сырнте желала уничтожить его и всю его магию. Но если ты возьмешь в свои руки этот посох, Мага Эолин, ты поймешь, что она не добилась успеха. Дух Церемонда должно быть, нашел способ сбежать от демонов Наэтер, потому что его магия не может жить в этом мире, если она не выжила в следующем.

И все же Эолин сомневалась.

— Все, о чем я прошу, — это проверить его магию, — сказал Телин. — Если посох тебе не нравится, можешь не брать его.

Поколебавшись, она шагнула вперед, положила ладонь на полированное дерево, закрыла глаза и прислушалась к его тихому гудению.

Ощущение магии Церемонда удивило ее. Она ожидала гнева, агрессии и обиды; но все, что она заметила, были дисциплина и сосредоточенность, непоколебимая надежность хорошо укоренившегося дерева.

Когда Эолин открыла глаза, Телин уже отошел. Посох неподвижно лежал в ее руках.

Маг мгновение разглядывал ее и пожал плечами.

— Он не был плохим человеком. Просто плохо обходился с некоторыми.

Она издала короткий смешок, слезы жгли глаза от сильного всплеска эмоций. Она вспомнила огненное разрушение своей деревни, жестокую смерть ее семьи, годы изгнания, страха и сокрытия, кульминацией которых стала душераздирающая война против Акмаэля.

И в центре всего этого был Церемонд.

Неужели ее враг в жизни мог стать союзником в смерти?

— Значит, ты возьмешь его? — спросил Телин.

— Да, — она притянула посох ближе. — Спасибо, маг Телин. Это самый щедрый дар.

— Я делаю это не для тебя, а для нашего народа. И это не дар.

Эолин улыбнулась.

— Я понимаю. Он будет возвращен, когда эта война закончится.

Он кивнул и проводил ее до двери. Стражи ждали с факелами в руках. Небо над головой уже осветилось слабым светом зари.

— Наш король предоставил мне средства магии, чтобы добраться до него, — сказала

она Тибальду. — Сейчас я воспользуюсь этим заклинанием. Вы и другие стражи останетесь здесь. Благодарю вас от имени короля за вашу службу.

Тибальд кивнул.

— Как пожелаете, Мага Эолин.

Эолин отошла и вытащила серебряную паутину с места на ее сердце. Ветер хлестал ее плащ и разбрасывал листья по двору Телина. Свечи теперь освещали все окна дома Верховного Мага.

Она чувствовала, как на нее смотрели, любопытство и предвкушение вспыхивали в бодрящем утреннем воздухе. Ее плечи напряглись под пристальным вниманием, и ее внимание было нарушено, когда она начала заклинание.

В этот момент Эолин поняла, что даже за последние годы свободы она привыкла практиковать магию осторожно, в тихие моменты, скрытые от посторонних глаз. Иметь так много свидетелей ее силы, особенно таких мужчин, как эти, все еще казалось опасным и неразумным.

Напомнив себе, что Тибальд и другие стражники были назначены Акмаэлем для ее защиты, Эолин вдохнула, закрепила свой дух и начала заново.

Мир изменился, исчез, а затем вернулся.

Дождь омывал ее лицо и плащ, легкая, но устойчивая серая завеса пропитывала ее ресницы и затуманивала зрение. Низкий отдаленный гром был быстро подавлен внезапным ржанием лошадей, топотом копыт и испуганными криками людей.

Мечи звенели, покидая ножны. Опасаясь угрозы смерти, Эолин опустилась на колени, склонив голову, сжимая руками посох Церемонда, замерев, как загнанная в угол лиса, в то время как клинки угрожающе шипели, а ручейки воды скапливались на илистой земле под ней.

Резкая команда короля, и оружие отступило. Эолин услышала, как Акмаэль спешил, узнала вес и ритм его походки. Тем не менее, она не осмеливалась поднять глаза, пока он не встал перед ней и не предложил ей встать, протягивая руку в перчатке.

Она приняла его помощь и встретила с ним взглядом.

— Мага Эолин, — сказал он.

— Мой король.

Казалось, они пережили этот момент раньше, много лет назад, когда вокруг них толпились Потерянные души, и их магия и надежда почти угасли. Именно так они прикоснулись друг к другу, увидели друг друга как в первый раз. Сила текла между ними, как и сейчас, возрождая их дух, открывая темные своды Преисподней, позволяя Королю-Магу и Высшей Маге вернуться в царство живых.

Акмаэль взглянул на янтарный кристалл на рябиновой колонне и сдвинул темные брови.

— Я узнаю этот посох.

— Высший маг Телин доверил его мне, — сказала Эолин, — чтобы я могла использовать его для защиты нашего народа.

Акмаэль кивнул, в его каменных глазах промелькнула нежность. Он положил ладонь на ее щеку, прижался теплыми губами к ее влажному лбу.

— Наконец-то, ты прибыла. Эолин, любовь моя. Моя королева-воительница.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Сорока

Горловой хрип вывел Адиану из сна. Она огляделась, растерянно. Тревожные сны цеплялись за ее сознание. Она не могла вспомнить, где находится.

Черные перья и цвета слоновой кости бросились на нее, крылья били ее по лицу. С резким криком она попятилась, ее отступление было прервано ящиком.

Перед нею стояла сорока, оперение было черным, как беззвездная ночь, а грудка — белой, как снег. Птица сделала несколько прыжков, запрыгнула ей на колени и посмотрела на нее сначала одним янтарным глазом, потом другим. Когти вцепились ей в ноги сквозь поношенную юбку.

— Кыш! — она шлепнула по ней рукой.

Птица завизжала и отлетела на несколько шагов. Она наклонилась к земле, подбросила камень, выпрямилась и снова посмотрела на Адиану.

— Проклятый паразит! — камень, брошенный одним из охранников, заскользил по земле, едва не задев сороку.

Птица расправила крылья и с воплем прыгнула к небу, быстро превратившись в маленькую тень на грифельном небе.

Охранник приблизился, сплюнул на землю, где до этого была птица, и пробормотал:

— Плохая удача, эти птицы.

Он бросил жадный взгляд на Адиану, прежде чем переключиться на что-то другое.

Взгляд Адианы привлекла вспышка света на красновато-коричневых складках ее юбки. Это было сломанное крыло бабочки, украшенное замысловатыми петлями бледно-зеленого и блестящего серебра.

Адиана бережно подняла тонкое крыло, благоговей перед этим проявлением нежной красоты в мире, которое стало таким суровым и уродливым. Она и Таша гонялись за этими бабочками в разгар весны, и их смех свободно летал над открытыми полями Моэна.

Воспоминание вызвало слезы, за которыми последовала горькая улыбка. Как-то забавно, что у нее еще не кончились слезы.

— Ты самая ленивая шлюха, которую я когда-либо видела, — толстая надзирательница стояла над ней, уперев руки в бока, на ее пухлом лице застыла хмурая гримаса. Герта, так ее звали. По крайней мере, это имя Адиана слышала, когда другие говорили о ней.

Она не поморщилась от слов матроны. Она стала шлюхой, и когда она не играла музыку или не обслуживала потребности принца Мехнеса, она чувствовала себя праздною и бесполезной.

— Если вы хотите дать мне какое-то задание, я не буду жаловаться. Я могу стирать и готовить, шить и чинить...

— И огрубить свои прекрасные руки? Принц Мехнес снесет мне за это голову. Кроме того, ты скорее заснешь, чем будешь мыть горшки или чинить рубашки.

— В последнее время я сплю не так спокойно, — сказала Адиана. — Я бы была рада отвлечься.

— Ты достаточно хорошо спала с тех пор, как мы прибыли сюда. Не сдвинулась с того места со вчерашнего дня.

Адиана вскочила на ноги, сунув крыло бабочки в карман. Солдаты двигались дерзко, крича друг на друга и обмениваясь широкими улыбками, пока точили оружие и ухаживали за лошадьми.

— Так долго? — спросила Адиана, сбитая с толку. — Я так долго спала?

Матрона презрительно усмехнулась.

— Он не звал меня, — поняла она, и страх пронзил ее сердце. — Вчера вечером он не позвал.

— Не волнуйся, — Герта скрестила дряблые руки и, прищурившись, глядела на Адиану. — Половина армии уже бы с тобой переспала, если бы генерал потерял к тебе интерес. Нет, ты по-прежнему его приз и закрыта для остальных. У меня есть приказ привести тебя в порядок. Генерал хочет послушать, как ты сегодня играешь.

Она подмигнула и показала похотливую, беззубую ухмылку.

С наступлением вечера Адиану доставили в шатер Мехнеса, омытую и надушенную, с расчесанными волосами до блеска, а затем заплетенными в косы с пурпурными цветами этне, собранными в близлежащих лесах.

Платье, которое ей подарили, было чистым, но простым. Его прозрачная ткань мало защищала от холода и оставляла у нее ощущение незащищенности. Ее щеки вспыхнули в присутствии мужчин, хотя все, кроме Мехнеса, не позволяли своим взглядам задерживаться на ней дольше, чем на мгновение.

Калил и остальные музыканты не разговаривали с ней, когда она заняла место рядом с ними. Не то чтобы их молчание имело значение. Ничто больше не имело значения, на самом деле. За исключением музыки.

Она взяла гусли, настроила их и, когда Идам отметил темп их песни медленным ударом своего барабана, начала играть.

Это был мрачный обед, лишенный шумного веселья, которое характеризовало эти собрания с момента их отбытия из Моэна. Других женщин не было. Еда и вино были сдвинуты к краю стола, чтобы освободить место для карт, разложенных по центру. Офицеры не сидели, а стояли в беспокойстве, некоторые расхаживали, прежде чем вернуться в толпу, все говорили серьезно, подчеркивая слова, тыкая в карты или водя ладонями по широким дугам нарисованного пейзажа.

Адиана не понимала их разговора и, во всяком случае, не обращала на него особого внимания, поглощенная чарами собственной мелодии, ее нежной лаской и успокаивающими объятиями, ее добрым приглашением в место забвения.

Наконец, спор утих, а затем завершился монологом принца Мехнеса. Офицеры ответили короткими кивками или короткими поклонами, прежде чем уйти.

Мужчины и музыканты ушли, Адиана отложила свой инструмент и стала ждать.

Мехнес медленно обошел длинный стол, не обращая внимания на ее присутствие, как это часто было, изучая карту проницательным взглядом, барабаня пальцами по рукояти меча. Вернувшись к месту во главе стола, он сел, налил себе кубок вина и обратил свое внимание на нее.

— Играй, — сказал он.

На этот раз она выбрала лютню, интерпретируя песню, которой Калил научил ее много лет назад, однажды вечером, когда Круг Кори отдыхал после долгого путешествия между Моэном и Селкинсеном, здесь, в долине Эрунден. Это была скорбная мелодия, и она не была уверена в значении или произношении слов, но именно эта мелодия звучала в ее сердце. Она отдавала этому весь свой голос и страсть, хотя ее ребра все еще болели при каждом вдохе, и ее дух дрожал под тяжестью присутствия генерала.

Когда она закончила, он ничего не сказал.

Молчание становилось долгим и неловким, пока, наконец, она не подняла глаза и не обнаружила, что он разглядывает ее, как если бы она была скульптурой, которую он только

что заказал, или жеребенком, недавно произведенным одной из его кобыл.

— Почему эта песня? — спросил он.

Он никогда не задавал такого вопроса.

— Эта пришла ко мне, принц Мехнес, — сказала она. — Вот и все.

— Ты знаешь ее значение?

— Я считаю, что это песня о любви. Так сказал Калил, когда впервые научил меня ей.

— Ах, — он откинулся на спинку сиденья, ослабил шнурки на дублете. — Ты влюблена, Адиана?

— Я никогда не была влюблена, — ее взгляд был прикован к нему, в ее тоне звучал оттенок неповиновения. — И по милости богов никогда не буду.

Посмеиваясь, Мехнес отставил вино.

— Хорошо сказано, Адиана. Хорошо сказано.

Он наклонился. Веселье исчезло с его лица. Хищный жар охватил его глаза.

— Пойдем, — сказал он.

Адиана повиновалась. Мехнес привлек ее к себе и обнял за талию.

— Я заметил эликсир, который ты пьешь по утрам, — сказал он.

Холод пробежал по венам Адианы.

«Меня больше не должно удивлять все, что он видит».

— Ты могла бы разбогатеть, продавая свое зелье шлюхам, которые следуют за этой армией.

— Принц Мехнес, я...

— Я не упрекаю тебя. Наоборот, беременность — неприятность во время похода. Видят боги, из-за этого мне пришлось отказаться от многих женщин, — он положил руку ей на живот и поцеловал грудь через прозрачную ткань. — Но когда все это закончится и Мойсехен будет нашим, ты перестанешь пить свои горькие травы. Я хочу видеть, как мой сын растет в твоём животе, Адиана. Ничто не порадовало бы меня больше.

Сердце Адианы похолодело и замерло. Что она могла сказать на это?

«Боги свидетели, я никогда...».

Тем не менее, она думала о таком. Совершение немислимого стало естественной частью этого существования. Если бы только она могла полностью покинуть свое тело, оставить его опустошенную оболочку извращениям Мехнеса и обрести другую жизнь в другой форме, другой Адиане. Новой и целой.

Мехнес развязал пояс Адианы и извлек из его складок крыло бабочки, которое она нашла ранее днем. Фрагмент сверкнул серебристым и зеленым, когда он поднес его к свету.

— Расскажи мне о сороке, которая дала тебе это.

— Сорока? — его вопрос удивил ее. — Сорока не дала мне этого. Должно быть, она заметила крыло у меня на коленях и хотела его украсть...

Ее голос умолк в замешательстве.

— Ты уверена, что это был не один из твоих друзей? — спросил Мехнес. — Может, Мага Эолин?

— Эолин? Нет, это была не Эолин.

— Я слышал, что ваши маги могут принимать форму многих лесных существ.

— Да, но они превращаются в животных, соответствующих их характеру. Сорока — птица хитрая и воровская. Это не похоже на Эолин. Нисколько.

— Значит, один из ее товарищей по магии. Маг, посланный спасти свою подругу?

Адиана покачала головой и отвернулась, мечтая о заклинании, которое могло бы стереть живость его присутствия, этот постоянный запах пота и кожи, крови и войны. Меланхолия тяготила ее плечи и звучала в ее голосе.

— Никто не придет меня спасать, принц Мехнес.

Он взял ее за подбородок рукой. Она презирала сострадание, мерцавшее в его глазах, жестокую нотку надежды в его порочной и нескончаемой песне.

— Почему ты думаешь, что за тобой никто не придет? — спросил он.

— Те, кто не был раздавлен во время вторжения в Моэн, теперь собираются у Короля-Мага. Эолин, все маги, благородные семьи и их воины. Они видят армию Сырнте у своего порога и объединяются с одной целью: победить вас. Даже если бы они знали о моем плене, они не стали бы тратить время на траур. Они не жертвуют ни единым человеком, чтобы переманить меня с вашей стороны, потому что знают, какой вызов ждет, когда сойдутся ваши армии, и они не могут тратить способных магов на несущественные дела. Когда-то я много значила для своей подруги Эолин, но эта ценность ничто по сравнению с судьбой этого королевства.

Странное выражение появилось на лице Мехнеса. Он ослабил хватку на ней, и его взгляд обратился внутрь.

— Это так? — пробормотал он. — Это ничто?

Неуверенность в его тоне встревожила Адиану. Она отвела взгляд.

Через мгновение Мехнес налил себе еще вина. Он отмахнулся от нее и кивнул в сторону кровати.

— Готовься. Завтра я уезжаю, но впереди щедрая ночь.

Адиана позволила платью соскользнуть с плеч и укрылась под мягким одеялом. Она долго лежала без сна, наблюдая за погруженным в свои мысли командиром Сырнте. Он неспешно водил пальцами по лежащей рядом карте, рассеянно пил, пока, наконец, не опрокинул кубок и не обнаружил, что он пуст. На его лице появилось хмурое выражение, и он отбросил чашку в сторону.

— Будь все проклято, — сказал он и бросился к кровати.

Сорвав одеяло, Мехнес схватил Адиану и втянул ее в водоворот непреодолимого голода. Она встретила его похоть с такой же яростью, не желая, чтобы эта ночь была чем-то менее ярким. Не потому, что она хотела доставить ему удовольствие, а потому, что чувствовала на себе взгляд смерти, ее острый клюв, стремящийся вцепиться в ее плоть, ее снежные перья и тени, манящие к последнему объятию.

Когда Мехнес высвободился внутри нее, его рев был яростным и триумфальным. Тело Адианы содрогнулось от запретного экстаза. Он поймал ее в крепкие объятия, горячее дыхание обжигало ее кожу, хриплый голос звучал у ее уха:

— Никто не получит тебя так, как имею я, — поклялся он. — Никто.

Утром, когда первые лучи солнца осветили долину Эрунден, принц Мехнес начал долгий поход на север со своими офицерами, гвардией и большей частью армии.

Адиана осталась позади, отданная воле Сан'иломан.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Большая сила

Армия Акмаэля брела под серыми плачущими облаками. К полудню дождь несколько утих, и хотя солнце не показывало своего лица, небо прояснилось. От лошадей и плащей всадников поднимался пар.

Разведчики вернулись с юга и долго беседовали с Акмаэлем и его офицерами. Настроение было мрачным, со сжатыми челюстями и ожесточенными глазами. Под командованием Акмаэля армия прошла еще полмили, пока не достигла лагеря у реки Тарба.

В то время как люди начали устанавливать палатки и рыть уборные, Эолин попросили сопровождать короля, его офицеров и его магов, чтобы осмотреть местность, где они намеревались остановить наступление сырнте. Это была широкая равнина, спускавшаяся с невысокого хребта, окруженная с запада крутыми берегами Тарбы, а с востока — молодым, но густым лесом. Местность даст им преимущество, сказал ей Акмаэль, и это была одна из причин, почему он решил дождаться Сырнте здесь.

На гребне хребта Эолин спешила вместе с остальными магами. Король и его люди завершили обход верхом, в то время как она и ее товарищи-маги шли пешком, прислушиваясь к шелесту ветра над влажной травой, к тихому движению земли под их ногами. Они направили свои души к центру длинного плато. Эолин могла сказать по медленному ритму его сердца, что это был корень древней горы, изношенный до основания временем и силами, неподвластными ей.

Один из магов подошел ближе, дородный мужчина с веселым лицом, выпуклым носом и густыми белыми бровями. Он представился как Эхиор.

— Мы встретились однажды, в деревушке Моэн. Я не жду, что вы будете помнить.

Эолин пришлось некоторое время рассматривать его, но она вспомнила.

— На свадьбе. Это вы рассказали мне о Маге Кори и его Круге.

Эхиор кивнул с широкой улыбкой на лице.

— Знаете, тогда вы могли мне доверять. Хотя вы поступили мудро, не сделав этого, — он поднял свой посох. — Теперь я Высший Маг. Завершил свое обучение после смерти Церемонда и снятия запрета. Не такой искусный, как Кори или Телин, но в моем лице у вас есть друг, если он вам когда-нибудь понадобится.

Это заявление согрело ее сердце.

— Спасибо, маг Эхиор.

Бок о бок они обыскали невысокий холм, пока не нашли небольшое возвышение, которое могло служить фокусом магии во время битвы. Как только они сделали первый круг, король и его люди вернулись.

Акмаэль спешил, чтобы проверить их работу. Кивком выразив одобрение, он приказал магам установить второй круг на западе, возле леса. Эолин попросили вернуться в лагерь с королем, пока маги продолжали свою работу вдоль хребта.

— Ты, должно быть, устала, — сказал Акмаэль, пока они ехали вместе.

— Нет места усталости накануне войны.

— Хорошо сказано, — говоря, он осматривал пейзаж. Эолин чувствовала, как он замечает каждый провал и холмик, каждое дерево и одинокую скалу. — Этим вечером мы сядем со старшими офицерами и Высшими Магами, — сказал он, — и ты поделишься всем, что знаешь о Наэтерских Демонах.

— Боюсь, не так и немного.

— Все, что ты знаешь, пригодится. И еще кое-что, — Акмаэль остановил своего коня. — Бортен учил тебя, как я приказал?

У Эолин перехватило горло.

— Ты имеешь в виду, учил ли он меня владеть мечом?

Акмаэль кивнул.

— Ну, — она запнулась, — да, но...

— Покажи мне.

— Мой Король, мы начали всего несколько недель назад, и я не прикасалась к оружию с тех пор, как сбежала из Моэна.

— Тем больше причин сделать это сейчас.

Акмаэль спешил и поманил Эолин за собой. Он обнажил Кел'Бару и отдал ей, а затем взял клинок у одного из рыцарей. Мужчины собрались вокруг них свободным кругом, некоторые спешили, другие остались сидеть на своих лошадях, и все они наблюдали с выражением веселья, любопытства или сомнения.

Эолин колебалась в ожидании их насмешек.

— Пожалуйста, Акмаэль — мой Король — это бессмысленное занятие.

Одним шагом он налетел на нее, его клинок сверкнул смертоносной вспышкой, не дав ей времени подумать, прежде чем отразить его падение. Металл запел о металл, и удар отразился в ее теле, заставив Эолин потерять равновесие и споткнуться на скользкой траве.

Она пришла в себя, задыхаясь и испугавшись, не осознавая, что он ударит с такой силой.

— Заземлись, — сказал Акмаэль. — У тебя нет моей силы, но у тебя есть магия. Используй это.

Строгость его тона подавила все протесты. Эолин перевела дыхание и уперлась ногами в сырую землю, тяжесть неизбежности легла на ее плечи. Кел'Бару гудел в ее хватке, словно пробудившись от глубокого сна. Его шепот вызывал образы давно забытых сражений.

— Хорошо, — сказал Акмаэль, хотя и поправил ее осанку и постановку ног. — Еще раз.

Эолин нанесла удар без колебаний, но ее решимость не принесла пользы. Ни один ее удар или попытка отразить атаку не вызвали у него полное одобрение, и она умерла дюжину раз во время их короткого парирования. Тем не менее, мужчины не смеялись.

Когда, наконец, испытание закончилось, Акмаэль просто кивнул и сказал:

— Это начало.

Он вернул меч владельцу, а затем вложил Кел'Бару в ножны.

— Я не поставлю тебя в авангард, Мага Эолин, — это вызвало смех у мужчин. — Но в твоём распоряжении будет это оружие, и ты должна уверенно использовать его, если возникнет необходимость.

Эолин кивнула, сжав губы, кровь отлила от ее лица. Они вернулись к своим лошадям. Когда Акмаэль приготовился помочь забраться в седло, ее тело сотрясла дрожь. Дым и пламя затуманили ее зрение. Она видела лезвия, качающиеся в хаосе, тела зарезанных детей, искривленный труп ее отца. У нее подогнулись колени, и она бы рухнула на землю, если бы король не схватил ее за локоть.

— Эолин, — сказал он обеспокоенным голосом.

— Ты сдерживался, — ее голос дрожал. — Ты думаешь, я не знаю? Ты сдерживался. Если бы кто-нибудь когда-нибудь напал на меня всерьез, я бы никогда...

— Меч — не единственная твоя защита.

— Но это первое оружие мужчины.

— Эолин, — он взял ее лицо в свои руки. — Это будет зависеть не только от тебя и уж точно не от твоего умения обращаться с мечом. Есть люди, назначенные для твоей защиты, которым приказано доставить тебя на север, в Римсавен, а оттуда в Королевский город, если ситуация повернется против нас.

— Я не брошу тебя.

Он согрел ее губы поцелуем.

— То, что у тебя внутри, гораздо важнее любой битвы, которую мы могли бы вести вместе. Судьба моих отцов будет разрушена, если тебя убьют. Обещай мне, что защитишь себя любой ценой, даже если это означает, что ты оставишь меня на произвол судьбы.

— Акмаэль, ты не можешь просить меня...

— Обещай мне.

Дождь вернулся, медленный туман омыл ее щеки и пробрал до костей. Она тосковала по теплему огню в тихом очаге, по звездам, висевшим над домиком Гемены, по светлячкам, танцующим на летнем лугу.

— Ты мог бы прийти в мой мир, — тихо сказала она. — Ты мог бы оставить все это и вместо этого остаться со мной в Южном лесу.

Меланхолия отразилась на его лице. Он долго изучал ее.

— Мог бы?

Боль сдавила горло Эолин. Она отвернулась.

— Каждое мгновение, когда мы вместе, мы готовимся расстаться.

— Каждое мгновение, когда мы были в разлуке, снова сближало нас.

— Но сегодня все по-другому. Сегодня ты говоришь о своей смерти.

— Глуп тот король, который не осознает собственной смертности. Еще больший дурак — король, потерявший решимость жить. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы выиграть эту войну, и сила моя велика. Но их сила... — он посмотрел на юг, в сторону разрушенного перевала Эрunden. — Их сила может быть больше. Мы должны быть смелыми, но мы также должны быть осторожными.

Он привлек Эолин к себе, обнял ее и крепко прижал к своей груди. Его дыхание сбилось, когда он прижался губами к ее лбу.

— Ты, Эолин, всегда была и тем, и другим. Если боги позовут меня домой, когда мы встретимся с Сырнте, ты должна взять мой меч и защитить наш народ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Последнее предложение

Из-за пределов своей палатки Адияна услышала заметное крещендо в криках мужчин, движении ног, ржании лошадей. Появилась девушка, которая приносила ей ежедневную еду, с покрасневшими от предвкушения щеками.

— Посланник принца Мехнеса прибыл с севера, — сказала она. — Они заметили армии Короля-Мага и вступят с ними в бой завтра или послезавтра. Победа близка! Все так говорят. Генерал никогда не проигрывала битв, и сегодня Сан'иломан пошлет своих существ за Королём-Магом.

Девушка ушла вприпрыжку из комнаты, оставив Адияну смотреть на тарелку с едой, к которой у нее не было никакого аппетита.

Она поняла свою судьбу с того момента, как принц Мехнес передал ее Сан'иломан. По правде говоря, она приветствовала это. Смерть казалась единственным выходом, но Адияне не хватало смелости сделать это собственноручно. Поэтому она испытала облегчение, можно даже сказать, счастье, что это задание было поручено Ришоне.

Ночью, когда Адияна засыпала, она все еще ощущала железные узы объятий Мехнеса, вкусила горькую соль его пота. В тех редких случаях, когда ей удавалось уснуть, ее сны всегда приводили к нему. Даже в его отсутствие принц Сырнте манил ее в ловушку, его злые аппетиты переплелись с музыкой ее разума; ее стыд, желание и страх

переплетались с кровавыми амбициями.

Временами она боялась, что они никогда не расстанутся, что их души были теперь так тесно связаны, что он мог последовать за ней в загробную жизнь, мучая ее этим отвращением и потребностью до конца вечности.

Адиана поежилась от этой мысли.

«Смерть освободит меня, — успокаивала она себя. — Ришона откроет дверь».

В тот же день слуги вымыли ее, одели, расчесали и заплели волосы, будто готовили девушку к свадьбе. Адиана не чувствовала ни протеста на губах, ни сопротивления в сердце. У нее было только одно сожаление: она никогда не узнает судьбу своего народа. Выжила ли Эолин? А Мариэль и Сирена? Что насчет Бортена и этого нового стража, дородного и неопрятного мужчины, имени которого Адиана уже не помнила? Осталось ли что-нибудь от мечты, которую они пытались построить в горах Моэна? Осколок женской магии переживет этот ужас?

«Эолин, ты часто говорила мне, что мертвые могут помочь живым. Если это правда, и ты останешься в этом мире, то я найду способ тебе помочь».

Солнце скрылось за западными холмами к тому времени, когда они связали Адиане запястья и повели ее по длинной извилистой тропе к травянистому холму, возвышавшемуся над узкой долиной Эрунден.

Факелы освещали им путь под беззвездным небом. Сан'иломан ждала на вершине в простом платье цвета слоновой кости. Обруч из золота и рубинов украшал темные волосы Ришоны. Рядом с ней жрица Донатя держала атласную подушку, на которой покоился обсидиановый клинок.

Ришона приветствовала свою пленницу глубоким поклоном.

— Адиана, любимая сестра, именно в этом месте поражение прошлого превратится в победу завтрашнего дня, — Сан'иломан подняла руки и обратилась ко всем собравшимся. — Жизнь этой женщины — последняя и величайшая жертва, которую мы приносим в этой кампании. Почитайте ее. Почитайте ее, говорю! Ибо благодаря ее волшебству жители Мойсехена наконец-то будут освобождены от предательства королей-магов. Благодаря ее смерти к Сырнте придет слава.

Солдаты и слуги преклонили колени в благоговейном молчании. Только Ришона осталась стоять, и ее лицо сияло триумфом.

Она подошла к Адиане и мягко сказала:

— Не бойся, моя возлюбленная сестра, ибо мой клинок быстр и точен. Смерть обнимет тебя сладостью летнего ветерка. Клянусь тебе всеми богами, которым я служу, никто не забудет того, что ты дала нашему народу. После этой ночи тебя будут помнить вечно.

Адиана колебалась между желанием смеяться и стошнить.

«Да, меня будут помнить. Как пленницу, рабыню и шлюху самых мерзких людей, когда-либо претендовавших на корону Сырнте».

Ришона хлопнула в ладоши. Все поднялись.

Сан'иломан и ее жрица запели. Огонь вспыхнул по краю широкого круга, отмеченного острыми травами, образуя переливающуюся завесу из сапфира и аметиста, пронизанную золотом.

Адиана никогда не молилась богам, но теперь она молила о скорейшей смерти. Она обратилась к Ренате, Таше и Катарине, умоляя их освободить ее из лабиринта Преисподней и принять с дружбой и прощением в Загробной жизни.

Ришона прошла сквозь завесу пламени, словно скользя по воздуху. Она заняла позицию в центре круга и запела на древнем языке, неизвестном Адиане. Обсидиановое лезвие блеснуло в ее руке. Гром грохотал под землей.

Волосы на шее Адианы встали дыбом, по спине пробежал страх. Когда Сан'иломан протянула руку к пленнице, ее лицо было бледным, как луна, а глаза стеклянными и черными.

Стражи толкнули Адиану вперед, и она споткнулась о завесу огня. Пламя было холодным и оставило ее невредимой. Звук был приглушен внутри. От сырой земли поднимался смрад смерти и разложения.

Паника охватила ее. Адиана повернулась, чтобы бежать, но занавес взревел от порыва обжигающего ветра, который сбил ее с ног. Она тяжело рухнула, ушибив локти. Кожаные шнуры пускали кровь на ее запястьях.

Ришона схватила ее за руку и с нечеловеческой силой потащила Адиану в центр круга. Она схватила Адиану за волосы и заставила ее запрокинуть голову. Высоко подняв обсидиановый нож, Сан'иломан запела, пока земля рябила от беспокойной ярости.

Слепой ужас поглотил Адиану. Попав в безжалостную хватку Ришоны, она брыкалась, кричала и плакала о пощаде. Молния потрескивала на краю круга и змеилась к ним волнистыми реками.

Ришона прервала свою песню, приставив нож к горлу Адиане.

Адиана перестала кричать, парализованная холодным жалом клинка Сан'иломан.

Земля была освещена сетью света. Из этой сети вышли три змеи, чешуя которых сияла, как тысяча звезд. Их раздвоенные языки мелькали огненными искрами. Они отпрянули, подняв головы, готовые нанести удар.

Адиана почувствовала неуверенность в позе Ришоны.

Хватка Сан'иломан на Адиане ослабла. Лезвие дрогнуло.

В этот момент змеи прыгнули вперед, с шипением пронеслись мимо Адианы и ударили Сан'иломан. Две вцепились ей в запястья, третья распустила крылья и прыгнула к ее шее. Ришона вскрикнула и ударила нападавших своим клинком, срубила головы с шей и громко выругалась.

Молния залила круг. Воздух начал двигаться в вихре, который быстро набирал скорость.

В ужасе Адиана отпрянула. Ветер щипал глаза. Взрывы огня и серы перебили ее дыхание. Как только она достигла сапфирового занавеса, стена желтого пламени преградила ей путь.

— Адиана!

Ее имя было воем на ветру, и все же голос казался невероятно знакомым. Обернувшись, она увидела Мага Кори, на лице которого отразились смертоносные намерения, а из его ладони вырвался столб желтого пламени.

— Оставайся на месте, — приказал он.

Она с недоумением наблюдала, как он завершил еще один огненный круг внутри первого, созданного Ришоной.

Позади него двое воинов-магов сцепились в борьбе с Сан'иломан. Ветер и свет закружились в бурном водовороте. Тех, кто был внутри, почти не было видно. Проклятия взорвались в голове Адианы. В ушах звенело, тело болело. Она умоляла богов остановить их всех, прежде чем этот ужас уничтожит ее.

Кори бросился в бой, из его посоха трещала сила. Светящийся ковер расстилался по

земле, и вновь появились змеи, на этот раз не три, а десятки. Клинок Ришоны ударял быстро и яростно, но каждое корчащееся тело, которое она разрубила, возродилось. Из голов росли хвосты, а из хвостов росли головы.

Руки Сан'иломан тряслись в еще более отчаянной попытке защитить себя, но она оказалась в ловушке ненасытного лабиринта света. Запах горелой плоти пропитал воздух. Вопящий ветер превратился в скорбный порыв, а потом и вовсе умолк.

Ришона рухнула на колени, корчась в конвульсиях, и замерла. Ее руки обмякли по бокам; ее плечи поникли. Она опустила голову в поражении.

Змеи растворились, хотя светящаяся сеть, из которой они возникли, все еще гудела над землей.

Осторожно Кори подошел к Сан'иломан, приняв меч от одного из своих товарищей.

Ришона посмотрела на мага. Узнавание и удивление наполнили ее лицо, за которыми последовала нежная привязанность.

— Ты, — тихо сказала она с печалью в голосе.

— Да, я, — сказал он и отрубил ей голову.

Когда изуродованное тело Ришоны упало на землю, Кори подошел к Адiane и перерезал шнуры на ее запястьях.

— Найдите Короля, — сказал он магам. — Расскажи ему все, что видели.

Они замерцали, превратились в сов и улетели на бесшумных крыльях. Один из них нес голову Ришоны с запутавшимися в когтях окровавленными волосами.

Адиана задыхалась и пыталась успокоить сердце.

— Почему ты здесь?

— Из-за тебя, — Кори оглядел стену огня, все еще защищавшую их, кровь и пот выступили у него на лбу. — И я вряд ли позволю тебе забыть об этом.

Адиана слышала крики ужаса. Копье пролетело через огонь и задело плечо Кори. Он опустился на колени и потянул Адiane за собой.

Земля качнулась. Из земли вырвался вой, за которым последовал воинственный стук под ногами.

— Я боюсь, что все пойдет плохо, — сказал он.

Земля проваливалась у их ног.

Кори поднялся и с громоподобным проклятием послал в траншею вспышку белого света. Крики ярости и агонии вырвались из теней внизу. Маг поднял Адiane на ноги.

— Эти демоны идут, — сказал он, — и у меня нет средств, чтобы остановить их.

Еще одно копьe просвистело за пределами круга. Траншея изрыгнула град камней и песка, сопровождаемый оглушительным визгом.

— Не оставяй меня здесь, — умоляла Адiane.

— Я не оставлю тебя, но взять тебя с собой — это большой риск.

— Больше, чем это?

Кори сжал губы в тонкую линию.

— Возможно. Ты доверяешь мне, Адiane?

— Нет.

Он обвил рукой ее талию.

— Ты всегда была умной. Помни это: твои сестры любят тебя. Я тоже.

Кори накрыл ее губы своими. Вздвогнув, она отпрянула, но маг крепко держал ее. Весь стыд, все сожаления, все ее жалкие неудачи растворились в этом поцелуе. Прошое,

настоящее и будущее слились в единой вспышке света. Надежда зажглась в сердце Адианы вместе с памятью о том, что значит жить в мире невинности, месте безграничных возможностей.

Затем она упала, погрузившись в себя. Конечности Адианы сжались и изменили форму. Стена огня поднялась с ревом на большую высоту, когда она беспомощно рухнула на землю. Она схватилась за траву, но поняла, что у нее не было пальцев, она изо всех сил пыталась стоять на ногах, которые согнуты неловко. В ужасе и замешательстве она закричала магу Кори, но все, что вырвалось из ее горла, было тревожным повторяющимся чириканьем.

Ветер трепал ее перья; гигантские когти схватили ее тело. Земля унеслась прочь как раз в тот момент, когда темная дыра извергла стадо демонов. Они прыгали через огненное кольцо и хватали всех в пределах досягаемости, разрывая их на части. Крики боли наполнили ночь, а затем медленно исчезли вдали. Свет от факелов исчез среди извилистых ветвей и густой листвы.

Воздух охлаждал лицо Адианы. Спокойные звуки леса успокаивали ее дух. Тени окутали ее сознание, и память ускользнула в забвение, текла по темной тропинке, пока все, что не осталось, не превратилось в единственную мелодию, меланхолическую трель, последовательность кристально чистых нот, легко рассеиваемых беспечным ветром.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Рассвет

Мехнес проснулся с ножом в руке. Над лагерем воцарилась жуткая тишина, заглушая храп и ропот людей, шаги проходящей стражи и шипение ярких факелов. Помимо этих звуков, на границе сознания Мехнеса промелькнул эфемерный шепот, повторяющаяся последовательность нот.

Мехнес закрыл глаза, пытаясь вытащить робкую песню из тайника. Снова и снова она выскальзывала из его рук. В конце концов, ноты унеслись за пределы досягаемости, оставив безмолвную пустоту, подобную полости, которая осталась, когда корни дерева были вырваны из земли.

«Адиана».

Она была далеко от него.

У него заболела голова.

Он встал и плеснул себе в лицо прохладной водой, затем позвал стюарда на помощь.

Снаружи сырая завеса тумана скрывала предрассветный свет. Лагерь зашевелился от нетерпеливых криков его офицеров, ворчания пробуждающихся людей, скрежета кожи и звона кольчуги. Мехнес сел на коня и поскакал к линии кольев на севере, в стороне их врага.

— Что сообщите? — спросил он дежурных.

— Ничего, милорд, — ответил капитан. — Они не шевелились всю ночь.

Мехнес воспринял эту новость, мрачно покачав головой. Если существа Ришоны не были хитрее, чем он думал, ее последняя жертва, должно быть, не удалась.

— Сформируйте пехоту в обычном порядке, — сказал он сопровождавшим его офицерам. — Техмад, выведи три роты бронированных коней на наш правый фланг. Когда наши лучники начнут стрелять, сметайте их кавалерию и вырубите вражеских магов. Афенон, командуй слева. Используй свою лошадь, чтобы загнать врага в реку. Я буду командовать двумя резервными ротами и приведу их для поддержки первого успеха. Король-маг или нет, но мы атакуем, как только рассеется этот проклятый туман.

Солнце взошло, беспокойное и жаркое, когда армия Сырнте собралась на поле битвы.

Пар поднимался над покрытой травой землей к небу, образуя белые волны, которые в тишине плыли на восток. Ветер пронесся по полю, разнося ароматы мокрой травы и цветущих ромашек.

Мехнес вдохнул сладкий аромат, воодушевленный мыслью, что вскоре он будет пропитан кровью и смертью. Именно на пороге битвы он всегда чувствовал себя наиболее живым, глядя на бездну, где пересекались тысячи судеб. Никакая магия Сырнте не могла разоблачить будущее, которое ждало по ту сторону.

Земля была влажной, но податливой, плавно спускалась к хребту, занятому разрозненными цепями воинов-магов с отрядами всадников на каждом фланге. Их было немного, но за хребтом вполне могло скрываться больше людей.

На гербе появился Король-Маг верхом на большом коне в сопровождении небольшого отряда рыцарей. Рядом с ним была женщина в бордовом одеянии, хрустальный набалдашник ее посоха блестел на только что появившемся солнце. Мехнес сузил глаза, вспомнив предупреждение Ришоны.

«Сила Короля-Мага совершенна только с магой на его стороне; и весь потенциал ее магии раскрывается только в его присутствии. Она та, кого мы должны убить первой, прежде всех остальных».

— Вот эта, — сказал он своим офицерам, — опасна.

— Женщина? — Техмад не стал скрывать своего сомнения.

— Она — последняя из Высших маг. Вполне возможно, что прошлой ночью ее магия победила демонов Наэтер. Мешок золота тому, кто принесет мне ее, живой или мертвой.

Мага отделилась от своего сюзерена, взяв с собой небольшое количество магов. Они, в свою очередь, разделились на две группы, занявшие позиции в тылу кавалерии на каждом фланге. Король и его гвардия поскакали вниз по склону, приспустив флаги, призывая к переговорам.

— Пойдемте, — сказал Мехнес своим людям. — Давайте побалуем этого молодого воина дружеской беседой, прежде чем обречем его на гибель. Возможно, пока мы говорим, земля еще немного подсохнет.

Они встретились в центре поля. Несмотря на то, что Мехнес слышал о Короле-Маге, он находил правителя невпечатляющим. На его бородатом лице не было ни единого шрама, а его ровный взгляд казался непроверенным суровым выбором предвыборной кампании.

Мехнес проткнул бесчисленное количество молодых командиров, подобных этому, людей, которые считали, что сражаются за честь, а не за кровь и славу; невинные были сбиты в кратчайший срок и приговорены к медленной, мучительной смерти, когда принц Сырнте завладевал всем, что им было дорого.

— Если у вас есть слова для меня, принц Акмаэль, то поторопитесь с ними. День начался, и мои люди с нетерпением ждут убийства.

Молодой король притупил остроту насмешек Мехнеса, храня молчание. Он разглядывал офицеров, сопровождавших командира Сырнте, затем просканировал войска, собравшиеся позади них.

— Вам здесь не рады, принц Мехнес, — сказал он. — Я приказываю вам вернуться со своей армией на землю Сырнте и оставить народ и провинции Мойсехена в покое.

Мехнес поднял руку в примирительном жесте, не лишенном намека на насмешку.

— Покой — это то, что мы намерены принести. Это королевство воевало само с собой на протяжении двух поколений, потому что ваш отец, узурпатор, убил свою родню и забрал

то, что ему не принадлежало. Сегодня мы положим конец этой борьбе. Тамара-Ришона, внучка Джотури-Нура и дочь принца Феродена, Сан'иломан из Сырнте и законная королева Мойсехена, вернулась, чтобы занять свой трон и стать истинной правительницей своего народа.

— Женщина не может претендовать на корону Вортингена.

— Эта женщина будет требовать все, что ей заблагорассудится.

Король-Маг кивнул одному из мужчин рядом с ним, который достал окровавленный сверток и развернул его ткань, позволив содержимому упасть на землю.

Мехнес запнулся, когда узнал отрубленную голову Ришоны. Ее почерневшие глаза безучастно смотрели в небо. Ее светлая кожа превратилась в болезненно-серую. Спутанные от крови волосы рассыпались по бледно-зеленой траве.

Ржали лошади его солдат. Несколько людей Мехнеса отступили на несколько шагов, прежде чем принц остановил их испуганное гневным криком и взмахом руки.

Зрение Мехнеса затуманилось.

«С моей королевой была еще одна женщина. Ее глаза голубые, как залитое солнцем море. Она...?»

Смех сорвался с безжизненных губ Ришоны, и Мехнес услышал, как Адияна насмехается над ним.

«Никто не красив, когда он мертв».

Принц Сырнте закричал зубами.

«Если она выжила, я найду ее».

Он поерзал в седле, губы дернулись от едва сдерживаемой ярости, пальцы сжались в кулаки.

— Техмад, — рявкнул он, — забери нашу Королеву.

Офицер спешил, собрал останки Ришоны и благоговейно завернул их в свой плащ.

Мехнес повернулся к Королю-Магу.

— Ты недостойн короны, которую носишь, принц Акмаэль. Только самый развратный из мужчин мог так осквернить существо такой красоты. Я не знаю, каким черным искусством ты убил Сан'иломан, но рука ее мести все еще жива. Ты и твои люди умрут здесь сегодня. Женщины Мойсехена станут нашими рабынями, а их дети будут принесены в жертву богине Микате. Твоя королева, — Мехнес взглянул на одетую в красное фигуру на хребте, — и твоя мага будут моими, и я буду использовать ее, как захочу, прежде чем отдать их на растерзание более грубым аппетитам моих людей. Твоя дочь, принцесса Элиасара, будет сброшена с крепостных валов крепости твоих отцов. Твои земли будут разорены, твой народ уничтожен, а последний из твоего потомства будет уничтожен за это преступление, которое ты совершил против моего народа и моей крови.

Мехнес сплюнул на землю, повернулся и обнажил меч.

— За королеву! — проревел он армии, ожидавшей его приказа. — За Тамару-Ришону, Сан'иломан. Во славу и месть своего народа!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Священный круг

Когда Эолин спешила, в рядах Сырнте поднялся гром. Крики воинов были бешеными, их мечи были подняты. Копья били о щиты. Ноги топали по земле. Само небо, казалось, дрожало от гнева.

— Мага Эолин, — тихо подсказал Эхиор, — пора.

Эолин кивнула и заняла свое место в центре круга. Она никогда не видела такой великой и ужасной армии. Люди стояли под бордовыми и золотыми флагами, плечом к плечу, как камни Фэрнворна. То, что она помнила о войсках своего брата, казалось жалким по сравнению с ними, а силы, организованные Акмаэлем для победы над Эрнаном в то время, были маленькими и несущественными.

«Армия Акмаэля теперь больше, но не настолько».

Восемь Высших Магов отметили край круга, каждый в двенадцати шагах от нее. Отсюда они могли видеть все поле битвы, освещенное золотисто-зелеными оттенками восходящего солнца, огромные силы Сырнте черной тенью пересекали его лицо.

Эолин крепко сжала посох Церемонда и соединилась с устойчивым пульсом магии, живущим в его сердце.

Эхекат, — сказала она, и Высшие Маги присоединились к пению:

Эхекату

Нэом авигнэс энте

Сепеном авигнэс соз

Рененом укат мэн

Эвенам фэом реохерт

Эхекат, Эхука

Каждый посох издавал низкий гул, когда его хрустальная головка зажигалась священным огнем Дракона. Мага и маги синхронизировали свои посохи, прежде чем отправить щупальца своих духов к сердцу горы. Отсюда они сплели сеть, которая связала всех воинов Мойсехена: копейщиков и лучников, рыцарей и воинов-магов, которые своей магией добавляли силы заклинаниям.

В центре их коллектива стоял Король-Маг. Его дух переплелся с духом Эолин, магия каждого переплеталась с другим, выстраиваясь подобно сапфировому пламени, освещая самые врата смерти, загоня Потерянные души и их ужасный голод еще дальше в тени воображения.

Эолин резко вдохнула, впервые поняв, что Акмаэль призвал ее именно для этого: призвать магию, которую они открыли, когда Церемонд изгнал ее дух из мира живых, силу, которая связала их и держала подземный мир в страхе. Акмаэль намеревался использовать его как барьер между настоящим и будущим, между жизнью и смертью, между победой и поражением.

Из рогов врага прозвучал долгий низкий звук.

Эолин открыла глаза и увидела, как Сырнте продвигаются вверх по склону агрессивным маршем, сотрясавшим недра земли. Сеть, сплетенная кругом магов, дрожала под тяжестью их марша. Эолин воспользовалась силой маги, чтобы укрепить связи между каждым из людей Акмаэля, большинство из которых располагалось за возвышенностью, скрытой от глаз Сырнте.

Армия Короля-Мага напряглась как единое целое: дракон, взгромоздившийся на утесе, готовый нанести удар, его чешуя была выкована из кольчуги и металла; его огненное дыхание задержалось в посохах воинов-магов; его змеиный взгляд, направленный через глаза Акмаэля, острый и расчетливый, внимательный к опыту, полагающийся на инстинкт.

В тишине они ждали, сосредоточившись, пока все, что могла слышать Эолин, были топот вражеских ног, крики их офицеров, тяжелое дыхание каждого человека.

Акмаэль выбирал момент. Звуки рожков распахнули ворота войны. Маги-воины

посылали в сырнте огненные залпы, обжигая щиты и плоть, заставляя их остановиться. Крики паники и боли сотрясали вражеские ряды. Линии дрогнули, несмотря на торопливые выговоры офицеров и неоднократные вопли их рожков.

Снова затрубили рожки Акмаэля, и люди Мойсехена поднялись как один. Пехотинцы прыгнули с хребта и устремились к позициям сырнте, их голоса слились в единый рев, копья вытянулись, как когти, когда они обрушились на свою добычу.

Сырнте выпустили залпы стрел в массу атакующих. Наконечники пробивали кольчугу. Крики павших смолкали, когда следовавшие за ними солдаты топтали их. Противоборствующие линии столкнулись с оглушительной силой, которая отразилась по всему полю, металл запел о металл, раскалывал дерево, рубил конечности.

Эолин чувствовала, как вихри Подземного мира расцветают под ногами, увлекая смертельно раненых в холодные безмолвные глубины. Каждая ускользнувшая душа была подобна занозе, вонзившейся в ее дух.

Какую часть этого жестокого потока она сможет вынести, Эолин не знала. Но у нее в руке был посох Церемонда, а его маги были в ее кругу. Она держала Короля-Мага в своем сердце и Южный Лес в своей душе. Она помнила свой шабаш и упрямые мечты о мире.

Силу, которую она могла черпать из всего этого, она решила передать сегодня своему народу, чтобы стоять или умереть с этими воинами, защищая до своего последнего вдоха наследие Мойсехена и магию, которая сделала их целыми.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Воля богов

Подобно волку, почуявшему свою добычу, Мехнес преследовал принца Акмаэля, когда тот ехал в тылу, вдоль гребня и к реке. Пехота Сырнте была отброшена вниз по склону, но более слабый фланг Короля-Мага начал уступать позиции под натиском коня Баратамора у реки. Уничтожение кавалерии Акмаэля на их правом фланге могло раскрыть его пехоту и повернуть битву в пользу Мехнеса.

Воспользовавшись случаем, Мехнес обнажил свой меч и прогнал сдержанность.

— Мне нужна голова Короля Магов, — воскликнул он, — и труп маги. Вся остальная добыча ваша. До победы!

Его люди повторили крик, перейдя на галоп.

Мехнес вырвался вперед, чтобы возглавить клин, который сильно врезался в схватку, пытаясь отделить коня Короля-Мага от его пехоты. Он расколол череп заблудшему пехотинцу, выпустив теплую струйку крови, прежде чем наброситься на одного из всадников.

Меч встретился с мечом в злобной песне, когда Мехнес заставил своего противника отступить. Лошадь протестующе заржала под своим осажденным всадником, который изо всех сил пытался отразить каждый яростный удар. Его щит раскололся под безжалостными ударами Мехнеса, его клинок не смог миновать быстрые контратаки сырнте. Когда сила мужчины ослабла, а его бдительность пошатнулась, Мехнес вонзил клинок ему в туловище, наслаждаясь звуком разъединяемой металлической кольчуги и разрывающейся плоти.

Раненый всадник свалился с коня.

Мехнес сплюнул, развернул коня и выбрал следующую жертву — желтолицого юношу, потерявшего шлем. Кровь струилась по лицу юноши из пореза над глазом, но он был быстр с мечом, отражая удар, который должен был перерезать ему шею, и контратаковал искусно нанесенными ударами. Когда лезвие выскользнуло из руки юноши, он схватил руку Мехнеса

с мечом, мускулы на его шее напряглись, он изо всех сил пытался удержать клинок Лорда Сырнте, чтобы тот не разрезал ему лицо.

Мехнес ухмыльнулся юноше.

— Первая битва, парень?

— Ваша последняя, милорд, — сказал юноша, кряхтя.

Он ткнул Мехнеса своим щитом, пытаясь вывести его из равновесия. Отбив атаку, Мехнес вытащил нож и вонзил его в горло юноши, повернул, и из раны хлынула горячая кровь. Молодой рыцарь сумел нанести несколько слабых ударов, прежде чем задохнулся. Мехнес с презрением смотрел, как он падает.

«У них нет ничего лучше этого?».

Трава теперь была скользкой от крови. Живительный вкус соли и железа витал над полем. Мехнес увидел, как среди его людей вспыхнуло пламя, и услышал яростный рев, когда маги-воины Акмаэля превратились в медведей.

Тем не менее, сырнте были готовы к этим трюкам, и крики его людей раздавались безжалостными триумфальными аккордами, в то время как серебряные и пурпурные знамена Короля-Мага трепетали и падали, их хватка становилась все более неуверенной против возобновившейся решимости армии Сырнте.

С хребта снова затрубили рога Мойсехена.

— Встать в ряды! — Мехнес гремел, указывая на гребень, где появился новый поток копейщиков во главе с Королём-Магом. — Встать в ряды!

Его рожки повторили призыв, когда Мехнес вышел из рукопашной. К нему подъехали и другие всадники, но слишком мало и слишком медленно.

Новая линия вражеских воинов устремилась вперед, вонзая копья во всадника и коня, выкрикивая угрозы смерти и нанося удары как людям, так и коням.

Мехнес парировал их деревянные стрелы и ранил любого солдата, оказавшегося в пределах досягаемости, но резервы Короля-Мага были умелыми и безжалостно продвигались вперед. Лошади сырнте протестующе заржали, ноздри раздулись, а глаза обезумели от страха. Они шарахались от копейщиков, вставая на дыбы и скача кругами.

— Будь проклято это безумие! — Мехнес удержал своего скакуна на месте, в его венах бурлил гнев. Лошади были бесполезны против этих пехотинцев, и битва ускользала из его рук. — Стой, мужики! Король-Маг в пределах досягаемости.

Он заметил принца Акмаэля прямо за линией копий, восседающего на коне и воодушевляющего солдат. Жаждающий крови королевского ублюдка, Мехнес направил коня в бой, столкнувшись лицом к лицу с копейщиками и дразня их линию фронта.

— Думаете, вы — солдаты? Вы ничто! Трусы и женщины, все! Я — Мехнес, принц Сырнте и лорд-генерал Сан'иломан. У меня будут ваши головы, все вы, и внутренности вашего короля!

Солдат с обветренным лицом и твердыми руками бросился к Мехнесу, отделяясь от своих товарищей, игнорируя выговоры своего офицера. Жажда крови и амбиции горели в глазах человека, когда он вонзил свое копьё в командира Сырнте.

Мехнес рассмеялся и отступил, а его добыча последовала за ним, развернувшись на коне и отбивая наконечник копья своим щитом.

— Ты считаешь себя героем Короля-Мага? В каждой армии есть такой дурак, как ты.

Мужчина снова сделал выпад, поскользнувшись на окровавленных останках несчастного солдата. Мехнес ответил молниеносно, меч прорезал кожу и кольчугу, разрывая грудь

противника. Мужчина отшатнулся назад, решимость превозмогла удивление, когда он попытался восстановить свою позицию. Поправив хват копья, он атаковал еще раз, но удар был слабым. Мехнес ударил, рассек череп человека и выхватил копье, когда тот упал.

Вложив меч в ножны, Мехнес позволил оружию мертвеца опуститься в его ладонь, а его всадники продолжали уступать место Королю-Магу. Копье не было сбалансировано для метания, но это было не важно. Принц Сырнте использовал более слабое оружие в более трудных обстоятельствах.

Он посмотрел на свою цель, теперь тянущуюся вперед, подгоняя людей вперед энергичными криками и поднятым мечом.

Король-Маг заметил Мехнеса и прищпорил коня, чтобы сократить расстояние между ними.

Мехнес встал на стремях, отвел руку с копьем и вознес краткую молитву к безмолвным небесам.

— Если существуют боги, пусть они благоволят мне сейчас.

Он выпустил копье. Оно пролетело по плавной дуге к Королю-Магу, попало в регента и сбросило его с лошади.

Крики ужаса настигли ряды Мойсехена. Их линии, наконец, прогнулись.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Падший

Боль пронзила Эолин. Она схватилась за плечо, чувствуя головокружение и борясь за каждый вдох, рука онемела от шока.

Маги, державшие круг, прекратили пение.

— Нет, — Эолин моргнула в ледяной дымке ужаса. — Акмаэль...

Она бросила круг и побежала вниз по склону. Ее перехватил маг-воин.

— Миледи! — он схватил Эолин за руку, резко и болезненно остановив ее движение. — Вы не можете идти дальше.

Она стряхнула его, не сводя глаз с битвы.

— Где он? Где король?

Внизу воцарился хаос. Не было никаких признаков Акмаэля, только его вставший на дыбы конь, испуганный и застрявший в массе воинов. Две армии корчились, как гигантские змеи, в предсмертной агонии. По полю разнесся торжествующий вой.

— Убит! Король-Маг убит!

Зазвучали рога, и сырнте издали оглушительный победный рев.

Мужчины начали отрываться от рядов Мойсехена зловещей струйкой, предшествовавшей бешеному отступлению. Бегство, Эолин знала, будет безжалостным.

— Миледи, — воин-маг требовал ее внимания. — Мы должны уйти сейчас же.

Остальные ее стражи собрались вокруг них, некоторые уже были верхом, один вел кобылу.

Эолин взяла свою лошадь и прижалась лбом к ее морде, шепча слова ободрения на давно выученном языке.

— Он не умер, — сказала она магу-воину.

— Надеюсь, вы правы, но это ничего не меняет. Битва проиграна, и у меня есть приказ.

— Тебе приказано защищать меня, — Эолин была верхом, с посохом Церемонда в руке, Кел'Бару висел у бедра. — Тогда защити меня, пока я еду на помощь нашему королю.

Она направила свою лошадь галопом, мчась вниз по склону к горячке драки, не обращая

внимания на испуганные крики стражи.

Отставшие, начавшие отступление, остановились при ее прохождении и с недоумением наблюдали за спускающейся магой. На пороге битвы Эолин придержала поводья, ноздри раздулись от укуса крови, желудок скрутило при виде стольких изувеченных мужчин.

— Боги, помогите, — пробормотала она, вызывая дух своей мертвой матери. — Возлюбленная Кайе, Мага-воин, женщина моей крови, дай мне силы.

Стражи приближались сзади, стуча копытами по земле, и кричали, требуя остановиться. Эолин не оглядывалась, а ждала, измеряя темп их погони. Как раз перед тем, как они достигли ее позиции, она снова прищпорила кобылу, заставив их следовать за ней.

Она не сводила глаз с лошади Акмаэля, когда они ныряли в реку смерти. Какофония металла и обезумевших мужчин переполняла ее чувства. Бурные потоки боя мешали ее шагу и угрожали утянуть ее вниз.

Стражникам удалось окружить ее, защищая мечом и щитом, их мольбы об отступлении были заглушены желанием выжить. Под их защитой Эолин продвигалась вперед, максимально сохраняя свою магию, вызывая быстрое и обжигающее пламя, чтобы отбиваться от нападавших.

Наконец, между ней и лошастью Акмаэля открылась тропинка. Она прыгнула вперед, вырвавшись из круга стражей и призвав скорость ветра.

Она не видела воина-сырнте, пока не стало слишком поздно. Его меч вылетел из его руки, вспышка смертоносного света глубоко погрузилась в шею ее лошади. Животное вскочило на дыбы, отшвырнуло Эолин и с криком рухнуло на колени.

Она сильно ударилась о землю, кости хрустнули от удара, дыхание выбилось из легких. Задыхаясь, Эолин попыталась встать на ноги. Ее конечности пульсировала от боли. Слезы угрожали затуманить ее зрение.

Каким-то образом посох Церемонда остался в ее руке. Она использовала его, чтобы укрепить свой дух, чтобы достичь силы земли.

Солдат-сырнте бросился на Эолин с поднятым мечом, но его продвижение было остановлено криком человека, который сбил ее лошадь. Этот человек приближался сейчас, торжествуя, его забрызганное кровью лицо скривилось в злобной улыбке.

— Мага Эолин, — он остановился на расстоянии. — Я Мехнес, принц Сырнте. Пришли забрать тело своего мертвого короля или отдать дань уважения своему новому господину?

— У маги нет хозяина, — Эолин с трудом сдерживала дрожь в руках. — Кроме богов, которые правят ее сердцем.

— Тогда я заберу твое сердце, — Мехнес принял меч от одного из своих товарищей. Эолин вспомнила, как быстро и уверенно первый вылетел у него из рук. — Хотя мне, возможно, придется его вырезать.

Кел'Бару дрожал рядом с ней, беспокойный в ее хватке, жаждал крови этого человека. Она проигнорировала искушение его зова. Преследовать Мехнеса с мечом было бы величайшей из всех ее глупостей.

Вместо этого она сжала посох Церемонда и сосредоточилась на ровном гудении в его сердцевине.

— С тобой покончено, принц Мехнес, — сказала она. — Именем короля я приказываю тебе покинуть эти земли. Тебе и все твоим людям. Я больше не буду просить.

— Это твоему королю конец, мага. Теперь я правлю Мойсехеном. Я прошу тебя, отложи свой посох и встань передо мной на колени, или ты обнаружишь, что этот меч застрял между

твоими хорошенькими грудями.

Маэхехнам, — ответила она, — *аррат сауфини*

Посох Церемонда подскочил на ее зов в зловещем приливе силы.

Мехнес метнул свой меч к ее сердцу.

Эхекат нерай!

Молния вырвалась из земли и прошла сквозь рябиновый посох, вырвавшись из его хрустального наконечника во взрыве белого огня, который пронзил Мехнеса и бросил его на землю, поймав в светящуюся сеть.

Эолин вцепилась в посох Церемонда, направляя всю силу жизни в его смертоносный огонь. Она приготовилась к удару меча Сырнте в отчаянной надежде, что ее враг погибнет до того, как его клинок разорвет ей грудь.

Огонь потрескивал над телом Мехнеса, и он закричал в агонии, но Эолин не смягчилась, пока его крики не утихли, а воздух не наполнился зловонием горелой плоти.

Эолин сняла проклятие. Волосы у нее были опаленные, ладони — почерневшие и обожженные. В ушах звенело. Она кашляла и хрипло дышала.

Проведя ноющей рукой по груди и животу, она обнаружила себя целой и невредимой. Пламя отразило меч Мехнеса, который теперь бесполезно лежал на земле, лезвие потускнело, кожаная обшивка рукояти расплавилась.

Осторожно Эолин подошла к своей жертве, вспомнив, когда она в последний раз пыталась наложить проклятие, как Церемонд пережил его удар и воскрес, победив магу и изгнав ее душу в Подземный мир. Вытащив Кел'Бару, она держала верный клинок перед собой, подошла вплотную и приставила острие меча к горлу Мехнеса.

Мужчина хрипел, но замер. Он повернул голову, будто хотел посмотреть на нее, но его глаза в саже были обожжены проклятием. Он поднял дрожащую руку к ее лицу.

— Адиана, — голос Мехнеса превратился в хриплый шепот с оттенком веселья и меланхолии. — Я знал, что это будешь ты.

— Что? — замешательство Эолин сменилось осознанием, а затем ужасом, когда конечности принца Мехнеса обмякли.

Она выпустила меч и упала на колени. Взяв командира Сырнте за плечи, она встряхнула его и ударила по лицу.

— Нет! Ты не можешь умереть. Не пока ты не расскажешь мне, что ты с ней сделал!

Эолин била кулаками в грудь мертвеца, слезы текли по ее щекам, она умоляла его заговорить, пока грубые руки не схватили ее и не потащили прочь.

— Мага Эолин, — мужчина повторял ее имя, держа ее за плечи, пока ее бред не прекратился и она не посмотрела на него, как бы очнувшись от темного и страшного сна.

Это был один из стражей с окровавленным лицом, с которого капал пот. Он смотрел на Эолин так, будто видел ее впервые. Внезапно он отпустил ее и попятился. Его голова была склонена; страх и уважение заполнили его выражение.

— Смотри, Мага Эолин, — он указал вниз по склону. — Посмотри, что ты сделала.

По всему полю боя последние сырнте бежали под знаменами Мойсехена. Отставших рубили, разбросанные тела грабили королевские солдаты.

Эолин отвернулась от бойни.

«На войне даже победа кажется безобразной».

— Где король? — спросила она.

Страж кивнул в сторону группы рыцарей и солдат. Акмаэль распластался на земле у их

ног, окруженный труппами людей, пытавшихся защитить его.

Наконец, Эолин беспрепятственно бросилась к нему.

Ее сердце остановилось при виде его лица, пепельно-серого и погрязшего в смерти. Кожа вокруг его губ и глаз стала болезненно-синей. Копье, которое сбilo его с ног, сместилось, то ли во время падения с лошади, то ли от его руки, она не знала. Лезвия пронзили его доспехи, и в ранах собралось обильное количество крови. Хотя поток, казалось, остановился, Эолин знала по своей промокшей тунике и темной и липкой луже под ним, что он уже потерял слишком много.

— Акмаэль, — она опустилась на колени рядом с собой, сняла его перчатки и взяла обе руки в свои руки. Его пальцы были жесткими и холодными, как лед. Она искала его пульс и после долгого мучительного мгновения нашла его слабее шепота падающего снега. — Пошлите за Верховным Магом Резлином, — она ослабила ремни на его доспехах, чтобы обнажить раны и начать их перевязывать. — И принесите носилки для короля.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Второй спуск

Акмаэля с почтением отнесли в его палатку, где его раздели Верховный маг Резлин и Эолин. Они удалили осколки металла и песка из его ран и промыли их вином и водой. Затем прикладывали припарки из тысячелистника, вербены, торментила и лисьего трутня.

Выражение лица Резлина было мрачным. Эолин заметила в его глазах затравленное выражение, будто он вновь переживал какое-то ужасное воспоминание.

— Что такое? — спросила она, когда они закончили перевязывать раны. — Что вы видите?

Резлин покачал головой и заговорил тихо, чтобы другие в палатке не услышали:

— Я вижу его отца.

Ее сердце сжалось. Резко вдохнув, Эолин повернулась к столу Резлина с травами и экстрактами. Она начала собирать ингредиенты для настоя железняка и чертополоха.

— Тогда было сложнее, — сказала она. Кедехен умер от раны копьем, щепки лишили его глаза и проникли в череп, гноились несколько дней, прежде чем избавить старого короля от его агонии. — То было почти невозможно для любого, мага или маги, очистить и исцелить. Ты мало что мог сделать, кроме как ждать, пока Боги сделают свой выбор.

Ее руки тряслись. Флаконы выскользнули из ее пальцев. По чреву Эолин пробежала сильная судорога, и она упала на пол.

Резлин мгновенно оказался рядом с ней.

— Мага Эолин!

На ее коже выступил холодный пот. Она изо всех сил пыталась говорить, но каждый вдох прерывался новой волной боли.

— Пожалуйста, — выдавила она сквозь испуганные вздохи, — пожалуйста, маг Резлин, попросите их уйти. Всех.

Маг отослал слуг, рыцарей, стражников и дворян, с тревогой наблюдавших за их работой. Затем он вернулся к Эолин и накиннул ей на плечи свой плащ.

— Сегодня ты слишком многого потребовала от своей магии, — сказал он. — Ты должна отдохнуть, Мага Эолин. Позволь мне позаботиться о короле. Я приготовлю настой, чтобы успокоить твой дух.

— Маг Резлин, — Эолин схватила целителя за руку и умоляюще посмотрела на него. — Я беременна. Семя пустило корни всего несколько недель назад. Боюсь, эта искра жизни

слишком нова, слишком хрупка, чтобы пережить проклятие, которое я наложила на принца Мехнеса.

Глаза Резлина расширились.

— Оно пытается забрать жизнь внутри тебя, — он положил руку ей на живот, прислушиваясь к своим прикосновениям, и сказал. — Отец ребенка — воин.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он борется, — взгляд Резлина метнулся к королю. — Он издал боевой клич сквозь твою боль. Кроткий младенец тихо ускользнет, и ты не узнаешь до утра, когда кровь его поражения запачкает твою постель.

Ее снова охватили судороги.

— Мы начнем с корня зимнего шалфея, чтобы очистить вас от проклятия, успокоить мышцы, можжевельника и розмарина, чтобы защитить ребенка, — Резлин помог Эолин подняться и подвел ее к ложу короля.

— В таком виде я бесполезна для Акмаэля, — запротестовала она. — Я лучше отдохну в другом месте, чем буду инвалидом рядом с ним.

— Это же его сын в опасности?

Эолин открыла рот, чтобы возразить, затем прикусила губу и отвела взгляд, не в силах произнести ложь.

— Дух сына может помочь отцу, точно так же, как дух отца может помочь сыну, — сказал Резлин. — Это мощная магия, и мы не можем отказать им в этом.

Она встретилась взглядом с магом, вызов пересилил дрожь в ее голосе.

— Вы не должны никому говорить.

Резлин ответил нежной улыбкой, подчеркнувшей черты его лица.

— Тебе не о чем беспокоиться, Мага Эолин. Если и есть что-то, что я показал за годы службы дому Вортингенов, так это моя способность к осмотрительности.

* * *

Той ночью Потерянные души затащили Эолин к себе. Тысячи щупалец их жажды проникли в ее дух, ища жизнь внутри. Эолин цеплялась за мир живых на тонкой нити зимнего шалфея, горький корень которого ложкой впихнул ей в рот Верховный маг Резлин, чье лицо казалось искаженным и расплывчатым в тусклом свете свечи всякий раз, когда она выныривала из своих кошмаров.

Она взяла волшебство, которое он ей дал, и сплела его вокруг своего будущего ребенка, переплетая эфемерную ткань с более свежими ароматами розмарина и можжевельника, все время отбиваясь от Потерянных Душ, пока защитный плащ не набрался сил, и разлагающиеся духи, ищущие ее ребенка, рассыпались от прикосновения, наконец, ускользая в вечную тьму.

На рассвете она проснулась измученной.

Каждый мускул в ее теле болел, но спазмы прошли. Она чувствовала ребенка живым в своей утробе. Слезы радости и облегчения защипали глаза.

Маг Резлин принес еще один настой и внимательно осмотрел ее. Синяки на ее ребрах стали пурпурными и черными.

— Должно быть, я ушибла их, когда упала с лошади, — сказала Эолин. До сих пор она даже не замечала боли.

Резлин покачал головой.

— Боги, должно быть, благоволят тебе, мага Эолин, раз позволили тебе ринуться в

рукопашную и уйти только с этим.

Он достал льняную повязку, которой обмотал ее туловище.

— Позвольте мне позаботиться о короле, — сказала она.

— Ребенок еще в опасности. Слишком большое усилие все же может причинить ему вред.

— Никакая задача не исцеляет нас лучше, чем задача исцеления других.

Резлин ответил на эту старую поговорку теплой улыбкой.

— Очень хорошо. Но когда я приказываю тебе отдыхать, Мага Эолин, ты должна отдыхать.

В течение нескольких дней Акмаэль был между этим миром и другим, его кожа была прозрачной, а тело — холодным и безразличным. Эолин внимательно следила за его ранами, меняя припарки и накладывая свежие повязки несколько раз в день.

Однажды утром Верховный маг Резлин осмотрел рану, оставленную копьем, и, обнаружив ее чистой, решил прижечь ее. Тело Акмаэля содрогнулось от прикосновения раскаленного железа, реакция, которая обеспокоила Эолин, но, похоже, понравилась придворному врачу. Вонь горелой плоти навевала нежелательные воспоминания о проклятии Ахмад-Купта, и когда они приложили железо во второй раз, Эолин отвернулась, не в силах смотреть. После того, как они запечатали рану, были приготовлены новые припарки с использованием фенхеля, девясила и крема, чтобы залечить волдыри на коже.

Когда они закончили менять бинты, Эолин закрыла глаза и возложила руки на Акмаэля, ее дух искал разорванные ткани и расколотые кости, сплетая то, что она могла, с помощью магии. Это была изнурительная работа, и она могла выполнять ее только короткие промежутки времени, прежде чем пламя ее магии дрогнуло. Резлин неизбежно убирал руки, отвлекая внимание и напоминая, что у нее есть ребенок, которого нужно защитить и исцелить.

Он принес еще одну чашку чая из железного корня, и Эолин маленькими ложками влила настой в потрескавшиеся губы Акмаэля.

— Он потерял слишком много крови, — сказала она, — и эти вливания, боюсь, не восполнят ее достаточно быстро.

— Исцеление должно подчиняться темпу земли, — ответил Резлин.

Эолин напряглась.

— Почему же тогда земля движется так медленно?

Возле королевской палатки послышался шум. Воздух наполнили хриплые крики и смех, звуки дружбы мужчин.

Вошел маг Кори, солнечный свет следовал за ним светящимся облаком. Он сердечно поприветствовал Резлина и повернулся к Эолин, которая бросилась ему в объятия. Он недавно умылся и надел свежую одежду, но запах Моэна, земли и раздавленных дубовых листьев, сосны и душистых трав цеплялся за него. От этого сердце Эолин сжалось от желания вернуться домой.

Серебристо-зеленые глаза Кори сверкнули.

— Никогда не думал, что получу от тебя такое приветствие, Мага Эолин.

Она покраснела и отвернулась.

— Никогда не думала, что буду так рада тебя видеть, маг Кори. Ты должен рассказать мне о Мариэль и Бортене.

— Они живы и здоровы, или были такими, когда я их видел. Вряд ли им причинили

какой-либо вред. Полагаю, мы узнаем об этом достаточно скоро, лорд Херенсен спешит изгонять последних сырнте из Моэна. Ах! — он протянул посох, который нес, из полированного дуба и водяного хрусталя. — Это, я полагаю, твое. Это прекрасный инструмент, Эолин. Спасибо, что доверила его мне.

Сердце Эолин сжалось, когда она приняла посох, ее магия воссоединилась со знакомым резонансом Южного Леса. Она отложила его и повернулась к магу.

— Кори, люди, принесшие Акмаэлю голову Ришоны, говорили о тебе. Они сказали, что встретили тебя у перевала Эрунден и что ты несколько дней следовал за армией Сырнте.

— Это правда, — он ухмыльнулся. — Я стал честным героем.

Эолин вдохнула, но вопрос сорвался с ее губ:

— Возможно, ты слышал, что я убила генерала, который командовал армией Сырнте.

— Да, конечно. Очень впечатляюще, но, уверяю, Сан'иломан была более престижным убийством. Ты не победила меня, Эолин. Еще нет.

— Нет, — она подняла руки, пытаясь сдержать его юмор. — Пожалуйста, Кори. Я не это имела в виду. Когда он умирал, принц Мехнес упомянул Адиану на последнем издыхании, и я подумала... я подумала, что, может, ты ее видел. А девочки, Таша и Катарина, они...?

Ее голос оборвался, когда он изменил выражение лица. Она никогда не видела Кори таким, без намека на легкомыслие в глазах.

— Девочки мертвы, Эолин, — сказал он. — Мне жаль.

Эолин сдерживала прилив боли, вызванный этими словами, цепляясь за единственное имя, которое все еще давало надежду.

— А Адиана?

— На данный момент Адиана вне нашей досягаемости.

— Значит, она все еще пленница Сырнте? Возможно, мы сможем отправить сообщение лорду Херенсену, и он сможет...

— Нет, — он отмахнулся от ее слов. — Нет, Эолин. Она не с сырнте. Она в безопасности, но ее ситуация... сложная. Я думаю, нам лучше не говорить об этом сейчас.

— Но я должна знать...

— Эолин, — он взял ее за подбородок. — Посмотри на себя. Как долго ты несла бремя этого королевства на своих плечах? Твоя магия израсходована, а аура исчезла. Ты должна восстановить свои силы и вернуть короля нашему народу. Когда эти задачи будут выполнены, мы подробно поговорим, и ты узнаешь о судьбах всех своих сестер.

Мага вдохнула, чтобы возразить.

— Это мое последнее слово, — сказал Кори.

Эолин понимала, что споров больше не будет. С неохотой она вернулась к Акмаэлю, обеспокоенная непреклонным молчанием Кори и тайной, скрытой за его словами.

В последующие дни руки Акмаэля становились теплее, но он все еще не отвечал на ее прикосновения. Эолин стала спать в его постели. Никто не сомневался в ее решении сделать это. Снова и снова она искала Акмаэля в своих снах, но он ускользал от нее, как тень на краю сознания.

Наконец однажды ночью она нашла его. Не мужчину, а мальчика, заблудившегося в черном лесу, притаившегося возле корявого старого дерева и с тревогой вглядывающегося в бесконечный мрак.

Я должен найти свою мать, — сказал он. — *Она давно ушла и не вернулась.*

Из глубины бесформенного леса донесся женский голос. Акмаэль вскочил на ноги и побежал к нему.

Эолин вскрикнула и схватила его за руку, вытаскивая из темноты, но мальчик вырывался из ее хватки.

Я должен найти отца, — настаивал он. — Он ждет в чертогах моих предков и приготовил для меня место.

Теперь звало множество голосов, сплетенных вместе в единый гобелен песни, который оседал на высоких ветвях и сиял, как луна из слоновой кости. Акмаэль начал взбираться на одно из гигантских деревьев.

В Южном Лесу есть свет, — сказала Эолин, в отчаянии следуя за ним. Темные ветви выскользнули из ее рук, и она потеряла равновесие на эфемерных опорах. — Свет и магия. Река со сверкающей рыбой и деревьями, которые тянутся к солнцу.

Мне не нужны такие вещи. Правда ждет меня там, — Акмаэль кивнул в сторону светящегося шара. — Истина и мир. Духи всех тех, кто ушел раньше. Я больше не буду медлить.

Эолин схватила Акмаэля за лодыжку, найдя ее на удивление твердой на ощупь. Дерево шипело и дрожало, пытаясь сбросить ее со своего туманного ствола.

Ребенок, которого мы еще не видели. Он ждет на берегу реки.

Акмаэль замер.

Какой ребенок?

Разве ты не слышишь его голос?

Деревья качались на ветру, который нельзя было почувствовать.

Из темноты выскользнул детский смех, мягкий и пронзительный.

Неуверенность омрачила выражение лица Акмаэля.

Пойдем со мной, — сказала Эолин.

Он смотрел на шар над ними, тоскуя в своей позе.

Твои предки будут ждать.

Он неохотно взглянул на нее черными глазами на бледном лице.

Я не помню дорогу, — сказал он.

Я покажу тебе.

Свет начал просачиваться через лес, пока они шли рука об руку. Травы у их ног тянули цвет из земли, распустив цветы рубина и аметиста. Деревья превратились в извилистые ветки и твердую кору, украшенные изумрудными листьями и цветами опала.

Река бормотала их имена, и они остановились на берегу, наблюдая, как поток воды поднимается, пока не коснется их босых ног, прохладный и успокаивающий, всегда полный жизни. С другой стороны парила серебряная звезда, бесформенная и яркая, как фонари генд, которые когда-то вели ее домой...

Эолин проснулась.

Дневной свет просачивался в палатку.

Акмаэль сидел на кровати рядом с ней, лениво поглаживая ее волосы. Выздоровление сделало его бледным и изможденным, но он был жив.

Живой.

— Верховный маг Резлин рассказал мне обо всем, что ты сделала в день битвы, — сказал он. — Как твое мужество вдохновило моих людей.

Пораженная изумлением, она села и коснулась его лица.

Акмаэль прижал пересохшие губы к ее ладони.

— Глупая женщина, — пробормотал он, но в тоне его было мягкое предостережение, а в глазах стояли слезы. — Никогда больше не слушивайся меня.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Свобода

Тэсара изучала свое лицо в зеркале, изготовленном серебряными мастерами Антарии и подаренном ей благородным домом Веландера по случаю ее свадьбы с Королем-Магом. Во всем Мойсехене нельзя было найти более тонкого зеркала, но королева жаждала более чистого образа, то, что отражало бы тепло ее щек и изгиб ее бровей. То, благодаря чему она выглядела живой, а не выгравированной на камне.

Она отложила инструмент.

— Это не годится. Я не знаю, что он видит, когда смотрит на меня.

— Он видит великую красоту, моя Королева, — Соня заканчивала прическу Тэсары, заправляя выбившиеся пряди в сложное плетение золотых локонов, украшенных серебряными лентами и сапфировыми кристаллами.

— Красоты недостаточно, — Тэсара перекаtywала эти слова на языке, их вкус был новым и горьким. Она встала и отдалилась от Сони, разглаживая складки ее лилового платья, теребя косы.

— Доверьтесь мне, моя Королева, — сказала Соня. — Мужчины голодны после войны. Вашей красоты будет достаточно.

— Только не с этой ведьмой рядом с ним.

— Даже если бы он переспал с тысячей блудниц отсюда и до Римсавена, это не имело бы значения. Вы — его королева. Подарите ему свое обожание, одарите его своей красотой, и он придет к вам. Сегодня ночью.

Тэсара поежилась от этой мысли. Как могло нечто столь неприятное для женщины быть столь востребованным мужчинами и столь необходимым для деторождения?

С башен крепости грянули рога. Живот Тэсары сжался, как кулак.

— Это третий раз, моя Королева.

— Я знаю! — отрезала она.

Соня напряглась и почтительно поклонилась.

— Осталось мало времени, если вы все еще хотите встретиться с королем у ворот.

Воля Тэсары или нет, но это должно было быть сделано.

Лорд Пенамор ждал их в вестибюле, одетый в цвета и печать Рёнфина. Он окинул племянницу острым взглядом, задержав взгляд на ее открытых волосах.

Кровь поднялась к щекам Тэсары. Казалось вульгарным и нечистым отказываться от чепца и вуали, но Соня настаивала, что это возбудит аппетит Короля-Мага.

«Возможно, вы не сможете сравниться с колдовством маги, — сказала она, — но вы можете использовать ее уловки».

Тэсара ожидала, что ее дядя не одобрит это, но через мгновение он лишь фыркнул и хитро улыбнулся.

— Только дурак не захочет переспать с тобой, — сказал он.

— Мой Король не дурак, — возмутилась Тэсара. — Мой король заколдован.

Губы Пенамора сжались в прямую линию. Нотки сочувствия мелькнули в его ожесточенных глазах. Они помирились после того, как он вспылил в ее покоях, но это не уменьшило бремя Тэсары. Она должна была скоро привести Короля-Мага к себе в постель и

зачать от него сына, иначе все будет потеряно.

Пенамор коснулся ее щеки.

— Что тебе нужно, так это улыбка, чтобы завершить очарование. Пойдем, Тэсара. Это не так уж и плохо. У твоих ног два королевства, и красота богов в твоём лице. У этой шлюхи нет ничего, кроме ее жалких заклинаний и мерзких зелий.

— Сырнте отдали ей королевство, — ответила Тэсара. — Люди теперь поклоняются ей. Истории, которые мы слышали...

— Ложь и обман, все придумано, чтобы превратить ее в то, чем она не является.

— Обман? Вся армия была свидетелем...

— Рассказы о войне всегда преувеличены. Даже если в их словах и есть смысл, это не имеет значения. Любую ложь можно сделать правдой, а любую правду ложью. Все, что для этого нужно, — это терпение, настойчивость и несколько метких слов.

Тэсара выдержала взгляд дяди. Она не могла найти изъяна в его рассуждениях, и это сразу обеспокоило ее и вселило надежду.

Праздничная атмосфера встретила свиту королевы, когда они спускались из замка. Смех и песни, музыка и танцы следовали за ними от центральной площади до городских ворот.

Счастливые хвалебные возгласы подняли Тэсаре настроение, хотя мощные улочки и близко не были так многолюдны, как она ожидала. Когда они достигли входа в Город, Тэсара поняла почему. Жители Мойсехена устремились навстречу своему королю, их восторженный поток заливал поля за городскими стенами морем празднования.

Тэсара думала, что ее сердце не может пасть ниже, чем в последние дни, когда проклятие маги похитило ее не рожденного ребенка. Но она не была готова увидеть, как ведьма с триумфом едет рядом с Королем-Магом, получая восторженное обожание своего народа.

Женщины и дети окружали магу, осыпая ее белыми лилиями, пока ее руки не наполнились ароматными цветами. Мужчины поднимали кубки, переполненные элем.

— Да здравствует король Акмаэль! — кричали они, и к этому примешивалось столь же страстное заявление. — Боги, храните магу!

— Пусть ее заберут демоны, — пробормотал Пенамор.

Тэсара направила лошадь вперед, заставив стражников открыть путь к ее королю. Люди, казалось, были полны решимости держать ее подальше, и отчаяние росло с каждой минутой, которая отделяла ее от короля и его любовницы.

Наконец, факт ее присутствия пронесся сквозь хаос, и люди расступились, уступая дорогу. Проехав галопом, Тэсара сократила дистанцию до тех пор, пока внушительный взгляд Короля-Мага не остановился на ней. Она резко замерла, молясь, чтобы неуверенность, преследовавшая каждый ее вдох, не проявилась ни в плечах, ни в выражении лица.

— Мы приветствуем вас, мой Король, в этот самый счастливый день, — сказала она.

Король кивнул, сначала ей, а затем Пенамору рядом с ней. Битва при Римсавене сделала его лицо худым и бесцветным. Еда, солнце и покой изменяют это, знала Тэсара, но ничто и никогда не уменьшит тьму за этими каменными глазами, зловещий взгляд, который заставил ее дрожать с самого первого дня их встречи.

— Спасибо, Тэсара, — сказал он. — Лорд Пенамор.

— От имени Рёнфина я поздравляю вас, король Акмаэль, — сказал Пенамор. — Пожалуйста, знайте, что мой повелитель готов предложить любую помощь, в которой вы

нуждаются, поскольку мир и порядок восстановлены на ваших землях.

— Предложение короля Лианоса очень любезно, — признал король.

Тэсара расплылась в улыбке и широко махнула рукой.

— Мы продолжим путь в Город, мой Король? В зале замка нас ждет пир. Еда, питье, заслуженный отдых и веселье для моего любимого мужа и его верных людей.

Мага, по-видимому, наконец, поняв, что ей здесь не рады, приказала своей лошади отойти в сторону, но король поднял руку, чтобы остановить ее.

— Мага Эолин, я разрешил тебе уйти?

— Нет, мой Король, — у ведьмы хватило присутствия духа показаться смущенной. Она встретила взгляд Королевы, а затем посмотрела на Короля. — Я не хотела оскорбить. Я просто подумала...

— Эта победа принадлежит тебе в той же мере, в какой она принадлежит мне, — сказал он. — Мы вместе проедем через городские ворота.

Тэсара почувствовала дрожь в основании позвоночника, комок гнева, который грозил взорваться криками ярости. Она крепче сжала поводья.

— Конечно, Мага Эолин, — сказала она, выдавливая из себя улыбку. — Мой Король прав в этом, как и во всем. Мы слышали много рассказов о вашем героизме во время битвы с Сырнте. Мы должны позволить людям воздать вам должное.

Если Король-Маг и оценил достойную капитуляцию Тэсары, то не подал виду.

Мага не встречалась взглядом с Тэсарой, когда они проезжали мимо.

«Она может быть смелой блудницей, но не настолько смелой, чтобы злорадствовать в моем присутствии».

Когда свита Королевы заняла место за охраной короля, дядя Тэсары подошел ближе.

— Ты не должна позволять ей сидеть рядом с ним во время банкета.

Тэсара пожала плечами. Она всегда находила своего дядю пугающим, но в этот момент он только позабавил ее.

— Она будет сидеть рядом с ним, дядя. И спать в его постели. Сегодня и каждую ночь на долгие годы вперед.

— Не говори так, — настаивал он сквозь стиснутые зубы. — Мы далеки от завершения этого дела. Я больше не увижу тебя униженной. Король Акмаэль знает последствия, если осмелится...

Тэсара не ответила Пенамору. Она глубоко вдохнула, глядя на развевающиеся флаги и поднятые копыта, позволяя крикам людей отойти на задний план.

Ее гнев растворялся в неожиданной легкости бытия. Бремя Короля-Мага было переложено на эту женщину, и Тэсара с удивлением обнаружила, что ей это больше не важно. Ей ничего больше не было нужно ни от этого буйного человека, ни от его странного царства, ни от этих страшных страданий.

«Я уйду отсюда и возьму с собой Элиасару».

Рёнфин мог признать принцессу Тэсару негодной для повторного брака, но они, тем не менее, предоставят ей убежище. Она и ее дочь могли бы посвятить свою жизнь тихому делу среди Сестер Смирения или Слуг Бедных. Их больше не будут мучить амбиции людей и колдунов. Они больше не будут жить в страхе перед ядовитой силой ведьмы Мойсехена.

— Тэсара! — упрек Пенамора прервал ее мысли. — Ты слушаешь?

Мир вернулся в фокус: хаос голосов и песен, смрад лошади и пота, тяжелая походка тысячи человек, развевающиеся на ветру серебряные и пурпурные знамена.

— Да, дядя, — сказала она. — Я слушаю.

Но его слова больше не имели над ней никакой власти.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Совет мага

Они прибыли ночью и тайно превратились в существ, которые незаметно проскользнули сквозь тени, их собрание было защищено грозными чарами. Телин, Кори, Резлин и Цетобар встретились в узком кругу, восходящем к частным советам Церемонда, хотя их число в те дни значительно уменьшилось.

— Конечно, есть риск войны, — тихо признал Цетобар. — Но солдаты Рёнфина уступают нашим, и у них нет магии. Король Лианос будет особенно осторожен теперь, когда мы победили величайшего полководца восточных королевств.

— Они могут вступить в союз с Галией или королевствами Параменских гор, — ответил Кори. — Есть еще много изгнанников, которые хотят отомстить за наследие Кедехена и объявить это королевство своим.

— Рёнфин боится Галии так же сильно, как они боятся нас, а, может, и больше, — возразил Телин. — Мне трудно представить, что они предоставили бы галийским волшебникам безопасный проход через свои земли.

— По-прежнему остаются горные воины, — ответил Кори, — некоторые из них поддержали мятежника Эрнана.

— Я подозреваю, что горцы потеряли интерес к нашим делам, — сказал Телин. — Они объединились с Эрнаном из-за своего желания восстановить женскую магию. Эта цель достигнута.

— Женская магия не восстановлена, — в тоне Кори отразилось нетерпение. — Запреты сняты, но сосланные не вернулись. Через четыре года у нас осталась только одна Высшая Мага и две девочки, цепляющиеся за ее тень. В лучшем случае слабая искра.

Телин пожал плечами.

— Мы приложили честные усилия.

— Келия и ее люди будут судить о нас по нашим успехам, а не по нашим усилиям.

— Успех придет, — Цетобар поднял руки, останавливая их спор. — Мага Эолин положит начало новому Экелару в этом Городе при нашей полной поддержке и защите Короля. Это уже решено. Обсуждается вопрос о том, следует ли ей также получить корону.

После долгого и тяжелого молчания Телин сказал:

— Я не понимаю, есть ли выбор.

— Мы можем стать голосом благоразумия, — сказал Цетобар.

— Какой ценой? — Телин жестом пригласил всех присутствующих. — Посмотри на нас. В Мойсехене больше Высших Магов, чем было за целое поколение, и все же наше число в Совете сокращается. Вышвырнет ли и нас король Акмаэль, если мы воспрепятствуем его желанию помазать новую королеву? И если он это сделает, кто тогда будет голосом благоразумия, когда Король-Маг попытается использовать свою силу способами, которые действительно неприемлемы?

— Это неприемлемо, — сказал Кори. — Расторжение контракта с Рёнфин — это оскорбление для Тэсары и ее народа, и мы за это заплатим.

— Возможно, — Телин откинулся на спинку кресла, глядя на своего друга. — Хотя Рёнфин вряд ли является нашей самой большой угрозой.

Кори резко вдохнул.

— Избавь меня от своих загадок, Телин, и переходи к делу. У меня нет терпения для игр этой ночью.

— Я просто повторяю то, что я уже сказал собравшейся здесь компании, то, что я понял из изучения анналов, обнаруженных в библиотеке Церемонда. Если у демонов Наэтер теперь есть сила сбежать из заточения, а все улики указывают на то, что они это делают, то наша лучшая надежда на защиту — это идеальная интеграция мужской и женской магии, истинное возрождение традиций Эйтны и Карадока.

— Одно дело поддерживать объединение мужской и женской магии, — ответил Кори, — и совсем другое — выдать замуж мага за короля. Магу нельзя привязать к какому-либо мужчине. Все вы это знаете. Путь Эйтны несовместим с бременем королевы Вортингена. Кроме того, этому королевству нужен принц. Королева Тэсара доказала свою плодовитость. Чего нельзя сказать о Маге Эолин.

Цетобар кашлянул и обменялся быстрым взглядом с Резлином.

— Что? — спросил Кори, пригвоздив их обоих суровым взглядом. — Чем вы не поделились со мной?

— Ты должен понять, маг Кори, — Цетобар принял примирительный тон, что только усилило гнев мага. — Мы оба были под присягой, я — королю, а верховный маг Резлин — маге Эолин, за которой он ухаживал после битвы при Римсавене.

Осознание ударило Кори, как холодный ветер. Он стоял, сжав кулаки.

— Эолин беременна?

— Королевское дитя, — сказал Резлин.

— Уверен, что это его?

— Сейчас было бы изменой утверждать обратное, — сказал Цетобар. — Перед отъездом в Римсавен король составил новое завещание. Один экземпляр остался у меня, другой у Маги Эолин. Он признает ее сына своим и называет его наследником престола Мойсехена.

Воздух, уже теплый, стал душным. Кори подошел к ближайшему окну, искал свежего бриза и тихих ночных звуков, но оба были приглушены чарами, защищавшими их разговор. Он ударил кулаком по подоконнику.

«Ради богов, Эолин».

Как могла женщина с таким замечательным талантом быть такой глупой, когда дело касалось сердечных дел?

Кори повернулся к своим спутникам.

— Если этот ребенок родится незаконно, это разрушит это королевство.

Цетобар и Резлин встретили его заключение с затравленными лицами. Старые маги пережили крах своих Орденов и последовавшие за этим жестокие чистки. Для них война против другого королевства — даже такого слабого и незначительного, как Рёнфин — была опасностью, которой лучше избегать. Но война между собой? Это было невыразимо, ужас, который никогда больше не должен повторяться.

— Вы все ведете себя так, как будто это прискорбное обстоятельство, — вмешался Телин. — Я говорю, что это возможность. С нашей стороны было бы стратегически важно расположить мага как можно ближе к королю. Он уважает Магу Эолин и прислушивается к ее советам. Мы можем воспользоваться этим, убедившись, что ее советы отражают наши собственные.

Резлин изогнул бровь.

— Как именно ты собираешься этого добиться?

— Мага Эолин показала неизменное уважение и готовность сотрудничать со всеми нами. Ты, Резлин, можешь это подтвердить. Многие из наших магов установили с ней хорошие отношения, не отягощенные злобой или прошлыми обидами. И среди нас есть брат... — Телин бросил взгляд на мага Кори, — который может говорить с ней, как никто другой.

Кори рассмеялся и занял свое место.

— Ты меня забавляешь, Телин. Я ценю твою веру в мой серебряный язык, но Эолин так же упряма, как и сама Эйтна. У нее никогда не было терпения к моей мудрости.

— Она научится терпению, — сказал Телин, — если мы сделаем ее королевой.

Кори выдержал взгляд Телина. За всем этим его мучил глубокий дискомфорт, безымянное предчувствие, которое изо всех сил пыталось подняться над их разговорами о влиянии, интригах и неопределенном будущем магии.

«Она закончит свою жизнь, как моя кухня Бриана. Заперта в Восточной башне. Убитая одной из своих».

Он отбросил эту мысль, проглотил горечь на языке.

— Надеюсь, ты прав, старый друг, — сказал Кори. — Надеюсь, вы оба правы.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Воссоединенные

Послеполуденное солнце проникало в окна Восточной башни, освещая покои Эолин бордовыми и золотыми лентами. Эолин поймала лучи пальцами и показала Гемене, как сплести их в бабочек света. Девочка легко выучила игру, и они вместе танцевали в облаке порхающих искр, пока страж не прервал их смех, чтобы объявить о прибытии Мариэль и Бортена.

Мариэль бросилась в объятия наставницы, проливая слезы радости, в то время как Эолин целовала ее лицо и благодарила богов. Гемена взвизгнула, когда Бортен высоко поднял ее, закружил девочку и поймал в медвежьи объятия.

Когда он поставил Гемену на землю и повернулся к Эолин, в его голубых глазах светилась знакомая доброта. Эолин неловко переминалась с ноги на ногу, смущенная тем, что не знала, что сказать и даже с чего начать, учитывая все, что произошло. Бортен взял ее руку и коснулся ею своего лба.

— Мага Эолин, — сказал он.

— Сэр Бортен, — формальность казалась логичной, но все же неуместной. Эолин вспомнила желание его прикосновения, жар его поцелуя и горе их разлуки. Теперь все это казалось странным сном, эфемерным мгновением, ускользнувшим вместе с тенями ночи. — Как хорошо, что я снова вижу вас.

— Мы все слышали о битве! — воскликнула Мариэль. Летнее солнце так окрасило ее лицо, что ее зеленые глаза выглядели еще очаровательнее, чем когда-либо. Она обвила рукой талию Эолин. — Все говорили об этом по дороге из Моэна сюда. Это правда, что они говорят, Мага Эолин? Что ты убила принца Мехнеса и выиграла битву в одиночку?

Эолин рассмеялась.

— Нет, Мариэль. Истории преувеличивают. Мы все вместе победили Сырнте: Король-Маг и его армия, люди, которые защищали меня. Даже старый Церемонд помогал из могилы. Без его посоха я, возможно, никогда бы не...

— Ты не должна преуменьшать свои достижения, Эолин, — тихо сказал Бортен. — Без твоей магии это королевство было бы потеряно.

Эолин моргнула и отвела взгляд. Образы мира, который они когда-то знали, наполнили ее сердце: Экелар и его благоухающий сад, ее маленькая библиотека и скромные конюшни. Весна в Южном лесу, Летнее солнцестояние в городе Моэн. Вся эта радость и дружба разрушились за несколько недель.

— Моей магии не хватило, — ее голос дрогнул.

— Сэр Бортен учит меня владеть мечом, — объявила Мариэль.

— Да? — Эолин приподняла бровь.

— Я уже так многому научилась. Я хочу показать тебе, Мага Эолин, и тогда мы сможем попрактиковаться вместе.

— Она хорошо учится, — сказал Бортен. — Надеюсь, вы не возражаете.

— Возражаю? — ответила Эолин. — Нет, конечно, нет. Это король может возразить. Он разрешил мне использовать Кел'Бару, но указ, запрещающий магам владеть оружием, все еще в силе. Однако я поговорю с ним. Я хочу, чтобы у Мариэль были эти навыки, и у Гемены тоже. Всем моим ученицам, которые хотят того, должна быть предоставлена привилегия изучать оружие.

Гемена радостно захлопала в ладоши.

— Мы начнем заново, да? Мы вчетвером пойдем домой вместе, и мы найдем еще сестер, и у всех будут посохи и мечи!

Ее заявление было встречено неловким молчанием.

Эолин привлекла девочку ближе.

— Возможно, Гемена, со временем. Так много еще предстоит решить.

— У Моэна впереди трудные месяцы, — сказала Мариэль. — Никто не знает, откуда возьмется еда. Сырнте не оставил многого после себя.

— У нас сердечный народ, — ответил Бортен. — Они привыкли к трудностям, и еще есть время для второго урожая. Мы переживем зиму и отстроимся весной.

— Значит, вы скоро вернетесь? — спросила Эолин.

— Я подал прошение о передаче Моэна в управление, — сказал Бортен. — Семья Феродена была уничтожена, за исключением юного Маркла, которого я надеюсь взять под свою опеку. Остальная часть нашей знати в упадке. У жителей Моэна нет никого, кто мог бы их вести — никого, кто способен их вести — в такие времена.

— Вы были бы самым достойным выбором, — сказала Эолин, хотя признавать это ей было грустно. Без Бортена у нее было бы мало друзей в Городе и никого, кому она могла бы полностью доверять.

— Спасибо, Мага Эолин, — Бортен кашлянул, нахмурившись. — Ваше возвращение в высокогорье было бы очень кстати. С вашей силой исцелять и вести, давать людям надежду...

Появился страж, объявивший о прибытии Телина. Верховный Маг ворвался в комнату, одетый во все регалии своего положения, с посохом из полированного вишневого дерева в руке.

В животе у Эолин образовался комок, но она приветствовала члена Совета милостивой улыбкой и представила его своим спутникам. Телин взял ее руку и поклонился, поднеся пальцы ко лбу.

— Готово, — сказал он. — Тэсара больше не королева Мойсехена.

— Ясно, — Эолин не знала, как еще ответить. Тяжелый груз молчания Бортена лег на ее плечи.

— Как это может быть? — спросила Мариэль. — Наша королева больше не королева?

— Король сделал так, и его решение получило одобрение Совета, — ответил Телин. —

Он просит вас немедленно увидеться, Мага Эолин. Для меня честь проводить тебя к нему.

— Зачем? — спросила Гемена.

Телин приподнял бровь, в его темных глазах отражалось веселье.

— Мы не ставим под сомнение волю короля, юная Гемена, но, если хочешь знать, он готов предложить Маге Эолин высшую честь, какую только можно себе представить для женщины Мойсехена. Я предлагаю не заставлять его ждать.

— Но, Мага Эолин, — сказала Мариэль, — я думала, вы с сэром Бортемом...

— Мариэль, — упрек Бортена был тихим, но твердым.

Мариэль прикусила губу и в замешательстве уставилась в пол.

Гемена заняла позицию между Эолин и Верховным магом Телином.

— Я думаю, вам следует уйти, — сказала она. — Я думаю, вам следует уйти прямо сейчас и больше никогда не возвращаться!

— Гемена, пожалуйста, — Эолин отвела девочку в сторону. Решение пришло быстро, быстрее, чем она когда-либо думала. И объявить придется в этот момент, когда ей только вернули то немногое, что осталось от ее семьи. — Верховный маг Телин, вы должны быть терпеливы с нами. Хотя эта новость не совсем неожиданная, она... тревожная. Мне нужно время с моими ученицами. Вы можете подождать в прихожей. Я скоро буду с вами.

Взгляд Телина метнулся к Бортену, а затем к Эолин. Он коротко поклонился и вышел из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

— Мы должны бежать, — сказала Гемена, — пока Король-Маг не произнес свое последнее заклинание и не сделал тебя своей работой навеки. Мы можем спрятаться в Южном лесу, а Бортен сможет нас защитить. Там нас никто не найдет.

Эолин мягко улыбнулась ей, опечаленная направлением, которое приняло воображение девочки.

— Гемена, ты же знаешь, что любовных заклинаний не существует, по крайней мере, в традициях Мойсехена.

— Этот мужчина не является частью наших традиций.

— Короли-маги — это новая традиция, — ответила Эолин, — разрешенная богами на протяжении двух поколений.

— Значит, ты не вернешься в Моэн? — спросила Мариэль. — Теперь ты собираешься остаться здесь? Навсегда?

— Ты не можешь сказать ему «да»! — лицо Гемены было красным от ярости.

— Это решение Маги Эолин, а не ваше, — резко сказал Бортен.

Гемена посмотрела на него так, словно он ударил ее по лицу.

— Но она...

— Ты сказала достаточно, Гемена. Мага Эолин понимает ваши опасения, и верховный маг Телин прав. Неразумно заставлять нашего короля ждать, — Бортен смотрел на Эолин, выражение его лица было смесью решимости и покорности. Он выдавил горькую улыбку. — Кажется, боги снова собрали нас вместе с простой целью закончить то, что мы уже закончили.

— Бортен, я...

— Нет, — он поднял руку, чтобы остановить ее. — Без слов. Иди, Эолин. Иди навстречу своей судьбе.

Она колебалась, зная, что если она отвернется от них сейчас, вся надежда на восстановление мира, который они когда-то знали, будет потеряна.

— Гемена, — начала Эолин, но девочка развернулась и подошла к одному из широких окон, выходящих на юг. Там она сжалась на стуле, притянула колени к груди и безмолвно уставилась на пейзаж за окном.

Сжав губы в тонкую линию, Бортен подошел, чтобы утешить ее.

Эолин привлекла к себе свою старшую ученицу и заговорила нежным тоном.

— Мариэль, ты должна понять. Свернуть с этого пути было бы предательством собственной судьбы.

— Твоя судьба — покинуть нас? — глаза Мариэль были влажными, а губы дрожали.

«Я не брошу вас. Я хочу, чтобы ты и Гемена остались со мной, завершили учебу и попросили о посохе. Если Боги исполнят твою просьбу, я научу тебя путям Высшей Магии, как в Моэне. Мы можем основать новый шабаш здесь, в стенах этого города.

— Это будет не то же самое.

— Ничто уже не будет прежним. Война позаботилась об этом.

— Не говори так, — прошептала Мариэль, по ее щекам текли слезы. — Мы так далеко зашли. Я думала, как только мы снова будем вместе, мы пойдем домой...

Эолин заключила ее в крепкие объятия, сердце разрывалось под тяжестью собственных сомнений.

— Мы снова вместе, — она взяла лицо Мариэль в руки и поцеловала ее в лоб. — И это место может быть твоим новым домом. Это будет твой выбор, Мариэль, остаться со мной или уйти. Но если ты останешься, клянусь Богами Дракона, я научу тебя всему, что знаю. Ты будешь магой в традициях Эйтны и Карадока, и на этот раз ничто не разлучит нас.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Основание

Телин провел Эолин по извилистым коридорам и внутренним дворикам. Они вышли вдоль северной стороны стены замка и остановились перед простой деревянной дверью.

Эолин вдохнула от удивления.

— Но это...

— ... вход в Основание Вортингена, да.

— Я думала, женщинам вход воспрещен.

— Дозволено всем, если того пожелает король. Во времена Уриэна маги часто приезжали в это место, чтобы отпраздновать Высокие Праздники. Все это, конечно, закончилось с правлением Кедехена, но Бриана была доставлена сюда, чтобы завершить союз между Домом Вортинген и кланом Восточной Селен. Однако король Акмаэль до сегодняшнего дня не даровал этой привилегии ни одной женщине.

Телин дал сигнал стражам отступить на небольшое расстояние. Он вызвал звуковую защиту и продолжил тихим голосом:

— Прости мою дерзость, Мага Эолин, но ты должна понять, что мы находимся в тяжелом моменте. Решение короля, хотя и не беспрецедентное, было трудным и неприемлемым для многих, хотя теперь ему должны подчиняться все. Твоя роль в этом деле не так уж незначительна...

— Моя роль? Меня даже не спросили...

— Спросят. Сейчас. Я вынужден предупредить тебя, что любой ответ, кроме того, который удовлетворит короля, не может быть рассмотрен. Я говорю это для твоего блага и

для блага всего нашего народа.

Эолин уставилась на него, в ее венах росло негодование.

— Уверяю, маг Телин, я вполне способна принимать собственные решения.

— Тогда, я надеюсь, ты станешь мудрой, — Телин открыл дверь и отошел. — Ты должна войти в одиночку. Я не могу следовать.

Эолин скользнула в темный коридор, на ходу проводя пальцами по грубо обтесанной стене. Мощные потоки магии пульсировали внутри скалы, вспыхивая от ее прикосновения. Она чувствовала, как дух Дракона все еще извергает огонь в сердце горы Вортингена.

Проход выходил на широкий, поросший травой холм. По краям утеса стояли разбросанные деревья. В центре круг бледных монолитов тянулся к небу, где облака начинали гореть ярко-розовыми оттенками заката.

Акмаэль стоял среди длинных теней, созерцая низкий выступ гранита. Язык серебряного пламени лениво скользнул по его ладони. Он поднял взгляд, когда она подошла.

— Эолин, — сказал он. — Наконец-то.

Смиренная величием этого места, Эолин остановилась за пределами круга.

— Проход, — Акмаэль протянул руку. — Я хочу показать тебе все.

Эолин сняла туфли, и они вместе пошли вдоль края утеса, трава была прохладной под ее ногами. Пейзаж был освещен медными тенями позднего вечера. На востоке холмы вели к темным лесам Селен. На западе за полями и пастбищами лежали далекие пустоши Фэрнворна. На севере Эолин могла разглядеть стоическое серое лицо восточного Сурмаэга.

— Говорят, что когда Дракон впервые появился в Вортингене, он прилетел с севера и приземлился здесь, — Акмаэль указал на безымянное место, оставленное для кольца ароматной пурпурной этны. — Вортинген только победил Людей Грома, и о его свирепости в бою ходили легенды. Ничто не могло остановить его клинок или вселить страх в его сердце. Но когда ветер с крыльев Дракона повалил деревья, когда гора загрохотала под ногами Дракона, когда огненное дыхание Дракона разорвало ночь, Вождь Воинов пал ниц и заплакал.

В темных глазах Акмаэля заплясало пламя. Каждый жест был наполнен волнением. Эолин вспомнила мальчика-принца, которого она впервые встретила в Южном лесу.

— Дракон направил свое палящее дыхание на лицо горы, и когда земля сторела дотла, Вортинген увидел эту гранитную плиту, — Акмаэль повел ее обратно к монолитам. — Таким образом, Дракон открыл Вортингену все земли, которые перейдут под наше управление: Мойсехен, Моэн, Селен и Селкинсен. Когда королевство было объединено наследниками Вортингена, из каждой из четырех провинций были привезены монолиты, чтобы завершить этот круг и следить за территориями, отданными последователям Карадока и Эйтны.

Акмаэль остановился. Он нахмурился.

— Возможно, мы не всегда выполняли свой долг так, как предвидели Боги, но поддерживать мир среди людей, столь склонных к войне, — трудная задача. Я был обременен наследием моего отца и временами не знал, что делать дальше... Эолин, — он взял ее руку и всмотрелся в ее лицо. — Ты так и не сказала мне, в какой форме предстал перед тобой Дракон, когда ты просила свой посох.

Дыхание Эолин участилось. Она не ожидала этого вопроса и колебалась, привыкшая хранить тайну глубоко в своем сердце.

— Ты тоже никогда не говорил мне о своем.

Акмаэль рассмеялся.

— Я был готов сделать это, Мага Эолин. Я ничего не хотел больше, чем похвастаться всеми своими видениями, но, насколько я помню, это был день, когда ты вышвырнула меня из Южного леса и сказала, чтобы я никогда не возвращался.

— Я не делала такого. Ты знал, о чем просила меня Дуайен Гемена. Я сказала тебе, что ты сможешь вернуться, когда я закончу обучение Высшей Магии.

— И как долго это длилось? Пять лет? Шесть? Вечность для юного принца, — веселье исчезло из его глаз. — Дважды боги просили меня дождаться тебя, и дважды я потерпел неудачу. Их терпение, должно быть, безмерно, раз они снова вернули нас к этому моменту.

Он взял Эолин за руку и притянул ее к себе.

— Расскажи мне свою историю, Эолин. Я очень хочу ее услышать.

Слова казались странными на ее языке. Она никогда никому не говорила об этом. До сих пор это было бы слишком опасно.

— Я ожидала тихого существа. Может, куницу или мышь.

— Я надеялся на медведя, — сказал он.

— Я провела ночь в логове Рыси. Когда рассвело, я обыскала каждую скалу и расщелину вдоль хребта, но ничего не нашла. Даже муравья или паука. Я никогда не видела этого места таким безжизненным, и мое предвкушение сменилось отчаянием.

— То же самое случилось и со мной, — Акмаэль кивнул. — Я был глубоко обеспокоен. А если Боги отвергнут мою просьбу? Как я мог надеяться носить корону моего отца, если я не владею магией?

Эолин судорожно вдохнула.

— Тогда я увидела ее, как драгоценный камень, плывущий над туманом.

— Его тень прошла надо мной, и я понял.

Эолин вгляделась в его лицо, удивленная.

— Почему мы не говорили об этом раньше? — прошептала она.

Он поднес ее пальцы к своим губам.

— Расскажи мне больше.

Они говорили вместе, фразы переплетались, пока их воспоминания не слились в единую песню, общий сон, воззвание к богам:

Ее чешуя сияла, как хрусталь,

Его была обсидианом с оттенком розы,

Отражая все цвета рассвета,

Будто выкованная из сердца земли.

Она сломала меч, который ты мне дал

Он потребовал прядь твоих волос

И поместил осколок в сердце моего посоха

И сплел шелковистые нити через его хрустальную головку

Потому что в каждом сердце должна быть стальная нить

Потому что корни силы находятся в любви

С самого начала она сказала

В конце он сказал мне

Что новая эра начнется с этого путешествия

Что моя магия была бы неполной без одного из нас.

Туман застилал зрение Эолин.

Акмаэль заключил ее в свои объятия, и она положила голову ему на грудь, прислушиваясь к ровному ритму его сердца. На темнеющем небосводе начали мерцать звезды.

— Все, что я когда-то называл своим, я отдаю тебе, — голос Акмаэля был хриплым, подчиненным. — Мое сердце, моя магия, эта крепость, наш народ. Боги, возможно, и назначили меня управляющим Мойсехена, но ты, дорогая Эолин, управляешь всеми нами.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Дар

Стражи сопроводили Кори в покои королевы, гавань света и цвета, где живые растения занимали каждую доступную полку и стол.

Эолин сидела с дамой, назначенной ей служить, темноволосой красавицей, в которой Кори узнал одну из многочисленных племянниц Херенсена. Свет из окон окрашивал женщин в золотой блеск, они изучали тяжелый фолиант, лежавший у них на коленях. Рядом с ними беспокойно стояла Гемена.

Эолин встала, чтобы встретить его.

— Маг Кори. Как приятно тебя видеть.

— Спасибо, моя Королева, — Кори низко поклонился, коснувшись пальцами своего лба. Он бы предпочел спонтанное объятие, которое они разделили в Римсавене, но такие демонстрации были уже нецелесообразны. Он повернулся, чтобы признать остальных. — Леди Винелия, Мага Гемена.

Прелестная племянница Херенсена ответила элегантным реверансом, но Гемена отказалась признать его присутствие.

Кори проигнорировал это пренебрежение.

— Я принес кое-что для вас, моя Королева, — сказал он, указывая на предмет, покрытый голубым шелком, который слуга поставил на соседний стол. — Что-то вроде свадебного подарка, но я бы сначала...

Кори запнулся и отвернулся.

Эолин нахмурилась из-за его колебаний. Затем ее выражение наполнилось пониманием.

— Вы бы поговорили со мной наедине. Конечно. Элия, пожалуйста, отведи Гемену во двор. У Мариэль уроки у сэра Бортена в этот час. Возможно, Гемена сможет присоединиться к ним. Сообщите слугам, чтобы меня не беспокоили.

Леди Винелия и Гемена ушли, последняя пронзила Кори зловещим взглядом.

Эолин указала на книгу, которую она читала с Винелией, сборник сигиллов Мойсехена.

— Я должна преподавать магию, а не изучать политику.

— Очень скоро у тебя будет свой шабаш, в безопасности в этом Городе, — сказал Кори. — Никто не сожжет твоего Экелара и не рассеет твоих сестер снова.

— В некоторых отношениях это будет более безопасно; в других — даже опасно.

Аура Эолин восстановила свою силу. Тень Преисподней сменилась тонкими серебряными нитями, что подтверждало новости, которыми поделились Цетобар и Резлин, а также слухи, которые теперь безудержно распространялись по городу.

Кори взял украшение с соседнего стола под предлогом изучения его изящного искусства.

— Я ожидал, что сэр Бортен уже уехал в Моэн. В последний раз, когда я говорил с ним, он хотел помочь своему народу.

— Король поддерживает петицию сэра Бортена, но не хочет его отпускать. Акмаэлю

нужны только лучшие люди, назначенные в мою стражу, а немногим он может доверять так, как Бортену.

Кори приподнял бровь. Вызвав звуковую защиту, он приблизился и понизил голос.

— Для тебя будет лучше, если Бортен уйдет.

— Ради богов, Кори! Я не такая дура. Я знаю, что ожидается от королевы. В этом отношении сэръ Бортен не представляет угрозы. Кроме того, чем дольше он медлит, тем больше возможностей у девочек...

— Остаться с тобой? Такого тоже не может быть. Ты должна отослать Мариэль и Гемену прочь.

— Ты с ума сошел?

— Мариэль была свидетельницей вашего романа.

— Как и ты.

— Да, но я умею держать язык за зубами.

— Да? — она пронзила его острым взглядом. — По моему опыту, маг Кори, ты всегда говоришь то, что тебе нужно в тот момент, когда это тебе лучше всего подходит.

— Я не могу ставить под сомнение отцовство вашего ребенка.

— Откуда ты знаешь, что я...? — она отмахнулась от своего удивления. — Можешь развеять свои страхи, маг Кори. У нас с сэром Бортенем не было возможности выразить нашу привязанность из-за твоего несвоевременного появления.

— Моего своевременного появления, вы имеете в виду. Ты должна быть благодарна мне за это.

Эолин пожала плечами, на ее лице явно отразилось раздражение.

— Я думала, ты пришел сюда сегодня, чтобы раскрыть судьбу Адианы. Если твоя единственная цель — следить за моей дружбой с сэром Бортенем, то уверяю тебя, в этом нет необходимости. Ты можешь идти.

Получив упрек, Кори решил оставить дело в покое. На время. Он кашлянул.

— Конечно, моя Королева. Мои извинения. У меня есть кое-что, что я хотел бы вам показать.

Он отступил к столу, где слуга оставил его сверток, и снял шелковую ткань, открыв большую позолоченную клетку. Внутри порхал кремовый воробей с темными крыльями и бордовой полосой над глазами. На ее груди была золотая отметина, словно капля чистого солнечного света.

— Это тенолинский воробей, — сказал Кори. — Это птица особого значения для меня, одна из очень немногих разновидностей, у которых поет еще и самка. Летом они гнездятся в лесах Восточной Селен.

Эолин подошла и положила пальцы на клетку.

— Она прекрасна, маг Кори, но ты выбрал странный подарок. Зверь дикой природы не должен быть в клетке. Я обязана, как мага, освободить его.

— Я на это надеюсь, но сезон размножения уже далеко зашел. Если мы отпустим ее сейчас, у нее не останется пары или семьи, некому будет показать ей путь на юг осенью. Мы должны сохранить ей жизнь зимой и освободить весной. Я подумал, учитывая твой дар обращаться с животными, я мог бы попросить тебя присматривать за ней, пока не растает снег.

— Конечно, я была бы очень рад помочь. Но как ты нашел ее так далеко на западе?

Сердце Кори сжалось.

— Я не нашел ее, моя Королева. Я сделал ее.

Краска отлила от лица Эолин. Она прикрыла рот рукой и, спотыкаясь, отшатнулась, сбивая с ног маленький столик, и его хрустальные украшения рухнули на пол.

— Это Адиана?

— Была, — Кори нахмурился, не в силах встретиться с ней взглядом. — В каком-то смысле есть. Наверное.

— Зачем ты это сделал? — ее голос дрожал, как листья на осеннем ветру. — Развеял дух Адианы по ветру?

— Другого пути не было. Я должен был преобразовать ее, иначе она была бы разорвана демонами. Я думал... — Кори покачал головой.

«Я считал себя могущественным без повода».

Его проклятая гордость. Проклятая цена, которую она заплатит за это.

— Я думал, учитывая время, которое Адиана провела с тобой, она будет более подготовлена.

— Она не была магой! Музыка была ее магией. Музыка и дружба.

— Я знаю. Но у нее была сила, стойкость, которую редко встретишь. Я никак не ожидал, что ее дух так быстро ускользнет от меня. Я пытался вернуть ее, Эолин. Я использовал все заклинания, которые были в моем распоряжении, но это было бесполезно. Будто... — Кори остановился. Будто Адиана не хотела возвращаться, но он не сказал об этом Эолин.

— Она была моей настоящей сестрой, подругой в магии, и теперь я никогда больше не буду с ней. Ни здесь, ни в загробной жизни, — Эолин рухнула на пол, сгорбившись в поражении. — Я должна была вернуться.

— Ты ничего не могла сделать.

— Я бросила ее. Я бросила их всех. Посмотри, как они пострадали, какой она стала из-за меня.

Кори опустил на колени рядом с ней.

— Это была не твоя вина. Ты бы тоже погибла, или того хуже, если бы попыталась преследовать их. Твоя жертва — их жертва — спасла всех нас.

— Нет! — ее слова смешивались между гневом и горем. — Ты ошибаешься, Кори! Я потерпела неудачу. Как Бриана подвела свой клан, так и Рената подвела своих сестер. И теперь их наказание будет моим. Я одна. Всегда в конце в одиночестве.

Она закрыла лицо трясущимися руками и начала плакать.

— Эолин, — Кори обнял ее, не зная, слышит ли она его в этом колодце страданий. — Ты не одинока. С того момента, как ты впервые ступила в мою палатку, ты никогда не была одна. И я клянусь тебе, дорогая мага, пока в моих венах течет кровь Восточной Селен, ты никогда больше не будешь одна.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Хор рассвета

Эолин не возвращалась в Восточную Селен со дня восстания ее брата. Она хорошо помнила холмистый ландшафт и медленный подъем в дальние уголки провинции, где Клан Востока процветал на протяжении поколений, пока Война Маг не завершилась их уничтожением. Деревья шептали потерянными голосами; ветер пряд древние чары над холмами, раскрашенными первыми весенними красками.

По мере приближения к поместью Кори открытые пастбища сменились густыми

лесами. Эолин приветствовала тень возвышающихся елей, сладкий аромат, исходивший от их лошадей, наступающих на влажный ковер из опавших иголок.

Давным-давно она гуляла по этим лесам с Адианой; танцевала и пела с ней на фестивалях Зимнего Солнцестояния и Эостара. Это были времена парализующего страха и постоянного сокрытия, но, вспоминая, Эолин могла видеть только свет и смех своей ближайшей подруги.

Поместье Кори выглядело точно так же, как она помнила, — беспорядочное полукруглое сооружение с толстыми деревянными опорами и соломенными крышами. В центре стояла древняя ель, посаженная первыми магами, заселившими этот район.

Эолин выделили просторные покои, соответствующие ее статусу. Их она разделила со своим новорожденным сыном Эоганом, Мариэль, Геменой и принцессой Элиасарой.

На следующее утро после прибытия маг Кори, Эолин и девочки вместе покинули поместье пешком, привязав к спине Кори клетку с Адианой. Солнце еще не поднялось над деревьями, когда они достигли лесного луга. Кори расстелил свой плащ на ароматной траве и помог Эолин устроиться с принцем.

Девочки побежали за грибами и зимними ягодами. Юная Элиасара ковыляла за ними, ее агуканье и смех свободно парили над высокой травой. Услышав детский смех, Эолин ощутила тепло сердце, потому что в целом она была очень серьезной девочкой.

— Я не понимаю, почему Акмаэль оставил принцессу с нами, — сказала она Кори. — Он проявляет к ней так мало привязанности. Меня это огорчает.

Огорчение Тэсары, когда она узнала, что ее дочери не разрешат покинуть Мойсехен, было ужасным зрелищем. Она бросилась к ногам Акмаэля и умоляла его передумать, но ее мольбы не были услышаны.

— Решение короля было принято не из отцовской любви, — Кори начал привязывать клетку к низко висящей ветке куском бечевки. — Элиасара — заложница интересов семьи своей матери. Акмаэль поступает мудро, что не привязывается к ней, как поступила бы ты.

— Что ты имеешь в виду?

— Я о том, Мага Эолин, что единственный недостаток владения картой заключается в том, что однажды тебя могут заставить ее разыграть. Это то, что тебе следует помнить, теперь, когда ты стала королевой.

— Ты предполагаешь, что Акмаэль будет использовать собственную дочь в качестве пешки?

— Акмаэль, возможно, нет, — Кори затянул узел и проверил, выдержит ли он вес клетки. — Но Король-Маг сделает все необходимое, чтобы помешать Рёнфину поднять против нас армию.

Кори снял ткань, закрывавшую клетку. Адиана вздрогнула и замерла, с любопытством вглядываясь в окружающее.

— Это их последняя возможность попрощаться, — Кори кивнул в сторону пути, по которому пошли девочки. — Ты уверена, что не хочешь сказать Мариэль и Гемене правду?

Эолин покачала головой.

— Так лучше; им лучше поверить, что они увидят ее в загробной жизни.

Принц Эоган начал суетиться, а Эолин расстегнула лиф, баюкая ребенка и предложив свою грудь, чтобы покормить его.

— Знаешь, это скандальное поведение, — сказал Кори. — Тебе никто не говорил, что тебе нужна кормилица?

— У меня и так достаточно глупых правил, чтобы их соблюдать, — возразила Эолин. — Это слишком нелепо, чтобы его не нарушить.

— Ты права, — Кори сел на ближайшее бревно и оглядел луг. Лес был спокоен, наполнен нежным хором рассвета, характерным для этих северных холмов.

— Что же нам теперь делать? — спросила Эолин.

Маг выдохнул и пожал плечами.

— Ждать.

Солнце медленно поднималось из-за туманных деревьев.

Шмели летали над полем.

Эолин и Кори разговорились, с нежностью вспоминая дни Круга, жизнерадостный характер и чарующую музыку их подруги из Селкинсена.

Маленький Эоган пососал грудь, задремал и снова пососал грудь. Он был сильным мальчиком, здоровым, и сердце Эолин наполнялось благодарностью каждый раз, когда она видела его. Он унаследовал темные волосы своего отца, но его глаза, серо-голубые, еще не приобрели свой цвет. Эолин задавалась вопросом, будут ли они серебристо-зелеными, как у его бабушки, или темными, как у его отца.

Через неравные промежутки времени появлялись девочки и бросали сокровища леса на колени Эолин. Она и Кори интерпретировали каждый объект в соответствии со своими знаниями и опытом: перо карликовой совы может защитить от голода Потерянных Душ; осколок стекловидного камня мог растворить неправильно сотворенное заклинание; росу, собранную с паутины этого паука, можно было использовать при заболеваниях глаз. Список продолжался и продолжался, и Эолин многому научилась у Кори, который знал эти северные леса гораздо лучше, чем она.

Когда Мариэль появилась одна с венком пурпурного этнэ, настроение Эолин омрачилось. Девушка протянула цветы Магу Кори и сказала:

— Я сделала это для тебя. Если тебе нравится. Это подарок от меня и от леса.

Кори взял ароматные цветы и посмотрел на нее добрым взглядом.

— Мне очень приятно, Мариэль. Спасибо.

Мариэль коротко рассмеялась и убежала, оставив Кори страдать под испепеляющим взглядом Эолин.

— Что? — сказал он. — Это всего лишь цветы.

— Не притворяйся невиновным, Кори. Ты прекрасно знаешь, что это значит. Бел-Этне на носу, и Мариэль положила на тебя глаз. С тех пор, как она вернулась из Моэна.

— Это ее решение. Кто я такой, чтобы отказываться, если она выберет меня?

— Я не позволю тебе шутить по этому поводу.

— Я не в шутку. Мариэль достаточно взрослая, чтобы стать женщиной в магии. Это ее год, чтобы просить о посохе и участвовать по желанию в первых обрядах Бел'Этне. Этого у нее не отнять.

— Я не собираюсь. Но ты... — Эолин запнулась из-за неожиданной путаницы своих мыслей.

— Что я? — резко спросил Кори.

— Я не знаю! Как-то это неправильно.

— Лучше маг — нет, лучше *этот* маг, которому можно доверять, — чем дурочка, не надеющаяся понять, насколько священным и важным это будет для нее.

Эолин застонала.

— Я хочу лучшего для нее, Кори. Я только прошу тебя принять во внимание...

Адиана поразила их обоих, разразившись песней, длинной сладкой трелью, за которой последовала серия коротких пульсирующих нот.

Кори поднял руку, призывая к тишине.

Эолин помрачнела от его предположения, что ей нужен сигнал.

С края луга донесся ответ самца, высокий ритм, словно вызывая вызов, а затем плавный стакато.

— Вот он, — прошептал Кори.

Эолин уловила шелест листьев, а затем вспышку цвета между кустами. В горле застрял ком. Она встала и доверила Кори своего спящего ребенка.

Адиана беспокойно порхала внутри клетки, возвышая голос в прекрасной песне каждый раз, когда останавливалась на насесте. Пальцы Эолин задержались на защелке. Отчаяние закралось в ее душу.

— Ах-ха! Смотри, Эолин, — маг Кори говорил как гордый отец в день свадьбы своей дочери. — А вот и красавчик.

Самец присел на соседнее дерево. Он внимательно наблюдал за Эолин и ее пленницей. Его цвет был похож на Адиану, за исключением рыжей кепки, закрывавшей его черные глаза.

Эолин отперла засов и залезла внутрь клетки, поймала воробья нежной рукой. Поддерживая лапки птицы между пальцами, она погладила ее мягкие перья. Адиана дрожала в ее объятиях.

— Это не та свадьба, которую я представляла для тебя, подруга, — пробормотала Эолин. По правде говоря, она не думала о свадьбе Адианы, но только боги знали, что могло бы случиться, если бы их шабашу позволили остаться в высокогорьях Моэна.

Возможно, Адиана нашла бы хорошего мужчину, кого-то, кто умерил бы ее цинизм и лелеял бы ее сердце. Они с Адианой могли бы растить своих детей вместе, путешествуя каждую весну, чтобы насладиться испещренной солнцем тенью Южного леса.

— У нас была хрупкая мечта, да?

Воробей зачирикал и захлопал крыльями.

— Но мы жили своей мечтой. Несколько коротких лет Боги были щедры к тебе и ко мне. Теперь они действуют по иным прихотям, и у нас нет другого выбора, кроме как поблагодарить их за то, что у нас было, и продолжить свой путь.

— Эолин, — тон Кори был мягким. Теперь он стоял рядом с ней, баюкая ребенка на одной руке, положил другую ладонь ей на плечо. — Поклонник Адианы становится нетерпеливым.

Эолин кивнула и прижалась губами к мягким перьям воробья.

— Тогда иди, подруга и сестра. Будь в мире. Будь свободна.

Эолин выпустила птицу.

Адиана перелетела на ближайшую ветку, устроилась и начала прихорашиваться.

Маг и мага отошли на приличное расстояние.

Эолин взяла Эогана, прижала его к своей груди, словно он был единственной нитью, которая могла провести ее через этот момент, когда горькие потери прошлого превратятся в неизведанный путь будущего.

Самец приземлился рядом с Адианой и начал ухаживания, сложный ритуал песни, перемежающийся короткими прыжками и трепетом крыльев. Адиане удалось полностью

проигнорировать его, предпочитая вместо этого тщательно ухаживать за своими перьями, глядя в любом направлении, кроме его.

Это поведение продолжалось, демонстрация самца становилась все более бешеной, а безразличие Адианы — все более решительным, пока Кори не всплеснул руками и не воскликнул:

— Посмотри, через что она заставляет его пройти! Как долго самец должен продолжать эту дурацкую песню и танцевать, прежде чем она обратит на него внимание?

Эолин улыбнулась.

— Недостаточно долго, маг Кори. Недостаточно долго.

Адиана прыгнула на новую ветку и склонила голову в сторону самца, будто ожидая, что он последует за ней. Он так и сделал. Наконец, она возвысила голос в песне. Он присоединился к ней, переплетая трели, пока их голоса не зазвучали как один, ноты, словно хрустальные колокольчики в утреннем воздухе, изысканная смесь радости и горя.

Девочки вернулись из леса и собрались вокруг Эолин и Кори, замороженные этим очаровательным зрелищем. Когда дуэт закончился, Адиана улетела быстро, как ветер, самец — позади нее. Их быстрое чириканье задержалось над лугом, пока они мчались к сердцу леса, желтые и алые искры исчезли среди теней гигантских елей.

Наступила тишина и пустота.

Эолин поцеловала ребенка в лоб, в глазах ее стояли слезы. Она поняла, что держит Кори за руку, и тихо отпустила его.

— Ты не говорила нам, что она может так петь, — сказала Гемена.

— Я не знала, — ответила Эолин. — Я никогда не слышала, как поет тенолинский воробей.

— Но он знал, — Гемена обвиняюще ткнула пальцем в Кори. — И ничего не сказал.

— А если бы я сказал, ты бы меня послушала? — возразил Кори.

Гемена угрюмо выпятила нижнюю губу.

Маг подобрал свой плащ и встряхнул его.

— Госпожа Тиана сказала мне, что сегодня на утреннюю трапезу будет сладкий хлеб. Кто помнит дорогу обратно в поместье?

— Я! — закричала Гемена и убежала.

Мариэль последовала за ней с мечом на бедре, принцесса Элиасара побежала за ними.

Только Эолин осталась прежней, Эоган крепко прижался к ее груди, не сводя глаз с пути, по которому следовала Адиана.

Кори подошел и накинул ей на плечи свой плащ.

— Ну что, моя Королева? В усадьбе нас ждет горячая трапеза с глинтвейном, а потом, я думаю, заслуженный отдых.

Эолин улыбнулась, благодарная за его товарищеские отношения, которые, несмотря на их многочисленные различия, не колебались после всех этих лет.

— Да, маг Кори, — сказала она. Завтра они отправятся в долгий путь обратно в Мойсехен, где ее ждет будущее в объятиях Короля-Мага. — Я готова.

Больше книг на сайте - Knigoed.net